

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Содержание

Проза

Василий КИЛЯКОВ Балагур. Повесть	8
Александр УНТИЛА Нога. Рассказ	33
Станислав ВТОРУШИН Женщина в чёрном. Рассказы	49
Альберт КАРЫШЕВ Змеиный взгляд Этюды	65

Поэзия

Марина СТРУКОВА Грозовая чаша	3
Борис ЛАПУЗИН Здесь Россия... ..	20
Андрей ШАЦКОВ Отразились звёзды в Иордане	23
Николай ЧЕРНОВ Нас воспитала правда улиц... ..	27
Карина СЕЙДАМЕТОВА Мы восстанем из пепла	30
Ирина СУРНИНА И стужею пахнут берёзы	44
Константин ОЖЕРЕЛЬЕВ Горит отечество... ..	47
Денис КОЗЛОВ Ещё один шаг на вершину жизни... ..	60
Григорий ГЛУШНЁВ Времени ход	63
Марина ШАМСУТДИНОВА Две тысячи семнадцатый	82
Александр КЛИМЕНКОВ Россия — моя колея... ..	85

Очерк и публицистика

Владимир ПОПОВ Моя Россия	107
Геннадий ЗЮГАНОВ Время требует новой политики ..	140
Михаил ДЕЛЯГИН Непубличный аспект кризиса демократии	151
Александр МАЛИНОВСКИЙ Один год из жизни директора	161

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Юрий ПАХОМОВ
Вьетнам: от Ханоя до Камрани .. 190

Станислав ХАТУНЦЕВ
Константин Леонтьев:
жизнь и судьба 204

Виталий НОВИК
Образ и личность Ломоносова 209

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий
отпрыск Аввакума...” 87

Евгений ГУСЛЯРОВ
Заказ Достоевского
и “фуриозная эманципантка” 223

Критика

Борис КУРКИН
Оперативное дело “Ревизорь” .. 241

Валерий ЧЕРКЕСОВ
“Поэзия моя проста,
как хлеб с водой...” 263

Сергей НЕБОЛЬСИН
Опасаясь русских вопросов 268

Михаил РЯБИЙ
Размышления над строчками
Сергея Козлова 277

Владимир БОНДАРЕНКО
Палёная литература
(Со вступительной статьёй
Ст. Куняева) 280

Письмо в номер

Максим ЕРШОВ
Письмо Редактору 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов
Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова
Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
Подписано в печать 01.11.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ №5068. Тираж 10500 экз.
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
E-mail: n-sovrem@yandex.ru
(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

МАРИНА СТРУКОВА

ГРОЗОВАЯ ЧАША

* * *

На кладбище героев и богов
великим завершение дорогам...
Оно в тумане между двух миров
мне потаённым кажется чертогом.

Здесь те, кто отдал жар своих сердец
борьбе духовной и грозе военной,
безвестный воин и святой мудрец,
и песни гордой витязь убиенный.

Здесь те, кто подлецу не уступил,
здесь те, кто речи не переиначил,
красиво умер, праведно почил,
и для Державы что-нибудь да значил.

И ты надейся не на нищий кров,
дух приучив к сраженьям и потерям, —
на дар земли, на свой подземный терем
на кладбище героев и богов.

СТРУКОВА Марина Васильевна родом из Тамбовской области. Окончила Высшие литературные курсы. Член Союза писателей России с 1996 года. В нашем журнале печатается с 1992 года. Живёт и работает в Москве.

И если правдой свято дорожил
и бился словом горестным и честным —
своей стране ты службу сослужил
и будешь вечно в воинстве небесном.

А за оградой твёрдых нет шагов,
а за оградой все вино распили,
а за оградой все мечты забыли,
а за оградой всех врагов простили.
Покоятся все лучшие России —
на кладбище героев и богов.

* * *

Песни по дням, как вода по корням.
Дух устремлён к высоте.
Можно молиться колёсам и пням,
пламени и пустоте.

И признавать, и отбрасывать власть
мифов, пьянящих в пути.
Но помогают лишь ярость и страсть
снова себя превзойти.

ДЕМОН

— Поклонись, чтобы приняли в стаю,
почему ты не слышишь меня?
— Но я тайну великую знаю:
ты меня сотворил из огня!
А потом были созданы эти,
нарекаясь рабами отцу,
и сгораю в немыслимом свете,
всех созданий ревнуя в Творцу.
Я не слеплен из мыслящей грязи,
не страшит стерегущая мгла,
отвернусь и уйду восвояси,
нет мирам и пространствам числа.
Я зажгу тебе войны и грозы,
в одиночестве вечном вина.
Прожигают Вселенную слёзы...
Ты меня сотворил из огня!

* * *

Ты ищешь правду?
Адовы круги
пройти придётся, мир вина порою,
друзья сдадут и не поймут враги.
Но это одиночество героя.

Под хор указов правды не найти,
ищи её вне стаи, стана, строя,
и даже согнуть на таком пути
считай за привилегию героя.

* * *

Как благо или Божий бич,
нам жизнь дана, чтоб смерть постичь,

Теперь ты знаешь, не узнав,
как долог рост высоких трав,
теперь ты знаешь, не узнав,
что значит — смертью смерть поправ.

И Вечность смотрит в гордый лик
за годом год, за мигом миг,
так над героями былин
склонялась, сжав в объятьях глин.

К твоим губам холодным льнёт
безвкусный мёд подземных вод.
Тяжёлый лёд в твоих кудрях,
дыханье — в небе, кровь — в морях.

Ресницы иней обметал,
застыли руки, как металл...
Так путь кончается любой,
на пир стремились или в бой.

Но если лучших помнит Русь,
на том со смертью примирюсь.

* * *

— Для России рожай! — назидают друзья.
— Для России рожай! — упрекают враги.
Мол, иначе спастись в лихолетье нельзя,
понаедут чужие — из дома беги.

Здесь давно все проблемы решают за счёт
женщин. Их отвечать за разлад приучив, —
наклепают ещё, коль Кремлю припечёт,
наплодят, словно кошки, мозги отключив.

В нищету, на войну, в лагеря, на правёж.
И потом, как запахивают урожай,
так детей в эту землю уложат за ложь.
А сейчас говорят: для России рожай!

* * *

Переполнен ульями заброшенный дом,
где прошло моё детство своим чередом.
Там рои от морозов хранят.

Запах мёда и небо за пыльным окном,
грезят в сотах личинки младенческим сном,
зреет в жалах целительный яд.

Засыпая, невнятные хоры поют.
прославляя простой насекомый уют,
ожидая весенних лучей.

...Обречённость и необратимость судеб
ощущаются чётче от мысленных скреп
с жалкой грудой чужих кирпичей.

* * *

Спим на ветхой медвежьей шкуре,
нам неведомо ремесло
очищающей землю бури
и зарницы, разящей зло.

В старой амфоре, как в темнице,
дожидаясь иного дня,
молодое вино томится
Слова, Музыки и Огня.

Чтоб эпоху пресечь большую,
где ничем не спаслась страна,
имя, веру и цель иную
наша Русь обрести должна.

Чтобы звучала победа наша,
возвышая и единая,
поднимай грозовую чашу
Слова, Музыки и Огня!

* * *

Мы пытаем судьбу, и пытается
нас на прочность загадочный Бог,
за кого он живущих считает,
повышая небесный порог?

От исканий, сомнений, метаний
не уйти с безмятежной душой,
но сложнее любых испытаний
испытание правдой чужой.

ТАДЖИКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Их всё больше в подвале высотного дома,
одинакова форма, похожие лица,
пробираются толпами через границу,
чтобы стать мастерами метёлки и лома.

Дьявол знает, что мутят в своём подземелье,
варят ханку, или укрывают шахидку,
или мирно на стенки облезлые плитку
клеят, дышат отбросами, пылью и прелью.

Оказалась столица резиновой всё же,
приняла, поглотила все орды и рати.
Так и платит собой толерантности ради,
у Москвы от славянства — ни рожки, ни кожи.

То заполняют проспекты, баранов кромсая,
то выходят с ножом на большую дорогу,

то мечеть им построй — негде плакаться Богу,
то тюрьму им открой — от закона спасая.

Все Советской империи блудные дети
набежали и требуют, просят заботы,
и в ответе русак за другие народы,
и никто никогда за него не в ответе.

* * *

Как друг на друга смотрят косо
народы Солнца и Луны
и евразийские вопросы
не разрешают без войны.

Зияй, придуманная бездна.
Бурли, пустая клевета.
До звёзд возгонит злобы тесто
гнилая мёртвая вода.

Остры клинки, камчи упруги,
арканы крепко сплетены.
И видят мерзкое друг в друге
народы Солнца и Луны.

Опустоши за Рода чашу
и сродников благослови.
...Но жгуче притяженье наше
к иному богу и любви.

Не громом мечным, звоном лирным,
но страстью к чуждому больны,
порой мы свяжем в мире мирном
народы Солнца и Луны.

ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ

БАЛАГУР

ПОВЕСТЬ

*С неба упало три яблока:
Одно — тому, кто сказки сказывал,
Другое — тому, кто сказки написал,
А третье — тому, кто прочитал.*

Тимофей Круглов женился рано.

Под стать себе облюбывал он в Рожнове скотницу Наташку — крепкую, разбитную, веселую. Молодожёны жили в новом брусковом доме, ходили на праздники под руку, — как сказали бы рожновские жители, “под крендель”.

Высокий, сухопарый, суетный Круглов от темна до темна стерег стадо, стрелял, как из ружья, конопляным кнутом с повивкой конского волоса.

За лето скотина выбивает выгоны. Осенью в поисках отавы Тимофей уходит далеко от села. Все ложбины, лесные куртинки пролезет, а овец на-кормит, напоит свежей водой.

Для Наташки осенняя пора — сущее наказание: чтобы отнести обед Тимофею, она долго ищет овечье стадо, бродит по оврагам и мелколесью в любую погоду.

— Тимоша! — кричит она, сложив ладони патрубком. — А-у!..

— Ого-го-о!.. — откликается Тимофей сильным простуженным голосом.

Чапыжник царапает руки, цепляется за одежду, а Наташка, аукая на ходу, спешит на голос.

КИЛЯКОВ Василий Васильевич родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе в г. Электросталь, служил в армии. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Печатался в журналах “Новый мир”, “Октябрь”, “Юность”, “Молодая гвардия” и других изданиях. Лауреат литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии “Традиция”. Член Союза писателей России. Живёт в г. Электросталь Московской области.

Круглов радуется приходу жены, светлеет лицом, веселее покрикивает на овец, собирает их на поляну. Преклонив колени, с трудом разводит костер, чтобы согреться, просушить портянки, пообедать в тепле. А рядом усаживается Наташка, ногами вперед. Вынимает из сумки хлеб, чугуничик наваристых щей и крупитчатую кашу, — все это она раскладывает на клеенке, не торопясь, основательно, как дома.

— Пожуй со мною, — просит ее Тимофей, не спуская добрых ласковых глаз. — Ух, и хороши щи! Прямо объеденье! Со свежей капустой!

— Кушай, ешь вдосталь, а мало будет — еще принесу...

Наташка подкладывает Тимофею хлеб, думает свое...

Сырой осенний ветер дует порывисто, треплет развешенные на рогатине портянки. Овцы, понутив головы, сбились в кучу. Небо грозит проливным дождем.

Наталья обирает листья, падающие с куста на клеенку; окидывает взглядом из-под руки бесприютные дали и прерывисто вздыхает.

— Бросил бы ты пастушить, Тимоша, — говорит она тихим, вкрадчивым голосом, — бросил бы. Ишь, как у тебя в коленках скрипит от простуды. И от голоса отстал, на овец орамши. Перебирайся на ферму. Истопником. И тепло, и крыша над головой, и...

Тимофей делает вид, будто не слышит жены. Сороки, качаясь на ветвях, трещат отсыревшими голосами. Круглов черпает из чугуна щи деревянной ложкой. С каким-то особенным наслаждением жует кашу.

Наевшись, он увязывает в белую тряпицу посуду, кости и крошки вываливает собакам.

— Никак это не выйдет, чтобы, к примеру, бросить, — нехотя говорит он. — Сердчишко прикипело к полям. Тут мне и воля, и доля. Пахом — я с ним еще подпаском начинал — так говаривал: на свободе-то хоть сам себе голову откуси — никто тебе слова не скажет.

— Пахом? Тот, что сказкам да байкам тебя выучил?

— Он. Эх, покойник и мастак был на сказки. Бывало, заведет, заведет — про все на свете забудешь.

— Да и ты горазд, — улыбается Наташка. — Навострился у него, навывк.

И, затянув потуже платок, Наташа просит сказочку. Круглов докуривает козью ножку. Затягивается глубоко, до дна легких. Начинает издали: “Жили-были дед да бабка, ели кашу с молоком”.

— Раз сидят они на лавочке, рядышком, как голубки, как вот мы с тобой — такие-то. Только старые оба, лет им под сто. Старуха вдруг возьми и запой...

Тут Тимофей меняет голос и поёт тоносенько, как могла бы петь только старуха:

— *Была б я лёгкой пташечкой,
Умела б я летать...*

— А старик был дошлый, сумрачный. Посмотрел на свою супружницу и тоже запел:

*Беззубая ты, старая...
Чем стала бы клевать?*

Рассказывал Тимофей всегда с самым серьёзным лицом, с тоном лёгкого недоумения в голосе. Ждал, когда Наташка отсмеётся. И лицо, и движения его — всё было вкус и мера. И, может быть, поэтому Наташка пуще прежнего заливалась колокольчиком, запрокидывала голову.

Присказки, байки, пословицы и канавушки как-то скрашивали неуютность серого дня с низкими, тяжёлыми облаками, с облетевшими, продуктами насквозь кустами и свалывшейся по низинам блеклой травой-отавой. Наговорившись вдосталь, с веселым сердцем и чувством облегчения Тимофей вскидывал кнут, сухо стрелял им, выгоняя овец на свежую поляну.

Наташка спешила на ферму, додумывая на ходу рассказанное мужем...

Так жили они в мире и согласии лет двадцать—двадцать пять. Души друг в друге не чаяли. Но вот как-то пришло из города письмо от дочери: что-то не ладилось у неё там. Прочитали и решили: надо ехать. И уехала Наталья в город. Тимофей остался один как перст — смотреть за скотиной, беречь дом. Да вот только задержалась что-то в городе Наташка. Все писала Тимофею длинные письма, обещала вот-вот вернуться, а не ехала. Затужил Круглов, загоревал по своей “сударушке”. Раз даже собрался вслед за женой. Сложил пожитки, крест-накрест заколотил окна... Да что-то раздумал. А может быть, новое письмо в прах разбило его намерение. А время шло...

Вот в такую-то плохую его пору я и застал пастуха, приехав однажды в Рожново. Было это ранней весной. Повстречались мы на задворках. Шёл он тихой походкой усталого, пожившего человека. Одет был домовито, чисто: на ногах крепкие яловые сапоги с ушками, на плечах — дублённый полушубок мехом внутрь; сам простоволос. Но как-то по-особенному смотрели теперь его глаза. Не грустно, нет, а как-то просто, мирно. И горькие морщины углубились у рта.

— На почту ходил? — спросил я.

— А то куда же! — с грустной готовностью ответил он и посмотрел пристально. — Ты чей же, не угадаю?

Я назвался.

— Без жены-то дом — сирота, — продолжал Тимофей.

Я посоветовал ему вызвать сюда всю семью.

— Куда там, — слабо махнул он рукой, — и слушать не хотят. Сказано: жена — солнце, а дети... Эхма, дети — это... звезды. Так и живу, как обсевок какой. А я ведь поболтать люблю, рассказать что ни то.

— Сказки, я слышал, рассказываешь?

— Сказки-то? Как же, рассказываю мужикам нашим. Они ко мне чуть не каждый вечер валом валят. Приходи и ты, авось не соскучишься.

Освободившись от дневных забот, я дождался сумерек. Совсем стемнело, когда я шел к Тимофею. По улице брехали собаки, а у клуба, на ярко освещенной из окон проталинке с визгом и гиканьем тусовалась молодежь. Играл баян, звенела, точно бубен, гитара.

Я свернул вправо, к дому Круглова. Лишь отворил дверь — в лицо пахнуло тепло березовых дров, тем приятным, с детства знакомым запахом каленых поленьев. Хозяин сидел на пятках перед грубкой — невысокой маленькой печью для обогрева горницы, — сидел и помешивал кочережкой в топке. Низко светила лампочка. От грубки вдоль стены висели мокрые рубахи, носки, порты. Кочерёжка тихо позванивала об угли, дрова с шипением рассыпались.

Не успели мы перекинуться двумя-тремя словами, как вдруг протяжно взвизгнула и хлопнула дверь, и с крепким топотом добротной обуви в избу ввалились рожновские мужики, из тех, что любят послушать байки.

— Вечор добрый! Как живём-можем? — спрашивали они вразнобой. Сами вольно и широко занимали лавки. И по всему: по тому, как садились они, не спрашиваясь, как закуривали, как говорили — тотчас было видно, что они тут завсегдагаи.

— Живём! — сразу повеселев, отвечал Круглов. — Жи-вём! Хлеб с салом жуём. Приход ваш к счастью...

— Дома сидели-сидели — скука смертная, тоска зеленая. Приперлись вот, чай, не последние...

— А я у бабы своей просил на поллитровку, — говорил широколицый ноздрястый мужик. — Просил-просил — не дала. Иди, отвечает, к Тимохе сказки послушай, авось поумнеешь.

Общий смех заглушил его последние слова.

— Милое дело! — блеснул глазами Круглов. — А тебе бы, Никодимка, все вино да домино. Ну, так. Грубка нагрелась, сейчас и тепло пойдет.

— Давай-давай, начинай, — торопил Башлыков, — за тем и шли.

Это был высокий плотный мужик, широкий и важный, в клетчатой канареечного цвета рубахе. Он сразу уселся прочно, точно на века, подпирая плечами стену. Я исподтишка обвел глазами собравшихся и тотчас понял: он тут за старшего.

— Вали, Тимоха!

— Согрелись!

— Начинай.

— На море-океане, на острове Буяне лежит бык печёный. В одном боку нож точёный, в другом — чеснок толчёный. Знай помалкивай да кушай, да мои побаски слушай...

Голос Тимофея, глуховатый, чуть с сипотцой, все понижался, переходя почти на шепот. И надо было видеть, слышать, а главное — чувствовать Тимофея в ту минуту. Он как бы оживал, весь преображался, исподволь додумывая что-то, шурился на слушателей, словно по лицам и фигурам схватывал их настроение и согласно с этим настроением отыскивал в своей памяти нужное словцо.

— В некотором царстве, в ненашем государстве, жил-был лесник, звали его Иваном. Раз пошел лесник в обход поглядеть, нет ли где порубки, порчи или озорства какого. Шёл он, шёл, а уж смеркаться стало. Крупный дождик начал щелкать Ивана в лицо. Ветер поднялся сильный-пресильный, лес гудит, аки в бочке, елки ходуном ходят, скрипят, веткой об ветку стучат... Жутко стало Ивану, страшно, а до дому еще далеко-далече. Тут и темень нагрянула. Ну, идет лесник, задумался, об жене соскучился. А жена у него красавица, высокая да черноглазая, словом, пух в атласе. Тут показалось Ивану, будто бы он заблудился. “Что же это я, такой-сякой, собак с собой не взял, авось не скучно бы было!” А молонья так и жгёт, так и жгёт, озаряет дорогу, как днем. Гром как вдарит, и раскатилось окрест по всему лесу. Еще больше струхнул Иван, чует: сердце дрожит, как овечий хвост...

Мужики нетерпеливо завозились на скамейке. Расстегивали телогрейки, стаскивали куртки, шапки. Круглов нарочно делает паузу, “подпускает”. Искоса взглядывает на мужиков. Взглянет и молчит.

— Чтой-то я не пойму, Тимоха, сказку ты сказываешь ай правду? — проговорил Никодим, раздеваясь до рубахи и закуривая верченку. — Похоже, сказку?

— Да ты слушай, не перебивай. — Башлыков строго глянул на Никодима. — Вечно ты поперек дороги, ей-Богу.

— Идёт Иван опушкой, — снижая голос, продолжал Круглов, — идёт поляной, и видит метрах в пяти высокую сосну. Та сосна без вершинки. И ни веточки тебе, ни сучочка — все как есть грозой спалило. Лесник смотрит, до-олго смотрел — что такое? Тут не было дерева без вершинки. Глядь, откуда ни возмись, на самом верху показалась большу-ущая змея, кажись, в человеческий рост. Обжала сосну. Сидит помалкивает. Иван так и обмер. Однако снимает с плеча ружье, вскидывает, кричит: “Ах ты злодейка, а ну, слазь оттэда!”

Гаркнул он так-то, и сам не рад. Трясется, метится змее в голову, курок пальчиком потрогивает. “Счас, — думает, — я тебя душетом смажу, слетишь, как милая”. И вдруг слышит: “Ш-ш-ш”, — змея зашипела, как гусак. Да... Зашипела и говорит бабьим языком тонюсеньким и острым, как бритва: “Не стреляй мене, Иван Демьяныч, я тебе пригожусь”. Собрался с духом Иван, отвечает: “А что ты мне дашь?” Сам все метится в голову, молитвы шепчет: “Запирающи врата спасительной рукой...” Слазь оттэда! Знай наших рожновских, да не путай с осиновскими!.. “Печать Христа, печать Божьей матери...” Слазь! Храбрая, значит?!” Змея видит, что дело серьёзное: укокошит лесник с испугу. Ответит ласково-преласково, как шпекотливая бабёнка: “Коли хочешь злата-серебра, видимо-невидимо дам. Сколько доташпишь”. Иван Демьяныч наострил уши топориком и начал умишком раскидывать: на кой ляд ему это серебро? Куда его сплавить? Милиция узнает, пронюхает это дело и отправит в Колым-край. В сельмаге Нюрка-продавщица только медные деньги берёт, а их не утащишь много. Задача!

Акулина, жена его, жадная-прежадная была. Ей сколько с полочки ни отдай — всё в чулок прячет, а бабий чулок, известно, сроду не наполнишь, потому как вытягивается. Иван умишком был туговат, стоял, скреб в голове, думал...

“А хочешь все знать? — это снова ему, дураку, змея-то шипит. — Все будешь знать, что только ни пожелаешь”. Иван опять зачесался — плохо до него доходило, через ноги. Ну, однако, кричит: “Я согласный, чтоб все знать!” — “Да ты опусти, дурень, ружье-то, положи на плечо, — усталым голосом толковала змея. — Убери ружье и ступай себе с Богом. Да смотри в оба! О нашем уговоре не разбери кому-либо. Ни гу-гу! Помни же! Коли тайну раскроешь, тут и помрешь в одночасье. Особенно Акульки своей остерегайся, даже она любопытная...” — “Ладно-ладно, знаю я свою Акульку. Вот учит жить”.

Тут молонья как жиганет — и ослепила лесника. Поднялся ветер, прямо буря! Иван проморгался, протер глаза, глядь-поглядь, а змеи как и не бывало, след простыл. “Ну, уползла и уползла, ляд с тобою, — думает Иван. — Не больно и нужна была. Как-нибудь дотащусь до дому. Вон и тропа приметная”. Пошел он ходко, дай Бог ноги, а все оглядывается: нет ли змеи за ним. “А дай-ка я загадаю, — проговорил он вслух, — что такое мне Акулина на ужин сварганила?” И только он это молвил, рванул ветер, вздыбил ветки на деревьях. Молодая осинка склонилась к Ивану и нащёптывает: “Акулина заварила тебе похлёбку из требухи, да замешкалась и пересолила. А сосед Николай расселся на лавке твоей под иконами, как фон-барон, и хочотет. Акулина тоже смеется. “Муж мой, — говорит, — неотеса, пень дремучий, дурак косоногий, сожрёт и пересолёную. Не мил он мне, не люб...” Никола, сосед, вьется вокруг нее вьюном, любовные слова толкует, всё целуются да милуются...” “Хватит, — крикнул Иван, — достаточно”. И еще шире зашагал к дому.

Мужики захохотали все враз. Тимофей помолчал строго, затянулся дымом.

— А дальше-то? — добирался до клубнички Никодим, мужик ревнивый и злой на свою прекрасную половину. — Я б ее, стерву, поучил по-русски за такие амуры. Я б ей быстро подол на голове завязал!

Тимофей, пуская струями дым, пряча улыбку, продолжал:

— Пришел Иванушка домой, стучит... Николка услышал, и — шасть в окно. Акулина отворила дверь, пустила Ивана, помалкивает. “Ты что, такая-сякая намазанная, похлебку-то пересолила? Что я буду есть? А Николай где? Что тут делал? По какому такому праву он к тебе шляется? Отвечай, кривозубая!” А жена: “Да ты попробуй похлебку-то. Откуда известно, что пересолёная?! И какой Николай? Никакого Николая слыхом не слыхивала, видом не видывала!” Сама руки в боки уперла, бровями двигает. “Брешешь, — наступает на нее Иван, — я твои шашни знаю! И куда сало прячешь — знаю, и сколько денег заначиваешь — про все мне теперь доподлинно известно!” Тут Иван сунул руку под матрац, достал капроновый чулок с ассигнациями и потряс им над головой.

Акулина, баба грудастая, с горкой нечёсанных на макушке волос, трясет подолом, нахально играет скулами: не знаю, мол, про что толкуешь, а деньги на черный день берегу... Ну, однако, поорали, полаялись, угомонились. Акулина ночь не спит, все думает: “Откуда муж про все дела знает?” И захотелось ей пуще всего на свете узнать тот секрет. Стала она приставать к леснику, выведывать да вынюхивать. Правдами и неправдами, лестью и лаской, так и эдак, — лесник знай себе помалкивает, рот на крючок. И вот раз Акулина нарядилась, как на праздник, завязала в узел все свои платья-наряды и говорит так грустно-прегрустно: “Ухожу от тебя, милёнок, куда глазоньки глядят. Люблю тебя пуще жизни, а придется покинуть. Не веришь ты мне, не говоришь тайны, и сердце твое закрыто для меня навек”. Да... Сказала так-то и стоит, ждет. “Да пойми ты, дура баба, не могу, зарок дал!” Лесник был смиренный и любил свою Акулину несусветно. “Нет, мужек, прощай!”

Затужил Иван: что как и впрямь покинет? Плохо ли, хорошо ли, а жили до сих пор. “Нет, — думает, — отпущать из дому бабу не след. Может, еще и смилуется надо мной змея-то...”

Пошел он в сельмаг, попросил у Нюрки четушку водки, хлебнул корец, а зажевать — ничутьючки не зажевал, только хлебушка понюхал. Дома и го-

ворит жене: “Знай, Акуля, помру я, коли секрет раскрою”. А Акулина страсть какая любопытная была, дерзкая да напористая. Отвечает — уши режет: “Говори, косоногий, в последний раз прошу. Узелок готов; юбки, платья и платки — все тут, все забрала. Пойду искать счастья по белу свету, авось полюбит кто-нибудь и меня, горемычную!” И заплакала, запричитала...

“Эх, головунка моя горькая, судьбина лютая. Делать нечего, надо рассказывать, — прошептал Иван. — Дай мне, жена, хоть в банешку сходить, исподнее сменить да в гроб лечь”. А та и рада-радешенька. Приготовила Ивану белые тапочки, исподнее из сундука. Приоделся Иван, приготовился к смерти. Лег в сготовленный загодя гроб, руки косым крестом сложил.

— От так от, — Тимофей показал, как лежал в гробу Иван, — и поглядывает на Акулину, глазами хлоп-хлоп.

Акулька слезы притворные вытерла, села в возглавии, ушки на макушке, харю скосоротила, губки крашенные сердечком сложила...

— От стерва! Надо же! — сжал кулаки Семён Балков, мужик молодой, красивый какой-то цыганской красотой. — Все приготовила?

— Ну да, все как есть. Села и ждет. Все чин-чином: и штаны черные, и курь Иван вот так вот сложил...

Тимофей и тут бил не в бровь, а в глаз. Он показал, как у лесника были сложены руки; косяя нога в белом тапочке выкинута из гроба, а глаза скорбные-скорбные, — все он примерил, как это было.

— Да... Лежит Иван в гробовой колоде и думает... А помирать-то кому же охота. Как ни горька житуха, а все лучше, чем на том свете. К тому же помирать из-за пустяков, из-за бабьего любопытства — последнее дело. “Ну, слушай, — говорит он Акулине, — двум смертям не бывать, а одной не миновать”. А дверь вдруг возьми да распахнись от ветра. И ввалились в избу куры. Петух квохчет, не пускает их от порога. Одна наседка, белая такая с подпалинами, шагнула было дальше, петух — раз! — ее в темя клоннул. Иван поднял голову с подушки, смо-отрит, до-олго смотрел. И говорит своей бабе: “Глянь-ка, садовая голова! Петух, и тот хозяин на птичьем дворе, порядок в курином семействе наводит. А я тут кто? Можешь ты мне ответить? Чего рот-то раззявила?” — и с этими словами выскочил из гроба, хватя Акулину в охапку и давай ее вместо себя в колоду тискать. Толкает он в гроб Акульку, а сам шашептывает: “Змея, а змея, все ли я так делаю, все ли ладно?” А она ему шипит в ухо: “Так, Иван Демьяныч, так ее распротак! Жми, дави ее пуще прежнего, лучше любить будет”. Акулина орет дурным голосом: “Ой, Ванюша! Отпусти ты мене за ради Бога! Открой крышку, дай воздуха глотнуть. Сало на чердаке под вениками, деньги в чуланчике — сам знаешь. Возьми сколько хочешь, хоть все. Ой, помру-задохнусь. А Николку и на дух к себе не подпущу. Ой, пусти! Пусти же, тут тесно!”

Мужики засмеялись:

— Молодец Иван, проучил Акульку.

— Молодец, чего там!

— Хват-парень!

Тимофей продолжал невозмутимо:

— Жалко стало Ивану, хоть и заполошная баба Акулина, а сердцем присох к ней. Открыл он крышку; выходи, говорит, выходи, да будь человеком. Акулина полезла к нему на грудь. Целует, милует, прости, мол, муженек, меня неразумную. И стали они жить да поживать и добра наживать. Я разок пришел повидаться, они зачали целоваться, а в другой раз забрел погреться, они начали... Всё...

— Всё? — удивился Никодим. — Ай да ловко! У меня теща такая-то: любопытная — ужас! А язык — это не язык, а нож острый.

Посидели в молчании минуту-другую. Тимофей пошевеливал кочережкой в грубке, собирал в горку жар — рдяные угольки. Чувствовалось, что не всех проняла его сказка.

— А то вот ещё, — сказал он и подсунул дымящуюся кочергу в колосник. — Мне Пахом рассказывал, давно это было... В одной жаркой-прежаркой стране жил-был принц-султан-хан. И был он знатен и богат. Денег — куры не клевали.

— Много, значит, денег-то было? — съязвил Никодим.

— Ну, толкую же: куры не клюют. Ты слушай, не перебивай. Ага... Так вот. Принц этот овдовел рано и жил один, как вот я теперь такой-то. Дочка, правда, с ним была. Они, жены-то, были, конечно, только не настоящие, а так себе, из гарема, мамочки. А что в них толку? С одной день поиграет, с другой ночь... Сорок штук их было! Одна к одной — все красавицы писанные, а все не то. Дело у принца шло к старости, белый день — к вечеру. А старому человеку, известно, девки не к рукам, хуже, чем варежка на ноге. Дочка же была от жены, хоть и некрасивая, а любил ее принц пуще жизни: была она схожа и лицом и сердцем на покойную свою матушку. Принц подыскал ей жениха знатного роду, богатого — словом, голубых кровей. Вот. Покалякали они на своем языке, наметили срок свадьбе, тут дочь возьми и заболей. В горле у нее что-то хрипело на разные голоса, а потом и вовсе перестала говорить, онемела, горемычная.

День ото дня хуже и хуже становилось дочери принца. И ни слова сказать, ни поесть, ни попить — хоть плачь. Принц согнал всех своих докторов на консилиум, а не тут-то было: поглядят, обступят, общупают, с места на место повалиют, а в чем дело — никак в толк не возьмут. Одне твердят — рак, другие — чахотка. Осерчал на них принц, зарал благим матом: “Слуги, всех докторов в тигулёвку, в холодную! Пуцай там подумают!” Докторов повязали по рукам, по ногам, в кутузку повалили. А толку что? Дочка-то болеет, вот-вот помрет...

Раз вечером слышит принц песню — не песню, стих — не стих, а так, орет какой-то архаровец во всю ивановскую: “Травушкой-муравушкой да польню-матушкой, хной и хиной все недуги лечу!” Тянет так-то, а сам из наших краев, русский. И жарища ему — страсть! Разомлел, запотел, взмок сердешный. Услыхал принц, посылает слуг: “А позвать сюда лекаря! Я с ним сам потолкую!” Притащили мужика силой-неволей, толкнули взащей, поставили перед султан-ханом на колени. Тот и спрашивает: “Ты откуда такой молодец мужичок сюда выискался? Что умеешь? Чего орешь?” — “Я, — отвечает знахарь, — из тридевятого государства. Лечу людей колодезной водой, дурной глаз и болезни снимаю. Да вот дюже жарко тут у вас...” — “А можешь ты, сукин сын, мою дочку от гибели спасти? Коли поправится — ожено тебя на ней, и вся моя власть — твоя власть, и гарем в придачу. А не вылечишь — вот секира, вот мой меч, твоя голова — с плеч. У меня не заржавеет!” Знахарь враз похолодел, точно на него ушат воды вылили, стоит перед принцем ни жив ни мертв от страха. Стоит и так кумекает себе: “Зачем же я, дубина стоеросовая, орал так громко, надо бы потише. Как я ее вылечу, чем? Ох ты Боже мой”. Думает, а сам все поглядывает на принцеву охрану, на дверь — как бы деру дать...

Тут Круглов примолк, выждал время, снова закурил и скользнул взглядом по лицам мужиков. Те сидели широко, смолили много; дым к потолку — коромыслом. У Башлыкова даже губа отвалилась, ждет, что с лекарем будет. Никодим всем корпусом откинулся к стене; один локоть на подоконнике, другой — подпирает колено.

— Думал он, думал, — продолжал Тимофей, — прыши-то этот, знахарь-то, и решился: “Или грудь в крестах, или голова в кустах... Эх, помирать, так с шумом, с треском!” Пробубнил: “Богородица, дева, радуйся...”, и спрашивает принца, нахально раздувая ноздри: “А можно мне на вашу дочку глаз положить, обсмотреть то есть?” А принц ему: “Отчего же нельзя! Очень можно. Дочка там, в палатах. А у тебя, знахарь, шея крепкая ли?” — “Прикажете всем удалиться из покоев, а меня в её апартаменты допустить. Счас я её вылечу...”

— Это куда же он рвётся-то? К принцессе? — удивился Вадим Соколов. — Ну, Тимоха, загну-ул!

— Вот чудак-человек, не верит! — тонким голосом воскликнул Круглов и плутовски подмигнул остальным. — Она же с постели не вставала, отошла. Ни встать ей, ни сесть, ни понагнуться — ровно аршин проглотила. Ты гляди, что дальше-то будет, не перебивай, а то осерчаю.

— Ну-ну, вали доказывай. Слушать буду.

— Закрыл знахарь дверь за собою, поглядел на принцессу зверскими глазами, засучил рукава по локоть и полез к её лицу. Она смотрит на него, с испугу-то рот перекосила; глаза запухли — не моргнёт, красные, как у селедки в нашем сельмаге... Хотела вскочить — ноги не шевелятся. Лицо желтое, зеленое, зубы большие — словом, мертвое тело и больше ничего. Знахарь как зарычит на нее: “Из-за тебя пр-ропадаю, стер-рва!” — цап ее за горловик и давай мять-приговаривать. Принцесса-то с испугу совладать с собой не может, рвется, бьется, наконец, того, как завизжит на своем языке: “Помогите! Караул!” И только она вскрикнула, услышала свой голос, зарыдала от радости. Шутка ли: вовсе немая была, под себя ходила, а тут заорала. Слуги сбежались с секирами наголо. Явился султан-хан, все рады-радешеньки. Принцесса руки у знахаря целует, доктором его величает. А какой он доктор, самый что ни на есть плут и обманщик. “Вот какая удача тебе, Иван! — думает знахарь. — Взяла да и вскрикнула. Теперь и голова моя будет цела. Вовсе молчала, а тут залопотала. Вот счастье-то!” — “Эй, слуги! — крикнул принц. — Повелеваю на стол вино-закуски ставить. Угостить на славу добра молодца. Он устал и хочет вина попить. Ты, лекарь, покушай, отдохни малость — на тебе лица нет”. А знахарь, хоть беда и стороной прошла, все еще успокоиться не может, все поджилочки у него говорят от страха. Сел он рядом с принцем за стол, пьет вино, ест шашлык. А еще жарче стало, страсть какой зной навалился. С него пот кап, кап на скатерть. Выбирает знахарь, что покрепче да позабористей. Вина и закуски видимо-невидимо. Он глазами хлоп-хлоп, стаканами чайными дорогое вино дует. Слуги вокруг стола винтом ходят, снуют, тащат то одно, то другое. Пригласили танцовщиц. Девки молодые, босиком, одна к одной, как вишенки, все поют, танцы живота танцуют. Гарем это по-персидски, а по-русски — бардак... Кхе... Кхе...

Круглов притворно закашлялся, повел глазами на самого придирчивого слушателя, Вадима Соколова.

— Так распротак-то! Меня там не было! — неожиданно для всех пробасил вдруг Башмаков.

Все обернулись к нему. Он что, сдурел, что ли? Это же сказка, а проще говоря — выдумка.

— Меня там не было! Вот бы затесаться! И водка была?

— А то как же! — не моргнув, соврал Тимофей, довольный, что пробрало-таки мужиков и “кипишу” не миновать-стать. Засмеялся. — А то как же! И водка, — повторил он, — чистая, как божья слеза. И это еще, вот... шимпанское. Иван им ром запивал.

— И закусь? — спросил Никодим, жадный до еды; без доброй закуски он даже в мастерской не пил.

— И закусь на ять! Шашлык, холодец рыбный со щурьбою — все чинчином!

Тимофей подумал минуточку-другую, помолчал, трогая рукой губы, чтобы не рассмеяться; “Это вам не наш брат. Принц, он принц и есть”.

И мужики закипели кипнем. Стягивали с себя шапки, телогрейки, распахивали воротники рубах. И хотя дома сказали, что идут к Тимофею “погугорить часок”, — перекорам не было конца, добрались до истины. Сенька Кольшкин не мог понять главного; откуда в жаркой стране взялась русская горькая, шампанское и щурьба...

— Профан! Дуралей! — орал Сеньке в ухо Башмаков. — Бестолочь! Ты газеты читаешь ай нет? Мы же торгуем со всеми странами!..

— Да это когда было-то! Когда! Подумай!

Круглов нарочно подпустил и русскую водку, и щурьбу, которую любил до страсти. Мужикам многое было непонятно. Никодим схватил Башмакова за рукав, их уговаривали расстаться, в конце концов усадили по разным концам скамьи. Между тем Тимофей смаковал, додумывал. Выдумщик, он знал, что скорее не быть, и терпеливо ждал, когда мужики утихнут, “перегорят”.

— Водку в этих странах не пьют, — заключил Никодим. — Там жарыща — страшное дело! С похмелья морда треснет. Голова треснет, как арбуз.

— И я про то же! — согласился Ванька, отирая с покрасневшего ли-

ца пот. — Дураку ясно; там сухое жрут, кислятину эту. Я раз искал-искал водку с полочки, и туда и сюда, и у Нюрки клянчил — нету, хоть ложись и помирай. Нюрка говорит — жри сухое, я и начал лакать прямо из горлышка; вода водой. С полведра выпил, ни в одном глазу. Пришел домой, баба рада-радешенька: с полочки, а трезвый. А меня так и мутит, так и крутит с кислятины, кишка на кишку войной пошла.

— Да будет вам, архаровцы, — урезонивал Башлыков, мужик степенный, не курящий, не пьющий. — Далась вам эта водка. Дайте досказать человеку. Вали, Тимоха, толкуй. Чем дело-то кончилось? Не сипи, Никодимка, слушай! Сядь, сядь! Ну чего ты окрысился?

— Правда, чего ты, Никодим, взбеленился-то? Пришел слушать — сиди, — мужики свалили все на Никодима и угомонились-таки.

— Сидит знахарь за столом, жует так, что за ушами трещить и в брюхе пишшить, — продолжал Тимофей байку. — И так нагрузился, напоролся, рассолодел, что чуть не уснул за столом. Растолкали его. Поднял он головушку буйную, глянул прынцу в лицо и говорит со смелостью пьяного: “Пойду я домой! Погудели хорошо, пора и честь знать. Меня дома жинка ждет. Она у меня строгая, сгоряча может сковородником зашибить, очень даже просто”. — “Куда? А свадьба? А наш уговор? Завтра же оженю тебя на дочке! В стыд-позор не вводи меня своим отказом”. — Это султан-хан-то Ивану толкует. “Не хочу я на ней жениться, не глянулась она мне. Моя Марютка лучше...” Как услышал те слова султан-хан, озлился, ажник скосоротился и с лица пропал: “Моя дочка первая красавица! Ее богатый человек сватал. Ты что, дурак?!” — “Никакая она не красавица, — это знахарь с пьяных глаз отвечает. — У ей ни рожи, ни кожи, ни сзади, не спереди — словно доска, подержаться не за что! И лицом черна, чернее сажи, аж синя малость...” Султан-хана затрясло со злобы: “Я тебя, су-укина сына, в тюрьме сгною! Эй, стража, связать лекаря, бросить в яму, пусть там проспится. Вон отсюда, пьяная харя!” Иван очухался, почувал беду; по коридору бежала свита. Он, не раздумывая, шмырк в окно да и был таков, Митькой, как говорят, звали...

— Неужто убежал?

— Ушел?

— За милую душу ушел! — ответил Тимофей кротко. Подошел к окну — было темным-темно.

— Вишь вот, молодец этот знахарь, — говорил Никодим. — Пьян-пьян, а усек, что дело керосином пахнет.

— Что же у ей в горле-то было? — спросил Тихон, высокий, горбоносый, с большим кадыком, сидевший до этого молча и прямо.

— Что было-то? А Бог ее знает... Лихоманка какая-то, а может, и рак.

— А кто слушает, тот дурак, — вставил Соколов.

— Да ведь это все неправда? А? Враки? Ну, Тимоха, горазд же ты на байки, ей-ей, горазд!

— Сказка ложь, и я то ж. — Круглов улыбнулся мило и виновато.

В доме сделалось еще веселей, теплей и уютней. Тимофей все подкидывал березовые поленца в огонь. Сидел он на корточках влоборота к печи, словно грелся не от нее, а от людского общества, так любимого им. Перевалило за полночь, кое-кто позевывал, но странное дело: ни один даже и не заикнулся о глубокой ночи, о том, что завтра с рассветом на работы.

Пересудам не было конца-краю. И, как это всегда бывает в теплой мужской компании, не упустили из виду и женщин. Никодим, вспоминая гарем, допекал Тимофея вопросами... Женька Комов заинтересовался болезнью принцессы.

— А что, всяко бывает, — говорил он. — Я одна так-то ходил-ходил по докторам с шишкой на носу. Посмотрят, пощупают, — пройдет, — говорят. Это, мол, жировик. Прописали примочки — и все. Я им: мне срам с шишкой на носу, как у алжирского бей. Пришел домой, ногтями выдавил, водкой прижег — как рукой сняло. Так-то, верно, и знахарь этот: он ей, прынцессе-то, горловик размял, она с испугу-то гаркнула, у ей все гноем и вышло. Так, Тимоха?

— Так, так... А то как же!

— А я раз в райцентр наладился гусей продавать, — рассказывал Соколов. — Села ко мне в телегу девка молодая, горделивая, городская, как видно. Штаны кофейного цвета, брови наведены черным, знаете, с изломом. То да се, шире-дале, я гляжу на ее одежды, смеюсь. Она мне: “Чего зубы скалишь?” — “Больно уж, отвечаю, штаны широки... Я в морях такие нашивал...”

— Погодите, братцы, — умолял Комков, — дайте еще послушать! Тимох, а Тимох, расскажи на сон грядущий какую-нито быль али событие. А то верится и не верится... Расскажи, а то моя баба придет, по шее накостыляет. Я ведь украдкой к тебе...

— Что ж, быль так быль. Да ведь опять не поверите, черти полосатые.

— Поверим!

— Сказывай.

— Давай!

— Давным-давно это было. В нашей деревне жил-был поп Онуфрий. Жаден до крайности. А братья Гришановы — одного звали Валетом, а другого Победимом — такие были прожженные сукины дети, что все их боялись. Они так и заявляли о себе: “Мы, Валет и Победим, усах людей поедим!” На испуг брали, на пушку — таковские ухорезы. Бывало, работники в отхожий промысел наладятся, топоры под ремень — и айда по чужим местам деньгу заколачивать. Валет и Победим — тоже для видимости берутся за топоры. Пошущукаются промеж себя и пойдут шаркать по церквям, по амбарам да клетям. В избу чужую задуться — это для них плевое дело, самый что ни на есть для них вкус... Рожновские, конечно, догадывались, что Гришановы промышляют не плотницкими делами, а помалкивали, боялись. Пахом раз видел их обоих в лесу, с топориками, с базара кого-то поджидали. “Иду, — Пахом рассказывал, — бреду лесом, а они под кустом устроились коеушку распивать. Здорово, мол, Пахом! А сами топориками играют, по сторонам поглядывают. Поскорее, говорят, проходи, мешаешь нам дерево выбрать”. А Пахом гол как сокол, что с него взять. Они его и не тронули.

Деньга у Гришановых водилась несметная, черная, не трудовая. Перепьются, бывало, и промеж себя драку затеют для потехи. Как начнут дубасить друг дружку, мужики кинутся разминать, а Гришановы только того и ждут; оба кинутся на чужаков, смертным боем их бьют, да все с выкриками: “Бей своих, чтоб чужие боялись!” Прощельги были ужасные, рожновским от них тошно было.

И вот как-то пришли братья с промысла при деньгах, напоили мужиков, а те и рады-радешеньки на дармовщинку... Ну, то да се, разбалакались, разговорились и вспомнили про попа Онуфрия. Кто-то из мужиков возьми да и сболтни, что у попа золотишко в подполе зарыто. Валет подмигнул Победиму, Победим Валету, и говорят друг другу по фене, чтобы другие не поняли:

— Фи-па, фи-ше, фи-ба, фи-ршим?

Что значит: пошебаршим это дело, обстреляем, брат дорогой?

Смикитили. Уши наострили, подливают мужикам, слушают. Посидели, покурили и пошли. По дороге толкуют: “Надо пощекотать духовного отца. Чем на чужой стороне куш ловить, лучше тут все хорошо устроить”. Разговаривая так на тарбарском языке, приготовили они вагу, лопату, все чинчином, и ночи дождались. А дело было перед Пасхой, тьма — хоть глаза коли. Подошли они к поповскому дому, зырк, зырк — кругом ни души. Подвели вагу под нижний венец, навалились, домкратик подставили под сруб, приподняли угол. Валет и говорит брату: “Лезь и копай в правой стороне, под печкой”. Победим снял с себя поддевку и шмыг в подпол. А Валет наблюдает, караулит за углом...

— На стрем! На шухере!.. Это клоквенники, Тимоха, — те, что духовных отцов грабят или церковь. Среди воров это самое последнее дело. Вот если бы их взяли и посадили, им там свои спасибо не сказали бы, нет, — перебил Тимофея Никодим. На него зашикали: тише, мол, не встречай.

— Караулит-то караулит, а в потемках и не заметил, что гнилое бревно вдавилось в домкрат, угол осел, и от лаза только щелочка осталась. Видит Валет свет из подпола, только хотел глянуть на братца, нагнулся и обомлел: как вылезет теперь Победим? А силенкой оба были жидки, но бесовски хитры и ловки. Начал было Валет работать вагой, домкратом... Куда там! И плюнул, и затрясся от злости: “Мать-перемать!” Что теперь делать? Вот-вот проснется поп, или люди пойдут в церковь и враз накроют. Победим так увлекся, что не заметил закрытого лаза, копает и копает. “Победим, — шепчет ему Валет, — слухай сюда! Рвем когти! Ободняться стало, влипнем!” — “Не трусь, держи харю по ветру, — тот-то ему отвечает из подпола. — Я прокопаю дыру лопатой, как-нибудь выйду”. — “Тебя увидят! Вон бабы гремят ведрами у колодца, голоса слышу...” — “Ну иди, гад такой, иди... Испугался, в штаны напустил. Ступай домой, я один справлюсь”.

Свеча горела слабо, ветер задувал пламя. Победим то и дело зажигал свечу, принимался копать во всех углах. “Обманули мужики, — подумалось ему, — или я копаю не там? Да и откуда им знать? Мужики ввали, а мы уши развесили, дураки...” Сел Победим на кадку с квасом, затужил, загоревал. “Как выбраться из подпола? — думает он, покуривает. — Видно, попал я в ловушку, придется ответ держать”. Думал-думал и придумал. Попил из бочки кваску, опрокинул наземь; сам разделся донага и давай в грязной жиже валяться. Отвозился — мать родная не узнает. “Ну, теперь-то прорвусь, — так шепчет себе. — Главное выбраться, а огородами проскочить — минутное дело”. Постучал Победим лопатой из подпола, слышит: “Свят, свят, свят”, — отец Онуфрий молится. “Мать, а мать, — будит поп попадью. — Мать, открой подпол, никак кто-то стучится”. — “Бог с тобою, батюшка! — взмолилась попадьня. — Послышалось тебе, померещилось. Крестись пуше, это нечистая сила тебя смущает”. — “Явственно слышу, мать. Ты побойчее меня, отвори”. Попадья в исподнем подошла, крикнула: “Кто-то там? Чего надо?” — “Открывай!” — заорал благим матом Победим. Попадья так и села от страха. Поп зажмурился, отворил лаз трясущейся рукой. Победим как прыгнет оттуда, как гаркнет во всю глотку: “А иде здесь дорога на Тамбов?” Поп повалился, онемел, машет руками на дверь. Победим шмыг мимо, и поминай как звали.

— Убежал?

— Утек!

Я покосился на часы-ходики. Было уже четверть третьего.

— А когда бежал он огородами, баб напугал так, что они и теперь рассказывают, как видели черта на задворках.

Мужики не спорили, не шумели. Они устали, накурились до красноты лиц; клонило в сон. Только неугомонный Ванька спросил из любопытства:

— Тимох, а Тимох? Когда это было, про попа-то?

— Когда было-то? А было это, мил человек, при царе Горохе. Было да сплыло и не воротится. Ну, однако, будя буровить-то, спать пора. Ободняться стало.

И, я заметил, хоть и поторопил Круглов гостей, но мог рассказывать еще и еще, испытывая от своих рассказов видимое удовольствие. Мужики одевались, борясь с телогрейками, куртками, прощались с Тимофеем. Никодим подтягивал голенища крепких, сбитых кирзовых сапог; поднимаясь на коротких кривых ногах, позевывал и потягивался. Закуривая на дорожку и угощая Тимофея папироской, спросил:

— Что же, не было у попа монет золотых?

— А шут его знает... Может, было, а может, и не было. Чужая душа — потемки, а своя еще темней!

— Темней? — переспросил Никодим.

— Те-емней!

— Покойной ночи, Тимофей Лукич, — прощались мужики.

— Спасибо, брат, уважил!

Время-то как пролетело, мигом! Четвертый уж час!

Я пожал руку Тимофея, широкую и крепкую. И что-то шевельнулось под сердцем, подумалось: “Тяжко живется ему, вот и выдумывает, заывает

к себе мужиков, чтобы не быть одному... А может быть, талант рассказчика погибает в нем?" Круглов смотрел на меня, улыбался протестки и, торопливо затягиваясь, говорил:

— Выспишься, приходи, мимо не проходи. Что сказки! Я тебе о житебыть расскажу такое, что куда там и выдумке. Так придешь, что ли? Ждать буду!

В глубоком раздумье возвращался я проулком. День мешался с ночью, петухи отпевали тьму. Вот пропел один, потом еще и еще. И вот уже все Рожново огласилось сильным петушиным хоралом. Звезды блестели высоко и ясно, а горизонт уже бледнел, наливался палевым светом зари.

В окнах дома Тимофея Круглова заалело.

БОРИС ЛАПУЗИН

ЗДЕСЬ РОССИЯ...

ДУМА

Когда народ в бездолье, в горе,
Когда при власти вор на воре,
Когда взрывают мирных граждан,
Когда бесправен бедный каждый,
Когда любой подлец богатый
Легко проходит в депутаты,
Когда бесстыдно нувориши
Жируют в Лондоне, в Париже,
А здесь, у нас, в родных селеньях
Разруха, мерзость запустенья,
Когда как будто от террора
В цехах — безумие разора
И даль разверстая, как бездна,
Бесперспективна, бесполезна,
Мне не даёт тогда покоя
Одно желание такое:
Всех президентов и премьеров,
Всех губернаторов и мэров,

ЛАПУЗИН Борис Васильевич родился в 1936 году в Уссурийске. Работал на заводе, на стройке, в газетах, на телевидении. Автор пяти поэтических книг. Член Союза писателей. Живёт во Владивостоке.

Всех главарей и олигархов,
Владельцев шахт, заводов, банков,
Всех предов, помов, вице, замов,
Всех телезвёзд, известных самых,
Всех шоуменов, режиссёров,
Диджеев, геев, стриптизёров,
Братков, чиновников... Всех вместе
Послать, отправить лет на двести
Куда-нибудь на Альфа-бета
За даль, за грань земного света,
И пусть берут с собой свой рынок
“Демократических новинок”,
Свои компании, картели,
Свои рублёвки, курсевели...
Пусть там отстаивают стойко
То, что дала им перестройка,
Пусть там живут себе в угоду —
Здесь не калечат жизнь народу.

ЭПИГРАММА В ОТВЕТ НА КЛЕВЕТУ В ГАЗЕТЕ

Огрызок от литературы,
Редактор пошлости, халтуры,
Дурак столичный, пасквилянт,
В самом себе смешавший низко
Несостоятельность огрызка
И мерзопакости талант.

ОПРОКИНУТЫЙ СОНЕТ

Ни копейки не стоят сонеты.
Не нужны государству поэты,
Будто мы не из нашей страны.

Коммерсанты нужны, бизнесмены,
Депутаты, менты, шоумены,
А поэты, увы, не нужны.

Процветают и маклер, и брокер —
Правят бал господ из Кремля,
Нет у них для стихов ни рубля,
Снова в моде и шлюха, и рокер.

Нищеты постигаю уроки,
Жить опять приучаюсь с нуля.
Может, слышит родная земля
Мои грустные русские строки?

ЗДЕСЬ РОССИЯ ВСЁ-ТАКИ

Солнечными красками
Засверкал денёк,
Стал весенним, ласковым
Мой Владивосток.

И залив муаровым
Цветом заиграл.
Подхожу к Макарову:
— Здравствуй, адмирал!

Все, кто здесь хранили Русь,
Всеми дорожу,
С каждым поздравуюсь,
Дальше прохожу.

Сколько лет уж смолоду,
Так вот на виду
По морскому городу
Запросто иду.

То поднимет лестница,
То возьмёт паром,
То проспект расстелется
Под ноги ковром.

Жить бы тут лет тысячу,
И не надоест.
Волны в пирсы тычутся,
Красота окрест.

Берега державные,
Корабельный ряд,
Храмы православные
Накрепко стоят.

Никакой экзотики —
Богоданный свет.
Здесь Россия всё-таки,
Я — её поэт.

Подставляясь золоту
Солнечных лучей,
Я иду по городу
Родины моей!

---

*Поздравляем нашего постоянного автора с 75-летием!
Желаем ему здоровья, вдохновения, воли к жизни,
новых творческих удач!*

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ОТРАЗИЛИСЬ ЗВЁЗДЫ В ИОРДАНЕ...

СКАЗ О КРЕЩЕНИИ

От дневного и ночного страха,
Боже, в этот вечер упаси...
Береги с младенчества рубаху,
В коей ты крещался на Руси.

Караулит храмы строгий ельник.
Переметы снега вдоль дорог.
Ты мне в этот сказочный сочельник
Подари “крещенский вечерок”.

Говори приветливые речи.
На полке разбери постель...
Темнота. Во тьме пылают свечи,
И гудит крещенская метель.

Кислою капустой и грибами
Пахнет так, что напрочь выноси...
Отразились звезды в Иордане,
Отразились в Истре, на Руси.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России и Международного союза журналистов. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманахов “День православной поэзии. 2008”, “День поэзии. 2007, 2009, 2010”. Проживает в Москве и в Рузе.

И грядет нечаянная встреча.
Крестный ход застынет у ворот:
Уж не сам ли Иоанн Предтеча
В валенках по улице идет?

И ворон не устранившись стаи,
На крыло опершись, не спеша,
Кроткий голубь к проруби слетает.
Чтоб бессмертной сделалась душа!

И бредя в крещенском снеговее,
Только скажешь: "Господи, спаси.
Хорошо живется в Галилее.
Широко живется на Руси!"

СОН О ВЕРБНОМ

Новый год. Сугробы выше кровель.
Но наперекор календарю
Тетерев токует, выгнув брови,
Прозревая вешнюю зарю.

Свет небесный — холоден и скуден.
Беспокоен снега океан,
Словно знает: день придёт — не суден.
Вербною любовью осиян.

И стремясь из тесной колыбели,
Подчиняясь солнцу и теплу,
Краснотал и чернотал в апреле
Выбросят пушистую стрелу.

И народ поднимется на взгорок,
На взлобок, угор и старый холм.
Чтоб на миг увидеть древний город
И в воротах — путника с ослом.

И сердца откроются Мессии.
Но минует время вещих снов...
И снегов достанет у России,
И дорог — к подножию крестов.

ЛИТИЯ

Растёт снеговáя короста.
Промерзла на сажени твердь.
Глазам воспаленным не просто
Глядеть в леденящую смерть...

Наверное, скоро не будет
Ни ночи, ни белого дня.
И Бог беспристрастно рассудит,
Но всё ж не оставит меня.

И я полечу над лугами
В сиреневый неба прогал,
Навстречу к ушедшим — и к маме,
Чьи руки в гробу целовал.

И тихо рассеется дымка
Печали прощальных минут.
И отроки — Ромка и Димка
Собравшись, отца помянут.

И молча закроют, без стука
В бессмертье отверстую дверь.
И жаль — не рожденного внука
Обнять не придётся теперь.

И знать: изведется твой корень,
Иль мощным побегом взойдёт?
Я стану — хранителем в горе,
Заступником горним — за род!

И видеться будет свысо́ка,
Сквозь марево м́нувших дней:
Усталые вои Боброка
Купают в Непрядве коней!

НА РУЗСКОМ ПОЛЕ

Я Рuzское поле забыть — до конца не смогу:
Кладбищенский взгорok, лошину и ленту реки.
Церквушку в известке на дальнем крутом берегу.
И ласточек стаю, вспорхнувшую из-под стрехи.

И в небе бездонном, крутой заложивши вираж,
Уходят они в пепелящую солнца жару...
Я знаю, что этот знакомый до боли пейзаж
Из памяти вычеркнуть — нет,
никогда не смогу.

И хоть за него не дадут половины гроша,
Который веками копился в дорожной пыли,
Я знаю, что здесь проживает поэта душа.
И словно стрекозы, склоняет к земле ковыли.

Которых всё меньше и меньше в России с тех пор,
Как двинулась к Дону от Рузы комонная рать.
И скрылся из глаз с крепостным частоколом угор.
И внёс летописец уставную запись в тетрадь.

“Воскреснет Господь, и его расточатся враги.
И встретит со славой, вернувшихся в пору, посад...”
На Рuzское поле ложатся былого шаги,
И реют хоругви шелковые
воинства над!

ДВАДЦАТЫЙ...

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Пёрышко скребётся по бумаге.
Словно вновь пришёл двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевиот официоза...
Ёлка настоящей была —
Со смолой, застывшей от мороза.

Дворник гордо нёс свою метлу,
Деревенский дворник — дядя Федя.
Тёплый хлеб давали ко столу,
И компоты — школьникам в буфете.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сражение.
И в хоккейной шапочке — Бобров
Поражал игрой воображенье...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчëй в квартире,
Где ты мой двадцатый — золотой,
С орденом Победы на мундире!?

Где ты, чёрно-белое кино?
“Огоньков” эфирная программа.
Голуби, соседи, домино
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издалека,
В деревянной рамочки квадрате...
Век двадцатый — это на века!
На другие — времени не хватит!

НИКОЛАЙ ЧЕРНОВ

НАС ВОСПИТАЛА
ПРАВДА УЛИЦ...

* * *

Вздыхают туманные дали,
Запомнить навеки веля:
Таинственно, исповедально
За далями светит земля.

И каждой щербинкой на камне,
И каждой щетинкой травы
Она прикасается к тайне
Летающей с небес синевы.

И если бы сердце без фальши
Сказало: "Ну что же, идём!" —
Я шёл бы всё дальше и дальше —
Туда, за земной окоём.

Туда, где дороженька вьётся...
Туда, где, тревожа мой взгляд,
Качает осеннее солнце
Росой окрещённый закат.

ЧЕРНОВ Николай родился в 1980 году в г. Камызяк Астраханской области. Лауреат премии им. Н. А. Мордовинной в номинации "Поэзия". Живёт в Астрахани.

* * *

Ещё одна рассеянная осень
В провинции, затерянной в России.
И вот уже не думаешь о прозе —
Глазами шаришь в поднебесной сини.

А может быть, давно пора смириться,
Что эта даль душе твоей не впору,
Что на зимовку улетают птицы
В другие страны, за моря и горы,

И с одиноким эхом препираться,
Скупые отмечая именины
В холодном доме в роли самозванца,
Обросшего трёхдневною щетиной...

Но словно птица вдалеке пропела!
И выйдешь в ночь, встречая неизбежность
Родимой речи пьяных децибелов...
Вот берега знакомая небрежность,

Где осень гонит медленные волны,
Где колкий мрак и ветер нелюдимый
Стучатся в сердце, а душе — просторно!
Вся жизнь как будто проплывает мимо.

И думаешь: “Россия бесконечна...”
И смотришь в небеса неторопливо:
Несутся кони по дороге Млечной
Невидимы, но дьявольски красивы!

* * *

Степей степенный монолог
Листала пыльная дорога...
О, если есть на свете Бог,
Живёт он здесь, в краю убогом.

Где, как ступени в небеса,
Всё длятся степи, степи длятся!
Легко идти, закрыв глаза,
И вдруг на небе затеряться.

И что Нью-Йорк или Москва
На этом длящемся просторе,
Где вся вселенская тоска —
Как будто капля в синем море?!

* * *

Хоть нас ломали, мы негнулись...
Среди разрухи — без вины! —
Нас воспитала правда улиц,
Враньё загубленной страны.

Нас — миллионы. И, наверно,
В России нет такой земли,
Где нашей брани ежедневно
Вы бы услышать не смогли!

Да, мы бранимся! В этой брани,
Как в обороне, мы стоим.
Угасим молодость в стакане,
Но родину не продадим!

Не для того мы не сгибались,
Чтоб покаяньем метить лоб.
И зреет в нас святая ярость,
Как Огненный и страшный Столб!

г. Астрахань

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

МЫ ВОССТАНЕМ ИЗ ПЕПЛА

* * *

1

От чуть слышного слова “милая”
Закружилась моя головушка.
Не тебя, а любовь любила я,
Непутёвый ты мой соловушка!

Мак зажёт в кумачный рассвет поля
И костёр под старыми вязами.
Пусть тебе рассказывает земля
То, что мною не может быть сказано.

Расписной платок и родной простор...
Я с тобой бываю порой резка.
Всё спелось — витийный платка узор
С ароматом вьюнка да вереска.

СЕЙДАМЕТОВА Карина родилась в 1984 году. Автор поэтического сборника “По-зимник”, изданного самарским отделением Литературного фонда России. Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журнале “Сура” (Пенза), “Дон” (Ростов-на-Дону), “Невский альманах” (СПб), “ВЕЛИКОРОСЬ” и др. Студентка Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Живёт в Самарской области.

Все цветы Руси на моих плечах.
Неужели одна бедовушка —
Терпеливо и кротко беречь очаг
Для тебя, непутёвый соловушка?..

2

Жизнь кружит надо мной хищным коршуном,
Глаз повыклевать норовит.
Почему же, мой любимый, всё горше нам,
Хоть и счастливы мы на вид?

Когда снегом округа завьюжена,
Я в квартире, как в сельской избе,
Всё твержу молитву, мой суженый,
Обережную — о тебе.

Чтобы дни отгостились морозные,
Стороной обошли враги...
Матерь Божья, Пречистая, Грозная,
Друга милого обереги!

Все дороги однажды расходятся.
Вот опять поворот на весну...
Расставанье — беда, но, как водится,
Все потери влекут новизну.

Когда снегом округа завьюжена,
Я в квартире, как в сельской избе,
Всё твержу молитву, мой суженый,
О тебе, о тебе, о тебе.

* * *

В небо смотрит славянка спокойно и гордо.
В ясно-синих глазах небосвод отражён.
Возвратись-ка, славянка, с небес — видишь, орды
На Россию ползут снова с разных сторон.

У славянки глаза — васильковое поле.
Ей казацкая доля к лицу испокон.
Веет свежестью трав и цветов, веет волей
Православных небес со старинных икон.

И пускай же враги, что так ярко рванутся
Строить новый ковчег — мастерят себе гроб.
Пусть они своей кровью гнилой захлебнутся.
Нам, славянам, не страшен пожар и потоп.

Мы, славяне, от века горели и топли,
Но не падали духом, не сдавались беде.
Не для нас эти охи, и стоны, и вопли —
Мы восстанем из пепла и пойдём по воде.

* * *

Зазвенело серебряно чудо-колечко,
Затаилось в глуши Золотое кольцо.
Серебрится-журчит говорливая речка,
У святых златоустых — бесстрастно лицо...

Это солнышко-князь молчаливо восходит
С приснодавних времён, в византийских лучах.
Князь-креститель его называли в народе —
Он принёс христианство на княжьих плечах.

В современном безвременье, княже Владимир,
Изобилье аптек, похоронных контор...
И народ твой безмолвствует, частью повымер.
Обращённый в себя, замутнён его взор.

В антикварках красуется царский, двуглавый
Наш имперский орёл. Жизнь в кредит
— лом в “цветмет”...

Но я верю, ещё засияет кровавым
Самородным рубином
Всерусский рассвет.

АЛЕКСАНДР УНТИЛА

Александр Унтила — новое имя в “Нашем современнике”. Спасатель 2-го класса автотранспортного отряда “Центроспас” с 2007 года, он до этого прошел суровую жизненную школу в войсках ВДВ. Награжден медалью “За отвагу”, медалями ордена “За заслуги перед Отечеством” 1-й и 2-й степени, “За воинскую доблесть” 1-й степени и “За разминирование”. Последняя — за личное активное участие в ликвидации обширных минных полей в братской Сербии после окончания там братоубийственной гражданской войны.

За два года и восемь месяцев боев и спецопераций в Чечне подразделение А. Унтила не потеряло ни одного солдата! Однако в расцвете своего воинского таланта он, как и тысячи других кадровых офицеров, выбрасывается из расхристанной Российской армии под предлогом ее дальнейшего “реформирования”. Следует напомнить, что нынешний министр обороны собирался вообще расформировать ВДВ по причине их якобы ненужности...

“Пусть я снял погоны, но до конца жизни я должен блюсти свою честь... Бывших офицеров не бывает, и ты не вправе совершать недостойные для себя поступки” — так сформулирует свое кредо А. Унтила после увольнения в запас. Потом было участие в мирных спецоперациях МЧС, в том числе на Саяно-Шушенской ГЭС, в поисках останков легендарной полярной экспедиции Альбанова на Земле Франца-Иосифа — уже по собственной инициативе группы спасателей. И потянуло солдата к перу. Однажды он признался мне, что “пробует писать”. Я попросил его прислать что-нибудь прочесть. Один из “чеченских” рассказов с доброго согласия редакции я и выношу на суд читателей журнала.

...Открою “тайну” фамилии автора. Он — этнический финн. Его дед попал в советский плен во время “незнаменитой” советско-финской войны, не успев вернуться на родину, обрусел, а уже его сын, отец Александра, стал гражданином России, доблестным офицером-вертолетчиком, отличившимся в небе Афганистана. Сын пошел по стопам отца.

“Моя фамилия не склоняется!” — твердо говорит Александр. Он и сам не склоняется под ударами судьбы.

Михаил ЧВАНОВ

НОГА

РАССКАЗ

Третий сводный отряд специального назначения от 54-го отдельного разведполка ВДВ выходил на боевую задачу. Отряд отвечал за всю горно-лесную часть Веденского района до самой Грузии, и ранней весной 2001 года работы разведчикам хватало. Закопошились зимовавшие в селах под легальными документами боевики, разномастные воины ислама потихонечку поперли со стороны грузинской границы — кто на заранее оборудованные лесные базы, а кто просто — подкалывать, где придется. Набирал обороты очередной сезон затянувшейся войны, которую теперь приказано было именовать контртеррористической операцией. Офицеры в отряде быстро переименовали ее в контрацептическую, давно махнув рукой на стратегические цели и идеи и сведя насущные заботы к минимуму — сберечь солдат и, по возможности, собственное здоровье, без потерь дотянуть до конца очередной командировки.

Без потерь, правда, не обходилось. Мало того, что многодневные сидения в засадах и пешие прогулки по зимним чеченским горам в поисках окопавшегося или выдвигавшегося на очередной промысел “душья” никому не прибавляли жизненного тонуса. Из и без того немногочисленного списка личного состава желтыми зубами выгрызал свою долю гепатит, от дистиллированной воды из горных ручек сыпались зубы. Содержимое сухих пайков, неизвестно по какому принципу, то цементировало наглухо содержимое желудков, то дружно подсаживало бойцов и командиров на жидкую струю. Обморожения, потертости, фурункулы считались личным недосмотром их обладателя, за такую напасть от начмеда можно было получить разве что пинок под зад в плане профилактики на будущее да временный титул дежурного чухана.

23:00, 03 марта 2001. Колонна пошла. Тихо, без света, почти на холостых. Три БТРа с личным составом на броне, “Урал” с боеприпасами и командно-штабная “шишига”¹. Не болтать, не курить, наблюдать во все стороны. Головной БТР ведет колонну на ощупь — ни звезд, ни силуэтов гор на чуть бледном небе. Со всех сторон морозящая снегом непроглядная темень. Раскишавшая ледяной глиной колея осталась слева, движение — по обочинам. На инженерную разведку времени нет, к рассвету надо быть под Элистанжами, ветать, закрепиться, замаскироваться. Первая группа спецназа с ходу выдвигается и садится на засаду, остальные тихо налаживают временный быт передвижного командного пункта — с этой точки 14 дней отряду работать по окрестным горам. Не дай Бог засветиться на марше или при оборудовании временного лагеря — в лучшем случае затаятся, отойдут, и вся работа пойдет прахом. В худшем — понаблюдают, подтянутся и накроют. Хотя и малочисленный, отряд специального назначения — желанная добыча для любого полевого командира, и подставляться никому не хочется.

Две недели при минимуме тепла и пищи. Фонарями не пользоваться, костры не жечь, одежду сушить на себе. Сон — урывками. Две группы на засадах или в разведпоиске, одна в охранении. Позади остался базовый лагерь — более-менее обжитый “Шанхай” с нехитрым уютом, печками, самодельными банями и чахлым, вечно больным электричеством от дизель-генераторов.

УНТИЛА Александр Павлович родился 3 апреля 1979 г. в пос. Южный Багратионовского р-на Калининградской области в семье военнослужащих. В июле 1996 г. поступил в Рязанский военный автомобильный институт, который окончил в июле 2001 г. С августа 2001 г. проходил службу в в/ч 48427 на должностях заместителя командира, командира группы спецназначения, заместителя командира отдельного батальона спецназа. Принимал участие в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского региона. С апреля 2007 года — спасатель отряда “Центроспас” МЧС России.

¹ “Шишига” — армейский грузовик ГАЗ-66.

02:20, 04 марта 2001. Подморозило, небо очистилось. Глиняная жижа схватилась коркой, хрусталем лопается под скатами крадущихся БТРов, глушит ровный тихий свист турбированных дизелей, демаскирует.

На посветлевшем своде проклюнулись ночные светила, обрисовались силуэты гор. Ориентироваться стало легче.

— Омич — Палычу:

— Связь.

— Две тройки.

Палыч — командир механизированной группы и зампотех отряда. Колонну ведет он. Капитан, 24 года, тянет уже третью командировку. У Палыча давно нет имени и фамилии, для офицеров — и воинского звания. По отчеству, ставшему позывным, к нему обращается даже командир отряда — грозный подполковник Шувалов, он же “Омич”.

Опытный, знающий, надежный и невозмутимый офицер, чемпион округа по боксу, внушал благоговейный уважительный ужас солдатам. Палыч мог днем и ночью провести колонну вне дорог в любом направлении. При полном отсутствии запчастей починить БТР. За два месяца из любого сопливого призывника, которого мама перед армией не научила умываться, подготовить хорошего механика-водителя или пулеметчика. Он не орал, не топал ногами, не раздавал зуботычины и практически не наказывал бойцов за их многочисленные “косяки”. Провинившемуся десантнику он смотрел в глаза и бросал одну только фразу, которая надолго делала несчастного посмешищем. Самой большой бедой для солдата было попасть к капитану на профилактическую беседу с глазу на глаз — общался с “преступником” Палыч в этом случае почти на равных, угощал чайком и сигаретами, но даже у самого отчаянного раздолбая в итоге долго шевелились от ужаса пеньки волос на голове, холодный пот тек за шиворот. Воин икал и пускал газы, тряся от стыда и осознания собственной ущербности.

Две тройки — значит, колонна стой. Метрах в сорока по курсу — две пары зеленых угольков. Палыч поднял “Вал”¹, приник к ночному прицелу. Волки. Две матерых тени с горящими светодиодами глаз. Стоят, не уходят, не шевелятся. Капитан чуть повел стволом, потянул спуск. Тихонько чавкнул затвор, между передних лап первого зверя зеленоватым облачком взметнулся фонтанчик мерзлой земли. Второй волчара — видимо, помоложе или самка — резко присел, подогнув хвост между задних ляжек. Вожак невозмутимо потряс передними лапами, досадливо стряхивая стегнувшие по ним льдинки. Звери продолжили путь.

— Омич — Палычу.

— Да.

— Две пятерки.

Колонна пошла.

05:30, 04 марта 2001. Вышли на место. В галогеновом мерцании увязнувших в дымке звезд наметились очертания небольшой поляны с провалами старых капониров под технику. Когда-то, еще в первую кампанию, на этом месте стоял артиллерийский дивизион, стоял основательно и плотно. Вгрызшись в землю, обложившись мешками с песком и окутавшись паутиной колючей проволоки, дивизион контролировал гаубичным огнем добрую треть Веденского района. Поляна чуть возвышалась над рельефом, была замаскирована подлеском, имела хороший обзор.

Приступили к работе саперы, проверяя место будущей стоянки. Солдаты поминутно останавливались, присаживались, поднимая левую руку, и осторожно ковыряли поляну щупами и пехотными лопатками.

06:30, 04 марта 2001. Омич собрал командиров. Вытирая пот, подошел Странник. Над командиром саперов колыхался светящийся воздух, от БЗК² шел пар.

— Долго еще?

¹ “Вал” — специальный автомат бесшумной и беспламенной стрельбы.

² БЗК — боезащитный комплект.

— Звенит все, товарищ подполковник. Банки, гильзы, колючка ржавая... Если все копать — часа два как минимум.

Шувалов на секунду задумался, потер кирпичный подбородок.

— Так, хорош, не успеваем. Пальч, распредели технику по капонирам и загоняй. Грач, готовь группу на засаду. Татарин, с тебя охранение. Ставь аккуратно, в кусты пусть не лезут. Странник, как рассветет, вокруг лагеря проверишь, могли растяжек понаставить.

В самый глубокий капонир Пальч загнал “Урал” с боеприпасами. Подошел к Страннику:

— Николаич, капонеры проверял?

— Не все успел, Пальч. Там все звенит, мусора укопали кучу.

— Эх...

На рассвете Странник снял в кустах вокруг лагеря четыре растяжки. Гранаты были относительно свежие, не проржавевшие. Свежими были и накопанные гильзы и банки, как будто специально принесенные и насыпанные вокруг да около для усложнения работы саперов. Сомнения, возникшие накануне, заворочались, как упитанные ежи в корзине, укололи душу.

— Местечко-то наше засвеченное, Странник.

— Да я уж понял... — сапер досадливо сплюнул. — Ждали нас тут, или предусмотрительные очень. Странно, что на въезде фугасик не поставили. Видимо, очень хотели, чтобы мы въехали.

— Что командир?

— Согласен. Думает, спалили нас. Скорее всего, у “душья” за такими местами постоянное наблюдение. Какой-нибудь бача раз в два-три дня делает обход, смотрит, не ведут ли свежие следы к местам старых стоянок.

— Думаешь, подтянутся? — Пальч щелчком стряхнул с плеча снежинку.

— А хрен их знает. Могут. Может, из минометов постреляют...

Шувалов принял единственно возможное в сложившейся ситуации решение — доложил в Ханкалу о случившемся, отправил все три группы на засады, на пути возможного подхода боевиков. В лагере оставили броню и минимум личного состава. Организовали круговую оборону, наблюдение за дорогами. На случай возможного обстрела из минометов или эрэсами¹ решено было восстановить старый блиндаж. Им занялись саперы. Расчистив вход, Странник послал бойца на разведку. Воин сунул в жерло укрытия миноискатель, и тот сразу истошно завопил зуммером. Осторожно потыкали щупом. В блиндаже было по щиколотку воды, схваченной ледяной коркой, из которой, как остовы затонувших кораблей, торчали пустые цинки из-под патронов. Посветили фонариком на сочащиеся влагой стены, под покрытый сосульками и мерзлыми поганками бревенчатый потолок... Есть. Еле заметная проволочка, на уровне глаз. Грамотно, ничего не скажешь. Заходя в незнакомое помещение, человек обычно светит по сторонам и себе под ноги, не замечая того, что находится перед его носом. Снимать растяжку пока не стали — кто его знает, сколько раз и где этот фугас продублирован. Рассеялись последние сомнения. “Духи” упорно ждали, когда кто-нибудь встанет на это место, ждали и готовились.

Омич приказал в случае обстрела прятаться в БТРах и сразу же выводить машины с площадки, и теперь сидел над картой, грыз карандаш и ломал голову, куда увести отряд. Двигать в базовый лагерь тем же путем было опасно, просить пехоту выставить блоки — окончательно запороть всю операцию.

Тянулся пасмурный день. Группы мерзли на засадах, потихоньку жевали галеты и холодную тушенку. Редкие снежинки кружили белыми мухами, ныряли в сыблую грязь.

16:46, 04 марта 2001.

— Омич — Татарину. Три двойки, по руслу. Вижу восемь. Вижу десять... двенадцать...

“Духи” шли по руслу. Шувалов быстро прикинул расклад. Нормально. Направление подхода угадано, мины выставлены, группа успела окопаться.

¹ Неуправляемыми реактивными снарядами.

Грач чуть сместился, отрезая боевикам пути возможного отхода. Отряд был небольшой, двенадцать “чехов”, вооружение стрелковое, два пулемета, гранатомет — наверняка разведка. Шли грамотно, головкой, боковые дозоры и тыл, но уж больно торопливо — видимо, не терпелось засветло выйти к лагерю и организовать наблюдение. Здоровенькие, упакованные, видно, что не первый год воюют, а вот дисциплина в подразделении хромает, идут вроде осторожно, а веточками похрустывают, стволами кусты цепляют, еще и ругаться умудряются полупшепотом.

Головной дозор сняли в два ВССа¹ и сразу растащили по кустам, забрав радиостанцию. Руслу ручья в этом месте делало небольшой изгиб, остальные “бородатые” держали дистанцию метров в сорок. На “духовский” запрос по станции ответили двумя щелчками тангенты — заблаговременно подслушанный условный сигнал. Главные силы противника двинулись дальше, дошли до поворота. Татарин произвел подрыв установленных мин. Четыре ОЗМки² разом грохнули, разметав клочья по деревьям. Боковые дозоры и тыл боевиков тут же залегли, открыв стрельбу во все стороны, но группа Татарина вжалась в открытые окопчики, слилась с мерзлым мхом, отмолчалась. Не получив ответа, “духи” успокоились. Решив, что заминированное русло никем не прикрывалось, повыглядывали из укрытий, закаркали гортанными голосами. Наконец, двое полезли в ручей, осмотрели тела подорвавшихся, собрали оружие и закарабкались вверх по склону. Тихо всхлипнули бесшумные винтовки, два трупа, бряцая оружием, покатались на дно. Немногочисленные остатки банды, уже не прячась, ломанулись назад по руслу, прямо на пулеметы Грача. Тут уже деликатничать не стали, бойцы прилежно поработали по коробу.

Шувалов был доволен. Минусы обернулись плюсами, среди разведчиков раненых и убитых нет, результат впечатляет. Шуму, конечно, наделали, но тут уж не до жиру. Забито двенадцать “бородатых”, если их основные силы где-то на подходе — вряд ли сунутся, услышав звуки боя и потеряв со своими связь. Трофейная станция пару раз что-то обеспокоенно спросила на чеченском и замолкла — “духи” ушли на другую частоту. Сейчас ноги в руки и сваливать отсюда. Жаль, погода хреновая, вызвать бы вертолеты, может, получилось бы засечь остальных и грамотно навести артиллерию... Надо спешить. Пока светло, есть шанс проскочить.

18:00, 04 марта 2001.

— Палыч — Омичу.

— Связь.

— Все, отход, “ленту” на дорогу.

БТРы и “шишига” выползли на дорогу, построились в походный порядок. Наводчики хищно поводили жалами пулеметных стволов, обшаривая в прицелы стремительно темнеющие склоны. Грузеный “Урал” беспомощно елозил в своем укрытии — за день жирная глина подраскисла, солидолом забила протекторы колес. Из леса потянулись разведчики — пыхтящие, нагруженные трофейным оружием и снаряжением. Развернули охранение, полезли на броню. Водитель “Урала” — бритоголовый, с оттопыренными ушами боец по фамилии Клюков, смешно пучил глаза и вытягивал шею, отчаянно газовал.

Палыч подошел к “Уралу”, глянул в капонир, открыл дверь в кабину.

— Слушай сюда, Клюква. Я тебя сейчас бэтэром зацеплю; как трос натянется, дашь на первой полный газ, как вылезешь — сразу нейтралку и по тормозам. Понял?

— Так точно...

— Давай...

Палыч выдернул из колонны замыкающий БТР, подогнал задом, завел буксирный трос. Отошел метров на двадцать — не дай Бог лопнет — срежет, как бритвой. Махнул механику. БТР пыхнул соляжкой, потянул, Клюков дал газу, “Урал”, поднимая фонтаны жидкой грязи, полез из своей ловушки...

¹ ВСС — винтовка снайперская специальная.

² ОЗМки — осколочные заградительные мины.

18:10, 04 марта 2001. Земля встала вертикально и с размаху ударила Палыча по затылку. Пропали звуки, смазалась картинка. Капитан попытался вдохнуть — не смог. Подвигал челюстью, выплюнул что-то соленое, дунул в нос, прочищая ходы. Поморгал глазами. Прямо по курсу было пасмурное небо, под ногами пустота. Наконец до него дошло, что он лежит на спине, впечатавшись в огромную лужу, ледяные струйки уже весело текут за шиворот, холодят гудящий затылок. Сразу встать не получилось, Палыч перевернулся на живот, встал на карачки, утопив в жиже ладони. Закашлялся, выхаркивая из легких комья глины. Все действия казались невообразимо затянутыми, как при замедленной киносъемке.

Так, “Урал”... Где он? Поднялся, помотал головой...

Грузовик скатился назад, в капони́р, кабина была разворочена, левое переднее колесо залетело в кусты.

На выезде из укрытия чернела воронка, над которой все еще висело в воздухе сизое облако, напоминающее небольшой ядерный гриб. Возвращающееся обоняние резал вонью солярки и тротиловой гари.

“Оружие!” — обожгла мысль. Палыч поискал вокруг себя. Автомат оказался в руках, только держал его капитан как будто двумя кусками дерева. Забросил оружие за спину и, шатаясь и потирая отсушенные ладони, победил к “Уралу”.

Грузовик наклонился на левый бесколесный бок, крыша вздыблена, искореженную дверь заклинило. Срывая ногти, потратив бесконечные секунды, удалось ее открыть. Палыч встал на подножку, хрустнул стеклянным крошевом. “Урал” накренился еще, застонал рваным железом. Вот он, Клюков, как обычно, выпучил свои глаза, затянутые красной сеткой полопавшихся сосудов, пялится с ужасом и непониманием.

Секунда на оценку обстановки. Боец зажат между сиденьем и рулем в районе таза, голову держит, значит, шея не сломана. Странно, потолок кабины над его головой вмят, явно здорово припечатался. Правая рука сломана и неестественно вывернута, ниже локтя вообще сплошное месиво, а дальше... Дальше. Левую ногу не видно, теряется где-то под остатками приборной доски. Пах разворочен, лоскутья и клочья ваты — остатки штанов — густо пропитаны кровью. Правая нога... Правая разбита в районе бедра, явно разорвана артерия — кровь хлыщет пульсирующими толчками, скатывается ргунными шариками по снежно-белому обломку бедренной кости.

Клюков пялится необыкновенно осмысленным взглядом, но явно не понимая, что с ним произошло и что ему делать — боли он, по всей видимости, еще не чувствовал из-за шока. Палыч глянул на него построже, тихо сказал:

— Рот закрой, воин. Нормально все.

Боец немедленно захлопнул отвисшую челюсть, длинно, со свистом выдохнул, пустив из угла рта кровавые пузыри, и вдруг обмяк, мешком сполз на сиденье.

Все. Надо вытаскивать его отсюда. Палыч обернулся, хрипло проорал через плечо: “Жгуты и промедол!”

Правая нога солдата оказалась обмотанной вокруг рычага переключения передач, держалась на лоскуте кожи и лохмотьях ватных штанов. Недолго думая, Палыч вытащил нож и обрезал все это. Дернув вниз остатки штанины, проткнул ее сбоку лезвием, пару раз крутанул, затягивая импровизированный жгут. Водительское сиденье со своих креплений было сорвано. Капитан вышиб его пинком вглубь салона, потянул молчавшего Клюкова на себя. Левая нога выскользнула из своего плена, изгибаясь в тех местах, где ей совсем не положено. Все ясно, тоже раздроблена. Пачкаясь в липкой крови, подхватил бойца под тощий зад, передал кому-то в подставленные руки.

Стали подходить разведчики, прибежали командиры групп. Доставали промедол, потрошили свои индивидуальные перевязочные пакеты. Кто-то не сдержался, запричитал:

— Ой, бя...

— Ой, ё...

Клюков задышал, оглянулся безумными глазами и заскулил.

— Тихо все! На хрен ушли отсюда! — Пальч поймал взглядом вытаращенные глаза первого попавшегося разведчика. Тихо и внушительно сказал: — Сейчас жуты нагоните, он запаникует и умрет. Все нормально, всем улыбаться, ясно? И вообще, дуйте по своим местам, не дай Бог, обстрел начнется.

Подошел Омич, разогнал разведчиков.

— Ты как сам-то, Пальч?

— Нормально...

Капитан дошел до БТРа, постучал в броню прикладом.

— Тимоха, цел?

— Так точно...

— Воды умыться дай... И бушлат чистый.

Пока механик возился внутри машины, Пальч повернул на себя зеркало заднего вида, глянул... Да уж, ну и рожа. Весь в крови и глине, на черта похож. Скинул бронежилет, бушлат, ставший комком сырого теста. С пятилитровой пластиковой баклажкой подскочил Тимоха.

— Вот, товарищ капитан... Из силового, теплая...

— Полей...

Пальч умылся, стуча зубами, теплой водой, натянул чистый бушлат и пошел помогать доктору.

Клюков, обколотый лошадиной дозой промедола, наконец, потерял сознание. Доктор уже навертел из бинтов целый футбольный мяч и затолкал его солдату в пах, наложил нормальный жгут на оторванную ногу и теперь накладывал шины на переломанные конечности.

— Как он, Док? — мысли тяжело ворочались в гудящей голове, заплетался язык.

— Хреново... Крови потерял много, если внутренние повреждения есть — вряд ли довезем. Омич вертолет пошел вызывать... тут, в общем, так целый набор, еще и нога...

“Нога!” — мысль молнией мелькнула в разжиженном контузией мозгу.

— Тимоха!

Примчался механ, вылутился на распростертого Клюкова, отвалил челюсть и завис. Пальч вывел его из ступора подзатыльником, отвел в сторону.

— Тимоха, лезь в “Урал”. Там осталась нога Клюкова, возьми ее, ботинок и штанину снимешь, нарешь чистого снега — вот с этой горки, дальше не лезь. У тебя две РПГ лежат в десанте, снимешь с них целлофан. В один замотаешь ногу, вложишь в другой, а промежуток забьешь снегом. Если летчики быстро прилетят, может, еще и пришьют. Понял?

Тимченко умчался, Пальч, преодолевая тошноту и мотая головой, помог Доку. Начмед что-то плел, но пчелы, свившие улей в черепной коробке и отчаянно гудевшие, мешали его слушать.

— Слушай, Док, сустав у него цел тазобедренный?

— Да вроде...

— А яйца?

— Там все всятку, Пальч. Мягкие ткани все в лоскуты. Как он жив-то еще, не пойму. Я вот помню...

— Слышь, Димон, а ногу ему можно пришить? Я сказал, чтобы ее в снег замотали. Ну, я читал где-то, что так можно сохранить оторванную часть...

— Не знаю... вряд ли. Судя по всему, ему с бедра вынесло кусок, я изпод бушлата две горсти обломков выгреб... Хотя можно вставить штырь металлический, а кожу и мышцы со спины вырезать... Ты сам-то как? Ого, у тебя кровь из уха... — Доктор опять затрепал языком, видно ему необходимо было говорить, чтобы отвлечь себя от страшной работы.

Опять заморосило. Клюкова бережно перетащили в БТР, накрыли одеялами. Док с трудом нашел у бойца вену, воткнул иглу, подвесил под броневой потолок какой-то пакет.

Снаружи забарабанили:

— Пальч!

У БТРа стоял Омич.

— Как боец?

— Жив пока...

— Я с Ханкалой связался. Двигаться нам нельзя, и вертушка придет только утром. Темно уже и погоды нет... — комбат выругался. — Расставь бэтээры по периметру охранения и иди к бойцу. Продержи мне его до рассвета, слышишь, Палыч? Тебя солдаты слушаются, вот и прикажи ему, чтобы не умирал...

— До рассвета... Ногу не пришьют, поздно будет.

— Какую ногу? — не понял Шувалов. Палыч рассказал ему про ногу.

— Ничё... Снег чаще меняйте. Бывают исключения, — обнадеежил комбат и, развернувшись, ушел в темноту.

23:05, 04 марта 2001. Палыч полез в десант. Клюков очухался, застонал, разлепил глаза.

— Товарищ капитан... Товарищи капитаны... где я?

— В БТРе ты, Клюков. Спи давай, чего проснулся?

— Я подорвался, да?

— С чего ты взял...

Клюков с трудом сглотнул, хотел кашлянуть, но не смог.

— Я знаю, подорвался... Сильно?

— Зацепило маленько... Меня самого тряхнуло, голова гудит. Жить будешь. Не истери мне тут!

— Не, я нормально... Я только вот одного не пойму, товарищ капитан...

Клюков зажмурился, из глаз ручьями потекли слезы — промедол отпускает, догадался Палыч.

— Почему я, товарищ капитан? Ну почему я? Столько народу, командировка, считай, к концу подходит, и все целы, почему я-то?

Губы водителя задрожали, в глазах вспыхнуло отчаянье, всё, сейчас сорвется, понял Палыч. Ему жалко, невообразимо жалко было Клюкова, но он понимал: пожалей сейчас бойца — и тот зарыдает, забьется, замечется, выдерет сломанными руками капельницу, разорвет бинты. Надпочечники выплеснут в кровеносное русло адреналин, повысится давление, сердце закачает-погонит и без того скудные остатки крови из сочащихся ран. Жалость поставит их на один уровень, а Клюкову сейчас нужен командир. Он должен чувствовать рядом силу, бояться и слушаться ее, не позволять себе расслабиться. Палыч поймал мутный взгляд Клюкова, спокойно и зло сказал:

— Ты охренел, мартышка? Ты что, хотел, чтобы Тимоха подорвался или я? Тебе легче было бы, воин?

— Да нет, я не в том...

— Вот и помалкивай лежи, силы береги. И вообще ты у нас везунчик, лежишь тут живой, болтаешь всякую хренотень. Починят — плясать будешь. Нам еще два месяца корячиться, а ты сейчас домой улетишь, к подружке, она тебе, герою, плюшки будет в госпиталь таскать...

— Подруга... — Клюков выдулил глаза. — Товарищ капитан, а у меня... ТАМ... цело все?

— Ясен пень, — соврал Палыч, поняв, что с подружкой допустил осечку. — Ты вон на доктора так возбудился, что ему пришлось твое полено к ноге примотать. Ты, может, у нас нетрадиционный, а, солдат?

Клюков попытался улыбнуться, его перекосило.

— Тебе больно, воин? — встрял доктор. Палыч зыркнул на него, сильно пихнул локтем в бок. Не хватало еще, чтоб солдат сконцентрировался на своих ощущениях.

— Больно...

— Док, на хрена ты спросил? — зашипел Палыч. — Коли теперь промедол.

— Нельзя, и так уже шесть тюбиков.

— Ну, а на хрена спросил тогда? Клюков, ты терпи, понял? Сейчас вертолет придет — и все, конец. Госпиталь, белые простыни, медсестры... Терпи, родной... Терпи, с-сука!!!

Боец заметался, пошел испариной. Впал в забытие, заскулил. Вкололи еще промедол. На возражения доктора Палыч резонно заметил, что допустимые дозы рассчитаны с большой перестраховкой, а если боец помрет от боли, то доктор ляжет рядом с ним.

05:30, 05 марта 2001. Клюков то терял сознание, то просыпался, бредил и стонал. Палыч то материл его последними словами, то успокаивал, смачивал распухшие горячие губы водой и чаем, выдавливал их по капле из ватного тампона солдату в рот. Он рассказывал ему байки и анекдоты, заставлял слушать, смеяться и смотреть в глаза. То называл Клюкова братом, то уродом маминым, плаксивой телкой, макакой и позором ВДВ... Заставлял рассказывать про свою деревню, читать стихи, исполнять Гимн России... Палыч тянул его на тросах нервов, на канатах сухожилий, усилием воли выдирая и сплетая их из собственной плоти, физически ощущая, как звенят они от натуги, дрожат перетянутыми струнами, удерживая ускользящее сознание солдата, как потрескивают, рвутся, кучерявятся кольцами их отдельные пряди.

Тросы жгли руки, резали ладони, капитан наматывал их на локти и тянул, так сжимая челюсти от напруги, что скулы, казалось, вот-вот прорежут кожу, раскрошатся зубы, лопнут мелкие сосуды и вены на руках.

Клюков жил, держался, цеплялся за капитана. Он боялся умереть, зная, что нарушит его, командира, волю, и Палыч будет недоволен им, может, даже назовет солдатом-обезьяной. В его обескровленном, изломанном теле теплился уголек духа и твердая вера в командирское слово. Если Палыч сказал, что Клюков выживет, значит, так оно и будет. Не может не быть.

Дважды заглядывал Омич. Приходил Странник, рассказал про фугас. Безоболочечный, замыкатель был прикопан и засыпан гильзами сантиметров на семь. Когда загоняли “Урал”, земля была подмерзшая — он и не сработал, а за день подтаяло... Да Клюков еще, как назло, буксанул, колесами сверху поелозил. Источник питания — японский аккумулятор большой емкости, вынесен далеко в сторону, закопан на метр и утеплен. У фугаса была и вторая часть, гораздо более мощная, и рвануть она должна была прямо под кузовом груженного боеприпасами “Урала”. Части устройства соединял детонирующий шнур, но он почему-то не сработал.

06:30, 05 марта 2001. Забрезжил рассвет. Клюков уже ничего не соображал. Он осунулся, посинел, ничего не говорил и не слышал, только чуть шевелил побелевшими губами. Палыч уже просто сжимал его единственную целую руку, пытаясь через кожу перекачать из себя частичку жизни в тряпичное тело солдата. Усилием воли подгонял неторопливые секунды.

Пришел вертолет, грузно коснулся колесами поляны. Поднял ледяную пыль, змеями погнал по земле оранжевый дым пирофакелов, обозначавших место посадки. Два “крокодила”¹ сопровождения кружили в воздухе. Клюкова погрузили, за него тут же взялись ханкалинские врачи — воткнули плазму, надели маску, еще что-то...

Палыч шел от вертолета к БТРу. Поднял глаза, увидел, что навстречу ему, скользя по грязи, бежит Тимоха, прижимая к груди пакет.

— Товарищ капитан, нога, ногу забыли!

Ё-моё... Палыч вырвал у солдата пакет, бросился к вертолету. Грузная “Восьмерка”² уже закрыла боковую дверь, готовясь к взлету.

— Стойте, стойте, черти! — кричал капитан. — Ногу заберите!

Дважды его сбивало воздушным потоком, Палыч падал и снова бежал. Наконец вертолет оторвался и, заложив с места крутой вираж, полез в светлеющее небо.

07:05, 05 марта 2001 г. Палыч сидел, прислонившись к колесу БТРа, злые слезы текли по лицу. Дикое напряжение прошедших суток отпускало, выходило нервной электрической дрожью. Капитан вдруг обозлился на себя, встал, размазал копоть рукавом. Подошел доктор, принес в железной кружке граммов сто спирта. Палыч молча проглотил, запивать не стал.

— Доктор, а ногу-то не забрали. Не успел я отдать. Теперь всё, не сохраним? Может, с колонной центроподвоза отправить?

— Не, Палыч, теперь всё. И так-то шансов мало было.

— Эх, баран я, надо было ее сразу у Тимохи забрать!

¹ Боевой вертолет МИ-24.

² Транспортный боевой вертолет МИ-8.

— Разверни, давай хоть посмотрим состояние, — предложил Док.

Разрезали верхний пакет, вытряхнули снег. Внутренний пакет оказался неестественно маленьким и мягким. Развернули, высыпали... Кусок ступни с пальцами, пятка, куча разрозненных лоскутов плоти и отломков кости, самый большой величиной с ладонь.

— Тимоха! Что это за хреновина, воин!

— Нога, товарищ капитан... — Испуганный Тимоха таращил из лока заспанные глаза, — я в “Урале” окошки позавешивал и всю ночь собирал с фонариком. Все собрал, до последней крошки... Не пришьют?

Пальч молча сгреб ногу обратно в пакет, бережно положил в БТР.

— Нормально все. Заводи давай и вставай в замыкание. Мабута¹ уже до нас блоки выставила, двинемся сейчас.

07:45, 05 марта 2001.

Пальч — Омичу.

— Связь.

— Готов?

— Да.

— Три пятерки.

— Понял.

Колонна пошла...

ЭПИЛОГ

Клюков выжил. Из Ханкалы его перевели в Ростов, потом в Москву, в госпиталь Бурденко. Солдату пришлось, помимо оторванной правой ноги, ампутировать левую ниже колена и правую руку выше локтя. Заштопали легкое, удалили селезенку и еще Бог знает сколько всего. Клюков на удивление стойко переносил тяжелейшие операции, держался и даже пытался шутить. Когда же его, наконец, перевели в палату и разрешили посещение родным, боец сломался под их сочувственными взглядами и похоронным нытьем. Он причитал и капризничал, как маленький, размазывал по лицу слезы и слезы, ревел сутки напролет. Бился в истерике, отталкивал посуду и ничего не ел. После дикой дозы успокоительного впадал в жар, липкий бред, все стонал, грозил какому-то Пальчу, обещал найти его и убить за то, что не дал ему, Клюкову, умереть, заставил жить обрубленным кастратом с привязанной до конца дней к культе бутылочкой...

Как-то, месяца через полтора, уставшая, перепуганная мать бочком протиснулась в палату. Клюков лежал и, безучастно уставившись в потолок, изучал трещины в побелке.

— Опять ничего не ел... Осунулся-то как, сынок, кожа да кости, прям светишься весь. Тебя лекарствами пичкают, кушать надо...

За окном шумела буйная молодая листва, верещали птахи. Четвертый этаж. Сегодня ночью он сделает это, лишь бы окно не закрыли. Любой ценой, на руке и зубах, пролезет через дужку кровати на подоконник, совершит свой последний в жизни прыжок. Не крайний, как говорят в ВДВ, а именно последний.

— Письмо тебе, сынок... Из части, что ли. Москва-400, капитану Путилову. Прочитать тебе?

Клюков заморгал, оторвал глаза от гипнотической трещины в потолке.

— Дай сюда... Сам я.

С трудом разорвал конверт, вытащил исписанный с одной стороны листок.

Солдат читал письмо и менялся на глазах. Обрисовались скулы, появился блеск в глазах. Он живо пробежал глазами строчки, уже не в первый раз перечитывая написанное. Наконец опустил листок на грудь, вытянулся, подобрался. Казалось, он сейчас стоит в строю — только почему-то лежа. В глазах — деловая озабоченность, на впалых щеках — впервые румянец.

¹ “Мабута” — общее название, придуманное десантниками для подразделений, не относящихся к ВДВ, то ироничное, а то и презрительное.

Вошла старая докторша, осеклась на полуслове, оторопело уставилась на пациента.

Клюков расправил на груди тельняшку, перевел на мать повеселевший взгляд.

— Мам, принеси воды теплой, бритву, щетку зубную. Я тебе сейчас адресок черкану, сходишь в Союз ветеранов. Скажешь, капитана Путилова солдат, пусть помогут, чем смогут. И книжек принеси — в институт восстанавливаться надо. Скоро командир придет...

Будем жить!

P. S. Как мать ни просила, письма ей Клюков так и не показал. Сын часто его перечитывал и хранил как величайшую драгоценность. Она ревновала и не могла понять — какие такие неведомые слова смог найти командир, и почему их не подсказало ей материнское сердце. Матери однажды удалось случайно разглядеть только первую строчку. Письмо начиналось словами:

“Клюков, обезьяна...”

ИРИНА СУРНИНА

И СТУЖЕЮ ПАХНУТ БЕРЁЗЫ

* * *

Эх, пропадом всё!
Чернеет компьютер пустой,
Слизало дотла: ни жилья у тебя, ни ночлега.
Вот так же, наверно, стоял горемыка простой
Один на снегу после злого, с пожаром набега.

Что толку лепить
И любовно лелеять жильё,
Детей поднимать и, потея, выхаживать поле,
Коль с криком гортанным влетит вороное ворьё
И выметет всё, и останется вольное горе?

Не плачут старухи,
Молчат глубоко старики.
Свалили страну и оставили просто времянку.
И хочется мне убежать от звериной тоски
И вырыть в лесу между трав и корней землянку.

И в небо кричать
Или в землю — уже всё равно,
Слова позабыть и замолкнуть, чтоб слух истончился.
А после и домик сложить — золотое бревно,
Чтоб свет из окошка на снег затаённо сочился.

СУРНИНА Ирина Юрьевна родилась на Алтае, в городе Рубцовске. Окончила Петрозаводскую консерваторию, Литинститут им. А. М. Горького. В 2005 году вышел сборник стихов "Золотая Русь". Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

“Да исправится молитва твоя...”

Услышала и обомлела вдруг —
Такое петь под силу ли вокалу,
Всю боль нести и тихую опалу
И удержать, чтоб не сорвался звук?..

А голос нёс и повторял холмы,
Наплывы плавные моей земли забытой,
Ещё не утонувшей, не забитой,
И души, из которых вышли мы.

Не прерывай, продли глубокий пев!
На нём одном и держится вечерне
Моя земля, припомненная вчерне
Молитвою, на ощупь, нараспев.

* * *

— Привези самоцветы из Индии!
— Кто ж меня в этой Индии ждёт?!
В сонном ящике камни, и мидии,
И прозрачная рыбка живёт.

Золотые обои облезлые,
И в окне голубом облака,
И метанья мои бесполезные,
Нет работы, и страшно слегка.

А на улице ново и холодно,
Ты сосульку с трубы отломил.
А вокруг затаённо и голодно,
И никто нам не рад и не мил.

В переходе, где бус поразложено
И насквозь продувается мир,
Оглянётся индус настороженно
И покажет в ладони сапфир.

* * *

Сдвигается и убывает
Под белой лопатой снег.
И шаркает, шаркает знает
Запаренный дворник-узбек.

И стужею пахнут берёзы,
Дровами, что дед приносил.
Закружится воздух тверёзый
От белых нахлынувших сил!

А тёмные проруби стынут
Глубокой крещенской водой.
И снега достанется сыну,
И лыжник летит молодой!

* * *

Тихо живут старики,
Редко выходят из дома
Возле замёрзлой реки
В пятиэтажке знакомой.

И ничего не хотят,
Лишь телевизор остался.
— Бать, почитал бы хоть, а?
— Что мне читать! Отчитался.

Бродит по комнате мать,
Тихо к чему прикоснётся.
Может, окликнуть, позвать?
Вдруг вдалеке оглянётся?

Батин с железками стол,
Мамины залежи ситца.
Если их вынести, то...
Я ведь могу не родиться.

* * *

Отец потянется за мною
И только выдохнёт:
— Уже?..
А я привыкла и не ною
На тридевятиом этаже.

Помыла полки, пол, посуду
И занавески завела.
Когда ещё я с вами буду?..
Не зря приехала-была.

— Осталась бы, помылась в бане,
Я баню быстро истоплю..
А я давно привыкла к ванне —
Но что ж застыла и стою?

И никакой-то здесь природы:
Дорога, вышка, облака
И огороды, огороды,
Болотце в грусти ивняка.

И листья тихие не летни,
Я ж на год-два, не навсегда.
И этих яблок вкус последний,
И в бочке чёрная вода.

КОНСТАНТИН ОЖЕРЕЛЬЕВ

ГОРИТ ОТЕЧЕСТВО...

* * *

Памяти В. Кожина

Я знаю точно, что немного
мне золотых досталось дней;
в душе моей лежит дорога,
и верно следую по ней.

Не от избытка ложной славы,
а потому что нету сил
глядеть, как плачут Ярославны
на искалеченной Руси.

Опять, как встарь, они рыдают
и погребают сыновей,
а всё, что собрано трудами,
пожрал свирепый суховей.

И пусть без имени та сила,
неисчислимая орда —
мне путь мой ясен до могилы,
и ровен шаг, рука тверда.

ОЖЕРЕЛЬЕВ Константин родился в 1987 году в г. Степняк Кокчетавской области (Казахская ССР). Окончил филфак Кокшетауского государственного университета. Победитель регионального конкурса молодых поэтов в Кустанае. Живет в Омске.

* * *

Как ты поддался легковерно,
мой русский брат единовѣрный,
той клевете, что мечет гнусь?!
Ведь не “Союз” тогда распяли,
когда мы безмятежно спали,
а историческую Русь!
Горит отечество, и вроде
не поздно силы бросить в бой.
Но ты на Родине — безроден...
Мой брат пропавший, что с тобой?

СЛУЧАЙ

С. Н. Касенову

*...и на пороге царствия земного
не урони себя, душа...*

Встречала беспристрастная таможня
озябших на предутреннем ветру
инструкцией “чего нельзя — что можно”,
перетекавшей в милую игру:
шуршали сумки и плащи из кожи,
хрустел пакет, щенок, скуля, скучал:
работала исправная таможня,
конвейерный мотор смешно мычал.
“Российско-казахстанская граница”...
Такого не придумать в страшном сне!
А всё же не мерещится, не снится,
что мы теперь живём в “другой стране”.
Я помню, как старушка — тихо, мило —
промолвила: “Чего везу, милоч?
Везу сынку цветочков на могилу,
чего ещё...” И шорох в зале смолк...
Очерчены границы, территории,
но в самой заповеданной глуши
укором переписанной истории
взойдёт безмерность целостной души.

СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

РАССКАЗ

Эля Семеновна Клячкина посмотрелась в зеркало, поправила пальцами прическу и, слегка прищурившись, уставилась на левую бровь. Ей показалось, что одна волосинка выбивается из ровной дугообразной линии и придает брови некрасивый вид. Она неторопливо достала из сумочки маленький блестящий пинцет и, сморщившись, выдернула не вписавшуюся в стандарт волосинку. Затем повязала голову черным шелковым платком, еще раз взглядела в зеркало и, не найдя больше в себе никаких изъянов, направилась на автобусную остановку.

Вот уже три года подряд в день святой родительской субботы перед праздником Троицы она отправляется на кладбище на могилу мужа, умершего на ее глазах ночью от инфаркта. Эля Семеновна гордится могилой, памятником, который она поставила, и посещение кладбища стало для нее главным смыслом жизни. В автобусе она садится у окна, отрешенно смотрит на мелькающих за стеклом прохожих и думает о том, как хорошо иметь то, что выше тебя, что вечно, что уже не изменить и не исправить, чему можно только поклоняться. На пространстве, огороженном низенькой железной оградкой, внутри которой только небольшой зеленый холмик с мраморным памятником, время остановилось. Здесь можно думать лишь о высоком.

ВТОРУШИН Станислав Васильевич родился в 1938 году в г. Новосибирске. Вырос на Алтае. Закончил Алтайский политехнический институт и отделение журналистики ВПШ при ЦК КПСС. Работал в газетах "Алтайская правда", "Красное знамя" (Томск), двадцать лет был собственным корреспондентом "Правды" в Тюмени, Новосибирске, Праге. Автор десяти книг прозы и поэзии. Лауреат премии имени Алексея Толстого и Демидовской премии. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

Эле Семеновне за пятьдесят. У нее круглое ухоженное лицо, такие же ухоженные белокурые волосы, и если бы не выпирающий живот и толстые бедра, делающие ее коротышкой с отвислым задом, она бы до сих пор могла пользоваться успехом у мужчин своего возраста. Но о мужчинах Эля Семеновна не думает. Никаких чувств у нее к ним нет.

Еще в школе она определила для себя, что настоящий человек должен посвятить свою жизнь чему-то возвышенному.

В старших классах она стала приглядываться к своим сверстникам, но ни в одном из них не находила ничего выдающегося. Между тем все ее подружки сходили с ума от учившегося в десятом “Б” Эдика Стрекалова. Эдик был гимнастом, на городских соревнованиях выиграл звание чемпиона. Его посылали на всероссийские, но там он то ли повредил, то ли потянул какую-то мышцу и выступить не смог. Больше всех в него была влюблена Светка Баранова. Дергая за рукав Элю, когда Эдик проходил мимо, она полупшепотом говорила ей в самое ухо:

— Ты только посмотри, Элька, какие у него плечи. А руки! Я бы все отдала, чтобы хоть раз покачаться на его руках.

О том, что могла отдать Эдику Светка, не надо было и спрашивать. Эля внимательно смотрела на школьного гимнаста. Был он стройным, мускулистым, с немного бледным, но чистым, волевым лицом и коротким ежиком самой модной в то время прически. Такую можно было сделать только в Москве. Эля вздохнула и сказала:

— Эдик — парень что надо.

А про себя подумала: а почему бы не стать спутницей великого спортсмена? На следующий день, надев спортивный костюм, она пошла в гимнастический зал, где тренировался Эдик. Подождав, пока он закончит упражнения на кольцах, она подошла к нему, изобразив на лице самую невинную улыбку, и попросила:

— Эдик, помоги мне стать гимнасткой.

— Ты можешь подтянуться? — нисколько не удивившись, спросил Эдик.

— Не знаю, не пробовала, — откровенно призналась Эля, растерянно посмотрев на висевшие над головой кольца.

— Давай я тебя подсажу. — Эдик ухватил ее крепкими ладонями за талию (тут она сразу же вспомнила Светку, которая хотела покачаться на его руках) и осторожно поднял вверх.

Эля уцепилась за кольца и попыталась подтянуться на руках, вытянув ноги под углом девяносто градусов, как это делал Эдик, но у нее ничего не получилось. Повисев несколько мгновений, она разжала руки и мешком свалилась на пол. При этом приземлилась так неловко, что даже ойкнула.

— Подвернула ногу? — испуганно спросил Эдик, сразу наклонившись к ней.

— Не знаю, может быть, — тихо ответила Эля, осторожно вытягивая и поглаживая левую ногу.

Эдик одной рукой взял ее за лодыжку, другой за носок кроссовки, несколько раз согнул и разогнул ступню, повертел из стороны в сторону. Эля почувствовала, что начинает дрожать от прикосновения его рук. Ей вовсе не было больно, просто эти прикосновения неожиданно вызвали учащенное сердцебиение. Ей стало одновременно и радостно, и страшно. Чтобы не смотреть в лицо Эдику, она закрыла глаза.

— Кажется, ничего серьезного, — сказал он, отпуская ногу и помогая Эле подняться. И от одной этой фразы, произнесенной участливым тоном, сердце Эли забило еще сильнее.

С тренировки он проводил ее до дому. На следующий день все девчонки школы узнали об этом. Первой к ней подбежала Баранова.

— Он тебя целовал? — дрожащим голосом спросила она, заглядывая Эле в глаза.

И Эля поняла, что благодаря Эдику она в один миг поднялась над всеми девчонками. Она стала для них недосягаемой. И этой высоты она уже не хотела отдавать никому. С Эдиком они не целовались, но, опустив глаза, Эля сказала с напусковой небрежностью:

— Всего два раза. Да и то, когда уже начали прощаться.

— В губы? — наклонившись к Элиному лицу, Баранова просто пожирала ее горящими глазами.

— Ну а куда же еще? — не понимая, почему это так важно для подружки, засмеялась Эля.

С этого момента Эдик стал для нее божеством. Она хотела всем своим существом служить ему, чтобы купаться в лучах его ослепляющей славы. Незадолго до выпускных экзаменов, теплым майским вечером на берегу реки, где дурманяще пахла цветущая черемуха, осыпавшая белые лепестки прямо на голову Эле, она отдала Эдику то, на что намекала Светка Баранова. Эля думала, что после этого у них с Эдиком наступит любовь, которую люди, живущие высокими целями, называют вечной. Но, встретившись с ней еще несколько раз под отцветающей черемухой, Эдик охладел к Эле. Сдав экзамены, он уехал на соревнования не то в Минск, не то в Ростов, и больше они с ним не встретились.

После этого случая Эля решила, что ни одному мальчику верить нельзя. Их интересует только то единственное, что есть у девушки. Ни о чем другом, тем более о том, что чтобы связать с кем-то свою жизнь, они не хотят и думать. Но сама Эля не переставала мечтать о высоком.

На втором курсе института культуры, куда она поступила, в самом начале учебного года случился переполох. Прибежав утром на занятия, девчонки увидели, что в лекционном зале за одним из столов сидит негр. На его черном, лоснящемся, словно вакса, лице выделялись только похожие на фарфоровые белки глаз с красными прожилками. Увидев девушек, негр улыбнулся. Его улыбка оказалась ослепительно белозубой и располагающе приветливой. Это был аспирант из Танзании Бабу Мпенза, собиравший материал для диссертации о подготовке кадров учреждений культуры в России.

Танзаниец вполне сносно объяснялся по-русски. Из всех студенток он сразу выделил Элю. Может быть, потому, что она была белокурой, а может быть, из-за осторожно любопытного взгляда, которым она его одарила.

Вечером Эля увидела танзанийца в своем общежитии. Оказалось, его поселили в отдельной комнате на том же этаже, где жила она. Эля пошла в вестибюль посмотреть с девчонками телевизор и в коридоре чуть не налетела на Бабу Мпензу. Высокий и стройный, он был одет в плотно облегающую мускулистое тело белую футболку и такие же шорты, на ногах у него были роскошные белые кроссовки. Одежда так подчеркивала его физические достоинства и так контрастировала с черной кожей, что Эля невольно остановилась. Танзаниец расценил это как знак внимания к своей персоне и заговорил с ней. Даже спустя много дней Эля не могла понять, почему так быстро они с ним познакомились, перешли на ты, и она очутилась в его комнате.

Танзаниец усадил ее в кресло у окна, в течение нескольких мгновений приготовил ароматнейший кофе (как говорили потом девчонки, его запах разнесся по всему коридору), положил на столик перед Элей коробку хороших шоколадных конфет.

Эля была в короткой юбке и испытывала смущение из-за своих слишком открытых ног. Это стесняло ее, делало скованной. Но за весь вечер Бабу Мпенза ни разу не остановил взгляда на ее коленках. Он расспрашивал о дисциплинах, которые преподаются в институте, о том, куда после его окончания направляются выпускники, особенно подробно интересовался работой сельских библиотек. Чувство неудобства прошло, Эля расслабилась и теперь уже с любопытством рассматривала своего нового знакомого.

У него был умный взгляд, интеллигентные манеры и большое чувство собственного достоинства. Он словно одаривал Элю каждым своим словом, каждым жестом. А когда танзаниец начал рассказывать о родине, о могучих тропических лесах и бескрайней саванне, в которой рядом со слонами и львами живут добрые, искренние, доверчивые люди, всеми силами стремящиеся к современной цивилизации, Эля почувствовала, что начинает умирать от зависти к нему. Бабу Мпенза посвятил жизнь просвещению своего народа, устройству библиотек, организации художественных выставок, выявлению талантливых детей, которых надо обучать в культурных центрах

Европы. Это была высокая цель, наполняющая всю жизнь особым смыслом.

Сделав паузу во время своего длинного рассказа, танзаниец посмотрел на Элю улыбающимися глазами и сказал:

— Нам очень не хватает хороших специалистов по культуре. Если бы к нам могла приехать такая девушка, как вы, мы бы устроили в стране культурную революцию.

Эля почувствовала, что у нее снова учащенно застучало сердце и ей стало не хватать воздуха. Поехать в Африку, где рядом со слонами и львами живут добрые и доверчивые люди — да кто же не мечтает об этом? Но она промолчала потому, что сначала надо было перевести дыхание.

— А что нужно сделать, чтобы поехать к вам? — щелкая от возбуждения дрожащими пальцами, спросила Эля.

— Только одно — собственное желание, — улыбаясь, ответил Бабу Мпенза.

С этого дня Эля стала неразлучной спутницей танзанийца. Он подарил ей такие же футболку и шорты, в каких ходил сам, и она подумала, что все культурные люди Африки одеваются в белые спортивные одежды. Ведь человек выглядит в них так красиво. Эля просто заболела Танзанией и жителями саванн, которые с нетерпением ждали встречи с ней.

Через неделю, когда она сидела у Бабу Мпензы в том же кресле, что и первый раз, он положил на столик чистый лист бумаги, насыпал на него щепотку белого порошка, достал тоненькую трубочку и с наслаждением втянул через нее порошок в ноздри.

— Хочешь попробовать? — спросил он Элю, сверкая фарфоровыми белками.

— Что это? — осторожно спросила она.

— Эликсир жизни. Секрет его приготовления знают только самые знаменитые колдуньи Африки.

Эля втянула кокаин сначала в одну ноздрю, потом в другую. Через некоторое время она почувствовала, как по всему телу разливается блаженство. Ей стало так хорошо, словно она очутилась в неведомой, сказочной стране. У нее за спиной появились крылья. Смеясь и замирая от восторга, она то поднималась к самому небу, то опускалась на поверхность моря и, не жась, качалась на его теплых, прозрачных, ласковых волнах.

Бабу Мпенза взял Элю за тонкую горячую руку, поднял с кресла и пересадил на кровать. Осторожным, но уверенным движением снял с нее сначала футболку, затем шорты. Эле казалось, что все это происходит во сне и не с ней, поэтому, глядя на него, она только смеялась, словно от щекотки. Потом она почувствовала, как на нее навалилась громадная черная глыба, непривычно пахнущая незнакомым ей резким запахом пота. Этот пот тонкими струйками стекал ей на лицо, на грудь, попадал в глаза и на губы. В одно мгновение Эля стала мокрой. Когда глыба сползла с нее, Эля еще долго лежала на кровати, приходя в себя и выравнивая сорвавшееся дыхание.

Сеансы с кокаином и всем, что следовало за этим, продолжались почти два месяца. За это время о Танзании и ее добрых людях не было произнесено ни слова. Эля не ощущала ни себя, ни реальной жизни, проходящей за стенами комнаты. Все ее существование было подчинено только одному — служению танзанийцу. Но в одно прекрасное утро Эля, проснувшись и чувствуя себя совершенно разбитой, обнаружила, что Бабу Мпенза исчез. Оказывается, он улетел в Москву, не предупредив и даже не разбудив ее. Эля ждала от него писем или хотя бы открытку, но Мпенза словно растворился. По всей видимости, вернулся в свою Африку. А Эля узнала, что у нее беременность уже на третьем месяце. Пришлось делать аборт. С тех пор Эля возненавидела детей.

Закончив институт культуры, Эля не смогла стать ни артисткой, ни режиссером, ни организатором художественной самодеятельности. Ей казалось, что ее или не понимали или не могли по достоинству оценить талант. Тогда она стала писать рецензии на спектакли и цирковые представления. Некоторые из них, правда, сильно сократив, напечатали в местных газетах. И она с удивлением обнаружила, что режиссеры и артисты, еще недавно не заме-

чавшие ее, стали снимать шляпы, едва она показывалась перед их глазами.

Эля быстро стала своей в театральной богеме. Вскоре она вышла замуж за главного режиссера областного молодежного театра, о котором говорили, что его таланту может позавидовать любая столица. Но оказалось, что у него был роман со всеми ведущими актрисами. Когда речь заходила о новом спектакле и начинался дележ ролей, фурии режиссера, отшвыривая друг друга от дверей, врывались к нему в кабинет, и каждая требовала, чтобы главную роль он отдал только ей. И все подряд вспоминали, кому и что он обещал в постели. Во время одной такой сцены Эля случайно зашла в кабинет своего мужа. Выйдя от него, собрала вещи и откочевала на свою старую квартиру.

Потом она выходила замуж за бизнесмена, но тот стал требовать, чтобы Эля родила ему детей. После аборта родить она не могла, и когда, доведенная до отчаяния, однажды призналась ему, почему это произошло, он сам собрал в чемодан ее вещи, велел шоферу отнести их в машину и отвезти Элю на вокзал. При этом сказал, чтобы тот купил ей билет до любого города, который она назовет.

Последним ее мужем был архитектор. Он все время что-то чертил, рисовал не то здания, не то средневековые замки, непрерывно курил и рассыпал пепел по всему полу, который потом приходилось подметать. Эля Семеновна прожила с ним четыре года, и ей казалось, что попавшему в ад Данте было легче. Того хотя бы не заставляли готовить обеды, стирать грязные носки, заваривать среди ночи и приносить в кабинет кофе. Но самым ужасным было то, что, вылезая перед утром из-за чертежной доски и отряхивая с себя пепел, новый муж шел к Эле, которая в это время видела самые сладкие сны, и требовал от нее выполнения супружеских обязанностей. Чтобы избавиться, как считала Эля Семеновна, от гнусных притязаний, она купила бутылку водки дворнику, и тот, опохмелившись, врзал в спальню английский замок, открывавшийся только изнутри.

Почти два года у нее шла борьба с мужем, которого она не пускала в спальню. Сначала он страшно ругался, стучал кулаками и пинал ногой дверь, потом понял всю тщетность своих усилий и к утру стал напиваться прямо в кабинете. Умер он около ее двери. Эля сначала слышала его яростные крики и стук кулаков, потом раздался глухой звук падающего тела, и все стихло. Эля подумала, что он слишком много выпил. Прележав после этого в постели почти час и так и не заставив себя уснуть, она осторожно приоткрыла дверь и услышала не то хрип, не то храп. Архитектор лежал на полу с почерневшим лицом, высоко задрав подбородок. Эля закрыла дверь, легла в постель и сразу же уснула. Когда она проснулась, архитектор был мертв.

Эля Семеновна поставила на его могилу мраморный памятник по эскизу, который еще при жизни выполнил он сам. Памятник походил на раскрытую книгу; приходя на кладбище, Эля Семеновна садилась на согретую летним солнцем маленькую мраморную скамейку и сочиняла ненаписанные страницы. Это была история ее выдуманной жизни, которая никогда не стала явью. Она представляла себя то в Париже, куда приехала на конференцию вместе с несуществующим мужем, то в африканской саванне, где, держась за руку Бабу Мпензы, прохаживалась с ним между львов, пожиравших ее горящими глазами.

Иногда, глядя на страницы каменной книги, она ни о чем не думала. Просто слушала птиц, смотрела на зеленые березы, окружавшие кладбище, и чувствовала необыкновенную умиротворенность, заполняющую душу. Особенно она любила слушать звонкий и чистый голос кукушки. Когда та роняла с высокого дерева свое первое “ку-ку”, Эля Семеновна, замирая, как в детстве, и свято веря в народную примету, начинала считать, сколько лет непрожитой жизни отводит ей лесная птица. И почти всегда выходило, что жить ей еще очень долго. Эля Семеновна радовалась этому, вытягивала ноги, подставляя их солнцу, и мечтательно смотрела вдаль. Только здесь, на теплой каменной скамейке кладбища, она ощущала себя по-настоящему счастливой. Здесь ни о ком не надо было заботиться, никто не мешал светлomu течению ее мыслей.

Однажды она вспомнила неожиданную встречу со своей школьной подругой Светланой Барановой, приехавшей на родину навестить престарелую мать. Оказывается, она вышла замуж за Эдика Стрекалова, переехала с ним в соседнюю область, родила от него двух сыновей и дочку. Эдик содержит небольшую авторемонтную мастерскую, а Светлана занимается домашним хозяйством.

— Дочка вышла замуж на втором курсе, сейчас родила, я сижу с внуком, — сказала Светлана, и Эля Семеновна увидела, как радостно заблестели ее глаза. — Такой смышленный мальчишка, наглядеться не могу. А ты-то как?

— Недавно похоронила мужа, сейчас еду на кладбище, — вздохнула Эля, поняв, что та до сих пор любит своего Стрекалова и безумно счастлива этим.

Ей почему-то стало жаль Баранову, погрязшую в семейных делах и, по всей видимости, до сих пор не узнавшую, что такое настоящее счастье. Больше говорить было не о чем, и они расстались.

Сейчас, сидя на скамеечке, Эля Семеновна подумала о том, что, если бы Эдик Стрекалов погиб в какой-нибудь катастрофе в то время, когда они с ним еще дружили, она бы все эти годы ходила на его могилу, приносила цветы и вот так же слушала голос далекой кукушки. И, может быть, прожила бы совсем другую жизнь. Она бы уже столько лет приезжала сюда на святую родительскую субботу, опускалась на маленькую теплую скамеечку и думала о чем-то высоком. Вот только о чем конкретно, Эля Семеновна не знала.

АХ, ЗАЧЕМ ЭТА НОЧЬ...

РАССКАЗ

Тимофей Иванович сквозь сон услышал звонкий, похожий на серебряный колокольчик, девичий смех, осторожно открыл глаза и уставился в потолок. В окно лился ровный, голубоватый лунный свет. Самой луны не было видно, она уже поднялась и теперь висела высоко над крышей, источая на землю потоки своего отражения. На белой стене выделялся четкий темный квадрат шифоньера. На другой стене с легким шелестом тикали часы. Впервые это тиканье он обнаружил прошлой ночью. Сначала не мог понять, откуда оно идет. Тикают обычно ходики или механический будильник. А у него часы работали от батареек и никаких звуков издавать не должны. Утром он долго смотрел на них, пытаясь выяснить механизм тиканья. Потом понял: звук издаваладвигающаяся по циферблату секундная стрелка. Он удивился, что не замечал этого раньше.

Не обращая внимания на тиканье, он прислушался, снова ожидая услышать девичий смех. Но, кроме звука часов, в комнате раздавалось только тихое посапывание спавшей на другой кровати жены. Из-за окна не доносились ни голоса, ни смеха. Это-то больше всего истораживало. Если девчонка под окном не смеется, значит, шепчется или целуется с парнем. А от поцелуев совсем недалеко до беды. Тимофей Иванович, сам не зная почему, вдруг стал переживать за нее, словно за собственную дочь.

Девичий смех среди ночи он услышал неделю назад, сразу после того, как под окнами поставили скамейку. До этого ее не было, и старушки из подъезда все время выговаривали домуправу за то, что им негде посудачить.

Но, выходит, что скамейка была нужна не только им. Когда Тимофей Иванович впервые услышал девичий смех, тут же стал соображать, кому бы он мог принадлежать. В его подъезде девчонки были или еще слишком маленькими, чтобы сидеть под окнами с женихами, или уже повыскакивали замуж, и теперь им было не до обнимок и вздохов под лунной. Он старался представить ту, которая каждую ночь нарушала его сон, но не мог. Однажды он приподнялся на руках и попытался дотянуться до окна, чтобы разглядеть в лунном свете смеющуюся девчонку, но тут же понял, что ему это не под силу. До окна было не менее двух шагов, а ноги у Тимофея Ивановича после случившегося два месяца назад инсульта не ходили.

Он горестно вздохнул и прикрыл глаза. Немошь настолько угнетала, что однажды он собрался наложить на себя руки. День и ночь лежать полутрупом, не вставая с постели, было выше его сил. Тем более что врач никакого реального улучшения не обещал. Повторял только одно: надо надеяться, в медицинской практике всякое бывает. “Теперь уже поздно надеяться, — думал Тимофей Иванович. — Было бы мне двадцать лет, тогда бы другое дело. А в шестьдесят откуда взяться здоровью?” Он настолько исстрадался, что ни в какое свое выздоровление уже не верил. Отсюда и пришло желание уйти из жизни.

Тимофей Иванович уже собрался исполнить свое намерение, благо жена ушла и в квартире кроме него никого не было, но в это время заскрипел ключ входной двери и он увидел на пороге дочку. Она словно прочитала его мысли. Подошла, молча села на кровать и, запустив руку в его шевелюру, посмотрела в глаза. Никогда раньше Тимофей Иванович не видел такого пронзительного и тоскливого, царапающего за самую душу взгляда. И он понял, что если наложит на себя руки, исковеркает жизнь дочери. Она привыкла быть рядом с отцом, сиротство ее убьет. Даже такой немошный, он оставался для нее опорой. После этого он стал думать только о жизни.

Сейчас, глядя в потолок, Тимофей Иванович пытался представить, о чем могли говорить влюбленные. Он словно сам садился на скамейку под окном, вдыхал будоражащий запах молодого и здорового женского тела, смотрел счастливыми глазами на ту, от одного взгляда которой начинало неровно стучать сердце. Тимофей Иванович всю жизнь старался понять, почему это происходит с мужчиной всякий раз, когда около него оказывается понравившаяся ему женщина, но никаких разумных доводов этому не находил. Ведь сотни женщин, многие из которых не просто смазливые, а по-настоящему красивые, пройдут мимо, и ни на одну из них мужик даже не обратит внимания. А потом вдруг увидит такую, что сразу замрет душа. Только оттого, что она рядом, что на нее можно смотреть, слушать ее голос, человек становится счастливым. Что это? Волшебство или стрела Аполлона, как называли любовь древние греки? Да и что такое любовь?

Тимофей Иванович посмотрел на спящую жену, на рассыпавшиеся по подушке темные шелковистые волосы, на ее тонкую белую руку, лежащую поверх одеяла, и вдруг ощутил к ней такую нежность, что у него защемило сердце. Ему захотелось, как это не раз было раньше, обнять ее, прижать к себе, уткнуться лицом в мягкие волосы. Но он не мог дотянуться до нее. Да если бы и дотянулся, представил, как жена сначала тяжело вздохнет, потом моргнет несколько раз ничего не понимающими глазами и с недоумением уставится на него. Ругаться не будет, но при случае беззлобно кольнет: “Вечера тебе не хватило”. А при чем тут вечер? Чувство не разбирает ни времени, ни места. Когда нахлынет, тогда и нахлынет. И никакого спасения от него не найдешь. Главное, чтобы оно соединило души, было одинаковым у обоих. А то ведь один любит другого до такой степени, что готов раствориться в нем, а тому от этой любви ни холодно ни жарко.

Вот и эти двое на скамеечке — сидят и прижимаются друг к другу. Девчонка наверняка полушепотом тараторит о каких-нибудь пустяках, а парень, сопя и прилипая к ней губами, блудливой рукой пытается залезть под тонкую кофточку. Никаких других мыслей у него, подлеца, быть не может. Не видя и не зная его, Тимофей Иванович был почему-то убежден в этом. Он представил, как парень вздрагивающей рукой пробирается к груди девушки,

нахмурил брови, сразу посмурнев лицом, и откинул одеяло, чтобы снова попытаться встать с постели. Ему хотелось любым способом помешать греху, но в это время под окном опять раздался чистый девичий смех, и у него отлегло от сердца. Если девушка смеется так искренне, значит, никаких худых умыслов по отношению к себе не чувствует.

“Господи, как быстро пролетает человеческая жизнь, — подумал Тимофей Иванович. — Давно ли сам вот так же сидел на скамеечке, замирал от счастья, обнимая свою девчонку, а теперь думаю о вечном”.

Ему вспомнилось, как он впервые встретил Валу, свою будущую жену, на танцах в городском саду и остолбенел, не в силах сдвинуться с места. Ему бы надо было сказать что-то, пока она не успела уйти, а у него отнялся язык. Иногда раньше он не видел такой красивой девушки. Он смотрел на нее и чувствовал, как от макушки до пяток разливается сковывающая все тело робость, сердце вдруг замерло, а дыхание остановилось. Он словно умирал от ее взгляда, причем делал это с радостью потому, что в это мгновение даже умереть ради нее было для него счастьем. И он бы умер, если бы не заметил, что, глядя на него, она тоже оцепенела и тоже не может сдвинуться с места. А потом они пошли танцевать, и он кружился с ней, не чувствуя себя, и напросился провезать ее домой.

Столько лет прошло, а он до мельчайших подробностей помнит ту встречу. Темную ночь с запахом росы из палисадников, тусклые, почти невидимые над головой звезды и такую тишину, что боязно произнести слово. Пересилив себя, он взял ее за тонкие холодные пальцы и увидел, как резко она повернула к нему лицо и вся напряглась, не сделав попытки высвободить руку. Так они и дошли до ее дома. “Почему именно это осталось в памяти? — думал Тимофей Иванович. — Может быть, потому, что из таких мгновений и состоит счастье?”

А потом была свадьба, рождение сына и дочери, связанные с работой переезды из одного города в другой. Но это даже не замечалось, потому что рядом была Валя, взявшая на себя все семейные заботы и оставившая ему только работу, которая позволяла содержать семью. И его почти никогда не покидало ощущение счастья. Оно было в ее улыбке, в ее лучистых глазах, в ее тепле, когда она обнимала за шею и прикасалась к нему губами. Особенно внимательной она была, когда что-то не ладилось с работой или над семейным благополучием сгущались тучи. “Ты у меня умный, — любила повторять она, — и всегда найдешь выход из самого трудного положения”. И эта поддержка была дороже любой помощи. Вот почему вся жизнь, которая, по сути, почти закончилась, показалась ему легкой.

Тимофей Иванович вздохнул и закрыл глаза. Вспомнил дочку, когда она была совсем маленькой, ее пухленькие ручки с тонкими пальчиками, которые все время хотелось поцеловать, топот босых ног по голому полу — и это тоже было счастьем. Несчастье обрушилось, когда дочка вышла замуж, родила сына, а потом собралась расходиться с мужем. Уличила его в измене, закатила скандал, и он, признавшись во всем, стал просить у нее прощения. Настоящий мужик никогда не поступит так, подумал тогда Тимофей Иванович. Даже если тебя поймали за ноги, но ты не признался, все это останется лишь подозрением, а не состоявшимся фактом. Подозрение забудется, измена — никогда. Признаться можно только себе и никому другому. Если, конечно, не хочешь уходить от жены. Это он и сказал зятю, когда тот пришел к нему и попросил уговорить Дашу не разводиться. Уговорить удалось, но полного счастья в их семейной жизни так и не наступило. Недоверие к мужу осталось у дочки на всю оставшуюся жизнь. Недаром, когда становится трудно, она в первую очередь бежит к отцу. Именно он остался для нее единственной опорой.

“А какая я теперь опора? — с горечью подумал Тимофей Иванович. — Сломанный костыль, который и приспособить-то некуда. Был опорой, теперь стал обузой”. Но он тут же отбросил эту мысль. После того, как дочь помешала ему уйти из жизни, он понял, что опираться можно не только на физически здорового человека. Моральная поддержка иногда значит гораздо больше...

Спать уже не хотелось, он смотрел в потолок и думал. Вроде не так давно был молодым, не так давно радовался детям, а такое ощущение, словно пережил несколько эпох. Да так оно, в сущности, и было. Всю жизнь мотался по великим стройкам, проектировал самые мощные в мире нефтяные и газовые магистрали, составлял технико-экономическое обоснование освоения промышленной зоны Байкало-Амурской магистрали и все надеялся, что пройдет еще пять-десять лет, и он вместе со всей страной заживет счастливой жизнью. Осядет в хорошем городе, все свое время будет отдавать семье и детям, потому что чувствовал в душе столько неизлитой любви к ним, что впору было покаяться. Он вспомнил, как возвращался из дальних странствий домой, почему-то чаще всего глубокой ночью или перед утром, добирался с аэродрома на такси, а жена босиком и в одной ночной сорочке уже ждала его у порога, словно знала, что он появится именно в эту минуту. Тимофей Иванович обнимал ее — теплую, еще не отошедшую ото сна, зарывался лицом в ее волосы, тыкался горячими губами в ее губы. Потом осторожно, на цыпочках, подходил к детской, приоткрывал дверь, смотрел на сладко посапывающих во сне сына и дочь и, обняв жену, шел с ней в спальню. И это тоже были минуты счастья.

А теперь его работа стала никому не нужна, уплыли мечты о хорошем городе, остаться пришлось там, где застал развал государства. Года два Тимофей Иванович жил в постоянном стрессе, не видя цели дальнейшего существования, а потом решил: если мы не сумели сохранить то, что завоевали и построили, значит, надо сделать так, чтобы дети вернули себе все это. Но именно на детей направили главный удар разрушители Отечества. С осатанелой настойчивостью они начали крушить вековую мораль, превращая человека в животное. Потому что тогда и поступать с ним можно будет, как со скотиной.

Телевизор невозможно стало смотреть. Весь стыд, который раньше прятали в самых темных глубинах души, вывернули наизнанку. Причем все это обрушили на женщину. Всю мощь государственной пропаганды направили на то, чтобы убить в ней материнский инстинкт, превратить из жены и хранительницы семейного очага в объект сексуального удовлетворения. И, можно сказать, добились этого. Проституция для сотен тысяч женщин — уже профессия.

Тимофей Иванович делал все, чтобы новая жизнь не задела дочь. Узнав о ее размолвке с мужем, он несколько дней не мог найти себе места. А когда она, вся в слезах, пришла к нему, обнял ее за плечо, по-отечески поцеловал в висок и сказал:

— Знаешь, Дашка, почему у вас это происходит? — она подняла на него мокрые глаза и затаила дыхание. — Потому, что завели одного ребенка и на этом строительство семьи посчитали законченным. Один ребенок еще не семья. Надо как минимум трех.

— Ты шутишь? — она шмыгнула носом. — В наше-то время?

— В наше время и надо заводить детей. Кто защитит твоего Ваньку? На нашу землю столько желающих, что одному ему не отбиться.

Дочка замолчала, промокнула глаза платком, потом сказала, пожав плечами:

— Может быть, ты и прав.

А недавно сообщила ему, что ждет второго ребенка. Врачи сказали — будет дочка. У сына тоже дочка, так что одну внучку Тимофей Иванович уже имеет, теперь будет ждать другую...

Он снова вздохнул и посмотрел в окно. Луна переместилась за крыши соседних зданий, на небе четче проступили звезды. За окном была тишина; и, сколько ни напрягал слух Тимофей Иванович, со двора в комнату не доносилось ни одного звука. Он подумал, что влюбленная парочка покинула скамейку и разошлась по домам, но вдруг услышал с улицы тихий разговор. Такой тихий, что если бы не открытая форточка, его не было бы слышно. Слов, конечно, не разобрать, но Тимофея Ивановича почему-то обрадовало, что влюбленные до сих пор не ушли. Значит, им трудно расстаться, значит у них это серьезно.

Он не мог понять, почему совершенно незнакомая девчонка вдруг стала ему такой близкой. Наверное, потому, что устал смотреть на разоренные семьи и беспризорных детей. Многие молодые женщины уже не хотят выходить замуж. Он сам знает такую, она живет в их подъезде всего двумя этажами выше. Симпатичная, стройненькая, умеющая и одеваться, и вести себя с определенным достоинством. Ей уже под тридцать, а о замужестве не хочет и слышать. Встречается с каким-то мужчиной, ночует у него иногда раз в неделю, а иногда и реже, и ее это вполне устраивает. Причем ни от кого не скрывает этого. Тимофей Иванович, когда еще ходил, спросил как-то, столкнувшись с ней в лифте:

— Ты что это, Марина, так долго не приглашаешь меня на свадьбу? Ведь состарюсь скоро.

— А я не собираюсь замуж, Тимофей Иванович, — сказала она, смеясь. — Во-первых, мужиков хороших почти не осталось, а во-вторых, пойдут дети, зачем лишняя обуза?

— Но ведь Бог создал женщину для того, чтобы продолжать род человеческий, — заметил он.

— Это все высокие слова. Сейчас о продолжении рода никто не думает. Один день прожил — и то счастлив.

— Да нет, — возразил Тимофей Иванович. — Без собственных детей полноценного счастья человеку не обрести.

— Были бы вы лет на двадцать помоложе, вышла бы за вас, — все так же смеясь, сказала Марина. — Отбила бы вас у жены.

Тимофей Иванович хотел продолжить разговор, но в это время лифт остановился, и ему пришлось выходить. Он пожалел, что не удалось договорить до конца. Сказать же он собирался одно: не хочешь замуж, тогда хотя бы родила себе ребенка, пока не поздно. Жить станет труднее, а душа обретет спокойствие. В доме появится человечек, которому можешь отдать свою любовь. И который будет отвечать тебе тем же. Без любви у человека не жизнь, а существование.

Сейчас, глядя в потолок, он думал о том, что никакие его слова на Марину, скорее всего, не подействовали бы. Семья должна быть внутренней потребностью женщины, ее инстинктом, а у Марины его нет. Она уже живет другими ценностями, давно вытравив из себя все душевные терзания. Их заменили личное благополучие и сытая жизнь. Марина уже никогда не сможет стать ни хорошей женой, ни матерью. “Господи, в кого же у нас превратили женщину?” — закрыв глаза, с горечью думал Тимофей Иванович.

Ему вдруг вспомнилась давняя телевизионная передача из Чечни. Показывали не то какой-то гараж, не то сарай, где у ног свободолюбивых вайнахов лежала связанная русская девушка. Ее рот был заклеен липкой лентой. Чеченцев было пять или шесть. Они о чем-то говорили на своем языке, потом один из них взял нож, одной рукой задрал девушке подбородок... У Тимофея Ивановича в тот миг чуть не остановилось сердце. Он судорожно сомкнул глаза, нащупал кнопку выключателя, едва не столкнув мерзкий “ящик” с журнального столика. Если бы он мог, сам с автоматом в руках пошел мстить бы этим выродкам! Но больше всего его поразила ведущий телепередачи. Он не высказал ни слова сочувствия девушке, ни слова осуждения убийцам.

От этих воспоминаний зануло в груди. Жена постоянно говорила о том, что нельзя принимать все так близко к сердцу. Иначе можно просто свихнуться. Когда она, так же как и Тимофей Иванович, впервые услышала смех за окном, сказала:

— Все это заканчивается одним и тем же. Сначала смеются, а потом утирают слезы.

— А может, это любовь? — возразил Тимофей Иванович. — Может, еще такая пара будет, что другим останется только завидовать.

— А ты уже переживать начал? — с ехидной ноткой в голосе спросила жена. — Тебя переживания вон до чего довели... О себе думай.

Тимофей Иванович вздохнул и посмотрел в темное окно. И тут ему показалось, что оттуда раздался не то стон, не то приглушенный крик о помо-

щи. Он замер, напряженно вслушиваясь в предутреннюю тишину. За окном снова раздались непонятные звуки. Перед глазами вдруг встала девчонка, которой перед телевизором перерезал горло чеченец. Тимофей Иванович почувствовал, как сорвалось и бешеной дробью забарабанило сердце. Не ощущая себя, он встал с кровати, сделал два шага к окну и, оперевшись руками на подоконник, попытался посмотреть вниз, на скамейку. Она была в полумгле, но он увидел на ней два силуэта. Парень обнимал девушку за плечо, уткнувшись лицом в ее волосы. Он или говорил ей что-то, или осторожно целовал в голову.

Тимофей Иванович так увлекся, что не заметил, как встала жена, подошла к нему и, остановившись в шаге от окна, спросила дрожащим голосом:

— Тима, милый, ты начал ходить?

Только сейчас он осознал, что сам, без всякой помощи, встал с постели и сделал два первых шага. Он неуверенно развел руки и сказал:

— Ну да. Ты же видишь...

— А зачем ты выглядывал в окно? — спросила жена.

— Песню вспоминал, — сказал Тимофей Иванович. Он посмотрел на жену счастливыми глазами и протянул к ней руки. — “Ах, зачем эта ночь так была хороша...” Помнишь?

— Конечно, помню, — сказала жена, обхватила Тимофея Ивановича и, прижавшись щекой к его груди, почему-то заплакала.

ДЕНИС КОЗЛОВ

ЕЩЁ ОДИН ШАГ НА ВЕРШИНУ ЖИЗНИ...

ТАНЕЦ

Мы с тобою, как два танцора:
Пока танцуем — живём!
Пряча мысли в пустых разговорах,
Птицей бьёмся в оконный проём.

Души наши в полном смятеньи.
Счастье мира в твоих руках.
Это танец света и тени,
Птичий след в облаках.

Что случится, не знаем мы сами.
Шаги судьбы отдаются в висках.
В этом танце прошлого память,
Строчки слёз на щеках.

Ещё один шаг на вершину жизни —
Лишь приближает конец.
В дыхании ветра танцуют листья,
Сплетая терновый венец!

КОЗЛОВ Денис родился в 1977 году в Красноярске. Окончил Сибирский государственный технологический университет. Живёт в Красноярске.

Ах, если б судьба подарила надежду
Вновь появиться на свет!
В танце с тобой мы кружимся между —
Между “возможно” и “нет”.

Летает журавль счастья по свету —
Ищет тебя в облаках.
В танце жизни — ты вечный ветер!
Я парус в твоих руках!

А если жизнь, что разлукою ранит,
Подарит последний сон —
Мы танец с тобой продолжим за гранью,
Танец за гранью времён...

ОЛЬГЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наверно, это трудно — быть собой,
И сложно сделать самый первый шаг.
Во сне ты видишь берег голубой,
А наяву не разберёшь, где друг, где враг.

Наверно, это трудно так играть —
Чтоб каждый шаг ложился, словно пух.
Ты любишь петь, ты любишь танцевать
И жить, чтобы захватывало дух.

Ты сохрани в душе любви цветок!
Лети, дыши, живи своей мечтой!
Но помни, новый отрывая лепесток, —
Игра — всегда! — останется игрой...

ХИЩНАЯ ПТИЦА

Хищная птица, которая ищет приюта,
Линией дерзкой крыла в небе рисует мой мир.
Капли дождя на лице...
Крик одинокий, пронзивший холодное утро...
Ты мне любовь принесла. И она продолжает свой пир!
Что же нас ждёт в конце?..

Хищная птица, не вьющая тёплые гнёзда,
Снег и метели не греют тебя, но несут.
Зорек небесный твой взгляд!
Встречные бури осушат колючие слёзы,
Яростный крик оборвут,
Выстелят новый наряд.

Будешь мне сниться, но я этим сном не поверю!
Там, в поднебесье, привычно тебе и легко...
Солнце не жжёт горячо...
Хищная птица, взъерошены мокрые перья, —
Кто их пригладит? Кто даст твоим крыльям покой?
Сядь на плечо.

ПИСЬМО

Хочу услышать, как твои дела...

Чем ветер мимолётный одарил?

Быть может, ты осталась, кем была.

Быть может, я уже не тот, кем был.

Жизнь пролетает мимо, будто сон.

День уплывает в ночь, ночь расцветает днём.

И даже песня звёзд свой изменила тон,

И мы, внимая ей, опять уснём.

Что жизнь готовит нам — неведомо пока.

Читая звёзд рассказы до зари,

Я памяти твоей коснусь строкой слегка...

Прошу тебя, со мной поговори.

ГРИГОРИЙ ГЛУШНЁВ

ВРЕМЕНИ ХОД

* * *

Девяностые...

В рассвет совершенства законов
Боялись ходить в темноте...
Нас в школе, помимо уроков,
Пытались учить доброте.

Мы видели сами, невольно
С привитым — картонным добром
Всё то, что творилось за школьным
Ещё не разбитым окном.

Росли городские помойки
В развалинах частных домов.
И рядом же мёртвые стройки
Со стаями уличных псов,

Что грызлись, ничуть не жалея
Друг друга, в пылу своих драк.
Людей я запомнил в то время,
Повадками хуже собак.

ГЛУШНЕВ Григорий родился в Омске в 1986 году. Окончил Омский государственный колледж отраслевых технологий строительства и транспорта. Автор книги стихов "Нерастрченное тепло". Лауреат молодежной премии им. Ф. М. Достоевского. Живет в Омске.

РЕКА ТИШИНА

— Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?
Л. Мартынов

Река Тишина никуда не течёт.
Лишь вечный покой тишина бережёт.
Речная поверхность ровнее стекла.
В неведомых водах ни капельки зла.

Но ходят ужасные слухи о ней:
Закрыты пути для земных кораблей,
Там нет берегов и не светит луна,
Хоть камень кидай, не достанет до дна.

Все знают, но молвить боятся о том,
Что речка сама в измеренье другом.
Боязни лишь в том заключается суть,
Что времени ход — неизбежный к ней путь.

ОКРАИНА

Ворота снегом напрочь замело,
Где главный въезд у летнего киоска.
Посёлок дач — не город, не село —
С таким простым названием “Берёзка”.

Под небом дремлет голый березняк,
Лесничий домик брошенный ветшает.
Лишь через Омь стучащий товарняк
Здесь тишину лесную нарушает.

Прохожих нет, охрана есть — вполне:
Обычный дед, следящий за порядком.
Однажды он весной поведал мне
О тех местах, где водится стерлядка.

Хоть здесь живут, не каждый дом живой.
И хоть убей — бывает одиноко,
Когда в ночи метели слышен вой
И не видать во тьме горящих окон.

АЛЬБЕРТ КАРЫШЕВ

ЗМЕИНЫЙ ВЗГЛЯД

ЭТЮДЫ

ЗМЕИ

Гадюка

Раньше, бродя по лесам, окружающим деревню, я замечал в них единственных ползучих гадов — ужей, они, как известно, в отличие от ядовитых сородичей, отмечены оранжевыми или жёлтыми пятнами на чёрных макушках. Лишь однажды за многие прежние годы встретилась мне гадюка — под желтевшим ореховым кустом, усыпанным соплодиями спелых орехов. Нынешним же летом, едва сошёл я как-то раз в солнечный полдень с рейсового автобуса и ступил с асфальтовой ветки большого шоссе на грунтовую проезжую дорогу, ведущую прямо в нашу деревню, и тут же увидел двух гадюк, ползших через машинные колеи в разные стороны. Обе, почуяв меня, заторопились и, вильнув тёмно-серыми хвостами, исчезли в густой придорожной траве.

Потом и жена моя Вера Владимировна наткнулась на гадюку, притаившуюся в опасной близости от людей. К вечеру, повязав голову выгоревшим цветастым платочком, бойко, как молодая, пошла жена в огород прореживать морковь, но неожиданно вернулась в избу, где я растапливал русскую печь, подкладывая под сложенные в клетку поленья горящую бересту.

КАРЫШЕВ Альберт Иванович родился в 1936 году в Наро-Фоминске. Окончил мореходную школу в Архангельске и кораблестроительный институт в Ленинграде. Пять лет плавал матросом, потом работал инженером по ремонту атомных лодок. Автор книг прозы “В день Победы”, “Всю жизнь”, “Плач ребёнка”, “В лесу”, “Дурная кровь”, “Пленные немцы в Григорьевске” и других. Член Союза писателей России. Живет во Владимире.

— Глянь, какое страшилище там сидит! — сказала Вера и мотнула головой в сторону двора, нервно поёживаясь при этом и посмеиваясь. — Пойдём! Я боюсь!..

Огород наш, ухоженный ею (жена знаток и любитель подсобного хозяйства, а я у неё тут на подхвате), невелик: всё маленькие грядки, и одна из них — грядка моркови, вскопанная возле кустов смородины, под старой “китайской” яблоней, раскидистой, как баобаб (на картинках), на которой зревает множество плодов размером с вишню.

Приблизились к морковной грядке. Вера Владимировна указала пальцем на красную пластмассовую лейку, оставленную в междурядье, и произнесла почти шёпотом:

— Там...

Лейка с прошлого дня оставалась в огороде. Долгое время шли затяжные дожди, и она не была нужна; но дальше распогодилось, несколько дней сияло солнце, и вчера мы искусственно оросили подсохшие грядки, черная вода из железной бочки под водостоком. Наверно, змеи оттого и размножились так сильно, что в мае, июне, июле на земле скапливалось много влаги, они ведь её любят. Я, было, взялся за лейку, но вдруг поостерёгся и заглянул в неё, нацепив очки, которые до этой минуты держал в кулаке. Склонился над лейкой и разглядел на дне гадюку, показавшуюся мне на красном фоне совсем чёрной. Кто не содрогнётся, увидев перед собой ползучего гада? Вздрыгнул и я от пробежавшего по позвоночнику морозца, от первобытного страха и в первый миг отпрянул, но набрался храбрости и не шибко стукнул по лейке ногой.

На дне её оставались капли воды. Змея лежала в сырости, свернувшись кольцами посреди вытянутого днища, но от моего тычка ногой в лейку она подняла треугольную голову с зубчатым рисунком, тянущимся дальше по хребту, и, выбрасывая изо рта чёрную нитку языка, недовольно на меня посмотрела. Я сразу её понял. Если бы змеюка могла говорить, то сердито сказала бы примерно следующее: “Почто бухаешь, спокою не даёшь? Что я тебе такого сделала? Помешала, да? Место в твоей лейке пролежала? Сладил с маленькой?”

— Проваливай! — говорю. — Ползи в лес! Ты ядовитая, мы тебя боимся. Не захочешь, да при случае ужалишь. Это в тебе природой заложено.

Змея вылезла на землю, но не в ровный заводской вырез лейки, а в пролом, не помню, когда и отчего образовавшийся на верхнем скруглённом углу пластикового сосуда. Вяло навиваясь, она нехотя двинулась по междурядьям за пределы огорода. Пару дней мы с Верой ходили по двору осторожно, поглядывая себе под ноги, побаиваясь, но гадюк, похоже, в усадьбе больше не было, и бдительность в нас притупилась.

Вскоре мне понадобилось сходить на пепелище дома, сгоревшего неподалёку. На краю пепелища, куда я пришёл с ведром и лопаткой, остались не тронутые огнём древесные опилки, зачем-то некогда привезённые в усадьбу хозяином и насыпанные на землю толстым слоем. Опилки меня и интересовали. Они нужны были нам с женой для определённых нужд, и я таскал их отсюда несколько раз за лето. Присел на корточки и стая ковырять лопаткой. Спину сквозь рубашку жарило солнце. Со временем опилки побурели, заросли, в них копошились жучки, муравьи, и прежде чем складывать в ведро полезные нам отходы лесозаготовительного производства, я старался выбирать из них траву с переплетёнными корнями и букашек. Вдруг заподозрил, что кто-то за мной подматривает сбоку; повернулся и ахнул, увидев рядом гадюку. Змея устроилась на закоптелом кирпиче, отвалившемся от фундамента сгорелого дома, и грелась в солнечных лучах. Так же, как та, в лейке, она собралась кольцами и так же вскинула голову, чтобы посмотреть, кто нарушает её покой. У гадюки глазки маленькие, бисерные; но от их пронизывающего взгляда мне стало не по себе. Голова змеи покачивалась сбоку набок и медленно поднималась выше, словно пресмыкающееся изготавливалось для броска. Подхватив ведро, я отступил задом и набрал опилок подальше от гадюки. “Вот тебе хороший урок. Если змей вокруг не видно, это ещё не значит, что их поблизости нет. Надо быть начеку в своём

огороде, а то нечаянно наступишь, и тяпнет за ногу”, — такое умозаключение вывелось у меня само собой.

Рано утром, взяв ивовые корзинки, служившие нам много лет и чиненные-перечиненные, обув резиновые сапоги, собрались мы с женой по грибы, по лисички, которых в недавнюю дождливую пору развелось в лесу множество. Когда лисички росли в изобилии, мы носили их из леса чуть не каждый день и сдавали городским скупщикам, ездившим на “уазике” с крытым кузовом. Платили скупщики мало, но всё же кое-что мы зарабатывали “для поддержки штанов”; прошлым летом, например, выручили за лисички четыре тысячи восемьдесят девять рублей.

Пошли по ветке шоссе. Асфальт от росы был влажен, и от него в тёплый воздух, прогревавшийся солнцем, струился пар. По дороге попадались нам мёртвые птички, целые и ещё тёплые, и раздавленные, размазанные колёсами по асфальту; птичек сбивали машины, проезжая тут редко, зато на огромных скоростях, особенно легковые “иномарки”. Целых мёртвых птичек жена моя брала, гладила, жалела и клала на обочину. Вблизи деревни по сторонам дороги раскинулись поля, справа ровные, а слева холмистые — уже местами и не поля, а мелколесье, “мелятник” (при коллективном сельском хозяйстве все эти земли распахивались), за полями стояли густые леса. Впереди нас лес сходил с крутой горы и поднимался в крутую гору. Над низиной держался туманец. Дорога в низине была ограждена белёными железными полосами, привинченными к стойкам; за охранительными загородами зияли глубокие овраги, поросшие деревьями, кустами и папоротниками. В здешнем лесу много встречалось страшноватых оврагов. Эти дикие балки деревенские жители звали “приклонами”. Мы с женой и нацелились на “приклоны”, где в урожайные годы лисичек росло видимо-невидимо, и мало кто их там собирал из-за тяжёлого и небезопасного передвижения по обрывистым откосам, дебрям и бурелому.

“И конечно, лесные овраги кишат теперь змеями”, — рассудил я и поднял с обочины дороги обломок сухой ветки — не для того, чтобы лупить палкой гадов, но чтобы, дотягиваясь в лесу до лисичек, шуровать ею в траве и отпугивать змей.

— А вон они, лапушки! — воскликнула моя Вера, когда мы достигли дна асфальтовой седловины. Голосок её шустрый, но и встревоженный взнёсся высоко, прозвенел в утренней тишине под куполом ясного неба и отозвался в лесу эхом.

Вера Владимировна шагнула к краю дороги и приостановилась. Видела она без очков острее меня и что-то там на обочине заметила. Я глянул на жену вопросительно, понял, взял из корзины очки, и мы вместе подошли к змеям поближе.

Много наша семейная пара за пятьдесят лет побродила по лесам. Видели мы зайцев, белок, ежей и разных птиц; рыжая лиса однажды попалась нам на глаза, а ещё однажды встретился лось — он переходил лесную дорогу; с кабаном, лежавшим в траве и похожим издали на бурого телёнка, едва не столкнулись, выйдя из тёмных зарослей на поляну. Гадюк же, значит, в окружающих деревню чащобах до сих пор не замечали, но вот увидели сразу трёх, и не в лесу, а на дороге. Они вылезли из оврага, проползли под белёной загородкой и разлеглись на песчаной обочине, как на пляже. Змеи млели под восходящим солнцем, разгонявшим туман, и посматривали благодушно даже тогда, когда мы встали почти над ними. Правда, одна приподняла голову, но вновь опустила её на свёрнутое кольцами туловище. Все три были чёрные, с шоколадным отливом. Их позы (если учесть, что мы наблюдали свернувшихся змей спереди) напомнили мне позы людей, загорающих спиной вверх и уткнувшихся подбородком в сложенные под головой руки. Мы не стали им надоедать.

Всего с десятка метров прошли мы по шоссе в гору, и нас привлекла потрясающая картина: очередная гадюка, крупная по меркам змей, живущих в умеренном климате, охмуряла, завораживала зеленовато-коричневую лягушку. Здесь основание леса приподнялось, на опушке у дороги возник об-

рыв, в котором обнажилось переплетение древесных корней. Под обрывом всё и происходило. Гадюка покачивалась в зловещей стойке, а лягушка, глядя в её страшные чёрные телевизоры, медленно приближалась к змее, не припрыгивала, а ползла по-пластунски, упираясь в землю длинными задними лапками и цепляясь за землю короткими передними. Загипнотизированная змеиным взглядом, она, похоже, с восторгом шла на верную гибель и почитала за счастье быть съеденной. Не знаю, как гадюки охотятся и поедают жертву, но уверен, что нам с женой довелось увидеть начало змеиной трапезы. Жена, сохранившая в себе детское восприятие мира, сперва ужасалась и ойкала, а потом в голубых её глазах мелькнули возмущение и боевой огонёк. Выхватив у меня палку, она замахнулась ею на гадюку, приговаривая: — Уходи, мерзавка! Уходи!

Змея сдалась не сразу. Наверно, она и себя загнала в транс, так как некоторое время не замечала ни нас, стоящих перед нею, ни палки над головой. Но вот гадюка отшатнулась от людей, распласталась по земле и, развернувшись, поползла, зло оглядываясь, к обрыву, а там ловко подтянулась к корням деревьев и исчезла среди корней. Лягушка же, как мёртвая, застыла с вытянутыми задними лапками. Она с трудом отходила от наваждения. Лишь когда Вера поддела бедное земноводное палкой, оно пошевелилось, встало на все лапки, пошатнулось, а потом уж и прыгнуло.

— Зря ты шутанула гадюку, — сказал я. — Она голодная и всё равно кого-нибудь слопает, не эту лягушку, так другую. Лягушка в свою очередь поймает себе на обед сотню мошек. Закон животного мира. Ты нарушила этот закон. Змея в недоумении.

— Понимаю, — ответила жена. — Но я не могла спокойно видеть, как одна животина убивает другую.

— Это правда. Я тоже не мог. Надо было нам пройти мимо. Жуткое зрелище...

Между прочим, в диком лесу на “приклоне” мы ни одной гадюки не увидели, так что я уже и забыл шуровать в траве палкой. Они, змеи, ведь не глупые, понапрасну не вылезают из укромных мест. И, как все животные, ползучие гады остерегаются человека.

Змеиное отродье

В заречье у нас в берёзовых рощах растут белые грибы. Почва там песчаная; рощи сухи, светлы, легко проходимы, кое-где, правда, и буреломны — не так сильно, конечно, как на “приклоне”, где чёрт ногу сломит. Белые лучше всего зреют по опушкам. Этим летом, несмотря на частые дожди и необходимое тепло, они в сравнении с лисичками не уродились — возможно, их грибница решила отдохнуть после прошлого грибного года. Часа два мы бродим по опушкам, одной, другой и третьей, но отыскивали единственный белый, и тот с червоточинной, и “на безрыбье” подбираем сыроежки, маслята, их, впрочем, тоже выросло мало. Погода, сменившись в августе с дождливой на солнечную, продолжает быть вёдреной. Со стороны полей, которые мы обходим вдоль леса, тянет приятный ветерок, освежает нам лица, гонит от лиц комаров. Воздух в этих краях — исключительной свежести, все дачники им восторгаются, и мы полной грудью дышим свежим воздухом.

Разочаровавшись на опушках, свернули с них и двинулись по лесной просёлочной дороге. Не встретятся ли нам белые грибы в глубоком лесу? Может быть, им нынче больше нравится стоять не на солнечных опушках и полянах, обдуваемая ветерком, а далеко за деревьями, в прохладной тени, сторонясь ветра? Так мы подумали. Меж деревьев и кустов виднелись заросшие черничники, с ближайших к дороге любители и промысловики уже пообрывали ягоды. Кроме черники тут немало росло земляники и брусники, земляника уже сошла, а брусника доспевала, и её краснеющие плоды мелькали в зелёной траве по сторонам дороги. Зашли мы просёлком далеко, время от времени сворачивая в лес. Среди берёз всё чаще появлялись сосны,

ели, а потом лес вовсе стал больше хвойным, чем лиственным; в хвойном мы напали на лисички и смирились с тем, что белых грибов не нашли.

Повернули назад и до самого выхода из леса безостановочно шли по дороге, нагруженные лисичками, из которых иные крупные, развиваясь, приобрели вид роскошных жёлтых цветов с широкими венчиками. На опушке остановились, решили отдохнуть и едва не присели кто на пень, кто на траву, но жена вдруг сказала, вытянув руку и палец:

— Смотри-ка!

Я посмотрел и среди мёртвых сучьев на земле, недалеко от наших ног увидел то, что рассеянным взглядом нелегко было заметить: смешавшись с сучьями, на травянистой опушке лежала толстая короткая змея фантастической расцветки, по светло-коричневому телу раскрашенная, словно татуированная, зелёными точками, чёрточками и полосами, но главное, вся отливающая надраенной бронзой, полная солнечных отблесков. Из-за удивительной красоты она выглядела ненастоящей, сработанной чьими-то умными руками: произведение искусства, редкостная игрушка — да и только.

— Это, наверно, медянка, — сказал я. — Никаких других подобных змей тут быть не может. Медянка или медница, уж не знаю, кто. Между ними есть какое-то различие. Пишут, что это безногая ящерица, совсем безвредная, но старожилы в один голос твердят, что медянка опасна, ядовита. Они знают, всю жизнь проводят среди лесов. А может быть, медница ядовита, а медянка нет, или наоборот, нужно уточнить. Лучше давай отодвинемся, отдохнём в сторонке.

Но от такой красоты трудно было оторваться, и змея казалась мёртвой; она не уползала от нас, а лежала на боку и не двигалась, слабо изогнувшись, перекинувшись через нетолстую валежину. Мы наклонились, и я потрогал её веточкой — о нет, красотка была жива, она зашевелилась и круче повернулась на бок, почти на спину, и, приоткрыв рот, задышала тяжело, так что её переливчатое бронзовое брюшко стало вздыматься и опадать.

— Больная, что ли? — вслух подумал я. — Может быть, зашиб кто-нибудь?

— Не больная. Рожает она, — сказала Вера. — Посмотри, какая толстая. У неё начинаются схватки. Роды, видно, тяжёлые, и бедняжка корчится от боли. Ей так лежать неудобно, надо перевернуть её животом вниз...

В детстве, наезжая в пионерский лагерь, я ловил ужей и пытался приручить, даже таскал иных за пазухой, пропитываясь скверным ужинным запахом, по которому и теперь могу определить в лесу: здесь водятся ужи. Приходилось мне наблюдать и то, как рожают ужихи, сокращаясь от напряжения, тужась, а потом откладывая на землю мелкие белые яички, скорее, мешочки, потому что они мягкие, без скорлупы. Так же и медянка вела себя, и ещё: под хвостом её на выходе из утробы судорожно сжималось, разжималось, пульсировало углубление — это я тоже видел у разрешающихся от бремени ужих. Вот-вот медянка произведёт на свет “змеиных отродий”. Мы, если когда-то придётся видеть новорожденных гадов, от предубеждения, наверно, содрогнёмся, для матери же змеёныши станут её милыми детьми; правда, вскоре они и позабудут друг друга: дети мать, а она их — так у змей принято. Красотка мучилась, словно человеческая роженица, и мы с женой говорили о нашем сострадании к ней. Очень хотелось до конца посмотреть медянкины роды; но как-то и неловко было дальше подглядывать, и нехорошо пугать беззащитное беспомощное животное. Оно силится приподнять голову, косилось на нас из неудобного положения, в каком лежала, и говорила, как могла: “Да уйдите, окаянные! Глаза ваши бесстыжие!”

Мы перевернули её веточкой на живот и ушли. Пусть рожает.

Клубок змей

Слышал я от деревенских старожиллов, будто на Исакия (по современному календарю двенадцатого июня) и на Здвиженье (двадцать седьмого сентября) множество змей ползут по лесу одна за другой. После осенних “тусо-

вок” они залезают в норы и спят до весны, а ранним летом ползут жениться, весенние соки в них бродят — ведь по старому стилю двенадцатое июня — это ещё весна, — где-то гады сплетаются в клубки и устраивают “свальный грех”, массовое оплодотворение. И, понятное дело, на Исакия и Здвиженье ходить в лес не рекомендуется: неровен час, нарвёшься на полчище змей и увидишь мерзопакостную картину, но можешь и пострадать: гады в это время свирепы и кидаются на человека.

— А ведь мы с тобой однажды видели клубок змей, — говорю жене за ужином. — Помнишь?

— Не клубок, — отвечает Вера Владимировна. — Скорее, кучу малу.

— Ну, это и есть “клубок”...

На дворе осень, конец сентября. Погода холодная, ветреная, пасмурная; за окном и в полдень так темно, что если надо почитать, то лучше зажечь электрический свет, чтобы не слишком напрягались глаза. А мы натопили печь, сидим в тёплой избе за столом, едим и толкуем о змеях, их нынешнее засилье к такому разговору побуждает.

Подробно вспоминаем, как в далёкой молодости однажды видели кучу ужей. Мы тогда недавно поженились, были жизнерадостны, подвижны, легки на подъём, и летом, осенью нередко в свободное время брали корзины, ехали маршрутным автобусом от Владимира до Соймы, а там через поле и наклонную деревню Горки уходили по грибы в любимые смешанные леса, относящиеся к Судогодскому району Владимирской области.

В тот раз мы пошли в лес летом, кажется, именно в июне и, возможно, в середине месяца, потому что, помним, созрели “колосовики”: их могучая волна катится по лесу в середине июня, числа с пятнадцатого, когда начинает колоситься рожь. Год, примерно девятьсот семидесятый, выдался исключительно грибным; старики, как водится в таких случаях, говорили, что грибы — к войне. “Колосовики” белые, берёзовые, сыроежки и маслята, чистые, красивые, весёлые, попались нам то и дело, и на ровной, не очень травянистой почве их легко было срезать ножичком (не то что теперь лисички на “приклоне”, росшие в густой траве среди палых стволов и валежника). Светило солнце, ветерок встряхивал листья деревьев — нежно-зелёные ещё, с берёзовых не вполне сошёл весенний глянец. Хорошо, раздольно, празднично. Мы гуляли и радовались, и не поспешили бы возвращаться домой, если бы корзины наши уже не нагрузились доверху.

Сели на поляне, вытряхнули грибы в траву, а потом уложили их в корзины аккуратнее, привлекательнее — это интересное действие мы, как ритуал, исполняли непременно. Идя затем через лес к шоссе, торопясь к автобусу, мы говорили о том, какой здесь светлый, опрятный лес, словно кто-то его прореживает и гребёт граблями. Конечно, змей встретить не ожидали, и в голову не приходило, что они могут водиться в таком культурном лесу; но вдруг в неглубокой узкой канаве, продолжавшейся далеко в обе стороны, неизвестно для чего вырытой, заметили гадючий “клубок” и встали, глядя на него со страхом и омерзением, подавляя в себе охоту бежать прочь без оглядки.

В этом сплетении змеиных тел гадюки непрерывно шевелились, наползали друг на друга, выползали одна из-под другой, растекались и стекались, извивались и корчились. Было их тут десятка три, я даже пробовал считать; “клубок” шелестел, издавал смрад, напомнивший мне ужиный. “Фу, фу, фу! — говорила Вера, морщась и отворачиваясь. — Пойдём отсюда!” Но мы не двигались с места и продолжали смотреть. Понятно, что вся змеиная жизнь подчинена инстинктам и рефлексам, и то, что гады собираются в начале лета для коллективного совокупления (если верить мне теперь рассказам деревенских старушек, да и в молодости я то же самое о змеях краем уха слышал), определено их природой. Но всё же лично на меня и мою жену от картины гадючьего “свального греха” веяло бесстыдством, словно картину составляли не животные, а люди. На людей змей не обращали никакого внимания. Мы успокоились и посмотрели на гадов даже вплотную, с одной стороны и другой, обошли их вокруг, жалея, что у нас нет при себе фотоаппарата, и направились к шоссе...

Но всё же я собирался увидеть и осеннюю змеиную “тусовку” и в надежде наткнуться на неё взял и навесил нынче “приклон” двадцать седьмого сентября, на Здвиженье. Отправился я теперь один, так как у жены нашлись дела перед нашим скорым возвращением в город. Лес оставался большей частью зелёным, только отдельные деревья желтели, главным образом, берёзы. Попадались мне и грибы, лисички, но мало, да и те уже водянистые, расквасившиеся, подгнившие. Долго я ходил по мрачному оврагу, по дну вертепа и крутым его склонам, продираясь сквозь корявые кустарники и папоротники по грудь, спотыкаясь о павшие стволы, заглядывая под вывороченные корни и в разные прочие ямы, но ни “клубка”, ни хотя бы единственной гадоки так и не нашёл. Конечно, отыскать в лесу место сбора гадок мудрено. Но, возможно, тут в сроках кроется ошибка, и змеи по осени собираются вместе не на Здвиженье (в день Воздвижения Животворящего Креста Господня), а немного раньше, на Артамона, двадцать пятого сентября (это и день Отдания Рождества Богородицы). Такое мнение я тоже слышал. А может быть, их предзимнее коллективное совещание — просто народное поверье.

ЛОПУХ И ЦИКОРИЙ

Всю другую лишнюю траву во дворе мы с женой в начале лета выкосили и выдрали, а возле лопушка и цикория, росших у высокого крыльчатого пристроя, остановились.

— Несчастные они какие-то, — сказала Вера Владимировна, — маленькие, сиротливые. Жалко их. Давай сохраним. Пусть растут.

— Пусть, — согласился я. — Лопушок вон уже просит, чтобы его не губили, боится, листом от нас отмахивается. А цикорий, гляди, привстал на цыпочки, лезет целоваться, заискивает...

На другой день, вынеся во двор помойную воду, я посмотрел, под какой куст её вылить, да и плеснул из ведра под лопух и цикорий, они росли в метре друг от друга.

Погода установилась жаркая. Огородные растения просили пить, облизывали воспалённые губы и жадно дули из лейки. Поливая их чуть не ежедневно, не забывали мы и про лопух с цикорием, мало того, поили их в первую очередь, хотя с водой было туго: железные бочки под дождевыми стоками быстро опустели, и я таскал воду из болотца на краю деревни, в жару сильно мелевшего, или из колонки, стоящей далековато от нашей нагорной избы, под горой. Потом жена, изготовив в ведре вонючий крапивный настой, подкормила им не только овощи на грядках, но и цикорий с лопухом. Взялись мы относиться к этим дикарчикам так же внимательно, как относимся к полезным культурным растениям: моркови, редиске, свёкле. Родными они нам стали, домашними. С умилением мы глядели, как питомцы росли.

Лопушок весь лоснился от сытости, от удовольствия. Его круглые щёки отражали солнце. Становясь из лопушка лопушищем, он раздавался в плечах, поигрывал мускулами и молодецкато подбоченивался. Цикорий же изо всех сил тянулся вверх, очень хотелось ему быть рослым и стройным. У цикория были синие глаза, они однажды раскрылись у него, как у двухнедельного котёнка. Он ласково мигал хозяевам синими глазами, хлопал длинными ресницами и благодарно прикасался к нам лёгкими прямыми шершавыми ветками.

— Ах, вы, милые! Ребятки мои дорогие! — так Вера Владимировна обращалась к пригретым нами сорнякам.

— Привет, мужики! — говорил я им, выходя на крыльцо.

— Вот ведь никакого от них в огороде толку, бурьян — и всё, а приятно посмотреть, — делились мы друг с другом. — Чистые, ухоженные, словно дети в благополучной семье. Живут и радуются...

Конечно, и лопух поднимался в вышину на дрожжах нашей о нём заботы, а не только крепчал, наливался мускулами. Они с цикорием соревновались, кто вырастет скорее и выше. Мы-то думали, что из них получатся так себе, обыкновенные кустики, а в сорняках при добром к ним отношении про-

явился гигантизм, и оба вымахали чуть не под стреху. Когда они сильно разрослись, мы сложили цикорию его длинные стебли, аккуратно подняли их к стволу (чтобы не ломались) и опоясали куст бечёвкой так, что он изобразил сноп, поставленный на попа, а ветки не лопуха уже, а репейника, круто гнувшиеся под тяжестью репьев, подтянули вверх, привязав бечёвки к гвоздикам, вбитым в брёвна избы. Цикорий принял это смиренно, понял и оценил, лопух же заартачился, задёргался, потребовал свободы, и мы отпустили почти все его ветки, оставили привязанными одни лишь верхние, самые тонкие.

— Как знаешь, — сказали. — Не боишься сломаться, ну и стой без поддержки, в гордой независимости. Потом, гляди, не стони, не жалуйся, пеняй на себя...

Цикорий нам без труда удалось воспитать (его генетический код располагает растение к благородству и способности приносить пользу людям, ведь цикорий в кофе кладут), а лопух огорчал хозяев дурными манерами, как был он от природы дремучим, косматым, так дикарём и остался. На днях взялась Вера Владимировна полить цикорий, и только наклонилась к нему с лейкой, как лопух шарахнул женщину шишковатым кулаком прямо по голове, на беду нынче не покрытой, да и прицепился к её седым волосам.

Она схватилась за голову, за колючки и пропищала:

— Ой!

Цикорий виновато сморщился, пожал плечиками и всем видом своим показал, что ему стыдно за хамовитого товарища.

— Что же ты, гад, делаешь? — крикнул я лопуху. — Хочешь, чтобы тебя выкорчевали и кинули на помойку, к чёртовой матери?

— Он, наверно, приревновал меня к цикорию, — сказала Вера. — Рассердился, что я не полила его в первую очередь.

— Много на себя берёт! — ворчал я, помогая ей вытаскивать репьи из волос. — Вырастили паразита себе на голову! Согрели змею на груди! Большой, а дурак!..

Он не только в жену мою вцепился, но и в меня несколько раз, видно, ошалел от безнаказанности, распоясался. За рукав схватил, когда я шёл мимо, за воротник, за дырявый берет. Но вдруг я услышал, как он прошелестел мне в самое ухо, уже под посвист октябрьского пронизывающего ветра:

— Стой, хозяин! Давай потолкуем! Что ты всё куда-то спешишь? Злитесь на меня с хозяйкой, что цепляюсь, да? Так ведь проходите близко, легко достать, соблазнительно. Как тут не прицепиться? Скучно ведь...

Я заметил, что лопух встревожен, что он хочет показаться хорошим и расположить меня к себе. Время близилось к зиме — вот в чём было дело. Лёгкий поджарый цикорий ждал суровую пору по-христиански спокойно, безропотно, а его богатырского вида сосед страшился холодов и одиночества. Цикорий всё лето маршировал на месте, разминался и осенью выглядел, свежим, подтянутым. Он напоминал теперь не сноп, а солдата в шинели, оставленного стеречь деревенское подворье; правда, готовясь к зимней спячке, синеглазое растение закрыло глаза. Лопух после весело проведённой молодости рано состарился, потускнел, вобрал в плечи полысевшую голову. Его нижние ветки под тяжестью репьев надломались, а сами репьи свалились, как нечёсаная шерсть. Мне думается, он боялся и того, что мы его в самом деле выдернем из земли, как выдёргивали сейчас овощи на грядках. Пригрозил ведь хозяин...

— Боюсь! — шепнул он мне во второе ухо.

— Не бойся, — ответил я и похлопал его по дрожащему крутому плечу. — Не распускайся. Никто тебя не тронет. Бери пример с цикория. Запасись мужеством, терпением и стойко перенеси зиму. Будущей весной возродисься, и мы опять встретимся. Начиная новую жизнь, учти предыдущие ошибки и заблуждения. Впрочем, того, чтобы ты пригладился и окультурился, я не жду. Для этого тебе пришлось бы ломать себя, угнетать, переиначивать с нашей помощью. Скажу правду: оставайся таким, каков есть. Диким, колючим ты, по-своему, и интересен.

Знали мы с женой, что тем легче растение переживёт зиму, чем больше его корень с осени напьётся воды, и, опоражнивая на зиму бочки, наполнен-

ные осенними дождями, мы отнесли по паре вёдер не только под яблони, кусты смородины и крыжовника, но и под цикорий с лопухом.

На прощание я протянул питомцам руку, в первую очередь лопуху. Старичок скривился от боли в надломленной ветке, но ответил таким душевным рукопожатием, что сразу прилип к моей нитяной рабочей перчатке (по рассеянности я забыл, что остался в перчатках, что-то поделав во дворе, прежде чем поспешить к рейсовому автобусу). Я стал отдиравать его колючки от руки, и он прилип к другой перчатке.

— Не хочет расставаться, — сказала Вера Владимировна и вздохнула.

Сняв перчатки, я освободился от его цепкого рукопожатия и, конечно, не обиделся на дикаря: как может, так и действует. Они с цикорием одинаково нам нравились.

ЛОСЁНОК

Хотя и птицы в лесу чирикали, и верхи деревьев пошумливали листвой, и собственные глухие шаги по опушке я слышал, но мне казалось, что вокруг — тишина. Полный душевный покой — вот что есть для меня тишина вдали от города, на вольной природе, это я давно понял и даже собственным голосом стараюсь не нарушать в себе навеянное природой умиротворение.

Но сперва мы с женой аукались — когда она свернула с опушки в лес, а я остался меж берёзовой чащей и разросшимся сосновым молодняком — “лесопосадкой”. Увлёкшись поисками грибов, оба скоро затихли, да и не теряла Вера мужа из вида, боясь отойти от милого слишком далеко. Безлюдье, густой лес, окружающий сосновый молодняк, который поднялся выше человеческого роста, чистое газовое небо, пламенное утреннее солнце за лесом... Неторопливо бреду опушкой, разглядывая траву и палую листву под ногами; ощущаю свою причастность к дикой природе, отчуждённость от городской жизни, и какие-то неясные романтические образы мельтешат в воображении. Близится поворот, на повороте растут большие многолетние берёзы; и вдруг из-за них, из-за берёз прямо на меня выскакивает стройная рыже-коричневая животина, останавливается передо мной, скользнув по траве с разбега, и всматривается в человека большими раскосыми глазами...

Даже разорвись бомба неподалёку, я так, как теперь, наверно бы, не опешил — струхнул бы, упал на землю, закрыл голову руками, но не застыл на месте, не окаменел. Однако голова работала, сознание осталось светлым. “Кто это? — лихорадочно думал я. — На зайца не похоже, и великовато для зайца, и стать не та, и уши... Чья-то необыкновенная собака заблудилась в лесу? А может быть, молодая безрогая козочка?..” И неожиданно сообразил, что вижу лосёнка, и уже в этом не усомнился. Успокоившись, я внимательно разглядел посланное мне чудо.

Могу утверждать, что оно удивилось мне, но не испугалось: малó ещё было, наивно, неопытно. Чудо стояло на длинных тонких, разведённых, как стойки дровопильных козел, ногах с раздвоенными копытцами, острыми бабками и круглыми коленными чашечками. Гладкое упитанное тело лосёнка, покрытое лохматящейся шерстью чубарого окраса, статью походило скорее на козье, чем на телячье. На макушке животного торчали под углом длинноватые уши — лопухий был дружок, — на вздутой его мордочке, спереди притупленной, шевелился, принохиваясь, широкий чёрный нос; и, словно в размышлении, малыш перебирал мягкими смешными губами, складывающимися, мне казалось, в улыбку.

Но более всего мне запали в душу его крупные раскосые глаза, обведённые тёмными дугами, точно подрисованные, — чистые, доверчивые и вместе с тем лукавые, любопытные. Такие увидишь только у малышей, человеческих и звериных. Людей лосёнок едва ли прежде встречал, и, наверно, он принял меня за какое-то безвредное животное. Ещё немного — и малыш, возможно, приблизился бы, притянулся вздутой мордочкой к человеку, а то и дал себя погладить. Я и не думал, что он гуляет по лесу не один, что шаловливое дитя отбилась от матери, а мать ищет его где-то неподалёку и, опа-

саясь за своего ребёнка, может угрожать человеку, — я хотел, чтобы это чудо из чудес подольше меня не покидало, и уже привлекал его к себе яблочком, взятым в дорогу.

Но радость в одиночку — это не полная радость, для полной нужен участник, свидетель. Решив, что лосёнок теперь совсем меня не остерегается и что он не устрасится моего голоса, я осторожно кликнул жену:

— Вера! Вера! Или скорей! — и он вздрогнул, повернулся и, вскинув короткий хвостик, рысью убежал за поворот, и в глубине леса послышалось трубное, с надрывом, коровье мычание — это о лосёнке тревожилась мать...

Жена вышла на опушку и спросила:

— Ты что кричал? В чём дело?

— Лосёнка видел, — ответил я, от волнения так неубедительно, что сам себе не поверил.

— А смеёшься почему? Шутить?

— Не шучу. Просто отличное настроение, мне его теперь надолго хватит... Вот здесь лосёнок стоял, почти рядом со мной. Я крикнул, он испугался и исчез. А потом его лосиха позвала, промывчала...

— Я слышала мычание, — сказала Вера. — Думала, это корова.

— Откуда тут, в дремучем лесу взяты коровы, подумай? Если бы какая и забрела, её бы волки загрызли. Нет, это лосиха. Она мычит по-коровьи.

— Чудеса, — сказала жена и глянула на мужа всё-таки с сомнением.

— Чудеса-то чудеса, но это и правда. Мне повезло. Так всё и было, как говорю. Ничего не выдумываю, — ответил я спокойно, с достоинством, но тут же пошёл расписывать встречу с лосёнком живо, увлечённо и подробно. Жена с интересом слушала, переспрашивала и верила. Мы с ней и грибки перестали высматривать.

С тех пор мне нередко видится лосёнок на лесной опушке. Как представляю милое лесное создание, его карие младенческие глаза, не замутнённые тревогой и недоверием, как вспомню наше с ним короткое взаимное расположение, так невольно улыбнусь, и на душе станет теплее. Может быть, и животное вспоминает человека.

ДРАМА В КУРЯТНИКЕ

В одном из своих “деревенских” рассказов я, помнится, жаловался на гусака, который, когда я шёл к водяной колонке, бегал за мной, вытянув шею, раскинув крылья и шпиз:

— Ух, ущипну!

Пробовал я говорить с ним по душам: как, мол, не стыдно? Что ты себе позволяешь? Зачем пристаёшь к человеку, ни в чём перед тобой не повинному? Но распоясавшегося хулигана увещевать бесполезно, он понимает только кулак; и, не стерпев, я однажды пригрозил гаду:

— Если не отстанешь, шею сверну!

Мне кажется, он испугался, понял, что не шучу; пока больше не нападает, только косо глядит круглым глазом, делает вид, что ничего не боится и готов опять ринуться в атаку.

С гусынями же из его компании я в мирных отношениях. Они бродят по улице, переваливаясь с боку на бок и вихляя задом, этаким важным барыни, мирно щиплют траву, лежат, как насытятся, у забора своего подворья и не обращают на меня внимания. Правда, когда их ухаждёр измывался над человеком, гусыни вскидывали головы и галдели в мою сторону: “Га-га-га...”, — а мне в их гортанных криках слышалось:

— Вот он какой, наш гусак! Он нас оберегает, никому в обиду не даёт! А ваши гусаки так же заботятся о своих гусынях?

Однажды в середине лета, наливая в ведро воду из колонки, я увидел, как одна из гусынь свернула с травы на песчаную дорогу, накатанную меж двух рядов домов личными автомобилями некоторых селян и дачников. Жирная птица полежала брюшком на песке и снесла яйцо. Оставив ведро

с водой, я подобрал ценный продукт, тёплый после утробы, и пошёл с ним к тётке Полине; изба её стояла рядом с колонкой.

— Пожалуйста, — говорю, взойдя на пристрой крыльца и подавая загорелой молодой хозяйке лежащее на ладони яйцо, раза в два больше куриного, сильно вытянутое и с серым оттенком. — Ваша птичка снесла. Какое крупное! Никогда не ел гусиных яиц. Какие они на вкус?

— Куриные лучше, мягче. А вы оставьте его себе и попробуйте. Потом скажете, понравилось или не понравилось, — ответила женщина, которую деревенские почему-то за глаза называли тёткой Полиной, хотя многие из называвших были старше её. Вероятно, кто-то однажды случайно поименовал её так, а другие подхватили, и возраст никакого значения тут не имел. Мне Полина вообще годилась в дочери, но никто не кликал меня дядькой Альбертом.

Я поблагодарил её, но дар не принял, объяснив, что несущее ведро с водой и по дороге могу нечаянно разбить замечательное яйцо, тем более что буду подниматься домой по каменистой тропинке в крутую гору. Очень станет жалко, если разобью. В следующий раз, сказал, возьму, и мы с женой попробуем.

— По-моему, в нашей деревне только у вас есть гуси, — заметил я. — Ни у кого больше я их не видел.

— Почему? — Она пожала обнажённым смуглым плечом. (Одета Полина была в светлое платье без рукавов.) — Имеются ещё любители. Пройдите по-над речкой в другую часть деревни и увидите. Там гуси в речке плавают.

— Хорошо, пройду, поинтересуюсь, — сказал я и кивнул через плечо на разноцветных хохлаток с петухом, гулявших по двору и за подворьем, рядом с гусями. — А у вас, смотрю, и кур немало.

— Люблю всякую живность, — ответила она. — Я раньше и кроликов разводила, и корову держала, и козу. Но с годами стало надоедать. Всё ведь на одни руки. Сын с женой приезжают раз в году. А мужа у меня давно нет. С курами моими, знаете ли, ныне прямо беда.

— А что такое?

— Да пропадают! Лиса ворует!

— Лиса? Неужели из тёмного леса сюда бегают?

— Откуда же? У нас тут кругом леса! Привязалась, подлога, и нет от неё покоя! Наверное, с десяток курочек унесла! Ни к кому другому больше вроде не лазит. Почему только ко мне — пёс её разберёт. Может, прослышала, что живу одиноко и что из моего дома, наверняка, не выйдет мужик с ружьём и не жажнет в неё.

Полина сощурила тёмные глаза, показала кулак и из приветливой добродушной женщины превратилась в крутую мстительницу, вспомнившую незначай заклятого врага.

— Ух, я бы эту заразу!.. — произнесла она, трясая головой в белом платке, завязанном на затылке. — Будь у меня ружьё, в клочья бы разнесла её крупной дробью!

— Сочувствую, — сказал я. — Самому не приходилось заводить кур; но понимаю вашу обиду и досаду. Своими руками вырастить, выходить, вскормить и полюбить животин, а потом их какая-нибудь зверюга утащит!

— В том-то и дело! — подхватила она. — Они ведь становятся тебе родными! Привыкают к хозяйке, и ты к ним привыкаешь, разговариваешь с ними, особенно, когда больше говорить не с кем! Покричишь: “Цып-цып-цып!” — летят со всех ног!..

Взгляд её обратился в пространство и печально затуманился. Она даже шмыгнула носом. А куры с петухом на голос Полины примчались к крыльцу, с разбегу пошарили глазами по земле и ушли разочарованные.

— А на гусей ваших лиса не нападает? — спросил я.

— Нет, гусей не трогает. С ними ей не справиться. Гуси сумеют за себя постоять.

— Наверное, вы как-нибудь боролись с ней? Пытались её поймать или отвадить?

— А то как же? И кашкан до сих пор ставлю! И еду, посыпанную отравой, кладу! И выслеживаю с дубиной в руке! Умная. Хитрая. Кашкан и приманку обходит стороной. Застукать её трудно, чтобы оглушить дубиной по башке. Выберет подходящее время, запрыгнет на курятник, разворошит крышу и нападает сверху, как рысь, на бедных моих курочек. Они переполошатся, заорут со страху, захлопают крыльями, но пока я, если услышу, добегу до курятника, эта шалава прыг в лаз с курицей в зубах — и поминай как звали. Но не так давно я её всё-таки чуть не прищучила. Вот прямо чуть-чуть! Она у меня была почти в руках! Мы с ней сцепились в курятнике! Курицу друг у дружки вырывали!

— Как это?

— А вот так! Да вы зайдите в избу! Что у порога стоять? Я вам сейчас расскажу!

Я зашёл в горенку, сел на старый венский стул и послушал.

Женщина вдруг сменила гнев на милость: в её словах и интонациях мне послышалось сострадание к лисице, и лицо её расправилось и стало мило-видным. Начала она свой удивительный рассказ с того, что у зверюги, верно, подрастали малы детушки, и, чтобы их сытно питать и учить охотиться, лиса умыкала у вдовы куру за курой. От себя замечу: в густых лесах вокруг нашей деревни полно всякого зверья, лис в том числе. Бродя по дебрям, я не раз встречал лисьи норы с узким входом, продолговатым, как амбразура дзота.

Гусятник Полины примыкал к сараю, а курятник устроился в сарае: слева, как войдёшь — дровяник и место для вёдер, сельскохозяйственных инструментов; справа — загородка для кур и насест, сплошь заляпанные белым помётом. Возле невысокого сарая была сложена запасная поленища дров. Хозяйка прикрыла её от дождя клеёнкой. Время от времени Патрикеевна ночью пробиралась в деревню и, издали чуя и обходя собак, достигала подворья тётки Полины. Там она запрыгивала на поленищу, дальше на крышу сарая и, раздрав когтистыми лапами рубероид, находила щель в кровле. Обгрызая доски острыми зубами и расширив щель, воровка просовывалась в неё и соскакивала на земляной пол. Куры в ужасе слетали с насеста, кудахтали благим матом и трепыхались. Гуси тоже волновались и устраивали свой гусиный переполох. Злодейка нападала на кур, ловила одну из бедолаг и сгнала с ней на дубовую бочку, на поленищу, сложенную в дровянике, на всё, что повыше, а оттуда — под кровлю, в лаз. Так всё начиналось.

Хозяйка забивала лаз изнутри и снаружи, накладывала заплатки на порванный рубероид. Но лиса нащупывала в крыше новую слабинку и вводила у тётки очередную курицу. Полина и поленищи перенесла на другие места, и бочку в сарае сдвинула и перевернула вниз дном. Она попыталась изловить, обуздать, наказать лисицу разными способами, о которых уже мне поведала. Ничто не помогало. А воровка уже и подкопы стала делать, прямо под курятник, и через них стащила несколько хохлаток. Полина взялась за голову и расплакалась от злости и бессилия. Рассказывая мне, как плакала, она опять поносила лису словами “подлюга”, “шалава”, “зараза”.

Вскоре после того женщина и столкнулась со злодейкой. Она уже давно толком не спала. Полина выходила по ночам на крыльцо, прислушивалась и держала под рукой палку. Сидеть в засаде у курятника было нельзя: зверь чуял притаившегося человека и выжидал. Памятная ей ночь выдалась лунной и звёздной. Все предметы усадьбы хорошо виднелись в общих чертах: сарай, гусятник, дальше огород, ещё дальше пара яблонь, кусты малины и чёрной смородины, а вокруг двора покосившийся часток. Где-то перекинулись лапами собаки — и наступила тишина. Деревня уснула.

Было тепло, а к комарам тётка Полина привыкла. Она задремала на крыльце на скамейке; но вдруг уловила настороженным слухом: куры в курятнике забеспокоились, зашевелились, кудахтали. Не успела хозяйка вскочить на ноги, как хохлатки истошно заорали вместе с переоравшим их петухом и захлопали крыльями. Загалдели и гуси. Она схватила палку и опророметью побежала к курятнику.

Женщина боялась, что опять не успеет. Но нынче лисица промешкала. Заскочив в незапертый сарай, Полина зажгла электричество и ослепила хищницу. Та заметалась с курицей в зубах, кинулась было к подкопу, но хозяйка загородила ей дорогу. В панике воровка прыгнула на бревенчатую стену и сорвалась. Не кошка ведь она, а почти собака. Бросаясь туда-сюда, наткнулась на озлобленную мстительницу. Крестьянка подчинилась инстинкту сохранения частной собственности и забыла, что у неё в руке ударное оружие. Выпустив палку, она успела схватиться обеими руками за курицу и потянула её к себе. Лиса, мотая головой и упираясь лапами, потянула в обратную сторону. И так сильно они тянули, что у курочки задралось платье, съехали штанишки и оголился живот. “Отдай!” — кричала Полина. “Ты отдай! — сквозь зубы цедила лиса. — Мои щенки кушать хотят! И сама я голодная!” “Это не твоё! — ругалась тётка Полина. — Ты воровка! Сколько кур у меня стащила! Что ты привязалась ко мне?” — “У тебя много, а у меня ни одной!..”

— Так вот прямо она с вами и разговаривала? — сказал я, смеясь.

— Ну, не словами, конечно! — ответила Полина, проведя пальцем под носом и хмыкнув. — А видом своим! Как она разговаривать-то могла с курицей в зубах? И знаете, рычала по-собачьи, глазами бешеными водила и морду собирала складками! Мне страшно сделалось! Думала, бросится на меня!

— А дальше-то что?

— Дальше? Курочка, понятно, умерла. Она её за шею клыками держала и придушила. Пока мы вырывали бедную друг у друга, шея курочкина, мне показалось, растянулась и стала очень тонкая, того и гляди оборвётся. Я не вытерпела и отпустила. Лиса тут же удрала с моим добром через подкоп.

— И всё? — спросил я.

— А что вы ещё хотели? Небось, накормила выводок, сама поела и где-то бегаёт. Жду, когда снова объявится. Похоже, я её крепко напугала.

— Вам бы собачку завести, — сказал я, вставая. — И ночью с цепи её спускать. Спасибо за занятную историю.

— Про собачку я подумываю. Может, заведу. Кошка у меня уже есть. А вам спасибо, что яйцо подобрали. Гусыня эта не в первый раз безобразничает: кладёт яйца где попало.

Я интересовался у тётки Полины, не навевается ли к ней лиса. Нет, до конца лета Патрикеевна её больше не беспокоила. А потом, спустившись от своей избы в низину деревни, я увидел в помойной яме, устроенной некоторыми жителями у подножия горы, часть лисицы: голову с остекленевшими глазами, оскаленной пастью и примерно полтуловища с передними лапами. Она ещё долго проглядывала из-под отбросов.

— Не ваша ли это разорительница там лежит? — спросил я Полину, пройдясь в очередной раз с ведром до колонки.

— Я ходила смотрела. Вроде похожа, — невесело ответили она, ёжась на крыльце от осеннего холода. — Я её, правда, всего один раз видела, и то не при дневном свете, но, по-моему, она была как раз светло-рыжая. Собаки её, наверное, учуяли и задрали. Кто-нибудь отнёс на помойку. То-то больше куроцапка не показывается.

— Жалко лису, — сказал я.

— Жалко, — согласилась женщина. — И курочек мне жалко, и дуру эту, и её выводок. Если по правде рассуждать: это лисе так положено — кур у людей воровать, когда другая охота не клеится. Иначе сама с голоду подохнет и лисят уморит. Скорее всего, она не столько о себе заботилась, сколько о детях. Видно, хорошая была мамаша.

ВЫХОД ИЗ ЛЕСА

Возвращаюсь с грибами в деревню. Иду молодым, просторным и светлым лесом, в котором шней даже не видно — наверно, никто никогда не пилил этот лес. Тут растут и берёза, и ёлка, и осина, и сосна, всем хватает места под солнцем, все деревья как-то сумели пошире раздвинуться и не ме-

шают спокойно жить одно другому. Дружат и взаимодействуют, словно народы легендарной Страны Советов. Подлесок, правда, помаленьку разрастается, и неизвестно, что дальше будет.

Шагаю споро, местность покатая, покатость тоже подгоняет. На ходу наклоняюсь, рву одной рукой и кидаю в рот спелую чернику и переспелую землянику. Несу за ручку свою старую ивняковую корзину, слушаю младенческие голоса птиц, смотрю, как то и дело меняется обстановка леса и чередуются разные оттенки зелени. Корзина моя полным-полна, но грибы лезут мне на глаза, из травы встают на цыпочки, из кустов выскакивают, из-за деревьев и кочек. Я креплюсь, не беру, без того тяжело, и класть некуда. “Не попадайтесь больше! Не попадайтесь! — бормочу. — Мне хватит!”

Ушёл я далеко, но уверен, что не заблужусь. День сегодня ясный, солнечный, а я давно приметил, как солнце движется относительно моей деревни и под каким углом к нему надо в лесу идти в разное время дня, чтобы добраться домой.

Но время летит быстрее, чем кажется спешащему из леса домой, и откуда-то вдруг берутся тени — не эти, фигурные, прозрачные, от деревьев и кустов, — а сплошные, хмурые, падающие сверху. Поднимаю голову и вижу, что на небе, ещё недавно светло-голубом, ясным, как стёклышко, появились тучки. Одна из них накрыла солнце, подержала его в неволе и выпустила. То же самое делают вторая, третья, четвёртая, пятая тучки, плывущие друг за другом, а потом их множество, создавая ветер, объединяется и не даёт пробиться ни одному солнечному лучу.

Холодает. По лесу хлещет дождь, шумя, как горный водопад.

Я не того боюсь, что вымокну до нитки, а того, что могу теперь заблудиться. В сильный дождь не только утрачиваются солнечные и другие ориентиры, но главное, лично у меня исчезает чутьё лесовика, как в сырости пропадает чутьё у собаки, идущей по следу. Лес за сеткой дождя сказочно красив, но переименован, знакомые места в нём кажутся впервые увиденными. Мне бы следовало переждать этот внезапный и, как я думал, по-летнему недолгий ливень, посидеть до конца его под развесистым деревом, но я торопилось спастись от дождя, куда-то бегу, словно молодой, и сбиваюсь с пути.

Дождь кончается много позднее, чем я ожидал. Опять выглядывает солнце, но уже другое, предсонное, светящее по низу деревьев, вознося к их верхушкам последние неяркие лучи. Я вновь поворачиваю на него, не ведая, как идти иначе, но отлично понимая, что за то время, пока лил дождь, солнце описало в небе большую дугу, а сам я прошёл значительное расстояние неизвестно куда. Погрешность взятого мной после дождя направления велика. Осознав, что до наступления темноты из леса уже не выйду, я чувствую страх, уныние, злость, беззащитность — всё, как однажды по объявлению в России перестройки и демократии.

Солнце, уходя на покой, играет с грибником дурную шутку: тянет его из хорошего леса в мрачную чащобу, поросшую травой по колено, заваленную палыми деревьями, из которых иные так прогнили, что сами собой развалились на куски. Хорошо помню, как солнце совсем исчезло за лесом, забрав с собой бледные лучи, похожие на крылья ветряков, и оставив над землёй временное тусклое свечение. На фоне тусклого свечения вижу впереди ряд наклонившихся в разные стороны деревьев, то ли подпёртых от падения соседними прямо стоящими, то ли, наоборот, подпирающих прямо стоящие. За этими дикими раскосами и стояками в глубине дебрей клубится туман.

Воцаряется ночь. Я скучаю по жене Вере, думаю о том, как тревожно ей сидеть одной в избушке, с нетерпением дожидаясь мужа, и жалею, что не могу успокоить её весточкой, поскольку не пользуюсь мобильным телефоном. Обычно мы уходим в лес вместе, но сегодня она занялась стиркой. “Хорошо, что Вера не пошла, — говорю себе. — Жена моя не из слабонервных, не из пугливых женщин, и вместе нам, заядлым лесовикам, приходилось блуждать и ночевать в лесу, но тогда была молодость, нынешнее же моё приключение не по её с годами слабеющему здоровью”.

Где ночь застаёт, там и останавливаюсь — возле упавшего толстого дерева, поднятого упёршимися в землю сучьями на высоту спортивного бревна.

Шалаш, считаю, мне ни к чему; костёр разжечь — спичек нет: некурящий. Я крепко устал, но, сидя на мокрой траве, отдохнуть не желаю, а какой-нибудь подходящей жердины поблизости не нахожу. Забираюсь на лежащее дерево, но быстро с него соскакиваю — сидеть среди густых, кривых, царапающих сучьев не нравится. Отнеся в сторону, чтобы в темноте не уронить, корзину с грибами, я приваливаюсь к палому дереву сперва животом, потом спиной, и так, больше мучаясь, чем отдыхая, терпеливо жду рассвета.

Ветер давно замер. Небо снова чисто, сияют звёзды. Сперва я вижу лишь очертания палого дерева, к которому пристроился, да силуэты близрастущих деревьев, а всё, что дальше, кажется сплошной чёрной массой. Но когда глаза привыкают к слабому звёздному свету, различаю впереди какие-то волосы, свисающие с веток, а в стороне от волос на прогалине — длинного уroda с птичьей головой и старуху в платке и юбке до земли. Образы, созданные воображением, не так страшны, как внезапный натуральный человеческий вопль поблизости, а за ним ещё один, с невнятными причитаниями. Скорее всего, это филин сходит с ума. Что-то ещё хрюкает и ворчит басом экс-премьера Касьянова — тоже недобрые звуки, — но воплей я пугаюсь до колотья в груди.

Потом мерещится вдали зеленоватый огонёк, о котором я думаю: а не пресловутый ли это “тот свет в конце тоннеля” и не нечистая ли сила подманивает меня к себе, чтобы обнаружить и сожрать? Наверно, это горит светляк в гнилушке, но, может быть, волчий глаз; от предположения волчьего глаза тоже становится не по себе. Прогоняя страхи, читаю “Отче наш”.

Во влажном тёплом ночном лесу, конечно, донимают комары. С омерзительным зудением, пытаюсь тончайшими злыми голосами выговорить “банзай”, они кидаются на меня целыми полчищами, лезут в рот, нос, уши, кусают то в щёку, то в лоб, то в шею, то в кисть руки, прокалывают стальными хоботками пиджак, штанину, кепку. Я непрерывно бью себя обеими руками, размазываю кровь, охаю и приплясываю. Борюсь с комарами, перестаю хотеть спать (а то глаза сами зажмуривались, ноги подгибались) и больше не страшусь мистических образов, диких зверей и чьих-то воплей. Так что с одной стороны кровососы зверствуют, а с другой поддерживают в заблудшем путнике бодрость тела и духа...

Я не раз слышал истории о том, как люди плутают в лесах и как некоторые навсегда в них теряются. И в нашей деревне был случай: пошла чья-то бабуса по грибы и исчезла, ни живой не нашли, ни мёртвой. По телевизору как-то говорили об одной старушке. Эта неделю провела в лесу и выжила, поддерживав силы ягодами, не испугавшись одиночества, опасностей и наваждений, обернув корой берёзы открытые голени, чтобы не искусал гнус. Я удивлялся отважной женщине и с морозцем по коже видел себя в её злоключении, а теперь вот сам заночевал в дебрях, и рассказ о моём тяжёлом походе можно приложить к другим подобным.

“Не сдамся, — храбрюсь я, не прекращая воевать с комарами я чесаться. — Как рассветёт, поем ягод — черники тут, наверно, полно, гонобобеля — и стану думать, что делать дальше. Рыжики тоже и сыроежки годятся в пищу в сыром виде, ещё лягушки и змеи. В общем, не пропаду. Хотя кто знает, сколько дней мне придётся блуждать, леса-то здешние — муромские, известные своей протяжённостью и дремучестью”.

По верхам деревьев пробегает свежий ветер, это начинается утро. Кровососы нападают меньше. В сражении с ними я разгорячился; но одежда на мне мокрая, и в сапоги от дождя натекло, я скоро до дрожи стыну. Чтобы согреться, машу руками, приседаю и прыгаю. Вижу, как наступает ранний летний рассвет, как быстро выявляются первозданные картины пуци, как лес опутывает плотная паутина — это слоями поднимаются от земли дождевые испарения. Гляжу на часы: времени около четырёх. Всё вокруг видно, но идти некуда — всюду дебри, травища, бурелом. Надо ждать солнца, без него нельзя трогаться с места. “Только бы взошло! Только бы небо опять не затянуло тучами! — думаю, поглядывая вверх. — По солнцу я опять попытаюсь определиться, а если скроется, то не буду знать, в какую сторону идти”.

Небо голубое, как глаза моей жены. Часам к пяти светило протягивает из-за леса лучи, а потом само пробирается к верхушкам деревьев и сверкает. Встречаю его как живое существо, друга и товарища, профессионального спасателя, узнавшего о том, что человек может сгинуть в дремучем лесу, и немедленно явившегося на помощь. Невозможно передать, какое удовольствие я испытываю от его огненного сверкания и нарастающего тепла. С восходом солнца пуца по-своему, по-дикому прихорашивается. Влажная зелень всюду искрится. В роскошной траве видны на прогалине белейшие ромашки, соцветия иван-чая, колокольчики, курослеп, зверобой, фиалки и разные другие прелестные цветы, а возле моего ночлега — обилие крупной черники, которую я впотьмах изрядно подавил сапогами. Красиво вокруг; люблюсь. Слышу бойкое щебетание и хлопанье крыльев. Оказывается, и птицы тут живут и суетятся по утрам. Но мне нельзя обольщаться красотами леса. Дикая природа поглотит меня, если я не выберусь из неё. Невелика радость умереть под пение птиц, среди цветов и ягод.

Поев черники, прикидываю направление, не забываю корзину с грибами и пускаюсь в неведомый путь. Дорога тяжелее, чем я предполагал. Тут полно глубоких оврагов, склоны их, как и лес наверху, загромождены поваленными деревьями, а дно заросло папоротниками. Осторожно спускаюсь вниз, обходя или перелезая скользкие стволы; а на дне по плечи погружаюсь в мокрые папоротники и, искупавшись в них, как в студёной реке, карабкаюсь наверх. Строго держу под острым углом к солнцу. Тяжело дышу, шатаюсь от усталости, но берегу грибы. Скусываю корки с покоробившихся губ и облизываю влажные листья деревьев, чтобы утолить жажду. Иду, иду, иду. Молюсь, как умею, Богу, а ещё вдохновляюсь подвигом старушки, неделю проведшей в лесу.

Ландшафт становится ровнее. Овраги больше мне не встречаются, но по-прежнему немало на моём пути и гниющих деревьев, и непродиристых кустарников, и цепляющейся за ноги травы. К полудню лес просыхает, мою одежду солнце тоже высушило, в сапогах только мокро, вязаные носки хоть отжимай. Я нахожу укромное место, ложе, застеленное шёлковой травой, скидываю сапоги, вешаю носки на ореховый куст и ложусь. Пихаю под голову свёрнутый пиджак и собираюсь отдохнуть совсем немного, но через минуту крепко сплю. Комары никуда из леса не делись. Не так зверски, как ночью, но они продолжают кусаться, а в разгар дня им помогают слепни, только я уже ничего не чувствую.

Просыпаюсь от чьего-то холодного прикосновения; открываю глаза и сперва вижу нацеленное на меня бельмо, которое оказывается белёсым грибовидным наростом на стволе берёзы; а дальше, повернув голову, удивлённо смотрю на лягушку, словно для того припрыгавшую к моей горячей щеке, чтобы разбудить меня и сказать: “Эй, мужичок! Солнце-то передвинулось! Голова твоя садовая попала из тени на припёк!”

— Спасибо, лягушка! — говорю. — Спасла ты меня от теплового удара! Скачи домой!

Подгоняю её пальцем, и она, сильно оттолкнувшись, делает большой скачок.

Солнце краснеет и снижается. На часах шестнадцать с минутами. Ужаснувшись тому, как быстро сократилось для меня световое время дня, я встаю, обуваясь, надеваю пиджак, снова ем чернику и бреду с корзиной дальше. Ноги болят, поясищу ломит, голова трещит от послеполуденного сна и солнцепёка, лицо залито потом. Тру лицо подкладкой кепки и ощущаю, как украсилось оно шишками от укусов слепней и комаров, — когда явлюсь домой, жена, наверно, при виде любимого ужаснётся и не сразу узнает его.

Тоска по жене и дому, жажда покоя и уюта обостряются во мне до предела. Куда-то пропадают все мои недомогания, иду быстрее. Лес, похоже, становится лучше, чище, опрятнее, совсем исчез бурелом. Но вдруг я вижу признаки диких зверей. Встретившиеся мне в одном месте крупные берцовые кости, рёбра и длинный череп, наверно, оставили волки, сожрав леса. Только волчья стая могла справиться со взрослым лосем. А большой участок земли изрыт кабанами. Хрюшки, добывая какие-то коренья, подняли травя-

ной слой до голого сутлинка. Пласты дёрна так старательно выворочены и откинuty в стороны, что несведущему в повадках зверья грибнику или ягодику трудно поверить, что это дело не рук человеческих, а свиных рыл. Кошусь по сторонам, не выскочит ли из зарослей клыкастый вепрь. А то, чего доброго, и медведь, ревя, выйдет из малинника. Малины здесь тоже много, она почти вся спелая, да некогда мне теперь есть: день на исходе.

Почти бегу, не чувствуя ног, не замечая усталости и одышки. Это нервная лихорадка от страха провести в дебрях ещё одну ночь. Заходящее солнце мерцает, словно лампа под падающим напряжением. Опять надвигаются сумерки. А лес тут совсем неплох, деревья широко раздвинулись и помолодели, под ногами приятная травка, грибы хорошие растут, а в дебрях встречались одни квёлые перестарки. Местность полого наклоняется. Под горку бегу ещё скорее. “Стоп! Стоп! Стоп! — вдруг кричит мне внутренний голос. — Ну-ка, остановись! Соберись с мыслями и сообрази, что происходит уже не то, чего ты опасаясь! Ты вернулся в прекрасный лес, где вчера застал тебя ливень, с которого вместо благополучного возвращения домой началось твоё нелепое блуждание!” “Не может быть!” — думаю ошеломлённо, но убеждаюсь, что так оно и есть: лес тот самый, я им нечасто, но хаживал. Из этого леса, напрягши моё чутьё лесовика, я выйду, пожалуй, и без помощи солнца, даже в сумерках. Не оказался бы только счастливый поворот судьбы лукавым сном и не сойти бы мне с ума от радости...

Спустя час стою на гористой опушке в виду деревни; у ног моих — корзина с грибами. Вниз я не тороплюсь, прихожу в себя. Смотрю вокруг, облегчённо дышу и чувствую себя так, словно вышел я не из тёмного леса к людям, а вернулся к себе в Россию из чужой враждебной страны. Лес тут ни при чём. Я сам выбрал в нём ложное направление, а не он сбил меня с пути. В лесу — как в жизни: всякое бывает; и в жизни мне тоже приходится блуждать, как в лесных дебрях, с трудом находя дорогу. Мысли о лесе всегда уводят меня далеко; но сейчас ясно одно: я мог остаться в пуще навсегда, но счастливо отделался.

Над деревней поздний вечер и тишина. Её котловинную часть заполняет парное молоко — густой туман, погружающий в себя избы. Небо больше звёздное, чем облачное, и дождь, похоже, не предвидится — очень не хотелось бы мне под конец пути ещё раз вымокнуть. А на высоком холме деревни, с краю, вижу нашу избушку. В окнах горит электричество. Жена Вера, конечно, истомилась в ожидании меня, побегала по соседям, наслушалась советов и теперь не знает, что ей делать: то ли ещё понадеяться, то ли начать звонить в районный центр, заявлять в милицию о моём исчезновении.

Пройдут последние полчаса, и в дверях перед женой возникнет призрак мужа с корзиной грибов.

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЕМНАДЦАТЫЙ

* * *

В аренду скорбь и памятники славы...
На скользкий путь ступил орёл двуглавый,
Если на Красной зáлили каток,
То капает кому-то третий срок.
На площади, у центра всех дорог
Схлестнулись в битве ЗАПАД и ВОСТОК.
Танк-Мавзолей собой прикрыл кладбище.
Среди зевак, торговцев, новых нищих
Клюёт нутро звезде орёл двуглавый —
Недаром площадь прослыла “кровавой”.
В мороз на крови можно поскользнуться
И в тапки из коньков переобуться...
Пусть манекен с хозяином вась-вась,
На то она и временная власть.
Гудят своё часы на Спасской башне,
Которая, ей-Богу, не спасёт,
Когда, припомнив славы день вчерашний,
Две тысячи семнадцатый придёт!

ШАМСУТДИНОВА Марина Сагитовна родилась в 1975 году в Иркутске. В 2003 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького (мастерскую С. Ю. Куняева). Автор двух книг стихов “Солнце веры” (2003 г.) и “Нарисованный голос” (2007 г.). Печаталась в журналах “Сибирь”, “Наш современник”, “Созвездие дружбы”, “Первоцвет”, в других периодических изданиях. Постоянный автор литературных интернет-порталов “Общелит.ру”, “Стихи.ру” и др. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

* * *

Труп страны заровняли суглинком,
А приказчик и ключник при деле.
Собирали добро по крупинкам —
Разбазарили за три недели.
Нашу землю ещё пятаками
Предки тысячу раз выкупали:
Оплатили и земству, и банкам,
И царям, и заносчивым барам.
Заслонили расплавленным танком,
Своим телом от вражеской своры.
Землю мы выкупаем по новой.
Отменились былые декреты,
Отсиделись менялы по норам,
Обветшалые всплыли заветы.
Не получим ни землю, ни недра,
Каждый купчик теперь при бумажке,
Есть владелец у солнца и ветра,
Есть хозяин у моря и пашни.
Нам в наследство досталась — Победа!
Мы — наследники... вспомним про это.
“Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее!”

БОГАТЫРША МАРЬЯ МОРЕВНА

Повод крепок, железно стремя,
Холка мощная у коня,
Недозрелое вышло время,
Повзрослеет, глядишь, в три дня...
Голос старцев почти не слышен,
Спят в младенцах богатыри,
Собирают в поход богатыршу,
Дав клубочек в поводыри.
Богатырша Марья Моревна,
Ты воительница Руси,
И добытчица, и царевна,
А хазар хоть косою коси...

* * *

Спасёт нас вечная зима!
Больницы, школы ледяные,
А дураков своих нема,
Все дураки переводные.

Сельскохозяйственной страны,
По брови занесённой снегом,
Проблемы, в общем, решены
Одним навязчивым соседом.

Мороз-подрядчик хоть куда,
Бордюры, домики-яранги.
Всё смое талая вода,
Дорогу одолеем в танке.

Иван, не помнящий родства,
Очистит поле родовое,
Распашет — раз, засеет — два,
На три оно совсем живое!

Сосед порядочная гнида —
Антанта или Атлантида,
Так догорай его лучина!
Ведь участь острова — пучина...
Игрушки смоем ледяные,
Дома отстроим лубяные.

МАНЕЖКА

* * *

На Манежной фанаты с битой,
Есть в стране молодёжь, не забита,
Нас таких миллиона три,
Вся Россия, как ёлка — гори...

* * *

Нас, как тигров, загоняют в клетку,
В животе “мороженко” и блин,
Смотрим сквозь ячеистую сетку
На засилье западных витрин.
Всей стране устроили гулянье,
Праздник под присмотром мусоров,
Юмористов радостное ржанье
И обилье алкогольных снов.
Вроде мы не вовремя родились,
Нас, как мелочь, сняли со счетов,
Мы же незаметно оперились,
И фанат теперь на всё готов.
Вся Россия пусть за нас болеет,
Бьётся за решёткой полицией,
И в мороз свобода сердце греет,
Первый пас в ворота — забивай!

АЛЕКСАНДР КЛИМЕНКОВ

РОССИЯ — МОЯ КОЛЕЯ...

* * *

Горит в окошке свет далёкий,
Загадкой путника маня.
В ночи свет жалкий, одинокий
И беспокоящий меня.

Случилось, может, что с тоскою?
Одна страдает взаперти?
И если дверь я не открою,
Не будет счастья мне в пути.

А если я не заночую,
Прощён не буду я вовек.
Как зверь, инстинктом это чую.
И чувствую, как человек.

* * *

В деревне не было купели,
Детей крестили кое-как.
Свеча из воска за пятак.
Лампад горящие качели.

КЛИМЕНКОВ Александр Константинович родился в 1952 году на Смоленщине в Монастырщинском районе. Окончил Смоленскую духовную семинарию. В 1993 году митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом рукоположен в сан диакона. На протяжении нескольких лет преподаёт историю православной культуры в школе. Автор многих поэтических сборников. Живёт в городе Вязьма.

Тернистый нимб больной страны.
Из окон узких свет неясный,
В иконах старых угол красный
Мне детской памятью верны.

И я с крестом — как бы с игрушкой,
Не понимая важность дел,
Нет, не крестился, а сопел
В молчанье, тягостном и грустном.

Икон серьёзный взгляд на то,
Как таинство вершилось в храме.
Мой крёстный в стареньком пальто,
И лик Христа под небесами.

Иконы видели... должны,
Не видеть права не имели...
Тот взгляд из старой колыбели
В грядущий мир моей страны.

* * *

Предам огню корявый почерк,
Начну всё заново писать.
Как в детстве, побегу на почту,
Куплю дешёвую тетрадь.

Конвертов накоплю, чернила.
Но... пепел мажется в руках.
Сгорело в памяти, что было.
От адресов остался прах.

Местами серый, чаще — чёрный.
Звездой разбуженной во мгле
Сверкнула жизнь, чтобы исполнить
Свой долг на крошечной земле.

* * *

Байкал. Мы пьём с ладошки воду.
Она холодная и летом.
Но кто-то взял такую моду
И ноги мыть ещё при этом.

Но, в стороне от ликованья,
В платочке женщина седая
На воду, как на мирозданье,
Молилась: “Так она ж святая!”

* * *

Российские наши дороги...
То пыль, то густые снега.
Ухабов крутые пороги
И просек лесных берега.

Вся жизнь к путь-дороге пририта,
На что нам чужие края?..
Хоть лиха хлебаю досыта,
Россия — моя колея.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 27.

“Ты Рассея, Рассея-тёща...”

В первых числах ноября Есенин появился в Ленинграде – второпях, как будто на что-то надеялся, как будто чего-то ждал от этой поездки... У него в голове был заново переписанный, но ещё не отделанный до конца “Чёрный человек”, которого он читал на встречах с Георгием Устиновым, Ильёй Садофьевым, Николаем Никитиным... Навестил и Клюева, прочёл поэму и ему.

“Одна шукура от человека осталась”, – так потом вспомнил Клюев эту встречу.

Снова Есенин не нашёл понимания у старшего собрата. А уже в Москве, после больницы, где скрывался от милиции, от грядущего суда по делу об оскорблении дипломатического курьера НКВД – во время последнего посещения Госиздата говорил, что уезжает в Ленинград насовсем, просил выслать туда корректуры грядущего собрания сочинений, сообщал о новых начатых, ещё недописанных произведениях, которые он собирается завершить там, на новом месте жительства... Где это “новое место”? Да у старых друзей. У Валериана Правдухина, у Лидии Сейфуллиной... У Клюева, в конце концов. “Люблю Клюева”, – запомнил есенинские слова Иван Евдокимов.

Приехал, перед этим попросив телеграммой Вольфа Эрлиха найти ему “две или три комнаты”. Тот даже не пошевелился. И по всему выходит, что в “Англетер” Есенин попал благодаря Георгию Устинову, который в эти же дни прикатил в Ленинград и устроил поэта рядом с собой (о номере позаботился заранее).

Ленинград в эти дни трясло, как в лихорадке. “Зиновьевский бастион” бросал открытый вызов Сталину и его команде. Делегации из Москвы с XIV партийного съезда, на котором разгоралась решающая схватка, снова-ли туда-сюда – приезжали и возвращались на очередное заседание... Партийная и комсомольская оппозиция города вместе с редакторами газет и журналов, а также и гепеушниками, вставала на дыбы.

Вот в эти роковые дни и появился в Северной Пальмире Есенин, жаждавший спокойной жизни и плодотворной работы, мечтавший об издании своего журнала, лелеющий в мечтах грядущее собрание сочинений...

Елизавета Устинова потом вспоминала, как на второй день пребывания в “Англетере” Есенин заявился к ним в номер ни свет ни заря – и тут же на-

чал рассказывать о своих первых литературных шагах в Петрограде, с любовью вспоминал Клюева и намеревался немедленно ехать к нему — с трудом уговорили подождать до рассвета... Эрлих, со своей стороны, утверждал, что переночевал у Есенина в номере, а утром услышал от него: “Поедем к Клюеву!.. Ссоримся мы с Клюевым кажинный раз. Люди разные. А не видеть его не могу. Как был он моим учителем, так и останется. Понимаешь — люблю я его!” И ещё вспоминал, как в один из прошлых приездов Есенин похвалялся перстнем времён царя Алексея Михайловича, который подарил ему Клюев.

Выходит, что утро 25 декабря Есенин провёл то ли в номере у Устиновых, то ли в своём — с Эрлихом. И это далеко не единственное противоречие в “показаниях” свидетелей его последних четырёх дней в Ленинграде.

Ладно. Остановимся на том, что Есенин буквально рвался к Клюеву. О чём-то жаждал с ним поговорить, что-то обсудить, что-то рассказать. Может, и рассказал бы — остался он с Клюевым наедине, как, оставшись наедине с Ивановым-Разумником летом 1924-го в Царском Селе, откровенно выговорился и по поводу власти, и по поводу своей литературной судьбы... Декабрь 1925 года — время куда более критическое в его жизни. И что-то буквально толкало его к старому другу.

Но факт остаётся фактом. К Клюеву отправился вместе с Эрлихом. Последний живописал, как Есенин долго не мог найти адрес, как долго стучал в чужие двери... Потом эти лихорадочные поиски иные интерпретаторы объясняли есенинским “болезненным состоянием”, “расстройством психики”, дескать, недавно был у него, а тут — всё из памяти вышибло... А это никакая не “болезнь”, а переключение сознания: он думал, как он увидит Николая и о чём будет с ним говорить, а адрес — дело десятое! Стукнулся в близстоящую дверь... Нет? Пошли дальше! Картина хорошо знакомая, не подпадающая ни под какую “патологию”. А если ещё учесть утрирование происходящего в описании Эрлиха и проставленные им акценты...

Пришли. Подняли Клюева с постели. И тут, пожалуй, самое время обратиться к воспоминаниям другого свидетеля, старого знакомого Клюева — художника Павла Мансурова, жившего по соседству, в той же квартире...

“Явился к нам с вокзала, в 6 часов утра перед Рождеством, Есенин с огромным красным петухом, а Эрлих нёс тоже громадный хлеб — круглый, деревенский...”

Всё это население было разбужено так рано. Но у нас не было тогда ни рано, ни поздно. Мне даже помнится, что мы, т. е. я и он, Клюев, с вечера и целую ночь так и сидели, было так много о чём говорить. И чай продолжался уже с новыми гостями. Петуха мать моя куда-то посадила в корзину. То было у нас на Морской, 45, часов до 11-ти утра, а потом вышли, помню, втроём, т. к. Эрлих уже раньше ушёл, а у Есенина было свидание. Он с Устиновым приехал, якобы, для издания какого-то журнала, в Ленинграде поспокойнее, а то в Москве совсем невозможно работать...”

Итак, по Мансурову — 6 утра. По Эрлиху — после 9-ти. Эрлих не вспоминает ни о петухе, ни о караваяе, ни о самом Мансурове в комнате Клюева... И вот здесь проще всего было бы сказать: Эрлих пишет чуть ли не по горячим следам, а Мансуров вспомнил всё происшедшее аж в 1972 году! Что-то с памятью его стало? И непонятно, что ли — кому верить?

Однако не будем спешить. Не так всё просто.

Эрлих достаточно “натемнил” в своих воспоминаниях, на что уже неоднократно обращалось внимание пристальными исследователями. А что касается Мансурова... Он также далеко не во всём правдив — и в этом мы ещё удостоверимся... Но петух и каравай — это чисто по-есенински, особенно если учесть, что подарки предназначались Клюеву. Разговор о журнале и о том, что в Москве невозможно работать — также не противоречат другим есенинским разговорам.

Эрлиха Сергей мог тут же спровадить “за спичками”, даром, что спички в доме были. Но Есенин, по Вольфу, пожелал прикурить от лампадки. Клюев возмутился и протянул спички, а Есенин ничтоже сумняшеся закурил. А когда Клюев вышел — потушил лампадку у икон. И Николай этого якобы не заметил. И соблазнительно связать эту сцену с позднейшими словами Клюева: “А Серёженька ко мне уж очень дурно относился, незаслуженно дурно — пакостил мне где только мог...” Ни о чем подобном не вспомнил Мансуров, настаивающий на своём присутствии при этой сцене. Более того, по Эрлиху,

они все вместе прямо с Морской пошли к Есенину в “Англетер”. Мансуров же пишет, что “мы расстались, условившись завтра в 5 часов быть у Есенина. Так и было”, то есть Клюев пришёл в “Англетер” 26-го числа. Да и сам Николай потом вспоминал, что виделся с Есениным “в последний вечер перед смертью” — именно 26-го — когда Есенин, прочтя “Чёрного человека”, сказал: “Ведь все твои стихи знаю наизусть, вот даже в последнем моём стихотворении есть твоё: “Деревья съехались, как всадники”...” Таких строчек у Клюева нет, но Есенин мог вспомнить это сравнение из устной речи своего учителя, обратившего где-то внимание на необычное “движение” деревьев за окном.

“Была мокрая погода. Снег падал большими хлопьями, — вспоминал Мансуров. — Жена Устинова не оставалась долго. Ушла к себе этажом выше. Половой ничего, кроме сороковки водки, из-за праздника, достать не смог. И вот мы шестеро выпили по маленькой рюмочке... Тихо и в разговорах мы опять сидели за неизменным нашим пустым чаем”. “Шестеро”, насколько можно судить, сопоставляя одни описания вечера с другими — это Есенин, Клюев, Устинов, Эрлих, Мансуров и то ли Иван Приблудный, то ли Игорь Марков — также настаивающий в мемуарах на своём присутствии.

“Есенин рассказывал, что он за полное собрание сочинений получил 20000 рубл., Маяковский 25, Горький один миллион, “а вот эта сволочь (он не назвал имени, но то был Демьян Бедный-Придворов) получил столько, что нельзя и выговорить”. Так он и не выговорил. И ещё в придачу ему, т. е. Дем(ьяну) Бедн(ому), прицепной вагон, чтоб он мог ехать в роскоши, когда и куда он хочет... Потом Есенин читал свои стихи, незабываемые короткие станы, немного под цыганские романсы...”

По Эрлиху, перед тем как читать, Есенин обратился к Клюеву:

— Ты, Николай, мой учитель. Слушай.

Что читал Есенин? Очевидно, кроме “Чёрного человека”, свои последние стихи. Те, что должны были войти в цикл “Стихи о которой” и занять своё место в первом томе собрания.

“Клён ты мой опавший, клён заледенелый...”, “Какая ночь! Я не могу...”, “Не гляди не меня с упрёком...”, “Ты меня не любишь, не жалеешь...”, “Может, поздно, может, слишком рано...”

Может быть, читал и более ранние, “осенние”, исполненные приятием всего сущего и в жизни, и за её чертой и проникнутые предчувствием близкого конца.

*О, моё счастье и все удачи!
Счастье людское землёй любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет, —
Значит, удача промчалась мимо.*

*Жить нужно легче, жить нужно проще,
Всё принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.*

.....
*Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Её лицо и отчий край.*

*Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

*И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторимо...*

Клюев слушал внимательно. И чем дальше слушал, тем больше убеждался: для него всё это — “пунш, чиновничья гитара, под луной уездная тоска...”

— Хорошо, Серёженька, очень хорошо... Собрать в одну книжечку — так книжечка настольной станет для всех нежных девушек в России.

Он не язвил. Он предвидел. Предвидел, как переписанная от руки есенинская лирика будет расходиться в никогда не подсчитанном количестве экземпляров по рукам по всей России, нужная, как хлеб и вода, нежным девушкам и юношам...

Через много лет великий Георгий Свиридов напишет в одной из своих записных книжек: “У Есенина после “Пугачёва” национальная трагическая тема сменилась темой личной, трагедией личной судьбы: “Москва кабацкая”, “Исповедь хулигана” (написанная до “Пугачёва”. — С. К.), “Любовная лирика” и т. д. Клюев же, не имевший личного (мирского), — оно было порочным, запретным, не подверженным огласке, — весь ушёл в апокалиптическую тематику и в этом достиг своей высоты! *Поэтов такого масштаба теперь — вообще — нет!*”

Не всё здесь точно и в отношении Клюева, и в отношении Есенина. Но не оставляет впечатление: свиридовская мысль через шесть без малого десятилетий вторила клюевской мысли, когда Николай выносил на люди своё суждение о последних есенинских стихах.

А Есенин вскипел. Он уже читал кое-какие стихи Клюева, напечатанные в “Красной газете”. Читал и кричал — “Плохо!” И всё равно пришёл к старшему собрату со словами: “Ты, Николай, мой учитель. Слушай!”

И тот послушал...

Эрлих потом написал, что “Есенин помрачнел”. Сам Есенин, если верить Елизавете Устиновой, говорил ей, что “он Клюева выгнал”. Картина, которую почти через полвека нарисовал в своём письме Павел Мансуров, по первому впечатлению отдаёт чистой фантазмагорией. Вчитавшись, начинаешь понимать, что перед нами достаточно расчётливо сплетённый узел из вспомненных реалий и нарочито наложенных фантастических напластований.

“Есенин рассвирепел и полез в драку, и мне пришлось их разнимать, и когда Клюев, к тому привычный, вышел на минутку и мы остались вдвоём, Есенин говорит мне: “Ты знаешь, какая стерва этот Коленька. Я один раз прилёг у него на кровати и задремал, чувствую, что-то мокрое у меня на животе. Он, сукин сын, употребил меня”. “Но это, — говорит, — всё ерунда, а вот не ерунда эта история с Ганиным (и он мне, может, в десятый раз в жизни рассказал, ты знаешь, меня вызвали в ЧК, я пришёл, и меня спрашивают: вот один молодой человек, попавшийся в “заговоре”, и они все мальчишки, образовали правительство, и он, его фамилия Ганин, говорит, что он поэт и Ваш товарищ, что Вы на это скажете? Да, я его знаю. Он поэт. А следовательно спрашивает, — хороший ли он поэт. И я, говорит Есенин, ответил не подумав, товарищ ничего, но поэт говённый”. Ганина расстреляли. Этого Есенин не забыл до последней минуты своей жизни. Потом опять все как-то собрались около диванчика, на котором лежал Есенин, и он каждому из нас прочитал по стихотворению на память. Мне он выбрал “Цветы головки наклонили...” ...А Эрлиху он дал уже раньше написанное на клочке бумаги и говорит: “ты сегодня этого не читай, прочти завтра”. И сунул ему в карманчик пиджака для платочка.

Все разошлись. Мы остались втроём: Есенин, Клюев и я. В окне, напротив, Исаакиевский собор. Мокрые хлопья снега попадали на окно и плыли вниз. Эта была страшная петербургская ночь. Всё было им решено. Ещё когда мы за день перед этой ночью выходили после утра (с петухом и хлебом) на Морскую и шли посередине улицы, то торцовая мостовая была покрыта мокрым снегом и лужами. Навстречу нам также по мостовой шла женщина с маленьким мальчиком, и когда они поравнялись с нами, то мальчик, в страхе смотря на Есенина, начал кричать, а женщина ему говорит — миленький, что с тобой, и они прошли мимо, а Есенин, в своих лаковых башмаках, шёл безразлично по лужам.

После всяких воспоминаний и разговоров мы с Клюевым ушли около пяти часов утра. Жили мы в пяти минутах ходьбы”.

И далее идёт рассказ о том, как в это же утро Мансуров узнал о смерти Есенина.

По свидетельствам Вольфа Эрлиха, Георгия и Елизаветы Устиновых Клюев был в “Англетере” за день до всех событий, описанных Мансуровым.

Ни о каком “лежании на диване” и чтении стихов “каждому на память” никто больше не вспоминал. Ни Эрлих, ни Устинова не писали о присутствии Мансурова, Клюева или ещё кого-либо при пресловутой “передаче стихотворения”. Сцена с “употреблением” живописцем попросту выдумана – дико себе представить, что “употреблённый” не заметил этого самого “употребления”. . . Другое дело – разговор о Ганине, Мансуров неслучайно подчеркнул, что слышит это от Есенина далеко не в первый раз, и вполне можно предположить, что он мог слышать сию историю в пересказе Клюева, с которым делился Есенин.

Впрочем, сам Мансуров, эмигрировавший в 1928 году, уехал явно не без ведома и не без тесных связей с органами внутренних дел России, завязавшихся у него, очевидно, ещё с 1918-го, когда он был арестован ЧК и через короткое время вышел на свободу. Письмо к Ольге Ресневич-Синьорелли, в котором описана вся вышеприведённая сцена, начинается чрезвычайно красноречивым абзацем, из которого следует, что надсмотр за собой он ощущал на протяжении всех этих десятиков лет.

“Все идеальные замыслы искажены ворами различных категорий. Они взяли в свои руки всё. Они управляют Миром. Уйти от этого нельзя. Везде одно и то же. Здесь убивают и грабят людей, а в глубине девственной Природы без нужды убивают драгоценные остатки зверей и механической пилой начинают истреблять леса. Это практикуется и началось у нас в России. Даже самого кормильца-мужика истребили. Я получаю много писем. Видимо, в цензуре там сидят люди, на себе испытывающие результаты такого хозяйства, а потому пиши что хочешь. Я сужу так по письмам, которые я получаю. И по “Литера/турной/ Газете”. . .”

И сразу, без перехода – повествование о Есенине и Клюеве.

Чрезвычайно занятное признание человека, пишущего, что получает из Советского Союза письма л ю б о г о содержания, при этом – просмотренные цензурой, но до него самого доносящие “всё”. . . Что за позыв – в этом контексте – спровоцированный, нет ли – поделиться воспоминаниями об “Англетере” именно в этом варианте? Почему именно в 1972 году? Вопросы, пока остающиеся без ответа.

Клюев, если верить дневнику Роберта Куллэ, литературного критика, специалиста по русской и западной литературе, часто печатавшегося в “Красной газете”, рассказывал о последней встрече с Есениным в совершенно жутких тонах, относя её также к последнему дню (точнее, к последней ночи). Перед этим Клюев вспоминал о Москве, где якобы “его, Клюева, норовили извести, убрать под каким угодно предлогом, чтобы избавиться от конкурирующего крупного таланта” (объяснение более чем странное, но жизни Клюева, действительно, могла угрожать опасность – достаточно вспомнить угрозу Покровского “сломать Клюеву шею” в письме к Бениславской). В “Англетере” же атмосфера ещё более сгустилась: “Прогнав всех от себя, Есенин уговаривал Клюева остаться у него на ночь. Клюев понял, что Есенин что-то замышляет, и сказал ему: “Делай, что задумал, но скорее”. Сам же ушёл, так как он знал, что с Есениным кончено, но перед самоубийством Есенин попытается осуществить давнее своё намерение – убить и Клюева. Около 2 ч/асов/ ночи Клюев подходил под окна гостиницы и видел свет люстры в номере. Он полагал, что там вновь началась оргия, и ушёл. Утром узнал о самоубийстве, совсем не неожиданным для него. . .”

Запись этой совершенно фантазмагорической сцены относится к 15 марта 1927 года. Волей-неволей возникает вопрос: что же случилось с Клюевым, что он мог в этом заподозрить Есенина, и в точности ли передал клюевский рассказ Куллэ? Тем более что дальше в дневнике следует красноречивая запись: “Клюев далеко не так прост, каким он хочет казаться. У него большие провалы”. Провалы – где? В памяти? В сюжетной нити этого жуткого рассказа?

Клюев передавал собеседнику своё впечатление от той жутки, которая охватила его, когда Есенин стал уговаривать товарища остаться. Один он быть в номере не желал: чувствовал смертельную опасность. Её же почувствовал и Клюев – опасность, грозящую и Есенину, и ему самому. Потом уже, со многими паузами и недоговоренностями, воспринимающимися как “провалы”, он мог поговорить о своей последней встрече, упирая на свою невозможность остаться. . . Дескать, не человек уже был перед ним, а змеиная шкура извивалась. . . Не остался, но пошёл домой и всю ночь молился за Серёженьку. . . Более ни о чём подобном, похожем на некую опасность, исходившую для него

от Сергея, он нигде и никому не упоминал — ни Павлу Медведеву, ни Игорю Маркову, ни тому же, насколько можно судить, Мансурову — более близким ему людям, чем Куллэ... Впрочем, о своей попытке вернуться в “Англетер” вечером 27-го числа, на следующий (следующий ли?) день после расставания он рассказал художнику Николаю Минху:

“... Накануне его смерти меня точно кто толкнул к нему. Пошёл я к нему в гостиницу. В “Англетер” этот. Гляжу, в номере дружки его сидят. На столе коньяки, закуски. На полу хлеб, салфетки валяются. Кого-то, видать, мутило. В свином хлеву чище! Ох, думаю, зря пришёл! Дружки его увидели меня и, как жеребцы, заржали: “Кутя пришёл! Кутя!” Я их спрашиваю: “Серёженька-то где?” А они толкать меня в дверь зачали. “Иди, — говорят, — старик! Иди! Он ушёл и придёт не скоро. Баба его увела”.

А на кровати, смотрю, вроде человек лежит. Одеялом с головой укрыт. Храпит вроде. Я хотел было глянуть, кто это, да они меня не допустили. Взащей выгнали... А наутро слышу: Серёженька повесился!..”

Это всё происходило уже после ухода из есенинского номера и Устинова, и Эрлиха — оба вспоминали, что Есенин в эти последние часы был абсолютно трезв и спокоен... После 8-ми вечера в номер нагрянула некая компания (из кого она состояла — неизвестно по сей день) с алкоголем и — явно для частного разговора... О чём он мог быть? И откуда могли явиться эти люди? Тут впору вспомнить, что, как писала в своих воспоминаниях Елизавета Устинова (воспоминаниях, очевидно, просмотренных и отредактированных её мужем Георгием), Есенин “запретил портье пускать кого бы то ни было к нему, а нам объяснил, что так ему надо для того, чтобы из Москвы не могли за им следить”. “Из Москвы” — намёк мог быть только на людей, непосредственно принимавших участие в партийной схватке на XIV съезде, соответственно, на ближайшее окружение партийных вождей... Кстати сказать, потом этот “портье” растворился в небытии, он больше не фигурирует ни в одном документе, а в показаниях коменданта гостиницы Назарова — бывшего чекиста (насколько они могут быть “бывшими”) — не упоминается ни о чём подобном.

О некоей компании, пировавшей тогда в номере Есенина, вспоминал и Лазарь Берман, бывший секретарь журнала “Голос жизни”, а в 1925-м — сотрудник издательства “Прибой” и — по совместительству — сотрудник ГПУ, который также видел “длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками... множество народа... совершенно чуждого” и якобы спящего Есенина “на тахте”... Пришёл он в номер (незванный и непрощенный, но почему-то жаждущий увидеться с Есениным) до Клюева или после него — неясно.

Так или иначе — Клюева выпроводили вон, не дав ему поднять одеяло с головы лежащего Есенина (был ли он ещё жив в эти минуты? И слышал Клюев “храп” или предсмертный хрип?). Не трудно предположить, что могло бы произойти с самим Клюевым — попытайся он открыть лицо своего друга (и ведь чувствовал, чувствовал он смертельную опасность, разлитую в воздухе, ещё когда прощался с Сергеем!) Что же это были за персонажи сей кровавой истории? Кого же из них так “мутило”, у кого не выдержали нервы?

Николай Минх был не единственный, кому Клюев рассказывал о своей несостоявшейся встрече с Есениным. То же самое он рассказал и художнику Василию Сварогу, который опубликовал в “Красной газете” свой рисунок Есенина, вынутого из петли, лежащего на полу... Не один читатель мог прийти в ужас от самого вида мёртвого тела буквально растерзанного поэта. Ставшие гораздо позже известными фотографии, сделанные Моисеем Наппельбаумом, ничего общего не имеют с этим рисунком с натуры поэта, лежащего на полу... Наппельбаум снимал тело, уже приведённое в относительный порядок.

Кстати, о петле. И Елизавета Устинова, и Вольф Эрлих единогласно утверждали, что утром 28-го числа увидели тело Есенина в петле на трубе парового отопления справа от окна, тогда как на самом деле трубы располагались слева. Но куда важнее другое. Милиционер Георгий Петрович Евсеев через много лет вспоминал, что на выезде в “Англетер” в составе милицеевской бригады он видел мёртвого Есенина, привязанного за шею не к трубе, а к батарее. Проще всего было бы отместить это свидетельство, объяснив его потерей памяти после стольких лет, если бы не странное подтверждение этого факта в воспоминаниях Ивана Михайловича Гронского (с ним Клюеву ещё предстоит встретиться), который в своём выступлении в Центральном госу-

дарственным архиве литературы и искусства 30 сентября 1959 года утверждал, что Есенин “ведь не вешался на крюке или ещё на чём-нибудь, он привязал верёвку к батарее”. . . Подобную информацию он мог получить только от людей из органов внутренних дел, знающих подлинную картину происшедшего. Вот и получается, что разные служащие видели разное: Г. Евсеев – тело, привязанное за шею к батарее, а участковым надзирателем 2-го отделения Ленинградской гормилиции Н. Горбовым “был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея была затянута не мёртвой петлёй, а только одной правой стороной шеи, лицо было обращено к трубе, и кистью правой руки захватился за трубу, труп висел под самым потолком и ноги от пола были около 1 ½ метров. . .”

Слух о происшедшем мгновенно разлетелся по Ленинграду. В “Англетере” появились Борис Лавренёв, Михаил Фроман, Николай Браун, Николай Никитин, Павел Медведев, Всеволод Рождественский, Михаил Слонимский, Иннокентий Оксёнов. . . Вольф Эрлих сидел посреди номера с хозяйским видом. . . Вид же лежащего на кушетке Есенина был страшен. Жуткий багровый шрам на переносице сам по себе вызывал вопросы, но все они были тут же отмечены одним объяснением: прижался, дескать, лицом к горячей трубе. . . На дворе – метель, а трубы холодные, и составитель протокола кутался в шинель. . . Если кто потом и обратил внимание на это противоречие, то мог задать леденящий душу вопрос лишь самому себе.

Браун и Лавренёв, переглянувшись, отказались подписывать протокол. Его подписали Медведев, Эрлих, Фроман и Рождественский. Когда Николай Браун потом спросил Рождественского: “Сева, как ты мог?.. Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал”, – тот ничтоже сумняшеся ответил: “Ну, а как?! Мне сказали, нужна ещё одна подпись! Я и подписал!”

Ни к Медведеву, ни к Эрлиху, ни к Фроману подобных вопросов ни у Брауна, ни у Лавренёва не было. В ленинградских литературных кругах, очевидно, было хорошо известно сотрудничество названных литераторов с ГПУ – и ничего лишнего у них никто не спрашивал.

Медведев, первым из писателей вызванный Эрлихом в “Англетер”, и обзванивал потом своих коллег с извещением о “самоубийстве Есенина” – за долго до прекращения всякого дознания, до медицинской экспертизы, до составления всех протоколов. И так всё ясно! Чего темнить?

Он же с этой новостью заявился к Клюеву, когда тело Есенина уже было отправлено в мертвецкую Обуховской больницы.

Николай слушал спокойно. Держал себя в руках. Только произнёс: “Этого и нужно было ждать”.

Вынул из комода свечу, зажгёт её у божницы, перекрестился широко и стал читать молитву за упокой души раба Божьего Сергия.

Помолился – и слёзы градом хлынули из его глаз.

– Я говорил Серёженьке и писал к нему: брось эту жизнь. Собакой у порога твоего лягу. Ветру не дам на тебя дохнуть. Рабом твоим буду. Не поверил – зависть, мол, к литературной славе. Я обещал ему 10 лет не брать пера в руки. Не поверил – обманываю. А слава вот к чему приводит. . .

В его глазах Есенин давно покончил с собой. Когда изменил себе, связался с “Москвой кабацкой”, со славой бумажной, с известностью у всякого люда без разбора. . . И “Англетер” – лишь естественное завершение этой безбожной жизни. . .

Думал так, убеждал сам себя – а перед глазами стояли ухмыляющиеся хари в есенинском номере. . . “Кутя пришёл! Кутя!.. Баба его увела. . .” Слово чёрное вороньё, налетевшее на кровавую жатву. Как там у Пушкина? “Не стая воронов слеталась. . .”

* * *

В 6 часов вечера 29 декабря гроб с телом Есенина был выставлен в Союзе писателей на катафалке.

“В течение часа, приблизительно, гроб стоял так, и вокруг него толпились люди, – записал в дневнике Павел Лукницкий. – Было тихо. Но всё же многие разговаривали между собой и говорили – о своих делах (!). . . Ощущалась какая-то неловкость – люди не знали, что им нужно делать, и бестолково пе-

реминались с ноги на ногу... Есенин был мало похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но всё же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза – желвак, на переносице – ссадина, и левый глаз – плоский: он вытек. Волосы были гладко зачёсаны назад, что ещё больше делало его непохожим на себя. Синева в лице не было: оно было бледно, и выделялись только красные пятна и потемневшие ссадины...” Инокентий Оксёнов записал своё: “В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови и губы. Когда после снятия маски смывали с лица гипс, волосы взмокли, и, хотя их вытерли полотенцем, они легли, как после бани, пришлось расчёсывать. Ионов не отходил от гроба...”

Клюев стоял с краю ото всех. Не отводя глаз, смотрел в лицо погибшего. Ни с кем не заговаривал, ни на кого больше не глядел. Плакал – и вглядывался, вглядывался, вглядывался... Не слышал никаких жужжащих вокруг разговоров о “своём”, не замечал ничего дурного нетерпения, праздного любопытства. Единственно на что среагировал – когда установил свою аппаратуру фотограф Булла, к гробу стали протискиваться те, кто посчитал необходимым запечатлеть своё присутствие, и раздались крики из публики: “Клюева! Клюева!” Тогда медленно прошёл и встал с краю рядом и Ионовым, по-прежнему ни на кого не глядя, не видя, как с другой стороны от Ионова встали Василий Наседкин и Софья Толстая.

Перед тем как закрыть гроб, подошли прощаться. Николай, наклонившись, целовал Есенина и шептал что-то, словно договаривал недоговоренное тогда... Перекрестил покойного и положил ему на грудь образок... На истерический вопль какой-то актрисы: “Довольно этой клюевской комедии!.. Раньше надо было делать это!” – даже головы не повернул. Слово не слышал ни бабьего визга, ни последующего шиканья.

Простился. Закрытый гроб в сопровождении оркестра отправился на Московский вокзал...

А в газетах уже творилось нечто невообразимое.

“Красная газета” печатает “предсмертное” стихотворение Есенина “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (когда и где оно на самом деле написано – так и не ясно по сей день). В том же вечернем выпуске: “В гостинице “Англетер” покончил самоубийством приехавший из Москвы поэт Сергей Есенин... Когда Устинов и жена его ушли, Есенин попросил (кого??? – С. К.), чтобы никого к нему в номер не пускали, так как он устал и хочет отдохнуть”. В “Гудке” от того же числа: “Долгое время он не выходил из номера; поэтому администрация гостиницы, заподозрив неладное, вскрыла дверь номера и нашла Есенина повесившимся с перерезанными венами на руках (?! – С. К.). На столе найдена неоконченная записка, написанная кровью (!! – С. К.)”. В “Рабочей Москве” в тот же день: “Рядом с трупом обнаружен небольшой кусок белой бумаги, на котором кровью написано несколько строк стихов, тут же валялся разорванный портрет сына поэта”... И так по многим газетам страны в том же духе... А самое живописное описание “самоказни” принадлежит, конечно, Георгию Устинову:

“Есенин умер по-рязански, тем желтоволосым юношей, которого я знал. Этот юноша не делал петли из шарфа, он обёртывал этот шарф два раза вокруг своей шеи, два раза верёвку от чемодана, вывезенного из Европы, выбил из-под ног тумбочку и повис лицом к синей ночи, смотря на Исаакиевскую площадь...”

Всё это читал Клюев, не зная, конечно, что приехавший в Москву Василий Наседкин, видевший мёртвого поэта, сказал прямым текстом своей жене – сестре Есенина Екатерине: “Сергея убили”. Не знал, но не мог не остановиться на новой публикации в той же “Красной”, уже вышедшей под редакцией Петра Ивановича Чагина, – некрологе Бориса Лавренёва: “Казнённый дегенератами”:

“Есенин был захвачен в прочную мёртвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извергам, он был объявлен вождём школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, выплыли литературные шантажисты, которые не брезгали ничем и которые подуськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым в связи с именем Есенина упоминались и их ничтожные имена... С их лёгкой руки за ними потянулись десятки мелких хищников, и трудно даже установить, какое количество литературных

сутенёров жило и пьянствовало за счёт имени и кармана Есенина, таская несчастного, обезволенного поэта по всем кабакам, волоча в грязи его имя и казня его самыми гнусными моральными пытками. Никакая борьба с этими гиенами не могла привести к благотворным результатам. Усилия врачей и немногих искренне любивших поэта людей разбивались о сплочённость организованной сволочи, дегенератского сброда, продолжавшего многолетнюю казнь поэта... И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни правду, и назвать палачей и убийц — палачами и убийцами, чёрная кровь которых не смывает кровавого пятна на рубашке замученного поэта”.

В сборник “Памяти Есенина”, издаваемый Всероссийским Союзом поэтов, он дал старое стихотворение “В степи чумацкая зола...” как напоминание о былом пророчестве — злом: “От оклеветанных голгоф тропа к иудиным осинам...” И — добром, переключившемся с Пушкиным: “И вспомнит нас младое племя на песнотворческих пирах...” И в этом же сборнике — раскрыл страницу на воспоминаниях Николая Тихонова, этого советского барина от поэзии, глядя на которого, иронически обмолвился: “Вот так поэты революции!” Этот “барин” был едва ли не безутешнее его самого на церемонии прощания. А здесь — в сборнике — вспоминал о встрече с Есениным в Тифлисе. И о есенинских словах в эту встречу за столом духана:

“ — Ты не знаешь, я не могу спать по ночам... Раскроешь окно на ночь — влетают какие-то птицы. Я сначала испугался. Просыпаюсь — сидит на спинке кровати и качается. Большая, серая. Я ударил рукой, закричал. Взлетела и села на шкаф. Зажёг свет — нетопырь. Взял палку — выгнал одного, другого висит у окна. Спать не дают. Чёрт знает — окон раскрыть нельзя. Противно — серые они какие-то...”

Что-то бродило внутри у Тихонова, какие-то тяжёлые мысли роились в голове, когда он писал эти воспоминания.

“Бедный странник знал не только скитанья и песни, серые птицы не давали ему спать, и не только спать, они волочили свои крылья по его стихам, путали его мысли и мешали жить. Когда-нибудь мы узнаем их имена.

Но никто никогда не узнает, какой страшный нетопырь, залетев в его комнату в северную длинную зимнюю ночь, смёл начисто и молодой смех, и ясные глаза, и льняные кудри, и песни, из которых не нужно брать примеров для учебника”.

А к тому времени, когда вышел сборник, уже было напечатано и перепечатано письмо Троцкого “Памяти Есенина”, где из-под выпренок-красивого плетения словес проступали железные шипы.

“Он ушёл тихо, без крикливой обиды, без позы протеста, — не хлопнув дверью, а тихо прикрыв её рукою, из которой сочилась кровь... Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но под всем этим трепетала совсем особая нежность неограждённой, незащищённой души... Больше не могу, — сказал 27 декабря (а все газеты со ссылкой на неизвестного “врача” писали, что 28-го! — **С. К.**) побеждённый жизнью поэт — сказал без вызова и упрёка... Есенин не был революционером. Автор “Пугачёва” и “Баллады о двадцати шести” был интимнейшим лириком. Эпоха же наша — не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушёл от нас и от своей эпохи Сергей Есенин... Нет, поэт не был чужд революции — он был несроден ей... Есенин интимен, нежен, лиричен, — революция публична, — эпична, — катастрофична. Оттого-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой... Спираль истории развернётся до конца. Не противиться ей должно, а помогать сознательными усилиями мысли и воли. Будем готовить будущее. Будем завоёвывать для каждого и каждой право на хлеб и право на песню. Умер поэт. Да здравствует поэзия!...”

Каждому умному должно быть понятно: спираль истории развернётся до конца, а “несродные” с этой “спиралью”... Дальше объяснять не надо. И волей-неволей всплывает в памяти “серый нетопырь”, что “смёл начисто и молодой смех, и ясные глаза, и льняные кудри”...

... Давным-давно стала одной из любимейших книг Клюева “керженская” эпопея Мельникова-Печерского “В лесах”. Ещё до революции вселился в его строки мир гармонии истинного православия на пороге разорения и погорельщины.

*По керженской игуменье Манёфе,
По рассказам Мельникова-Печерского
Всплакнулось душеньке, как дрохве
В зоологическом, близ моржа пустозерского.*

*Потянуло в мир лестовок, часословов заплаканных,
В град из титл, где врата киноварные...
Много дум, недомолвок каляканных
Знают звёзды и травы цитварные.*

Керженская игуменья, настоятельница Комаровского скита Матрёна Филлиповна, принявшая имя прежней настоятельницы Манёфы, — одна из любимейших клюевских героинь... И сейчас, после гибели своего собрата, Николая снова обратился к мельниковскому миру Заволжья... Зорение церковей, гибель Есенина, старые разгромленные и пожжённые скиты — всё соединяется им воедино.

“— Скитская беда не людская, сударыня... И без вины виноваты останемся, — сказала Манёфа. — Давно на нас пасмурным оком глядят, давно обители наши вконец порешить задумали... Худой славы про скиты много напущено... В какой-нибудь захудалой обители человек без виду попадётся — все про скиты закричат, что беглыми полнёхоньки... Согрешит негде девица, и выйдет дело наружу, ровно в набат про все скиты забьют: “Распутство там, разврат непотребный!..” “...всех погубят, все скиты, все обители!.. Слабы ноне люди пошли, нет борборников, нет подвижников!.. Забыв Бога, златому тельцу поклоняются... Горькие времена, сударыня, горькие!..”

А как предвестие горьких времён — смерть согрешившей Настеньки, дочери тысячника Потапа Максимыча — ей и девятнадцати не было. Убила кручина по Алексею, соблазнившему её и почувствовавшему, “что согнул дерево не по себе... Тёмным мороком пала ему на ум Настя... Вспомнилось, как вдвоём в подклете сживали, тайные любовные речи говаривали; вспомнилось, как гордая красавица не снесла пыла страсти — отдалась желанному душой и телом... “Что ж?.. Не мы первые, не мы и последние... Кручился-мучился, доспел и бросил...”

*Хороша была Настенька у купца Чапурина,
За ресницей рыбица глотала глуть глубокою.
Аль опоена, аль окурена,
Только сгибла краса волоокая.*

*Налетела на хоромы приукрашены
Птица мерзкая — поганый вран,
Оттого от Пинегы до Кашина
Вьюгой разоткался Настин сарафан.*

*У матёрой матери Мемёлфы Тимофеевны
Сказка-печень вспорота и сосцы откушены,
Люди обезлюдены, звери обеззверены...*

Это стихотворение, начинающееся строкой “Наша собачка у ворот отлаяла...”, отсылающее к есенинской собачонке, что встречала поэта “лаем у ворот”, к его же покинутому псу, воющему “о погибшей невесте”, было напечатано тогда же — в 1926 году в коллективном сборнике “Собрание стихотворений”. И летом того же года Клюев пишет “Плач о Сергее Есенине”, где снова появляется погибшая Настенька.

*С тобой бы лечь во честной гроб,
Во желты пески, да не с верёвкой на шее!..
Быль иль небыль то, что у русских троп
Вырастают цветы твоих глаз синее?*

*Только мне, горюну, — горынь-трава...
Овдовел я без тебя, как печь без помяльца,
Как без Настеньки горенка, где шелки да канва
Караулят пустыи, нешитые пяльца!*

Помнил Николай плачи своей матери, помнил плачи олонецких старух – и те, старые плачи, что Мельников записал для своего повествования.

“Нигде так не сбереглись эти отголоски старины, как в лесах Заволжья и вообще на Севере, – писал он, предваряя обряд оплакивания Настеньки, – где по недостатку церковей народ меньше, чем в других местностях, подвергся влиянию духовенства. Плачеи и вопленицы – эти истолковательницы чужой печали – прямые преемницы тех вещей жён, что “великими плачами” справляли тризны над нашими предками. Погребальные обряды совершаются ими чинно и стройно, по уставу, изустно передаваемому из рода в род... Одни плачи поются от лица мужа или жены, другие от лица матери или отца, брата или сестры, и обращаются то к покойнику, то к родным его, то к знакомым и соседям... И все на свой порядок, все на свой устав... Таким образом, одновременно справляется двое похорон: одни церковные, другие древние старорусские, веющие той стариной, когда предки наши ещё поклонялись Облаку ходячему, потом Солнцу высокому, потом Грому Гремучему и Матери Сырой Земле...”

Клюев, видя, как провожают Есенина, не мог не вспомнить нелюбимого им, но здесь как нельзя кстати пришедшегося Некрасова: “Без церковного пенья, без ладана, без всего, чем могила крепка...” Он мог и не знать, что мать Сергея, Татьяна Фёдоровна, отпела его заочно после того, как её буквально отговорили привести священника в Московский Дом печати. Мать, в “Письме” к которой Есенин писал: “И молиться не учи меня, не надо. К старому возврата больше нет...” Эти стихи знала вся страна, а то, что осталось в черновиках – появилось в печати гораздо позже и осталось практически неизвестным: “Ты прости, что я в Бога не верую, я молюсь ему по ночам...” Николай совершил над ним свой плач – и начал его со строк: “Помяни, чёртушко, Есенина кутьёй из углей да омылков банных...” Чёртушко поминает погибшего, по мысли Клюева, от своей собственной руки собрата, что перед этим ушёл от старшего “разбойными тропинками”, “острупел... весёлой скукой в кабацком буруне топить свои лодки”, “обронил... хазарскую гривну – побратимово слово, целовать лишь солнце, ковригу, да цвет голубый...” Все упреки высказаны – и вступает основной мотив плача – сродни причитаньям воплениц над безвременно ушедшей Настенькой Чапуриной:

*Не утай, скажи, касатка моя, ластушка.
Ты чего, моя касатушка, спужалась?
Отчего ты в могилушку сряжалась?
Знать, того ты спужалась, моя ластушка,
Что ноне годочки пошли все слезовые,
Молодые людюшки пошли все обманные,
Холосты ребята пошли нонь бессовестные...*

И Клюев словно бы вышивает свою мелодию по канве старого причитания:

*Ты скажи, моё дитяtko удатное,
Кого ты сполохался-спужался,
Что во тёмную могилушку собрался?
Старичища ли с бороною
Аль гуменной бабы с метлою,
Старухи ли разварухи,
Суковатой ли во играх рюхи?
Знать, того ты сробел до смерти,
Что ноне годочки пошли слезовы,
Красны девушки пошли обманны!
Холосты ребята всё бесстыжи!*

Он потом перекинет “мостик” от причитания к “годочкам слезовым”, что выпали и есенин, и Сергею... Но сначала, отплакавшись по-старинному, он вспомнит есенинское “Этой грусти теперь не рассыпать звонким смехом далёких лет. Отцвела моя белая липа, отзвенел соловьиный рассвет...” – и это отцветание перенесёт на себя. Сам он отцвёл с потерей друга, и ещё страшнее потери – сознание того, как потерял.

*Отцвела моя белая липа в саду,
Отзвенел соловьиный рассвет над речкой.
Вольготней бы на поклоне в Золотую Орду
Изведать ятагана с ханской насечкой!*

*Умереть бы тебе, как Михайле Тверскому,
Опочить по-мужицки — до рук борода!*

Михаил Тверской, князь-мученик, был убит в Золотой Орде после долгого и кровопролитного соперничества с Московским князем Юрием Даниловичем, но пал он от рук ордынцев и принял смерть мужественно и твёрдо... Клюев вроде бы жалеет, что его собрат не принял смерть подобно Михаилу от рук современных ордынцев, но именно эта часть поэмы завершается загадочным вопросом: “О жертве вечерней иль новом Иуде шумит молочай у дорожных канав?” А “жертва вечерняя” отсылает к эпиграфу “Плача” — цитате из четвёртой новгородской летописи: “Младая память моя железом погибает, и тонкое тело моё увядает...” Плач Василька, князя Ростовского. Клюев не мог не предполагать, что кто-нибудь из читающих его поэму обратится к Лаврентьевской летописи и прочтёт о судьбе ростовского князя Василько Константиновича, ставшего первым русским новомучеником за веру.

“А Василька Константиновича вели с постоянным понуждением до Шернского леса, и когда стали станом, принуждали его многие безбожные татары принять обычаи татарские, быть в их неволи и воевать за них. Он же никак не покорялся их беззаконию, и много укорял их, говоря: “О глухое царство осквернённое! Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хотя и нахожусь я в великой беде; как дадите ответ Богу, многие души погубив без правды? За их муки будет мучить вас Бог, и спасёт души тех, кого погубили”. Они же скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови. Блаженный же князь Василько помолился... И в последний раз помолился: “Господи Иисусе Христе Вседержитель! Прими дух мой, да и я почию в славе Твоей”. И сказал это и тотчас без милости был убит... И когда понесли его в город, множество народа вышло навстречу ему, печальные слёзы проливая, лишившись такого утешения. И множество народа правоверного рыдали, видя, что отходит отец сиротам и кормилец...”

Так как же всё-таки, если следить за мыслью Клюева в “Плаче”, принял смерть Есенин? Как Михайло Тверской? Как Василько Ростовский? Или “молодой детинушка себя сразил”, отравившись миазмами города, куда “к собрату берёзка пришла”, почитая город собратом, а в ответ:

*На гостью учёный набрёл,
Дивился на шитый подол,
Поведал, что пухом Христос
В кунсткамерной банке оброс.*

*Из всех подворотен шёл гам:
“Иди, песнолика, к нам!”
А стая поджарых газет
Скулила: “Кулацкий поэт!”*

*Куда ни стучался пастух —
Повсюду урчание брюх,
Всех яростней в огненный мрак
Раскрыл свои двери кабак.*

Клюев зашифровал свою догадку так, что лишь не скоро и лишь знающему можно на неё набрести... И сам оставил для себя вопрос, на который у него не было ответа.

Отойдя от счёта с постылой современностью, сжирающей самого Клюева и сжившей с белого света его собрата, — он снова возвращается к причитанию по образцу того, что выводила Устинья в мельниковском романе над покойной Настасьешкой от лица матери:

*На полёте летит белая лебёдушка,
На быстром несётся касатка-ластушка.
Ты куда, куда летишь, лебедь белая,
Ты куда несёшься, моя касатушка?..
Не утай, скажи, дитя моё родное...
Ты в какой же путь снарядилася,
Во которую путь-дороженьку,
В каки гости незнакомые,
Незнакомые, нежеланные?*

Но лебедь белая у Клюева становится свидетельницей и участницей поразительного действия.

*На полёте летит лебедь белая,
Под крылом несёт хризопрас-камень.
Ты скажи, лебедь пречистая, —
На пролётах-перемётах недосягнутых,
А на тихих вспавах по озёршкам
Ты поглядкой-выглядом не выглядела ль,
Ясным смотром-взором не высмотрела ль...
Не шёл ли бережком добрый молодец,
Он не жал ли к сердцу певуна-травы,
Не давался ли на родимую сторонушку?*

И отвечает лебедь, как в том же граде, “железом крытом”, в который пришёл некогда берёзкой “белый свет-Серёжа”, он же “молодой детинушка” — “кидал себе кровь поджильную, проливал её на дубовый пол”... В старое причитание вторгается кровавое “сегодня” — кровь на полу — из статей лихих газетчиков, жаждущих “покраше” расписать происшедшее... Но далее:

*Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые —
Чиряя, Грызая, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавница.
Возлетала Удавна на матицу,
Распрядала крыло пеньковое,
Опускала перище до земли.
Обернулось перо удавной петлём...*

Если вспомнить “серых нетопырей”, что “мешали спать и жить” поэту из некролога Николая Тихонова, то, выходит, что “детинушка себя сразил”, да не сам себе петлю на шею накинул... “Птицы нечистые” ассоциативно отсылают и к Тихонову, и к Лавренёву, но сами они — не из древнего ли “Вороно-гряя”, отреченной гадательной книги по птичьему полёту, из тех книг, что не признавала Русская Православная Церковь, а Клюев эту литературу хорошо знал... Мифологические существа, исполненные зла, пирующие на чужой крови — не те ли, кого встретил Клюев в “Англетере”, и кто уже начал пробавляться в печати мерзким словечком “есенинщина” — прямым производным от князевской “клюевщины”? Древние мифы и живая, кровавая современность сливаются воедино.

А лебедь белая — символ неба, верховного божества, передатчик человеческой души из мира живых в мир мёртвых — несёт “душу убойную” в хризопрасе-камне не в царство смерти, где, мнится Клюеву, уготованы ей вечные муки, а “под окошечко материнское”. Его, клюевская лебедь, спасает душу неприкаянную Серёженьки после его гибели! “Прорастёт хризопрас берёзынькой, кучерявой росной, как Сергеюшко”... Как берёзкой чистой, белой пришёл в город, так и после кончины берёзкой расти будет...

Заклинает Клюев земные и небесные силы, заклинает божества и чертей в аду — дабы не отдавали собрата на мучения посмертные после всего перенесённого в жизни... Матушка его поёт ему, обращённому в берёзыньку, колыбельную, а сам Клюев завершает свой “Плач” неторопливой лирической

песней, где слышен голос спасённого “Сергеюшки”, где отзываются его зимние мелодии последних стихов — “снежная замаять дробится и колется” — и любимый кот выглядывает с лежанки, и дед из старого стихотворения улыбается в бороду... И слышится хрипловатое, немного срывающееся, есенинское: “Приемлю всё, как есть, всё принимаю. Готов идти по выбитым следам...” Всё принимает и его живой ещё старший собрат, сумевший, мнится, совершить невозможное...

*Падает снег на дорогу —
Белый ромашковый цвет.
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет?
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.*

.....

*Жизнь — океан многозвонный —
Путнику плещет вослед.
Волгу ли, берег ли Роны —
Всё принимает поэт...
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет.*

Два небольших отрывка из “Плача о Сергее Есенине” были напечатаны в “Красной газете”, а в следующем 1927 году поэма вышла отдельным изданием с предваряющей её большой статьёй Павла Медведева “Пути и перепутья Сергея Есенина”, который писал, в частности: “Это — именно плач, подобный плачам Иеремии, Даниила Заточника, Ярославны, князя Василька. В нём личное переплетается с общественным, глубоко интимное с общеисторическим, скорбь с размышлением, нежная любовь к Есенину со спокойной оценкой его жизненного дела, одним словом — лирика с эпосом, создавая сложную симфонию образов, эмоций и ритмов... На “Плаче” лежит печать огромного своеобразия и глубокой самобытности...”

Надо сказать, что в данном случае статья Медведева служила неким “конвоиром” клюевской поэмы. Полной её публикации, конечно, способствовала общественная репутация автора предисловия — комсомольского комиссара 3-го Ленинградского полка войск ГПУ и по совместительству сверхштатного научного сотрудника Пушкинского Дома. Пройдёт ещё год — и Медведев уже своим именем “прикроет” книгу, написанную Михаилом Бахтиным — “Формальный метод в литературоведении”. Она выйдет под фамилией Медведева, хотя достаточное количество людей, причастных к литературной науке, будут точно знать — кто подлинный автор.

Но спасти от цензурного вмешательства поэму не удалось. Из текста были исключены три строфы, из которых лишь последнюю удалось дать в виде второго эпиграфа.

*Для того ли, золотой мой братец,
Мы забыли старые поверья, —
Что в плену у жаб и каракатиц
Сердце-лебедь растеряет перья,*

*Что тебе из чёрной конопели
Ночь безглазая совьёт верёвку,
Мне же беломорские метели
Выткнут саван — горькую обновку.*

*Мы своё отбояли до срока,
Журавли, застигнутые вьюгой,
Нам в отлёт на родине далёкой
Снежный бор звенит своей кольчугой.*

А незадолго до издания поэмы Клюев, выступавший практически на всех вечерах, посвящённых памяти Есенина в Ленинграде (он ничего не рассказывал, только читал стихи – и уходил), прочёл её вместе с другими стихотворениями 10 января 1927 года на вечере в Ленинградском Большом драматическом театре.

Замечательное по-своему воспоминание об этом выступлении оставила Ольга Форш, назвав чтение Клюева “неслыханными поминками... по ушедшему самовольно другу”.

“На поминальном вечере зал был полон и взволнован отвратительно. На зрителях – нездоровый налёт садизма. Пришли не ради поэзии, а чтобы на даровщинку удобно, но в меру остро поволноваться, замирая от стихов, за которые не они заплатили жизнью.

Выступали певцы и декламаторы, уже обычно и развязно стригли с “Письма матери” купоны, зарождали лютый гнев Маяковского.

Настал черёд и Микулы. Он вышел с правом, властно, как поцелуйный брат, пестун и учитель. Поклонился публике земно – так дык в опере кланяется Годунову. Выпрямился и слегка вперёд выдвинул лицо с защуренными на миг глазами. Лицо уже было оваяно песенной силой. Вдруг Микула распахнул веки и без ошибки, как разящую стрелу, пустил голос.

Он разделил помин души на две части. В первой его встреча юноши-поэта, во второй – измена этого юноши пестуну, старшему брату и себе самому.

Голосом, уветливым до сладости, матерью, вышедшей за околицу встретить долгожданного сына, сказал он своё известное слово о том, как

*С Рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил конопляный свет.
Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.*

Ещё под обаянием этой песенной нежности были люди, как вдруг он шагнул ближе к рампе, подобрался, как тигр для прыжка, и зашипел язвительно, с таким древним, накопленным ядом, что сделалось жутко.

Уже не было любящей, покрывающей слабости матери, отец-колдун пытал жестоко, как тот, в “Страшной мести”, Катеринину душу за то, что не послушала его слов. Не послушала, и вот –

*...На том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклатою чёрной матицей,
Молодой детинушка себя сразил...*

Никто не уловил перехода, когда он, сделав ещё один мелкий шагок вперёд, стал говорить уже не свои, а стихи того поэта, ушедшего.

Чтобы воочию представить уже подстерегавшую друга гибель, Микула говорил голосом надсадным, хриплым от хмеля.

*И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое...*

Было до тонкой верности похоже на голос того, когда с глухим отчаянием, ухарством, с пьяной икотой он кончил:

*Ты Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона.*

С умеренным вожделием у публики было кончено. Люди притихли, побледнев от настоящего испуга. Чудовищно было для чувств обывателя это нарушение уважения к смерти, к всеобщим эстетическим и этическим вкусам.

Микула опять ударил земно поклон, рукой тронув паркет эстрады, и вышел торжественно в лекторскую. Его спросили:

– Как могли вы... .

И вдруг по глазам, поголубевшим, как у врубелевского Пана, увиделось, что он человеческого языка и чувств не знает вовсе и не поймёт произведён-

ного впечатления. Он действовал в каком-то одному ему внятном, собственном праве.

— По-мя-нуть захотелось, — сказал он по-бабьи, с растяжкой. — Я ведь плачу о нём. Почто не слушал меня? Жил бы! И ведь знал я, что так-то он кончит. В последний раз виделись, знал — это прощальный час. Смотрю, чернота уж всего облепила...

— Зачем же вы оставили его одного? Тут-то вам и не отходить.

— Много раньше увещал, — неохотно пояснил он. — Да разве он слушался? Ругался. А уж если весь чёрный, так мудрому отойти. Не то на меня самого чернота его перекинуться может! Когда суд над человеком свершается, в него мешаться нельзя. Я домой пошёл. Не спал ведь — плакал”.

Многие свидетели этой сцены совершенно не поняли того, что происходило на их глазах. Не поняла, естественно, и Ольга Форш.

Клюев при всей собравшейся “отвратительно взволнованной” публике вёл свой диалог с Есениным. Соединив в единое целое в определённой последовательности стихотворение “Оттого в глазах моих просинь...” и “Плач” — он дал ответ Есенина голосом Есенина. Сергей, словно вернувшийся с того света, отвечал Клюеву изнутри самого Клюева — стихами, тогда ещё, три года назад пронзившими Николая, когда они оба выступали в Москве... Если бы зал понял, что происходит на самом деле — можно не сомневаться: в помещении театра тут же не осталось бы ни одного человека. Но никто ничего не понял — и в то же время все почувствовали: происходит что-то не то. Клюев явно внушал страх — и проще всего было обвинить его в “нарушении уважения к смерти”, в том, что он “не понимает человеческого языка”... Форш почувала, что Клюев действует “в одном ему внятном собственном праве”, но суть этого “права” осталась для неё за семью печатями...

Через много лет она хотела переиздать свой “Сумасшедший корабль” в 8-томном собрании сочинений. На этот замысел наложил своё вето Николай Тихонов — солидный советский сановник и депутат Верховного Совета СССР, обладающий и немалым авторитетом, и немалой властью. В письме к Форш от января 1961 года он популярно объяснил, почему выступил против переиздания этой вещи, указав на целый ряд “неудобств”. И главным “неудобством” послужил здесь именно Клюев, памятное выступление которого Тихонов также лицезрел в Большом драматическом театре и, видимо, долго не мог от него отойти. “Я читал, например, про Клюева, — писал Тихонов. — Ваши страницы эти не поддаются действию времени. Они точны самой строгой точностью — художественного припечатывания действительно бывшего... Но сегодня столько подымется на тень Клюева вопросов, что уж лучше пусть она себе покоится, где нашла приют”. Тихонов прекрасно знал, где именно душа Клюева нашла себе “приют”. И рука его не дрогнула, когда он выводил эти строки.

... Уже в 1988 году при переиздании “Сумасшедшего корабля” к нему было предпослано предисловие, автор которого — учёная дама, разделяя взгляд Ольги Форш на современных ей писателей — героев книги, охарактеризовала Клюева в полном соответствии со взглядом напуганных его современников и опасливых — наших, предпочитавших увидеть в нём что-нибудь по возможности удобное и не мешающее жить: “В духовную иступлённость Микулы, в его могучую корневую систему О. Форш вкладывает стихийную мощь мужицкого уклада, с которой рядом нет места цивилизации. В своей тысячелетней неподвижности она не хочет уступать места не только революционному настоящему, но, как показывает жизнь, не увядает и в будущем. В поисках духовного наставничества Клюева запутались многие умы молодой русской интеллигенции”... Тень Клюева встала во весь рост и, поистине, вместе с ней встала масса вопросов, на которые — хочешь — не хочешь — надо было отвечать. Но сплошь и рядом многие пытались не отвечать, а отходить в сторону, процеживая отдельные характеристики с использованием фразеологии Троцкого и Князева вместе взятых.

* * *

Одновременно с “Плачем о Сергее Есенине” в июле 1926 года Клюев пишет поэмы “Заозерье” и “Деревня”. По существу все эти вещи составляют единый триптих. Языческо-христианская славянская идиллия — в “Заозерье”,

где одухотворено каждое природное движение, и в то же время вся картина выписана словно тонкой кистью строгановского иконописца — со свойственной мастерам старой школы прозрачностью света и лёгкостью мазка. Люди и святые живут в едином мире, в полной гармонии и ладу — и в ладу с ними все явления природы и быта — и одно неотделимо от другого. Крестьянская ойкумена, та, что чаялась издавна в народных преданиях, та, за которой уходили в таинственное Беловодье русские мужики.

*На речке в венце сусальном
Купальница Аграфёна,
В лесах зарит огнепально
Дождевого Ильи икона.*

*Федосья-колосовица
С Медостом — богом овечьим —
Велят двуперстьем креститься
Детёнышам человечьим.*

.....
*Флору да Лавру работа —
Пасти табун во лесах,
Оттого мужичьи ворота
В смоляных рогатых крестах.*

Всё неторопливое действие поэмы — точнее, не действие, а саму жизнь в поэме сопровождает литургия, что служит отец Алексей: “бородка — прожелть тетерья, волосы — житный сноп”. За литургией незаметно сменяются времена года, и как кульминация — наступает Пасха. Воскресение Христово.

*Великие дни в деревне —
Журавиный плакучий звон,
По мёртвой снежной царевне
Церквушка правит канон.*

.....
*Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ,
И у елей в лапах простёртых
Венки из белых купав.*

*В зеленчатом сарафане
Слушает звон сосна.
Скоро в лужицу на поляне
Обмакнёт лапоток весна.*

*Запоют бубенцы по взгорью,
И, как прежде в тысячах дней,
Молебном в души Егорью
Задудит отец Алексей.*

Идиллия разрушается с гибелью поэта Руси — Сергея Есенина. Да, не на ту дорогу свернувшего, получившего своё “за грехи, за измену зыбке, запечный богам Медосту и Власу”, но великого поэта... И само обрушение русской жизни предстаёт воочию в поэме “Деревня”. Как смерть Настеньки — предвестие гибели керженских скитов, так смерть русского поэта — предвестие конца прежней жизни. Насколько идиллический тон в “Заозерье” — настолько он напряжён, рыкающ до срыва — в “Деревне”. Кажется, что весь деревенский люд от парней (схожих то с Буслаевым Васьюкой, то с Евпатием Коловратом) и девок (каждая, что Ефросинья Полоцкая, Ярославна или Евдокия, Дмитрия Донского суженая), до матерей — “трудниц наших”, до Бога, писанного “зографом Климом” — весь поднялся на защиту своего бытия от страшной современности, от полного её разброда и нестроения внутреннего. И рефрен воистину угрожающий:

*Будет, будет русское дело —
Объявится Иван Третий
Попрать татарские плети,
Ясак с ордынской басмою
Сметёт мужик бородою!*

Это, мнится, не слишком далеко ушло от пушкинского: “Добро, строитель чудотворный! Ужо тебе!..” Это “ужо тебе!” — сплошь и рядом от бессилия, от невозможности сопротивляться нашествию чумной новизны. Новая эпоха железа наступает — и скрыться от неё некуда.

*Ты, Рассея, Рассея-матка,
Чаровая заклятая кадка!
Что там, кровь или жемчуга,
Иль лысого чёрта рога?
Рогатиной иль каноном
Открыть наговорный чан?..
Мы расстались с саровским звоном —
Утолением плача и ран.
Мы новгородскому Никите
Оголили трухлявый срам, —
Отчего же на белой ракете
Не поют щеглы по утрам?*

Кажется, принесены все жертвы, какие только можно было принести, а облегчения не наступает. Меняется весь мир вокруг, замолкают птицы, деревья бегут со своих мест, “разодрав ноженьки в кровь”, при виде трактора, выехавшего на ниву, железного коня, с которым “от ковриг надломятся полки...” Да не хлебом ведь единым... Жизнь старая гибнет.

И не зря в “Деревне” трактор под стать паровозу из есенинского “Сорокоуста”... И не зря рефрен “Деревни” — “Ты Рассея, Рассея-тёща, насолила ты лихо во щи” — тут же переключается с “Рас. . . сеей” Есенина из “Москвы кабацкой”... Ведь вся Русь в богохулье ударилась, и сам Клюев в стороне не стоял — и никакие мотивы не послужат оправданием. Вот и ему, как и младшему собрату, “за грехи, за измену зыбке” — доводится увидеть крушение прежнего мира, где “от полавочных изголовий неслышно сказка ушла”... Одна надежда — вернётся, когда чаша Божьего гнева переполнится.

*Только будут, будут стократы
На Дону вишнёвые хаты,
По Сибири лодки из кедра,
Олончане песнями щедры,
Только б месяц, рядясь в дымы,
На реке бродил по налимы
Да черёмухи в белой шали
Вечера, как девку, ласкали!*

* * *

Не единожды потом задавались читатели и исследователи вопросом: каким чудом “Заозерье” и “Деревня”, которую вполне можно было проинтерпретировать как политическую прокламацию, в тех условиях — вообще попали в печать, когда “Заозерье” было опубликовано в сборнике “Костёр”, а “Деревня” — в журнале “Звезда”?

Объяснение этому есть. И оно может показаться достаточно неожиданным.

Ещё при Зиновьеве, с помощью Ионова, Клюев начал печататься с осени 1925 года в “Красной газете”. Ионов буквально “выжимал” из него “новые песни” — “волчий брѣх и вороний грай”, как написал Николай. Он взялся-таки за “советскую тематику”, но не брехал и не граял. Он нашёл единственный и самый точный ход — “новые песни” пелись от имени нового поколения, той молодёжи, что вошла в жизнь с Октябрѣм — и иной жизни себе не представляла.

В результате его стихи, насыщенные реалиями новой жизни, обретали куда более полную интонационную завершенность и смысловую убедительность, чем километры виршей на ту же тему множества пролетарских и комсомольских поэтов. Даром поэтического перевоплощения Клюев владел, как мало кто.

*Моя родная богатырка —
Сестра в досуге и в борьбе,
Недаром огненная стирка
Прошла булатом по тебе!*

*Стирал тебя Колчак в Сибири
Братоубийственным штыком,
И голод на поволжской шире
Костлявым гладил утюгом.*
.....

*Ты мой чумазый осьмилеток,
Пропахший потом боевым.
Тебе венок из лучших веток
Плетут Вайгач и тёплый Крым.*

*Мне двадцать пять, крут подбородок
И бровь моздокских ямщиков,
Гнездится красный зимородок
Под карим бархатом усов.*

Эти стихи ещё вязались интонационно и тематически с его прежними выступлениями с прославлением “красных орлов”. Но Клюев шёл ещё дальше. Он пел от имени пролетария — классическим пушкинским ямбом и пушкинскими же словами.

*Друзья, прибой гудит в бокалах
За трудовые хлеб и соль,
Пускай уйдёт старуха-боль
В своих дырявых покрывалах...
Друзья, прибой гудит в бокалах!*

*Наш труд — широкоплечий брат
Украсил пир простой гвоздикой,
Чтоб в нашей радости великой,
Как знамя, рдел октябрьский сад...
Наш труд — широкоплечий брат!*

И всё это Клюев печатал в “Красной газете” — вместе с “Железом”, перепечатанным из “Львиного хлеба”. Кажется, ни у одного поэта того времени нет столь взаимоисключающих друг друга публикаций на страницах одной и той же газеты.

После свержения Зиновьева и воцарения в Ленинграде Кирова главным редактором “Красной газеты” и ближайшим соратником нового секретаря стал Пётр Иванович Чагин (с Кировым они были в одной “связке” ещё в Баку). Чагин рассчитывал стать надёжной опорой собиравшегося переехать в Северную Пальмиру на постоянное место жительства Сергея Есенина. И Киров, по его воспоминаниям, собирался взять над Сергеем “шефство”, точнее, продолжить его, начавшееся всё в том же Баку... Свершившаяся трагедия была для них настоящим ударом. Не успели...

Чагин знал о Клюеве, как о друге и учителе Есенина. Нет ни малейших оснований говорить, что он, убеждённый коммунист, хоть в малейшей степени разделял идеи Клюева. Но судьба распорядилась так, что ближайший есенинский друг, тем паче пишущий и печатающий “новые песни”, оказался под его покровительством. И Чагин дал Клюеву своеобразный “карт-бланш” — ленин-

градские газеты, журналы, сборники в эти два года принимали практически всё, что выходило из-под клюевского пера. Приобрёл такую известность, как полноправный советский поэт, что напечатался даже у Воронского в “Прожекторе”. Памятуя о его словах, что ему, редактору, нужны “рыжие”, которые ломались бы в его цирке бесплатно, Николай поднёс горькую пилюлю, которую Воронский ничтоже сумняшеся проглотил. В цикле “Новые песни” вторым шло стихотворение, написанное от имени “кузнеца Вавилы” (одно из любимых клюевских мужских имён). Запев – лучше некуда, все “комсомольцы” и “пролетарии” обзавидуяся.

*По мозольной блузе
Всяк дознать охоч:
Сын-красавец в вузе,
В комсомоле дочь.*

*Младший пионером —
Красногубый мак...
Дедам-староверам
Лапти да армяк.*

*Ленинцам негожи
Посох и брада,
Выбродили дрожжи
Вольного труда.*

“В художнике, как в лицемере, таятся тысячи личин...” — напишет он позже. Здесь он поворачивался к своим “работодателям” одной из личин, “закладывая” в текст смысловую и звуковую ассоциацию с рефреном из “Кому на Руси жить хорошо” Некрасова, что отчётливо придавало стихотворению пародийный привкус. Но подлинный смысл приоткрывался в финальной строфе:

*И над всем, что мило
Ярому вождю,
Я — кузнец Вавила —
С молотом стою.*

...В 1977 году это стихотворение вошло в том стихотворений и поэм Клюева, изданный в Малой серии Библиотеки поэта. То была первая его книга, вышедшая в свет в СССР почти за полвека. Но уже на следующий год, когда готовилось переиздание в издательстве “Советская Россия”, редакторы безоговорочно и с каким-то суеверным страхом вышвырнули эту “новую песнь” из сборника. Досмотрелись...

Этой счастливой в творческом отношении жизни Клюеву хватило ненадолго. Ровно до публикации поэмы “Деревня” в журнале “Звезда” и выхода отдельным изданием в “Прибое” “Плача о Сергее Есенине”.

(Продолжение следует)

ВЛАДИМИР ПОПОВ

МОЯ РОССИЯ

(Главы из книги)

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.*

Н. Рубцов

Невежество

Прекрасно понимаю, не станет откровением моя мысль, что минувшие два десятилетия новейшей истории России оказались самыми ущербными в последние три века. Кто, не потерявший способность думать и анализировать происходящее, может позволить себе не согласиться с этим выводом? Созданный колоссальным напряжением всех сил государства и народа индустриальный уклад экономики сознательно, а порой по причине явной некомпетентности реформаторов развален. Сохранилась и несколько технологически обновилась только нефтегазовая отрасль. Причина ясна, как божий день – без неё давно уже не было бы страны, и тогда откуда взяться “эффективным менеджерам”, с беспримерным нахальством заставившим всех богатейших людей планеты испытывать мучительный комплекс неполноценности. Представьте только на минуту переживания Уоррена Баффета!

Более двух третей валового дохода Россия имеет сегодня исключительно благодаря “тоталитарному” режиму и самоотверженному труду советских людей, в сложнейших условиях освоивших добычу углеводородов в Западной Сибири. Эти финансовые ресурсы и **позволяют “продвинутому” правительству сводить концы с концами**, но не более того, потому что они не инвестируются в экономику, а остаются за рубежом. К тому же шальные доходы позволяют руководству финансово-экономических министерств, с доброго согласия руководителей страны, наводить, образно говоря, тень на плетень. Народу цинично “впаривается” легенда о постоянном росте валового продукта в реальном секторе. На самом же деле рост цен на энергоносители позволяет мошеннически **подменять** показатели физического объёма произведённой продукции её стоимостным выражением. Такая вот лукавая арифметика.

Повседневню, с активным участием всех средств массовой информации, формируется у населения страны ложная убежденность в обоснованности избранного курса, позволяющего экономике страны постепенно подниматься из праха. Но реальность совершенно иная – принятая в начале 90-х годов модель развития капитализма на основе неолиберальной, или, как ещё её называют, неоклассической, теории оказалась в силу многочисленных причин абсолютно не пригодной для России. Более того, довольно быстро выяснилось: она значительно хуже пренебрежительно отвергнутой плановой социалистической модели, которая в конце 80-х годов прошлого столетия ещё далеко не исчерпала своего потенциала, хотя, кто спорит, требовала серьёзной коррекции. Тогда нужно было решительно избавляться от ставшего очевидным экономического фундаментализма и “навязшего в зубах” идеологического диктата, который больше заботился о надуманной чистоте марксизма-ленинизма в производственных отношениях, чем о реальной научно-техническом прогрессе. Что было, то было. Из песни слова не выкинешь. Однако догматизм взятой на вооружение новой теории и внедрённой на её основе модели реформ оказался ещё губительнее для страны по своим последствиям. **Всё, в конечном итоге, свелось к грабежу и банальной распродаже оптом и в розницу богатейшей советской империи.** Собственно говоря, ради этого и был совершён в начале 90-х годов переворот, который российские “западноиды”, как жёстко квалифицировал их А. А. Зиновьев, уже с гордостью начинают называть революцией. Буржуазной, разумеется. В этом утверждении, пожалуй, единственный раз за все двадцать лет погрома страны, они правы.

Здравых же теоретических основ развития России не было ни во времена Б. Ельцина, не появились они при В. Путине и Д. Медведеве. **“Тандем” оказался интеллектуально таким же бесплодным, как знаменитая библейская смоковница.** И не только он. Прикормленные Кремлём консультанты, исповедующие теорию “экономикс”, цель которой всегда заключалась в обеспечении главенствующей роли США в мире, свято следуют данной “клятве на крови” и упорно настаивают на том, что иного России не дано. Её удел, спасибо и за это вашингтонскому обкому, пока есть ресурсы, обслуживать возрастающие запросы технологического развития стран “золотого миллиарда”. А критическое переосмысление того, что натворили в девяностые годы – недопустимо. Во всех совершённых ошибках виновато, кто сомневался, проклятое социалистическое прошлое, а кто думает иначе, будет предан анафеме и ostrакизму. Самое главное, что должны все зарубить себе на носу, и особенно инакомыслящие: если жизнь в стране станет совсем невыносимой, это будет лишь означать – невежественный наш народ неправильно понимает происходящее.

Ничего нового в такой позиции нет, **догматизм всегда порождается или фанатизмом из-за недостатка знаний, или хорошо оплачивается, как скрытое мошенничество.** Оставим на время в покое “специалистов”, в конце концов, все хотят хорошо жить. Ведь они, всего-то, продают лишь свои знания и “убежденность”. Ничего, так сказать, личного.

Дело в других и другом. Всё значительно хуже – **это позиция руководства страны,** и прежде всего Президента и всемогущего премьер-министра, которые без устали, а зачастую и без надобности, клянутся на святцах в верности либерализму. Дмитрий Медведев, кажется мне, просто забывает иногда название страны, в которой он живёт и чьим “гарантом”, по Конституции, является. Его политика, не секрет, во многом формируется уютно устроившимся под Веной Международным институтом прикладного системного анализа (МИПСА), чьи “выкормыши” – по уничижительному и точному выражению известного американского современного мыслителя и экономиста Линдона Ларуша, плотно его обсели. Опасность заключается в том, что эти известные во всём мире денежные махинаторы никогда не работали и не собираются работать с реальным сектором экономики, тем более в России – цели у них совершенно иные. Не случайно их называют пиратами из британских офшоров Карибского моря даже в своей среде “экономических убийц”.

Создание Института современного развития (ИНСОП) под патронажем Д. Медведева, и во главе с новоявленным святым “дервишем” российского монетаризма И. Юргенсом, не рядовое событие. По сути, это филиал МИПСА в России. С чем и поздравляю представителей отечественной экономической мысли, особенно академической. Теперь вам есть, господи академики, где черпать знания, согласованные с Госдепом США, и мудрость, которой вам яв-

но не хватает. Представление общественности докладов “Россия 21-го века: Образ желаемого завтра” и “Стратегия будущего” можно расценивать как презентацию института и недвусмысленную заявку на лидерство в дальнейшей разработке неоклассической теории развития капитализма в России.

И всё бы ничего, но Юргенс с друзьями повели себя, как мелкие мошенники. При рассмотрении текста выяснилось, что товар-то с душком-с, вместо “желаемого завтра” нам опять хотят “всучить” залежавшееся на складах, никем не востребованное старьё, ставшее от времени ядовитым. По простой причине – на белом свете не так много ненормальных людей, откровенно желающих себе зла. В концепциях, разумеется, не сказано ни слова об итогах двадцати лет реформ, нет ни стратегии, ни понимания будущего. С такими последователями новоявленного “вечно живого учения” далеко не уедешь. Не быть нам “углеводородным третьим Римом”, как хотелось бы В. Путину с его имперскими амбициями. Происхождение обязывает.

Нет, господа, не растётесь! Так и останемся, благодаря проводимой вами политике, страной с периферийной судьбой и экономикой “керосиновой лавки”. Именно поэтому общество, по крайней мере его думающая часть, просто обязано понять – осуществляемая экономическая модель “развития”, основанная на эксплуатации природных ресурсов, **это исторический тупик российской модели капитализма в XXI веке**, из которого нет выхода. Избранный путь уж точно не приведёт нас в обещанное “светлое” капиталистическое будущее, но руководство страны даже малейшей тревоги по этому поводу не испытывает. Вывод напрашивается сам собой: или они не понимают совершённой в 90-е годы ошибки, той самой, что хуже преступления, чего я не допускаю, или конечный результат их вполне устраивает.

Мои “затухающие” сомнения отпали окончательно после нашумевшей речи Д. Медведева в Давосе. Сомнения прочь, президент России в полной мере осознаёт свою ответственность перед мировым сообществом, и поэтому, несмотря на совершённый террористический акт в Домодедово, он здесь. Много чего откровенного, явно желая понравиться сидящей в зале публике, прозвучало из его уст в подтверждение решимости довести до конца либеральные рыночные реформы. Не думаю, что он не понимает опасности проводимых преобразований, которые являются испытанным методом по превращению национальных экономик в сырьевой придаток глобальных монополий. Голос не дрогнул от сомнений, хотя речь шла о приватизации девятиста оставшихся в госсобственности предприятий, последнем ресурсе страны, благодаря которому на минимальном уровне как-то умудрялись все эти годы обеспечивать экономическую и военную безопасность страны. Общая сумма акций, подлежащих продаже, составляет почти два триллиона рублей. Не лишённое гордости признание о привлечении к участию в этом процессе ведущих мировых банков, вероятно, было призвано придать большую весомость задуманному и, разумеется, сказанному.

Не сомневаюсь, заинтересованные лица, а их там было немало, правильно поняли сказанное, как сигнал к действию. У облапошенных в очередной раз россиян тоже, полагаю, от сердца отлегло, а то мучались, бедолаги, все последние годы в неведении, кому же достанутся **“бесхозные”** материальные активы. Спите спокойно, граждане России, вас освободили навсегда от собственности и головной боли, связанной с ней. Всё, созданное поколениями ваших дедов и отцов, окончательно будет ловко пристроено в надёжные иностранные руки, но не только. Не сомневайтесь, не останется внакладе и наша оффшорная олигархия, вкупе с высшим “генералитетом” пресловутой вертикали власти.

Далеко не праздный интерес, кому достанутся акции предприятий. Не помните, случайно, кто сказал: “Политика – есть концентрированное выражение экономики”. Ох, не глупым был вождь мирового пролетариата. Поэтому **приватизация в России была и остаётся, прежде всего, политическим вопросом**. Если наша раздобревшая на углеводородах и другом сырье высшая бюрократия поучаствует в дележе активов, а кто сомневается, её реальная власть ещё более усилится. Она теперь будет “мышковать” не только в интересах крупных компаний, чем охотно пробавлялась все эти годы. Лоббирование – детская забава для них, правда, высокооплачиваемая. **Главным смыслом государственного “служения” многих чиновников окончательно станет развитие и охрана собственного бизнеса, записанного на**

неожиданно поумневших жён и подросших детей. В таком случае можно окончательно забыть всем нам, вместе с президентом страны, о борьбе с коррупцией и создании навязшей в зубах рыночной среды в экономике, и без того ущербной.

Ещё более опасной для страны явится участие иностранцев и олигархов с двойным гражданством в приватизации важнейших оборонных предприятий, более 20% которых, не без участия заинтересованных лиц в правительстве, и без того находятся в стадии банкротства. Здесь даже комментировать нечего. Я очень порадовался за героя многих моих памфлетов, незабвенного Анатолия Чубайса. Зримо представил, как в мгновение ока слетела с его побледневшего от волнения лица маска жертвенности и нарочитой невозмутимости, и проступившие незнакомые нам черты отразили душевное умиротворение.

Кто сказал, что время нельзя повернуть вспять? Какую там железнодорожную станцию по имени Чубайс проехал на локомотиве теперь уже бывший мэр Москвы Юрий Михайлович, вы всё поняли? В нашем зазеркалье реально всё, даже самое невероятное. Вам ли не знать. Коварная память тотчас выхватила из прошлого авантюру с ваучерами, нагло, но, признаемся, весьма умело спроворенную молодым и тогда ещё очень худым питерцем. Не по годам смыслёным оказался, достойным своих американских наставников. Тогда на 150 млн жителей правительство выпустило 150 млн ваучеров, стоимостью десять тысяч каждый. Цена всех материальных активов страны по обменному курсу тех лет составила, представить сложно, “астрономическую” сумму в девять миллиардов долларов. Вдумайтесь в эту цифру, читатель, хотя бы по прошествии стольких лет. По мнению Б. Ельцина и его поделщиков, такова была красная цена советской России. И с этой ценой мы с вами охотно согласились, как смиренно, полагаю, промолчим и сейчас. **Вся страна пошла с молотка по причине нашей дремучести и необъяснимого равнодушия к своей судьбе.**

Напомнить, кто скупил ваучеры у населения, а потом заводы и пароходы? Правильно, у кого были деньги в матрасах. “Гарант” с поделщиками пошли сознательно на альянс с бандитами и разномастным жульём, погубили экономику, разграбили и унизили страну, но главный смысл их жизни, власть – не отдали. По прошествии, все преступления тех лет признаны В. Путиным благодеяниями, совершёнными, как недавно выяснилось, во имя народа. Открытием в Екатеринбурге памятника Б. Ельцину, которое “освятил” своим присутствием Д. Медведев, и устроенной по лучшим образцам “застойного” советского периода пропагандистской шумихой по случаю его 80-летия со дня рождения с участием В. Путина **положено начало канонизации самого беспутного правителя на Руси.** Не сомневаюсь, в либеральной России с её виртуальной жизнью всё возможно.

Вот вам очевидные плоды догматизма в теории, невежества в управлении государством и коварства в политике. **Правительство России, неспособное избавиться от тотальной коррупции, порождённой приватизацией 90-х годов и возведённой питерской командой в ранг государственной нормы, по-прежнему не имеет ни малейшего представления, что нужно делать для возрождения экономики, и полагается в своей стратегии на “невидимую руку рынка”.** И потому его руководители спешат снять с себя всякую ответственность за будущее страны.

Спросите, в чём проявляется здесь догматизм – отвечаю. Прежде всего, в понимании сущности института собственности, этого достояния и проклятия человечества. Каждая из трёх её форм – частная, государственная и общественная, являются не случайным продуктом длительного исторического развития. Пора бы уже осознать – это не застывшие понятия. Они развивались вместе с изменяющимися условиями экономической и общественной жизни стран и народов. А в современных условиях всё большее влияние на правовой статус той или иной её формы оказывают цели и задачи материального и научного производства и систем управления ими.

Создаётся впечатление, что российские идеологи реформ ничего не ведают о мировых тенденциях в этой сфере и поэтому продолжают безответственно руководствоваться безнадежно устаревшими понятиями прошлых веков. Они искренне, как дети с незамутнённым сознанием, считают частную собственность единственным условием эффективности. Дескать, успешный

бизнес возможен только при её наличии. Но, как говорят математики, условие это необходимое, но недостаточное. Огромная роль принадлежит и государству, и другим формам владения, а также специальным правовым институтам, которые стоят на страже общественных интересов при их неизбежном столкновении с эгоизмом агрессивного капитала.

Я далёк от мысли недооценивать частную собственность, сыгравшую огромную историческую роль в освобождении индивида. Потенциал её до сих пор не исчерпан, особенно в развивающихся странах, которым ещё предстоит пройти сложный и полный драматизма путь к современному индустриальному обществу, если, конечно, им позволит “просвещённый” Запад. Обращаю ваше внимание, не к постиндустриальному и информационному, как более высоким стадиям технологического уклада. Речь идёт об индустриальном этапе развития стран “третьего мира”. Но, разумеется, их базис будет значительно отличаться по различным научно-техническим и экономическим характеристикам от промышленного уклада середины XX века.

Россия проделала этот путь в годы советской власти при жизни старших поколений, но в условиях переходного периода к капитализму так и не произошло надлежащего закрепления правового статуса всех видов собственности и, что очень важно, их оптимального соотношения. Иного и быть не могло, наши либералы испытывают настоящую фобию к государственной и общественной собственности. Они переводят любую дискуссию на эту тему в идеологическое, а точнее, демагогическое русло. И тотчас начинаются истеричные вопли о неминуемом коммунистическом реванше. Чувшь, конечно, но такая риторика отключает разум многих. Официальной идеологией власти стало примитивное “манихейское” противостояние государства и рынка. **Увод государства из экономики и “финишная” распродажа последних крупных активов, в том числе в стратегических и оборонных отраслях, считается завершением великой либеральной Реформации.** На самом деле это типичное “раскулачивание”, то есть насильственное разрушение существующего производственного уклада.

В мире нет ни одной развитой страны, где роль правительства была бы сведена к сбору налогов и раздаче лицензий. От трети до половины активов в странах ЕС, особенно в стратегических отраслях, принадлежит или финансируется государством. Всё это никакой не секрет. Но нашим “рыночным” неофитам узаконенный догматизм и элементарное школярство напрочь застилают взор. **Они свято убеждены, что цели и интересы государства, как собственника, и предпринимателя враждебны.** Отсюда и жёсткая последовательность в проведении разгосударствления, освобождения его от якобы “несвойственных” ему функций собственника. Логика понятна и проста, как прямой угол старого питерского дома. Государство – плохой собственник, а работающий на правительство управленец – никчёмный бизнесмен. И о чём здесь спорить?

Только, господа теоретики, концы с концами у вас не сходятся. Есть иные теории и другая практика. Вам неизвестные, вероятно, по незнанию. Лично я не удивлён. Свою некомпетентность президент и премьер, вместе с правительством, возвели в некое особое знание, недоступное простым смертным посвящение в “тайнство” либеральной экономики. В отличие от многих, “авторитетно” рассуждающих в средствах массовой информации о макроэкономике и бизнесе, но ни дня не работавших в нём, мне довелось с начала 90-х годов основательно пройти рыночные “университеты”, где образование получал на различных факультетах. Начинал рядовым “студентом”, руководил банком, закончил обучение одним из основных руководителей большой нефтегазовой компании. Неплохо отшлифовал знания, работая несколько лет в составе кбюллегии Госналогслужбы России. Поэтому, поверьте, имею право судить о том, что знаю – эффективность работы крупного предприятия в рыночной экономике не зависит от формы собственности, успех в значительной степени определяется исключительно качеством управления и правовыми условиями ведения бизнеса. А “родственные” отношения с государством имеют огромные преимущества, которыми только нужно умело пользоваться. Нет ни одного нормального крупного собственника, который не мечтал бы о такой близости.

Иное положение в малом и среднем бизнесе. Здесь результат во многом определяется квалификацией хозяина, его способностью преодолевать “поло-

сы препятствия”, постоянно создаваемые государством в лице неквалифицированной, корыстолюбивой бюрократии, и его готовностью работать круглые сутки. К сожалению, чиновники, отвечающие за политику в сфере экономики, упорно продолжают читать безнадежно устаревшие, а потому “неправильные” методические указания. Как, впрочем, и Президент России.

Солтан мне друг...

Страна, которую ждёт очередная приватизация, и без того находится под высоким напряжением. Её который год основательно потряхивает, постоянно что-то “закрывает” в финансовых сетях, и не замечать летящих искр уже невозможно. Мы забываем, что Россия не только кладовая углеводородов, сам наш народ – горючий материал, и он может в любое время воспламениться. Его выдержка и терпеливость, вызывающие в последнее время насмешки, а часто и издевательства, очень обманчивы. Полыхнуть может в любое время, и никакие спецподразделения МЧС или “дикая дивизия” с Кавказа, если кто-то на самом деле вынашивает эту бредовую идею, не загонят в стойло возмущённых людей. Мало никому не покажется, и прежде всего “миротворцам”.

В XX веке число стран, заинтересованных в российской Смуте, не только не уменьшилось, а, наоборот, значительно увеличилось. Прежде всего, за счёт наших завистливых соседей, глаза свои просмотревших на красоты российских раздолий. Делать вид, что нас окружают миролюбивые нации – себя смешить, да и весь честной народ. К тому же, господа, только прошу не опускать смущённо глаза и делать вид, что вы не понимаете, о чём идёт речь, – мы лишились из-за политики руководства страны, необъяснимой, даже с позиций элементарного здравого смысла, нашей великой армии и флота. Поэтому снимите солнцезащитные очки, у современной России нет друзей, кстати, и никогда не было, даже в годы Советского Союза. Были союзники, вынужденные считаться с силой сверхдержавы, и только. В международных отношениях по-другому не бывает. В основе политики всегда лежит примитивный, но столь необходимый для выживания прагматизм.

Опасность войны в XXI веке будет определяться не только потребностью в ресурсах, о чём незадолго до своей смерти предупреждал И. Сталин, а начавшимся глобальным противостоянием между тремя враждебными друг другу цивилизациями: китайской, мусульманской и атлантической. Каждая из них имеет свои виды на территорию России и её богатства, как на спасительный билет в будущее. Помимо прочего, мы можем стать обычной разменной монетой в длительной борьбе за гегемонию между США и Китаем, которую с поклоном преподнесут более сильному противнику. Это не пустые фантазии, таковы возможные сценарии развития событий. Почитайте на досуге книги давнего и большого нашего “друга” со времён СССР, Збигнева Бжезинского. Ничего не могу сказать, талантливый и последовательный в своей ненависти к Русскому миру политик. Я мечтаю, чтобы таких врагов у нас было больше, глядишь, и сами возьмёмся за ум.

Такова суровая реальность. На её фоне Президент страны, излучающий юношеский оптимизм, с претензией на знание всего и вся в этом подлунном мире, вызывает, мягко говоря, часто недоумение. О втором лице тандема ничего не говорю, потому как многое уже написал в своих книгах. Он настолько погряз в “шахматной” игре с активами крупных корпораций и многоходовых партиях в борьбе за властный Олимп, что готов почти на любые геополитические “компромиссы”, лишь бы Запад не объявил ему открытую войну.

На самом-то деле, для нас с вами, читатель, мировоззренческие установки и политические интересы руководителей страны не столь важны, как иной раз мы представляем. Значительно важнее сегодня разобраться в самих себе и попробовать понять движущие силы исторической России и её экономики. Напрасно полузабытый многими В. И. Ленин справедливо как-то заметил, что хозяйственная жизнь страны имеет свою логику развития, во многом не зависимую от действий правительства. Пролетарский вождь был необычайно умён, и он прекрасно понимал – власть, в силу разных причин, может совершать серьёзные ошибки или, выражая интересы правящего класса, принимать решения, не отвечающие чаяниям большинства населения. **Правящая элита, быстро формирующаяся в процессе революцион-**

ного изменения общества, крайне неустойчива в своём мировоззрении, моральных принципах и, как правило, не готова профессионально осуществлять функции государственного управления. Захват власти с неизбежностью порождает у многих выдвиженцев **“головокружение от успехов”**, как здесь не вспомнить известную сталинскую формулировку, что в свою очередь приводит к появлению опасной болезни, называемой в народе **“куриной слепотой”**.

Россия, находящаяся ныне под пятой олигархического капитала и порождённой им власти, имеет все симптомы этого заболевания. Но вознесённая на **“Олимп”** капризами судьбы питерская команда не спешит признать поставленный им диагноз. Невыгодно, да и время ещё не пришло, потому как нет серьёзных гарантий сохранения нажитых **“непосильным трудом”** материальных и финансовых активов.

Пришло время всё называть своими именами. Хватит стыдливо отводить глаза и делать вид, что мы не понимаем происходящего с нами и со страной. Англо-саксонскую модель рынка нам навязали по требованию и в интересах глобальных монополий с активным участием специалистов из США. Мнение **“широких”** народных масс никто не спрашивал, не сочли нужным. Собственно, народ и не настаивал, он с поразительным легкомыслием поддался соблазну красиво пожить при капитализме. Что ещё ему, простодушному, очень понравилось – работать, в отличие от надоевших своей правильностью коммунистов, клятвенно обещали не заставлять.

В те годы больше всего меня поразила беззубость и полная профессиональная непригодность наших титулованных экономистов. Вся их учёность и профессорская многозначительность исчезли в один момент, словно ветром сдуло. Короли оказались не только голыми, но и готовыми в любое время щёлкнуть каблуками перед новой властью. Разговоры, никто, мол, не знал, что нужно делать в условиях переходного периода – пустое. Академик Л. И. Абалкин, обидевшись на руководство страны, ушёл в тень своего института и растворился в его кабинетах. В бытность мою сотрудником аппарата Государственной комиссии по экономической реформе при Совмине СССР я неоднократно имел возможность убедиться, что Леонид Иванович концептуально мыслит правильно и имел ясные представления, в каких организационных формах без **“шоковой терапии”** возможен переход к рыночным отношениям. Характером оказался слабоват – жёсткая борьба, а иначе не победить, не его стихия. Классический учёный, одним словом, душевный человек. Недавно он ушёл из жизни, светлая ему память.

Остальные маститые, как студенты первого курса на экзамене по экономике, растерялись, не зная, какому же богу молиться – Марксу, Кейнсу или Фридману. Такие, как С. Шаталин и А. Аганбегян, тонко почувствовали дуновение ветра и быстро сменили убеждения, став более фанатичными сторонниками неоклассической теории, чем её глашатаи на Западе. Метаморфозы, произошедшие с некоторыми людьми в 90-е годы, просто поразительны. Хорошо помню Абега Гезевича по Новосибирску, где жил в 70-е годы. Выступления молодого академика, директора Института экономики СОАН СССР, на учёбе партийно-хозяйственного актива в Доме политпросвещения обкома партии пользовались неизменным успехом. Его красноречивые доказательства преимуществ социалистического планового хозяйства всегда были убедительны, а имеющиеся недостатки, как правило, порождённые головокружением хозяйственников, в его изложении оказывались легко устранимыми под мудрым руководством партийных органов. Капиталистический способ производства подвергался испепеляющей критике, и слушателям, загипнотизированным железной логикой оратора, не оставалось ничего, как только соглашаться с неизбежной скорой гибелью эксплуататорского строя.

Порой, слушая эти идеологически выверенные речи, как-то произвольным образом возникало неосознанное сожаление к уходящей, как нам казалось, эпохе. Молодость, а нам тогда было, в среднем, по двадцать пять лет, требовала разнообразия во всём, мы интуитивно понимали, что в ином случае познание мира будет не полным, да и сама окружающая нас действительность, заключённая в искусственные идеологические рамки, теряет свою привлекательность. **Свершилось, мир изменился, но не по нашим лекалам.** Великая советская эпоха, как писал А. А. Зиновьев, при всей её противоречивости, стала прошлым. Кто от этого выиграл, ясно как божий день – страны **“золо-**

того миллиарда”. Проиграли – мы. **Но, как гласит известный афоризм, главный вывод истории состоит в том, что из истории не делают выводов.** Почему-то именно в России.

В октябре 2005 года позвонил Д. С. Львов и пригласил принять участие в работе экономической секции РАН. Предложение было не случайным, только что вышла моя книга “Углеродородный третий Рим?”, с предисловием Дмитрия Семёновича. Реальный опыт работы в крупном бизнесе ему был крайне интересен, он живо интересовался моими публикациями и настоятельно советовал подумать о защите под его научным руководством докторской диссертации. Предложение было лестным, но я постоянно оттягивал принятие решения по одной простой причине – не хватало ни сил, ни времени. И без того разрывался между службой в качестве старшего вице-президента нефтегазовой компании по финансам и аналитикой. Понимая, что знания лишними не бывают, оставил дела и приехал в институт. Интрига заключалась в том, что доклад, который предстояло обсудить на секции, представлял мой добрый знакомый профессор С. С. Дзарасов, убеждённый противник утвердившейся в России либеральной экономической модели. По мнению многих его коллег, он воплощает традиционный для российского менталитета склад учёного, где совесть и свободомыслие – непреходящие ценности, которыми не поступаются. С чем я полностью согласен. В оппоненты записались академики А. Аганбегян, В. Медведев и другие, не менее известные лица в отечественной экономической науке.

Солтан Дзарасов выступил с тезисами – они были весьма убедительны; выверенные формулировки анализируемых проблем, показательная статистика и не менее аргументированные выводы о необходимости смены курса реформ. С основным же текстом доклада, по установленной практике, присутствующие имели возможность ознакомиться заранее. Потом началось обсуждение. Говорили многие, говорили разное, и как-то очень осторожно, что меня крайне удивило. И не потому, что не хотели обидеть докладчика, как раз наоборот, опасались показать своё согласие с ним. Затем на трибуну величественно поднялся А. Аганбегян и сразу дал понять присутствующим, что они имеют дело с человеком, не ведающим сомнений. Память наша избирательна, я не смогу воспроизвести дословно сказанное им. Запомнил, как мне кажется, главное. Смысл таков: Солтан мне друг, но истина дороже, а истиной владею – я. Поэтому утверждаю – всё сказанное им неверно, и потому не согласен ни с одним его словом. В прошедшие годы правительство проводило, в основном, правильную политику экономических реформ, отвечающую интересам государства и народа. Имеющиеся проблемы достались нам от социализма, это его родимые пятна. Нужно хранить выдержку, и рынок нам воздаст.

По профессиональной привычке старого управленца я внимательно наблюдал за лицами людей, сидящих в зале и президиуме. Общее выражение – недоумение. Видел, как мрачнел Д. Львов, огорчение и в то же время иронию в глазах С. Дзарасова. Вспомнил сразу Новосибирск и подумал, что же с нами происходит, что заставило Аганбегяна, уже очень немолодого человека, отказаться от большей части своей жизни в науке и принципов, без которых настоящий исследователь немислим. Никто не требует молиться на прошлое, все давно стали “атеистами”. Ведь учёный присягает главному – **вечному поиску истины**. Но как можно походя отказаться от семидесятилетнего опыта плановых форм ведения хозяйства в СССР и полувекового опыта работы Китая, когда именно на этом пути были достигнуты всеми в мире признанные высоты в экономическом и социальном развитии? Это и есть наш собственный, отражающий во многом специфику страны интеллектуальный актив. Без него мы Азия, Африка, Латинская Америка, любая другая захудалая провинция, но только не Россия – страна будущего.

Через три года всемогущая “невидимая” рука рынка заслуженно воздала многим государствам, но России, конечно, больше всех. И поделом. Надежда, что проблемы рассосутся – беспочвенна. В конце января 2011 года я забрёл в книжный магазин, как всегда, полюбопытствовать. Смотрю, на тонкой книжке значится знакомая фамилия. Взял в руки, пошелестел страницами – академик Аганбегян учит нас, несмышленных, как выходить из финансового кризиса. Покупать не стал, не познавательный и нет знания предмета. Но за автора порадовался – жизнь в “науке” продолжается. Написал эти строки

и подумал: а может быть, напрасно, слишком субъективны мои оценки конкретной личности. Но что же делать, если личностным восприятием пронизана вся наша жизнь. К счастью, встречаются и другие, вдохновляющие примеры служения науке.

Бережно храню в душе память о Дмитрие Львове, настоящем учёном и мужественном человеке, который до последнего дня отстаивал свои взгляды на ужас происходящего. Помню его потрясение от встречи с В. Путиным. “Понимаешь, – взволнованно говорил он, – я ему рассказываю о том, что творится в экономике, почему нужно срочно корректировать реформы, иначе процесс деградации будет необратимым. И вдруг натыкаюсь на холодный безразличный взгляд – ему не интересны мои доводы. “Вы, Дмитрий Семёнович, – прощаясь, произнёс Путин, – ничего не понимаете в современной экономике”. Я! Не понимаю! Откуда в нём это убийственное для страны самомнение?” Мне стоило больших трудов успокоить академика: “Я вот тоже, мол, ничего не понимаю, хотя уже столько лет кручусь в бизнесе. Догадываюсь, конечно, кой о чём, но тогда нужно согласиться, что мы имеем дело не с национально мыслящим правительством. И потому часто на ум приходят слова властителя дум конца позапрошлого века, что **бывали хуже времена, но не было подлей**. Правда, Некрасов жил в другую эпоху, но, как известно, в России и через столетия ничего не меняется, и не может измениться, потому как всё дело в нас самих”. “Да, Владимир Данилович, – с грустью произнёс Львов, – умеете вы успокоить”. Не забываются встречи с такими людьми, они согревают душу и пробуждают совесть.

“Засадный полк” им. Егора Гайдара

Ещё раз хочу повторить: не верю я в отговорки, что маститые учёные, а тем более новая генерация политиков добросовестно заблуждались в правильности избранного курса реформ. Знали достаточно многое и хорошо понимали пагубность принимаемых решений. Но элементарная трусливость – одних, желание выслужиться – других действовали на всех остальных, колеблющихся и не желающих думать, как нервно-паралитический газ. Для крупных советских учёных западные источники информации были доступны почти всегда, другое дело – действовали достаточно жёсткие идеологические ограничения на применение современных немарксистских теорий в экономической практике. Те же ограничения распространялись на теоретическое наследие отечественных экономистов. Провозглашённая КПСС в середине восьмидесятых годов гласность и демократизация общественной жизни открыла все шлюзы. И что же выяснилось? Из творческих разработок зарубежных специалистов мы восприняли не то, что сами считали ценным для проведения реформ, а стали раболепно следовать советам неведомо откуда появившихся американских центров. С их весьма “специфическими” политическими, идеологическими и, как всегда, меркантильными интересами.

Ни Ельцина, ни его окружение, я уже не говорю о российских спецслужбах, почему-то не встревожило, что везде торчали уши ЦРУ и госдепа США. Именно так России была навязана рыночная ортодоксия, на основе которой правительство внедрило удобную странам “золотого миллиарда” модель периферийной рыночной экономики образца первой половины девятнадцатого века. Решение было принято келейно, узкой группой несведущих людей, и как теперь стало очевидным, в их собственных интересах. **Тем не менее, я убеждён, “тайная вечеря” могла не состояться, прояви российские учёные единство, волю и, если хотите, гражданское мужество в отстаивании консолидированной позиции.**

Как выяснилось, общей-то позиции и не было. Собственные интересы, амбиции и желание продемонстрировать свою лояльность новым руководителям страны оказались весомее долга. Последние, добившись цели, “щедро отблагодарили” академиков за примерное поведение – сделали вид, что те просто не существуют, предоставив им возможность в полудрёме доживать век в стенах своих институтов и кафедр. Нет их сегодня в окружении Д. Медведева, ни один из бывших “знаменосцев” не был приглашён в феврале к В. Путину на обсуждение возможной модели развития страны до 2020 года.

В обойме правительства всё тот же, несколько деформированный временем и потрепанный оппонентами за неудачные реформы, “засадный полк” им. Е. Гайдара из числа повзрослевших реформаторов первого призыва, вместе с бессменным “дядькой” российского неолиберализма Е. Ясиным. Все прошедшие годы гвардейцы “серого кардинала” были на виду, к месту и не к месту подавали голос, напоминая о себе, а жёсткой критики не то что не замечали, они её высокомерно игнорировали. Чувствовалась нешуточная убежденность в своём мессианском предназначении, тем более лидеры, Гайдар и Чубайс, **истинные творцы русского экономического краха**, были всегда рядом. Ни для кого же не являлось тайной, что реальные рычаги управления экономической реформой, даже в период вынужденной отставки, всегда находились в их руках. В аппаратах правительства и президента на всех ключевых постах находились идейно и организационно близкие им люди.

А вот Сергей Глазьев в списках “команды” никогда не значился, поэтому нет его и сегодня среди “яйцеголовых”. Ему-то уж там самое место. Для чистоты эксперимента, чтобы здравомыслящие люди не обвинили снова доверенных лиц правительства в **чужебесии**. Но премьер не счёл нужным привлечь к совместной работе нового академика РАН России, вероятно, за отсутствием у него “правильных” мыслей. И поделом, каждый еретик должен знать своё место.

Будем откровенны, читатель, вам интересно знать, чем закончится работа экспертов, о которой взахлёб сообщили все средства массовой информации? Мне, честно признаюсь, нет! Ничего нового, увы, не услышим. Да и цель создания группы состоит не в разработке очередной концепции развития или корректировке ныне существующей “Стратегии-2020”, а в подготовке для правительства предложений по узловым проблемам экономики. Они хотят обсудить, по признанию её руководителя Владимира Мау – **“развилки экономической политики”**.

Во всех смыслах любопытное интервью дал Владимир Мау газете “Коммерсантъ”. Всё-таки искренность – большая редкость в наше время. Оказываются, сподвижники Егора Тимуровича крайне встревожены высоким качеством государственного реагирования на кризис 2008 года, который не смог разрастись, как положено, и потому не сыграл исторической роли “санитара леса”. В итоге не успевшая, к сожалению, окончательно развалиться экономика России оказалась в ловушке, выход из которой возможен, но только за отдельную плату. К тому же, отечественные олигархи, ну не пройды ли, быстро смекнули, что совсем не обязательно вести бизнес эффективно. Важно быть большими и единственными, а главное, близкими к правительству, и тогда будет представлена возможность безнаказанно шантажировать государство, а если называть вещи своими именами, выставлять его регулярно на “бабки”. Что они и сделали, не без удовольствия для себя и для руководства государства. Они-то, бедные, голову сломали от дум, не зная, как страну раскулачить и с какого бока подступиться к заначке, помещённой на хранение в банки США по просьбе их Минфина. Такие высокие отношения между заклятыми друзьями были явлены миру в трудные для Америки времена, просто диву даёшься. А почему бы и нет, у нас с экономикой почти всё в порядке, да и украсть могут. Народишко-то пошёл подлый и вороватый! А то, что друг Барак поспешил заверить мир о своей солидарности с Японией в их притязаниях на Курильские острова, так это отголоски холодной войны, и не более того. В общем, краткосрочные итоги кризиса – плохи и опасны. Прописанные правительством “антибиотики” симптомы болезни приглушили, но она никуда не ушла. Нужно что-то делать, и политическая элита должна принять ответственное решение.

А чем, “застучали мне мысли по темечку”, не довольно “правлящее” экспертное сообщество? Нынешняя экономика России – прямой результат их, без преувеличения, титанических интеллектуальных и организационных усилий. Здесь не нужна генетическая экспертиза – этот уродец с огромным ртом на водянистой голове и маленькими рахитичными ножками и есть ваш вождь-деленный капитализм в его олигархической форме, со всеми генетическими отклонениями от нормы. Что, не нравится? Взгляните внимательно ещё раз, если до сих пор не сделали, на адресатов получения финансовой помощи государства и на состав основных акционеров корпораций. Изучение родословной оффшорной российской “аристократии”, смею заверить вас – вещь зани-

мательная, будит мысль, особенно если наложить список бенефициаров на состав членов правительства. Уточняя, должна будить мысль у спецслужб, отвечающих за безопасность государства. Но, подозреваю, ничто не способно нарушить их покой, пока руководители государства, не желая будить лихо, на всё закрывают глаза. Это же такая мелочь, когда до 70% крупных производственных активов, находящихся в собственности олигархов и составляющих основу российской экономики, принадлежат компаниям, зарегистрированным в офшорах, и де-юре управляются из-за рубежа. Поэтому все процедуры продажи, слияния и раздела промышленности России происходят вне её юрисдикции.

Дорогой мой читатель, тебе всё понятно? Ты по своей неосторожности живёшь в стране, не имеющей собственной экономики. Где зарегистрированы предприятия, формально принадлежащие государству, тема отдельного исследования. Меня давно мучает вопрос, кто же материально оплатит такой заказ? Ведь это театр абсурда, когда Президент страны мечет молнии после теракта, грозно намечает очередных стрелочников для расправы и вдруг в недоумении разводит руками. Оказывается, никто не ведаёт, кому же принадлежит самый крупный в стране аэропорт Домодедово. Мне очень понравилось в этот момент выражение лиц руководителей правоохранительных органов, они были совершенно искренни в своём недоумении. И правда, кто же он, счастливчик? Что, святая простота? Сомневаюсь. Классический случай, когда незнание лучше знания. Безопаснее. Поэтому последнее их сообщение, что основных акционеров установить не удалось, лично у меня не вызвало удивления. Сложно с закрытыми глазами распутывать офшорные шарады. Мы так стремимся, “задрать штаны”, попасть в клуб стран “золотого миллиарда”, но поверьте, страждущие, там и близко нет такой дикости. С нашим-то сегоднешним свиным рылом да в калашный ряд! Охолонитесь, господа!

А пока поговорим о делах скучных, теоретических. Что делать, но без них никуда. Увы, не оригинален Мау, выделяя два варианта возможной социально-экономической политики, о которых до хрипоты спорят в научных кругах чуть ли не весь XX век. Вынужден кратко остановиться на этой дихотомии, хорошо известной любознательным студентам по курсу истории экономических теорий, потому как выводы им делаются более чем странные. **Первый вариант** имеет прямое отношение к посткейнсианской теории, где государство является одним из важнейших игроков в экономике и под планированием понимается не что иное, как достижение рациональности в масштабе общества. Высшие органы представительной и исполнительной власти определяют приоритеты развития, концентрируют на них финансовый и политический ресурс, создают финансовую систему и контролируют её работу. И, что так раздражает оппонентов, участвуют в планировании работы важнейших производственных корпораций, имеющих стратегическое значение для страны и её обороноспособности. В основе всех организационных решений лежит государственная политика формирования спроса на внутреннем рынке. **Второй вариант** предусматривает всемерное усиление частных источников роста. Они должны постепенно вытеснить государство из бизнеса. Главная же задача органов государственного управления состоит в создании максимально благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности, мотивации развития, что называется в теории стимулированием предложений товаров и услуг на рынке. **Сторонники первого варианта исходят из тезиса врождённой неустойчивости капитализма и необходимости государственного регулирования механизма экономического роста через политику цен, инвестиций и распределения доходов. Они отвергают спонтанную рыночную саморегуляцию, что логически предполагает необходимость планирования на различных уровнях ведения бизнеса. Сторонники второго варианта, к которым причисляют себя “гайдаровцы”, свято верят во внутреннюю устойчивость капитализма, его постоянное стремление к балансу при помощи всемогущей невидимой руки рынка.**

Бедный Адам Смит, думал ли он, что столько копий будет сломано об его теоретическое наследие. Тем не менее, все согласны, что расширенное воспроизводство возможно только при соблюдении строго определённых пропорций между различными отраслями общественного производства по стоимостному и натурально-вещественному составу. Потому что экономика — это

единая система, отдельные элементы которой находятся во взаимозависимости. **Различие между ними состоит в трактовке того, как достигается необходимое равновесие.** В бескомпромиссной полемике прошёл целый век, но к единому пониманию учёные мужи и практики так и не пришли. Последователи неоклассицизма на поверку оказались ничуть не меньшими догматиками и ортодоксами, чем советские специалисты по теории марксизма-ленинизма. Ведь те в борьбе за выдуманную начётчиками чистоту идейного наследия фактически отказались от основных положений диалектики и много от чего другого — полезного для познания мира. До такой сектантской глупости порой договаривались, что современные приверженцы мусульманского фундаментализма просто отдыхают.

Узость мышления и полное игнорирование практики особенно проявились в попытках современного монетаризма дополнить количественную теорию денег. Прежние теоретики, такие как Д. Юм, Д. Рикардо, Дж. Миль, рассматривали деньги как некое чисто техническое средство обмена. Современный монетаризм объявил деньги самым главным фактором экономики. Соглашаясь со старой теорией в том, что именно количество денег определяет уровень цен, они объявили стабильность денежной массы главным условием макроэкономического равновесия. В их понимании основным противоядием инфляции является соблюдение «денежного правила Фридмана», когда рост денежной массы не обгоняет увеличение производимого национального продукта. По этому сценарию и действовали российские «либералы» во власти все прошедшие годы. И хотя жизнь доказала полную абсурдность такой политики, которая не только не обеспечила экономический рост, но и не помогла справиться с инфляцией, ничего в деятельности руководства Минфина России не изменилось. Лучший, по признанию западных экспертов, «счетовод всех времён и народов» до самой своей отставки оставался непреклонным в заблуждениях. Он продолжает истово исповедовать средневековую заповедь схоластов. **“Верую, потому что абсурдно!”**

Позволю себе последний теоретический вывод, основанный на российском опыте. Рыночные отношения имманентно содержат в себе причины, порождающие диспропорции в экономике, и в наших условиях затянувшегося переходного периода они объективно резко снижают возможности инновационного развития страны. Устойчивое «торможение» в головах российских реформаторов не позволяет нам запустить механизм модернизации промышленности.

Я был вынужден внести некоторую ясность в предмет научного спора, с неизбежностью ставшего в России идеологическим. Но мы же знаем, что все идеологии не только объясняют людям их место в окружающем их мире, но и понуждают их к действию. Поэтому правоверные последователи «пророка» российского фундаментализма Е. Гайдара намерены осенью 2011 года предложить правительству и какой-то мифической, вероятно, офшорной политической элите сделать реальный выбор в пользу одного из предложенных ими вариантов экономической политики. У меня всего лишь один вопрос к Мау. Какое отношение имеет ныне действующая экономическая модель к этим двум вариантам, особенно к первому, который вы вознамерились изменить? Вероятно, вы немного перепутали Китай с Россией. Но это, как бесподобно шутили в Одессе, две большие разницы.

За время правления неолибералов вмешательство власти в экономику и общественную жизнь, против чего они беспощадно боролись, не стало меньше. Просто её усилия были сосредоточены на подавлении и демонтаже любых структур, оказавшихся в противоречии с их узколобыми понятиями о рыночных отношениях. Государство, как выяснилось, все прошедшие годы реформ работало с кпд первого парового двигателя. Поэтому у нас как не было, так и нет конкурентной среды, декларируемой социально ориентированной рыночной экономикой, и жизнь населения качественно не улучшилась. Наоборот, страна не только не вышла на заданную орбиту в новом веке, произошла вынужденная посадка в девятнадцатое столетие. Фантастика стала реальностью, благодаря либералам мы научились путешествовать во времени. Только есть одна тщательно скрываемая от публики опасность — **они не знают способа, который позволил бы всем нам вернуться назад.**

И ещё невольно напрашивается один вывод. «Саморегулирование» российской экономики вылилось в неэффективное управление производством,

оно с неизбежностью породило опасные перекосы в структуре промышленности и безумное расточительство новыми собственниками ресурсов, в том числе и трудовых. **Внедрение неоклассической концепции команды Е. Гайдара, а точнее их американских консультантов, в России закончилось крахом.**

У меня нет сомнения, что отрицательные результаты российского проекта будут подвергнуты добросовестными учёными объективному анализу, но только не нашими воинствующими догматиками. Они никогда не признаются в своём дилетантизме, и даже пример Китая, Вьетнама и, отчасти, Беларуси, несмотря на её финансовые проблемы, не устыдит эту публику. Я не хочу больше утомлять читателя своей критикой в надежде на его здравый смысл. У нас ещё будет возможность поговорить об итогах работы этой, во всех отношениях замечательной, группы специалистов.

Народная мудрость не случайно гласит, что цыплят по осени считают. Осенняя непогода не за горами, подождём. В обоснование своих предварительных выводов назову только несколько красноречивых цифр. Расчёты сделаны по паритету покупательной способности в ценах 1995 года. КНР перешла по объёму ВВП с восьмого места в 1970 году на второе после США по итогам 2010 года. Россия опустилась со второго места в 1970 году на девятое уже в 2000 году, где и пребывает до сих пор. Республика Беларусь, единственная на территории бывшего СССР, перешагнула объём ВВП 1990 года ещё несколько лет тому назад и сегодня по темпам роста уверенно выходит на докризисные показатели. Комментарии излишни, господа “доценты с кандидатами”. Лучше бы руководитель экспертной группы не печатал в “Коммерсанте” столь пространного интервью, в котором нечаянно поведал много чего, мягко говоря, спорного.

“Опыты” Монтеня и времена Ивана Грозного

Спрашивается, зачем же в таком случае премьеру понадобилась встреча с воинствующими либеральными “фундаменталистами”. Цель ясна, возразите, коль не так, но это очередной “шахматный этюд” В. Путина, дабы снять с себя, в преддверии своего возвращения в Кремль, совершенно необоснованные, более того, оскорбительные для него обвинения в измене святым принципам либерализма. Что могу сказать – рядовая, понятная всем операция пропагандистского прикрытия очередного политического хода. Поверьте, Владимир Владимирович, “заклятые друзья” из демократического лагеря не сомневаются в вашей преданности безумию девяностых годов. Вы лично всё сделали для того, чтобы узаконить его. Можно было даже не выступать на торжественном концерте по случаю юбилея Б. Ельцина. Ваш лик в политике России и без того навеки спаян с его именем и делами. Кто для матери истории более ценен?

Хотя сами Вы, Владимир Владимирович, полагаю, догадываетесь, что развить творчески модель реформы экономики страны, навязанной ей Е. Гайдаром, невозможно. **Она бесплодна, как мул.** И вообще, совершенно напрасно позволили втянуть себя в либеральные игры. Для этой, некогда великой, вдохновлявшей народы идеологии, ныне находящейся на излёте, нет у нас почвы, и никогда, позволю заметить, не было. Об этом, конечно, можно и нужно сожалеть, но и только. Если использовать специфическую терминологию чтимого вами Бориса Николаевича, такая вот историческая “загогулина”, понимаешь, получилась.

Но это к слову. “Каждому – своё”, – как говорят любимые вами немцы. Задумайтесь вместе с Дмитрием Анатольевичем, когда в Сочи так ловко спускаетесь на горных лыжах по лучшей в мире трассе, почему нам неведом в долгой истории России ни один созидательный государственный муж или мыслитель, имя которого с трепетом произносили бы либералы всего мира. За исключением, конечно, наших современников: М. Горбачёва, пришедшего, как недавно выяснилось, дать нам волю, большого любителя работать с документами Б. Ельцина, Е. Гайдара и, разумеется, Андрея Сахарова, превращённого стараниями предприимчивой жёнушки в культовую фигуру сопротивления советскому тоталитаризму. Отвлекаясь, должен заметить, весьма успешный был идеологический и коммерческий проект с участием КГБ.

На Западе же, начиная с эпохи Возрождения, на устах миллионов остаются имена десятков философов и выдающихся политиков, исповедовавших верховенство закона как основу общественного договора, провозгласивших естественные неотъемлемые права человека и гуманизм как нравственную основу бытия. Представьте себе, Монтень писал свои знаменитые “Опыты” ещё в эпоху правления Ивана Грозного. Неважно, что эти декларации, ставшие потом основой буржуазных конституций, постоянно нарушались и до сих пор несовершенны в повседневной жизни. **Со всеми отклонениями от нормы, они в течение почти двух веков действовали как мощные тенденции, выражающие волю народов.** Это самое главное. Назовите мне какой-либо период в истории России, когда торжествовал бы Его Величество закон, а не “революционная” целесообразность в её различных пролетарско-буржуазных вариантах. Надеюсь, вы с президентом здраво оцениваете весь ужас того бесправия, в котором оказался народ теперь уже в годы вашего с ним правления.

“Декларированная” монаршей волей диктатура закона в условиях криминального беспредела и нескрываемого сращивания правоохранительных органов с уголовным миром – это ничто иное, как самое настоящее издевательство над идеей правового государства и попрание нравственных основ жизни и без того большого общества. Поэтому не нужно пенять на советское прошлое и наследие сталинизма.

Эти дешёвые уловки, слава Богу, уже не работают. Посмотрите, как бледно выглядят ваши уполномоченные Сванидзе и Млечин, заполонившие собой телевизионный эфир. Уточняю, они работают, но только против вас. Особенно, когда вместо реального дела вы начинаете с энергией, достойной лучшего применения, воевать с прошлым, искажать историю советского периода, подгоняя её под свои политические интересы. Не нужно оскорблять память миллионов пока ещё живых бывших граждан СССР, знавших то время не понаслышке. Каждый раз мучаюсь одним и тем же вопросом: неужели руководителям страны больше заняться нечем?

Впрочем, мне понятна причина такого ожесточения – исторический период, связанный с вашей политической деятельностью, господа, **лишь жалкая белёсая тень великой и трагической советской эпохи**, и иногда, не без внутреннего сопротивления, вы это осознаёте. Что ты будешь делать, никак мне не удаётся уйти от морализаторства. И всё-таки закончу свою мысль. Я серьёзно подозреваю, что труды ваши не будут зачтены, и “благодарные” российские либералы не поставят вам памятник в славном городе Петербурге. Сталин, чуть не сняв скальп с народа, вытащил его из средневековья в XX век и грамотного отправил в космос. Вы негодуете: дескать, дорогой ценой дались нам победы. Согласен. Не дёшево. Жизнь человеческая бесценна. Кто же, не потеряв совести, способен оспорить эту правду, но по прошествии двадцати лет мы уже можем оценить, во что вылилось втаптывание под вашим руководством того же народа, но уже в болото XIX века. Жаль, чертовски жаль потерянного из-за вас страны времени.

Непростительная “безответственность” Мардохея Леви

Но вернёмся, в последний раз, к нашим учёным мужам, многие из которых продолжают упорно настаивать, что, мол, не понимали они тогда стратегии Запада, политики ТНК, их кровной заинтересованности в недопущении на мировой рынок новых конкурентов и подчинения менее развитых стран своим интересам. Согласитесь, какая-то странная форма недомыслия, по сути, они расписываются в собственной профессиональной несостоятельности. Но не тут-то было. Чтобы не поставить под сомнение свою образованность, дружно решили возложить вину на Мардохея Леви, более известного в мире, как Карл Маркс. Не глупый, явно, был потомок юриста, раввинов и фарисеев, если до сих пор некоторые умники пробуют прикрывать его именем своё невежество. Это он, сам того не ведая, внёс путаницу в незрелые умы советских политэкономов, написав “безответственно” в предисловии к первому тому “Капитала”, что “*страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего*” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 23, с. 9). И он был абсолютно прав, этот мавр, ибо писал, анализируя фак-

ты **начала капиталистической эры** полуторавековой давности. Бедный Маркс! Видит еврейский Бог, ему и в голову не могло прийти, что через полтора века в далёкой заснеженной стране явно переохладившиеся на морозе **“толкователи”** его пророчеств будут такими догматиками. Нет, что ни говорите, не зря они, вместе с Энгельсом, недолюбливали, мягко говоря, Россию и называли её Татарией. Это был абсолютно чуждый для них, рафинированных детей Европы, мир, заселённый, как им казалось, далёкими от цивилизации дикими племенами, унаследовавшими ужасную и гнусную школу монгольского рабства, от которого им никогда не избавиться. Не изменим принципу объективности – дикости в те времена и впрямь хватало на просторах империи, но не более, чем в самой Европе.

Тем не менее, русские **“провинились”** во многом из-за Михаила Бакунина, высокородного дворянина из Тверской губернии, известнейшего не только в России, но и во всей Европе борца с самодержавием, человека умного, не просто мужественного, а отчаянного до безрассудства, за которым многие годы гонялась вся царская охранка. Пройдя увлечение различными революционными теориями и последовательно оставаясь сторонником анархизма, он не верил в светлое коммунистическое будущее человечества по Марксу, правильно понимая, что до тех пор, пока существует государство, насилие неизбежно. Всегда будут управляющие и управляемые, как бы они ни назывались, и конфликта между ними не избежать. А в России же революция возможна, хотя это явно противоречило основным постулатам нарождавшегося в те годы ортодоксального **“вечно живого учения”**, но только в союзе рабочего класса, которому нужно было ещё появиться с развитием капиталистических отношений, с крестьянством, составлявшим основное население империи. Мне возразить нечего, прозорлив был Бакунин, а природа человека и на самом деле неизменна. Не будем же мы отрицать наше порочное стремление к власти и особенно к богатству, чему ярким примером стали дорогие соотечественники на излёте СССР и в прошедшие два десятилетия.

Карла Маркса русский бунтовщик увидел впервые в 1844 году в Париже и, как многие, сразу попал под магнетическое влияние этого незаурядного человека. Иначе и быть не могло – эрудит, логик, отчаянный спорщик, прекрасный знаток экономических учений, в которых, признавался позднее Бакунин, он мало тогда разбирался. Просто фанатичная убеждённость его, тогда ещё двадцатилетнего молодого человека, в правоте своих идей не могла не вызывать уважения. Но со временем, приглядевшись к Марксу, он пришёл к выводу, что Господь, так щедро дав ему многие таланты, явно сэкономил на душевных качествах. Будущий вождь мирового пролетариата, где бы ни появлялся, тотчас начинал интриговать, был склонен и болезненно самолюбив. И, неспешно разобравшись в его теоретических изысканиях, найдя изъяны, Бакунин стал публично подвергать их сомнению, отстаивая собственные взгляды на перспективы революционного развития в России. На мятежном дворянине матушка природа тоже не отдохнула – хорошо образованный теоретик анархизма, знавший основные европейские языки, он всю жизнь оставался классическим русским националистом. Маркс, рано почувствовавший себя классиком, и не без основания, болезненно переживал критику красноречивого и яростного борца с самодержавием. Однажды, в пылу полемики, за кружкой хорошего немецкого пива, он имел неосторожность весьма оскорбительно отозваться о русских, за что и пострадал. Бакунин незамедлительно устроил ему основательную трёпку и вышвырнул из облюбованного для дискуссий трактира. Любезного друга Ф. Энгельса, который постоянно выручал того из различных передряг, на сей раз, рядом не оказалось. И хорошо, иначе бы досталось обоим. Неистовый дворянин, по свидетельству современников, обладал недюжинной физической мощью, и порой этот фактор, под воздействием горячительных напитков, был решающим. Как показала жизнь, часто в принципиальных спорах будущие классики и не ставшие таковыми **были вынуждены считаться не столь с силой аргумента, сколь с аргументом силы.**

Не простив обиды, Маркс и неразлучный с ним Энгельс стали распространять повсюду слухи о связях Бакунина с царской охранкой, желая его дискредитировать и сделать изгоем в среде русских революционеров. В эту чушь никто, разумеется, не поверил, и возмущение поведением знаменитого **“тандема”** было всеобщим. Негодованию же Бакунина, человека чести и долга, не было предела. С той поры основоположники марксизма избегали посещать

общественные места, если их противник находился где-то рядом, и вся их нешуточная полемика по вопросам теории и практики революционного движения переместилась на страницы газет и журналов. Это было настоящее пиршество интеллекта, злой иронии, замешенной на оскорблённом самолюбии и достоинстве. В выражениях властители дум не стеснялись. Полагаю, что хорошо известная по остроте “полемичность” В. И. Ленина порождена не только бескомпромиссной политической борьбой и прямо-таки южным темпераментом лидера большевиков. Он в оригинале штудировал опубликованные труды и публицистическое наследие классиков, и ему нравился их литературный стиль. Жаль, что не всё тогда было доступно, иначе, прочитав ранние философские работы Маркса, обратил бы внимание на его предупреждение об опасных последствиях преждевременного обобществления капиталистической собственности. Прошу читателя извинить меня за вольное отступление от темы. Увлёкся. Нельзя же к волнующим нас проблемам относиться слишком серьёзно и писать о них флегматично и суконным языком. С ума от безысходности можно сойти. Все великие теории создавались людьми дерзновенными, страстными, ошибающимися. Помните, у того же К. Маркса: “ничто человеческое мне не чуждо”. Поразительно, он не лукавил. **Поэтому его идеи, наполненные энергией жизни, увлекали массы. Они и до сих пор вызывают у нас, не потерявших способности думать, желание понять и поспорить.**

Возвращаясь снова к “Капиталу” и не прощая порой нескрываемого русофобства автору, вынужден защитить его от навета. Он был великим учёным и не мог себе позволить писать о том, чего не знал или не мог знать. Капитализм неожиданно проявил удивительную жизнестойкость и в XX веке начал эволюционировать, тем самым на неопределённое время продлил свой исторический срок. В том есть и “вина” СССР с его социалистическим способом производства и новым общественным укладом. Конфликт с советской цивилизацией заставил правящий класс западных стран изменить социальную политику. Иначе заручиться поддержкой “низов” в защите ценностей общества потребления в эпоху “мирного” соревнования двух систем было бы невозможно. Реальная угроза народного бунта оказывает порой просветляющее воздействие на умы политиков, понуждая их искать социальный компромисс: увы, но только не российских.

Наша академическая наука почему-то не заметила, что захват развитыми странами в прошлом веке рынков и источников природных ресурсов создал новую социально-экономическую и политическую модель межгосударственных отношений. Богатые государства резко ушли вперёд от так называемого третьего мира. Им доставалось всё больше и больше дешёвого сырья. Научно-техническая революция мощно работала только на них. **Привычная однородность капиталистического мира ушла в прошлое, настало время его многообразия.** Тенденция, еле заметная в конце девятнадцатого века, стала правилом, а затем неперемennым условием выживания в усложняющемся мире.

Всё произошедшее – логично. Сохранение темпов экономического развития и неизмеримо возросшего уровня жизни населения невозможно без гарантированной обеспеченности ресурсами. Доступ к ним сохраняется лишь путём искусственного торможения развития других стран, которым остаётся 20%, а оставшиеся 80% потребляют “избранные”. В этой политике, как никогда, проявилась природа капитализма, где удовлетворение своих потребностей и интересов человеком ли, корпорацией или страной – норма поведения. **Способ выживания один – за счёт других.** Суть звериная, но капитализм не для “нервных” – это удел сильных и жестоких. Наряду с насильственным и несправедливым распределением ресурсов, асимметрично, по Дж. Стиглицу, используется важнейший информационный ресурс. Поэтому для развивающихся стран был написан и настоятельно рекомендован тот зачитанный до дыр российскими приготовишками злополучный “экономикс”, который лауреат Нобелевской премии, **“наш”** В. Леонтьев язвительно назвал примитивной шпаргалкой. В ней при всех случаях экономического недопомогания предписывается один и тот же “спасительный” набор лекарств: денационализация, децентрализация, дерегулирование, демонетизация, деиндустриализация и дезинтеграция. Как просто всё, оказывается! Только за смерть большого консалтинга не отвечают.

Вдумаемся, однако, что в этой связи говорил ещё одно мировой корифей – И. Валлерстайн. Ему принадлежат признанные научным сообществом

новые понятия: научно-технологически развитые страны – “центр или ядро” мирового капитализма, а отсталые страны – его периферия. **Он утверждает, что отсталость нельзя понимать, как “неразвитость”, это следствие мирового процесса, ведущего к сознательному установлению взаимозависимости между ядром и периферией. Дальнейшее разделение труда в планетарном масштабе приведёт не к росту национальных экономик, как утверждали сторонники теории развития, а к устойчивой деградации и консервации бедных стран.** Что в этом предельно ясно сформулированном выводе, в основу которого положен анализ мировой экономики и политики прошлого века, вызывает сомнение? Не вписывается в святцы неолиберализма?

Да, свободный рынок с формальным равенством сторон существует, но это фантом, видимость. На самом деле выигрывают только высокоразвитые страны. Почему? Всё просто – в их руках все рычаги управления, а гарантом является НАТО. Никакого провидения! Предельно обыденно, до обидного. Нельзя понять и простить другое. Когда эти знания стали достоянием многих в России, патентованные Кремлём специалисты сделали вид, что они всё равно ничего не знают и знать не хотят. И даже если написанное “еретиком” и иже с ним, правда, то для России ничего не меняется.

А теперь сделаем некоторые выводы, имеющие прямое отношение к советскому прошлому и современности, почему реформы проводились так, а не иначе. Развитому, как мы выяснили, не является функцией той или иной системы, капиталистической или социалистической. **Это состояние в значительной степени определяется положением страны в мировом разделении труда.** Многие страны, допустим, в Латинской Америке, за исключением Кубы, всегда были капиталистическими, и никакая коммунистическая система власти не мешала их развитию, но они прозябали. Современный Китай, Вьетнам, находясь под “пятой” коммунистов, на глазах изумлённого мира преобразуют экономику и жизнь людей. Кто сегодня рискнёт назвать Китай периферией?

СССР, являясь почти полвека второй сверхдержавой в военном отношении, тоже не был в классическом понимании периферией, в том числе и в экономике, но ему все успехи давались значительно сложнее. В противостоянии Западу, подерживая государства Восточной Европы и борясь за влияние в странах третьего мира, наше правительство подрывало непосильными тратами свои возможности для внутренних инвестиций в народное хозяйство и социальную сферу.

Рыночная экономика с догматически понимаемой теорией “невидимой руки”, как выяснилось, не спасательный круг в руках не умеющего плавать, она не содержит в себе гарантированного Божественным Проведением потенциала развития. Современная Россия – тому убедительный пример. До тех пор, пока мы будем заложниками чужих интересов, корыстной безответственности национальной элиты и собственного равнодушия к своей судьбе, наш удел сырьевой периферии не изменится никогда. Потому что Рубикон в разрушении наукоёмкого производства пройден. ВПК, где было сосредоточено наше технологическое будущее, пущен под нож, а это, на всякий случай, 74% всех промышленных предприятий страны, объединённых ранее многолетними кооперационными связями. Уместно напомнить для любознательных, что экспорт высокотехнологичной готовой продукции в ценах 1989 года составлял до 20 миллиардов долларов.

При нынешнем режиме даже частично уже не восстановить былой мощи оборонного комплекса, а значит, не видать нам ни современной Армии, ни Флота. Правительство под благовидным предлогом интереса к техническим новинкам начинает закупать в странах НАТО некоторые устаревшие виды вооружения. Более того, электронная начинка сложных боевых систем давно уже не производится в России. Головопяпство, скажете? Ничуть. Безысходность, если за ней не стоит нечто большее – умысел. Но правящая элита менять что-либо в политике не собирается. Вероятно, “верховные жрецы” не позволяют. Нельзя же высокопарные заявления главы государства, являющиеся не чем иным, как операцией идеологического прикрытия полной управленческой беспомощности, принимать всерьёз. Тем более, за прошедшие годы власть умудрилась, между делом, ликвидировать все стимулы для производительного труда.

Кстати, многие из бывших советских граждан, как ни странно, до сих пор не могут понять истинных причин “обнуления” промышленности. Ведь уничтожение высокотехнологичного производства проходило не только по заказу Запада. Здесь всё ясно — конкуренты! Главная причина другая — нужно было как можно быстрее разрушить трудовые коллективы — основные ячейки советского общества. **Разобщить людей, не дать им объединиться в противостоянии новой власти, подавить бедностью их волю к сопротивлению и оставить наедине с наспех сформированным враждебным социумом.** Под предлогом явно надуманной опасности возврата коммунистов к власти “реформаторы” при проведении приватизации пошли на прямой сговор с криминалом и сознательно обрушили экономику страны.

Что в итоге характеризует Россию сегодня? Научно-техническая деградация, катастрофическое старение всего производственного аппарата, потеря интереса к знаниям, снижение уровня жизни основной массы населения, недопустимый разрыв в доходах между богатыми и бедными, рост смертности и многое другое, о чём ещё пойдёт речь. Это не симптомы опасной болезни, которые можно перечислять до бесконечности, а диагноз, свидетельство страшной беды, пришедшей на землю России. Прямое следствие принятой модели развития. Как бы обидно ни звучало, но такова беспощадная реальность — **страна перешла в разряд слаборазвитых экономик периферийного капитализма, тем самым лишив себя перспективы.** Единственно, чем без устали, более того, с гордостью занимается руководство страны, так это строительством углеводородных “поток”: Северный поток, Южный, Восточный и так без конца. Словно не знают, что короткий век сырьевой экономики, а значит, не будет места в XXI веке народу, не способному прокормить себя за счёт интеллекта. Высокоразвитые страны, озабоченные выживанием, в течение последних тридцати лет внедрили новую стратегию развития. Суть её предельно проста: функции компаний, создающих прибавочную стоимость, разделяются на основные и производные. К первым относятся: разработка новых моделей товара, технологическое обновление, проектирование, программное обеспечение, маркетинг, реклама и послепродажное обслуживание реализованной продукции, то есть вычлняются операции с высокой долей интеллектуального труда. Они сосредотачиваются в головном предприятии — центре, расположенном в одной из стран “золотого миллиарда”. Производственные, сбытовые и снабженческие операции осуществляются в государствах с дешёвой рабочей силой. О чём и свидетельствует появление в России большого количества предприятий с технологией “отвёрточного производства”, а по сути, обычных сборочных цехов иностранных компаний. Ведь все комплектующие узлы и детали, за редким исключением, поставляются из-за рубежа. Руководители нашей страны любят посещать такие предприятия, и видно, как они по-детски радуются, открывая каждый раз что-то новое для себя. Интересно знать всё-таки, устраивает ли их место России в мировом разделении труда, где ей скоро будет отведена роль тупого исполнителя команд из какого-нибудь интеллектуального центра. Вопрос для раздумий, читатель.

Либерализм есть нечто призрачное...

А теперь самое время поговорить об историческом своеобразии явления, получившего в мире название Русского пути. И государства, которое уже с XVI века имело во многом автономную экономику, серьёзно влиявшую на формирование общественного уклада жизни людей, расселившихся на огромной территории. **“Пространство” России — не только географическое и экономическое понятие, это некая загадочная, метафизическая, если хотите, субстанция, во многом определившая судьбу русского народа и многих других этносов.** Оно формировало психическое состояние населения, называемое сегодня ментальностью, часто защищало страну от врагов, давало возможность государству разумно располагать промышленные комплексы, создавать эффективные зоны разделения труда, особенно в советскую эпоху. Интеграция с Западом, в той или иной степени, конечно, была, но вплоть до развала СССР мы во многом сохраняли экономическую самостоятельность. Даже во второй половине XX века, несмотря на создание СЭВ, где кооперация была обусловлена объективными потребностями развития внут-

ренного рынка социалистических стран – это всё-таки было содружество с сознательно ограниченными внешнеэкономическими связями.

Советский Союз, в условиях жёсткой конкуренции и военного противостояния двух общественно-политических систем, не считаясь с высокими производственными издержками, успешно развивал многие, в том числе и высокотехнологические отрасли современной экономики. Речь идёт, прежде всего, о космической, атомной промышленности, разработке месторождений углеводородов и, конечно, о предмете особой гордости великороссов – военно-промышленном комплексе. В отраслях, работавших на оборону, были сосредоточены огромные материальные и интеллектуальные ресурсы, которые могли стать мощным ресурсом, способным обеспечить научно-технический рывок в развитии страны. Но в 1990–2010 годы этот удивительный мир безвозвратно исчез. Россию, словно пристяжную лошадь, насильственно присоединили к глобальной экономике, с её неизбежными мировыми кризисами, подозрительно “забыв”, что разумная автономность промышленной и финансовой структуры гарантирует, как минимум, безопасность страны. Ведь внешние и внутренние угрозы в XXI веке никуда не исчезли, они, наоборот, усилились в годы Смуты.

Самодостаточность – не изобретение российских Кулибиных. **Поэтому даже в условиях глобализации, интернационализация национальных экономик развитых стран не превышает 10% от объемов внутренних рынков (так называемое десятипроцентное допущение), и только в торговле она достигает 25%.** Перекосы в развитии возникают постоянно и притом значительные, ведь экономика – живой динамичный организм, пример тому США. Но ответственные правительства, располагая исчерпывающей информацией, бдительно стоят на страже экономической, а значит, и государственной безопасности.

У меня создалось устойчивое впечатление, что российская власть забыла о необходимости таких ограничений, а скорее, просто не догадывалась об их существовании. Так будет точнее. Скажите на милость, что мог знать самый пьющий в постсоветской России бывший уральский прораб и кружившие возле него в приватизационном хороводе “бнайбритовские” мальчишки с хазарскими фамилиями о реальном состоянии дел в западных странах и законах рыночного хозяйства? На беду нашу, не дальше ушли от них и нынешние питерские любители информационных технологий.

Государство, если, конечно, оно умное, было и остаётся важнейшим фактором развития в XXI веке. Оно крупнейший собственник и полномочный регулятор правил ведения бизнеса. Почему умное, спросите. Отвечаю. Правила “игры”, устанавливаемые в экономике, должны в полной мере соответствовать уровню её развития и сложностям задач, которые предстоит решать. Прошедшее столетие доказало – по-иному экономика не работает в интересах всей нации. Хозяйствующие субъекты просто пожирают друг друга в погоне за вечно ускользающей прибылью. К. Маркс был тысячу раз прав, утверждая еще полтора века назад, что за 300% прибыли нет такого преступления, на которое не пошёл бы капиталист. Кстати, классик утверждал – мать родную капиталист готов продать и за меньший процент.

Ненасытность, алчность, эти родовые проклятия человека – вот что так невыгодно отличает нас от животного мира, где торжествует закон сохранения вида. Многие “библейские” истины, вероятно, неведомы руководителям России. Подозреваю всё-таки, неправильные книги они читали в детстве. Ничего, видимо, не изменилось и в зрелые годы, явно не то им подсовывают услужливые и своекорыстные “библиотекари”. Иначе речь В. Путина в Давосе в разгар финансового кризиса не была бы пронизана таким демонстративным либеральным пафосом, когда он с неожиданной для него страстностью стал пылко порицать “слепую веру во всемогущее государство”. Определённо высказался и против “чрезмерного” вмешательства в экономику. Более того, жёстко выговаривал мировой элите за слабость характера и отступничество: “Нельзя позволить себе скатиться к изоляционизму и безудержному эгоизму”.

Конечно, если бы советники вовремя положили на рабочие столы президента и премьеры работы одного из самых признанных современных исследователей природы капитала Пьера Розанваллона, то они смогли бы прочесть: “Либеральная утопия рыночного общества совершенно чужда капитализму”.

Ведь в его основание положен классовый прагматизм буржуазии. И она, руководствуясь исключительно выгодой, может придерживаться сегодня идеологии свободной торговли, а завтра не чуждых ей принципов протекционизма, а послезавтра – этатизма. “Совершенно бессмысленно критиковать капитализм за то, что он не следует в точности принципам либерализма”. Или ещё одно “богохульство”: “Либерализм есть нечто призрачное вдвойне”.

Я просто зримо представляю, какой неподдельный ужас вызвали бы эти слова у российской элиты. Да за такое кощунство отечественные сторонники монетаризма, не задумываясь, потащили бы еретика на костёр, но вот беда – средние века канули в Лету. Хотя о чём это я – в России исключать ничего нельзя. “Святая инквизиция”, стоящая на страже чистоты навязанной нам теории реформ, всегда готова к действию. И всё бы мы пережили, будь у нас в запасе ещё лет двадцать. Увы, отпущенное нам историческое время стремительно истекает. **Поэтому возвращение государства в состояние нормы, обеспечивающей разумную технологическую, финансово-экономическую независимость и, следовательно, национальную безопасность – не прихоть тех или иных политиков, а насущная необходимость.** В ином случае страна не сможет развиваться, осознавая свои стратегические и тактические цели.

Что же мешает нам это сделать? К сожалению, уже ставшая очевидной зависимость России от финансовой системы Запада. Впервые я сказал об этом ещё в 2004-м году на II съезде народов России, Украины и Белоруссии, прошедшем в Москве. Не может быть страна суверенной, если её элита держит свои капиталы, изъятые из экономики страны, в западных банках. В силу этого она постоянно находится в зоне их интересов, под тотальным контролем спецслужб и полностью зависит от политической воли правительств США и Евросоюза. Лояльность покупается исключительно “правильным” поведением российского истеблишмента, а в нём представлен не только крупный бизнес, но и политическое руководство страны.

В условиях, когда интересы стран “золотого миллиарда” должны быть обеспечены в любом случае, **“оффшорные” россияне не способны на внесистемное поведение.** Этого не скрывает даже Бжезинский, который ещё несколько лет тому назад с откровенной издёвкой сказал, что нужно ещё хорошо подумать, **чья** это элита, хранящая 500 млрд долларов (по последним данным, более одного триллиона) в западных банках. Руководство страны, как всегда, сделало вид, что оно выше этих оскорбительных заявлений. Что ещё остаётся делать на их месте? Деньги олигархов и высшей бюрократии, выведенные из России, а также финансы государства продолжают умело “стерилизоваться” в банках стран “золотого миллиарда” и казначейских обязательствах Минфина США. Согласитесь, разве это не эффективный метод управления “суверенной” Россией, сдерживания её спорадически пробуждающихся государственных амбиций. По сути, Россия платит ясак не только Северному Кавказу, но и Западу, и не только геополитическими интересами страны.

Уместно в этой связи ещё раз вернуться к Русскому миру и его своеобразию. В чём же особенность нашей экономики и традиционной политики государства? Мы снова обращаемся к важному для нас тезису – Россия никогда не имела своих колоний, за счёт которых развивался бы её этнический центр – в отличие от Англии, Франции и других европейских стран. Сибирь и Прибалтика таковыми не были, но по разным причинам. При освоении Средней Азии тоже не было черт классического колониализма. Но! **Была внутренняя периферия в этнокультурном ядре – Центральная Россия, Черноземье и Нечерноземье.** Это настоящая трагедия нашего государства и русской цивилизации. Именно отсюда выкачивались все ресурсы, в том числе и людские. Здесь исконно русское население подвергалось жестокой эксплуатации в пользу окраин, заселённых “инородцами”. Центральная часть России никогда не была метрополией, и в силу этого потоки ресурсов были в большей степени центробежными. **“Русский крест” берёт начало в этой безумной политике властителей Российской империи, получившей своё дальнейшее развитие после Октябрьской революции.**

Выводы напрашиваются насколько любопытные, настолько и грустные. У нас, как выяснилось по прошествии сотен лет, генетически очень слабые колониальные инстинкты. Не можем мы, хоть тресни, “по-человечески” эксплуатировать зависимые народы, как уже более 600 лет умело и с большой фантазией делают ведущие западные страны.

Беспощадно эксплуатируя русских, власть и при царях, для которых все народы империи были “дети малые”, и при коммунистах экономически и культурно подтягивала окраины, если отбросить дореволюционную демагогию социал-демократов типа: “Россия – тюрьма народов”. В этом была суть ленинской национальной политики, проводимой последовательно в СССР. В конечном итоге, такие благие намерения, как бы парадоксально это ни звучало, явились одной из причин распада советского государства. **Поизносившаяся и обедневшая Россия перестала быть привлекательной.** Совершенно очевидно, все бывшие дотационные союзные республики отпали сразу не случайно. В этом была, прежде всего, заинтересована партийная и советская национальная элита, столь любовно выпестованная КПСС за 70 лет. Радостные вопли интеллигенции, в том числе и русской, которая вследствие врождённой близорукости дальше своей кухни никогда и ничего не видит, служили шумовым сопровождением этого лавинообразного процесса. Окраины СССР кинулись, очертя голову, в свободное плавание, надеясь, что оно будет бесконечно счастливым. Не получилось. Южный Кавказ и Средняя Азия моментально погрузились в состояние классической периферии, **экономически и духовно безвозвратно ушли в Дикую Азию.** Они уже не доят Россию, как прежде, что не может нас не радовать. По крайней мере, значительно меньше, чем входящие в неё некоторые агрессивные этносы. Беда в другом: **политика “колониального” отношения центральной власти к исконно русским территориям не изменилась.** Москва и другие центры российской экономики еще в большей степени дистанцировались от внутренней периферии, которая и в новых экономических условиях никуда не делась. В отсутствие государственной политики, при монопольном диктате крупного капитала, она теперь вообще не имеет перспективы развития. Прошу заметить, ни о каком выравнивании социально-экономического развития регионов Кремль даже не заикается. В отличие от руководства СССР, всегда декларировавшего эту цель.

Основная и конечная цель любой экономической системы, независимо от форм собственности – получение и распределение прибыли. Этим, в конечном итоге, определяется особенность любого национального хозяйства, общественного устройства, роль и место различных слоев населения в социальной структуре государства. В России производство прибавочного продукта исторически носило “болезненный” характер. Причина вроде бы ясна – объективно высокие издержки при производстве единицы товара. Отсюда и стремление наших предков к освоению новых территорий, поиск нестандартных решений и дополнительных источников прибавочного продукта. Суровый климат на огромных пространствах России – ключ к пониманию многих наших проблем, так как положительный результат в труде здесь достигается сложнее, чем в “теплых” странах. Интенсификация производственного процесса не всегда способна компенсировать издержки. Попробую показать это на примере. Допустим, что в странах с южным “идеальным” климатом, Малайзии и Кипре, на создание условной единицы продукции требуется условная расчетная единица энергии. Уже в Мексике этот показатель больше в 1,6 раза, Южной Корее, Японии, Австралии, Европе от 2 до 2,5 раза, в США – в 5 раз, в обитаемой части России – в 8 раз!

Поэтому никакие масштабные иностранные инвестиции в промышленность России за Уралом, только из-за любви к “процессу”, невозможны, как бы ни заклинали об этом руководители страны. Успех ещё меньший, чем от камлания шаманов народов Крайнего Севера, просящих о милости духов, охраняющих род от несчастий и новой буржуазной власти. Высокие издержки зачастую обнуляют результат, а компенсировать их нечем. И так было всегда! Любому производству в России из-за сурового климата всегда была присуща высокая себестоимость продукции. Здесь сама жизнь требует большого расхода энергии. А энергия – это большие деньги, и потому продукт почти всегда более дорогой при прочих равных условиях. То же и с аграрным производством – мы всегда были страной с относительно минимальным объемом прибавочного продукта. Тысячу раз прав Александр Зиновьев – наша экономика, кроме сырья, мало интересовала Запад. Цель их экспансии другая – уничтожение цивилизации советско-русского типа, как альтернативной и более гуманной социальной модели развития человечества.

Но жаловаться на плохие природные условия – удел убогих и бездельников. Я убеждён, **мы имеем всё необходимое для работы и обустройства**

жизни по-человечески. Россия удобно расположилась на одиннадцати часовых поясах. На её территории представлены все климатические зоны, нет только тропической. В Европе мы занимаем 3,06 млн кв. км – 40% всей территории материка. В Азии – 13,1, или 30% её территории. Это больше любой азиатской страны. Мы с полным правом являемся и европейской, и азиатской, и тихоокеанской державой. Общая площадь сельскохозяйственных угодий более 2,2 млн кв. км, 8% всех пахотных земель в мире – наши. 51% территории – лес. Это 22% мирового лесного фонда. Мы располагаем почти всей таблицей Менделеева и 25% запасов пресной воды. **Даже усечённая Россия настолько огромна, что она не может быть частью чего-то.** Нас запугали паникёры, что ей “не повезло”, поскольку 70% её территории находится в зоне рискованного земледелия. Всё правильно, но 30%, а это почти полмиллиарда гектаров, находятся в зоне благоприятной для сельскохозяйственных работ. Земли, соотественники, достаточно, чтобы, не напрягаясь, прокормить страну. Но и на остальной территории, если с умом, можно и нужно работать. Не забудем, на всякий случай, про 55% всего мирового чернозёма, находящегося в России, а это 130 млн гектаров!

Полагаю, что климатические условия, тоже, мягко говоря, несколько драматизированы. За примером далеко ходить не надо. Канада – известная в мире житница. В провинции Саскачеван выращивают 45% всей товарной пшеницы. Среднегодовая температура здесь – 2,4 градуса тепла по Цельсию. Это, для понимания, наш город Рубцовск Алтайского края. Природные условия Новосибирской, Омской, Кемеровской и Курганской областей, а также юга Тюменской области и Красноярского края почти не отличаются от остальных зерновых провинций Канады. Длительность сельскохозяйственного периода почти одинакова, как и перепады температур. Во многих штатах Северной Америки природные проблемы те же. Штат Южная Дакота, известный производитель свинины, говядины, кукурузы, сои и пшеницы, климатом уж точно не обласкан. Никто здесь на природу не сетует – от Бога она. Просто работают с умом, дружат с наукой и развивают современную инфраструктуру. Провинцию Северная Дакота не обходят стороной дикие морозы: до –50 градусов их не удивляют, как и жара до 50 градусов. Добавьте к этому снежные бури, торнадо, наводнения – короче, весь набор природных катаклизмов. Но это не мешает ей быть крупнейшим поставщиком пшеницы твёрдых сортов, яровой пшеницы и ячменя. По климату очень напоминает Оренбургскую область, только без наводнений и торнадо.

Примеров, достойных для подражания, и у нас достаточно. Пожалуйста, в немислимых условиях Ангаро-Ленского междуречья уже во второй половине XVII века выращивали высокие урожаи пшеницы и кормили хлебом огромную территорию, вплоть до Камчатки. В наше время одна Хакасия, при хорошем хозяине, могла бы кормить всю Восточную Сибирь хлебом, овощами и фруктами. Но там сегодня плавят алюминий, а по бескрайним полям, заросшим ковылём, неприкаянно гуляет ветер. И лишь сметливые китайцы, арендуя тысячи гектаров земли и используя рабский труд местного населения, выращивают там овощи и планомерно травят ими народ, перебарщивая с минеральными удобрениями. Разумеется, при полном попустительстве местных властей.

Как мы видим, возможности увеличения посевных площадей в России огромны. Достаточно немного отъехать от Москвы, и перед вашим изумлённым взором откроется лесостепь на месте бывших колхозных земель. Посевные площади за 16 лет сократились на 40,6 млн гектаров, и процесс продолжается. О северных районах страны и говорить нечего – запустение. Вроде бы и войны не было! Но экстенсивный этап развития сельскохозяйственного производства, в любом случае, завершён. Это путь в тупик. **Выход один – развитие агрономической науки, механизация, внедрение новых технологий, снижение энергетических и трудовых затрат.** И тогда народ, при целевой поддержке государства, будет в состоянии обеспечить свою безопасность в сфере продовольствия, ныне преступно потерянную. Более того, по экспортным оценкам, Россия способна прокормить до 700 млн человек. Даже если возможности завышены в два раза, – согласитесь, каков всё-таки экспортный потенциал страны, когда мир всё больше нуждается в качественном продовольствии.

Нахожу спорным тезис, что огромные расстояния и холодный климат делают продукцию российских предприятий не способной выдер-

жать конкуренцию на мировом рынке. Если хорошенько подумать, то этот аргумент при современном уровне развития логистики несостоятелен. Он был верен в конце XIX и первой половины XX веков. Но сейчас всё изменилось. **Во-первых,** большинство наших граждан живут вне этих неблагоприятных климатических зон, составляющих около 40% занимаемой Россией территории. В северных и приравненных к ним территориях осталось чуть больше 10 млн человек, в составе которых коренные народы и те, кто добывает сырьё. Природные кладовые требуют постоянного присутствия людей, если страна собирается жить дальше. **Во-вторых,** высокие технологии значительно снизили себестоимость изделий и сделали рентабельными их производство в самых отдалённых уголках земного шара. Примеров таких более чем достаточно: Япония, Китай, ставший мастерской мира, “азиатские тигры”. Большинство из них “с колёс” потребляют сырьё со всего света и в те же края отправляют произведённую продукцию, и не разоряются. А это десятки тысяч километров по морю, суше и воздуху. В условиях состоявшейся “плановой” деиндустриализации в США и Европе, за исключением, пожалуй, ФРГ, наличия дешёвой рабочей силы в Индокитае и появления новых технологий большие расстояния уже не являются непреодолимой помехой. Не нужно забывать, что организация производства в странах с жарким климатом требует огромных затрат на кондиционирование, ведь современное высокотехнологичное производство возможно, как правило, исключительно при заданном температурном режиме. Практика последних десятилетий убеждает: умное государство, заинтересованное в укреплении экономики, а значит, и в будущем своего народа, способно решать любые возникающие проблемы на путях развития. Многие страны, выходя из кризиса, объединяли народ политической волей власти. Пока не поздно, нужно и нам ответить на вопрос – а есть ли созидательная воля у российской власти?

Любая нормальная экономика вывозит на экспорт минимум стоимости своего производственного капитала, невозобновляемого сырья и других ресурсов. Наша модель экономики оскорбительно убога; мы продаем сырьё – в большей части углеводороды, а капитал, полученный от экспорта, оставляем на Западе. По одной простой причине – почти всё, необходимое для повседневной жизни, покупаем там. Поэтому убежден: наши разведанные гигантские запасы сырья стоимостью, примерно, в 30 триллионов долларов, и прогнозные – в пределах 140 триллионов – не способны повлиять на историческую судьбу русского народа и, прежде всего, на качество его жизни, даже в отдаленной перспективе. **Сырьевая экономика “углеводородного третьего Рима” только усугубляет экстенсивный путь развития, предельно минимизирует прибавочный продукт и консервирует архаику социальной структуры общества.** Причина банальна – денег от продажи ресурсов на всех не хватит. Даже если демагогический призыв почти забытого министра финансов А. Лившица – “делиться надо” – начнёт претворяться в жизнь партией “Единая Россия”, в чём я глубоко сомневаюсь.

“Подсечная” экономика и русский человек

Жители современной России подзабыли, что её экономика начиналась с “подсечного земледелия”. Трудолюбивые сильные люди, жившие среди лесов, которые кормили и охраняли их, были всегда ограничены в плодородных землях. Её можно было отвоевать в те времена только здесь, потому что в степях досаждали кочевники. Способ освоения новых территорий хорошо известен – лес корчевали (подсекали), а потом сжигали. На очищенной от пней и корней делянке, вспахав или взрыхлив её, сеяли пшеницу или рожь. Несколько лет урожай был богатым. Как только почва истощалась, готовили новый участок. И так, в трудах и заботах, надрывая жилы из поколения в поколение, добывали хлеб насущный. По тем временам этот метод считался эффективным, и, главное, не было причин лить кровь в борьбе с соседями, по крайней мере, за плодородную землю. География позволяла осваивать – преимущественно вдоль рек – пригодные для жизни пространства. Тем не менее, наиболее отчаянные крестьяне, несмотря на реальную опасность попасть в татарское рабство, бежали в Поволжье, где урожайность была в разы выше, чем в московских владениях. Но плодородной земли всегда было мало, и по-

тому распахивали всё подряд. **Экстенсивный метод и психология народа-землепашца зарождались в те далёкие времена.** Природные ресурсы, их доступность позволяли на протяжении веков вести экстенсивное хозяйство, не заботясь особенно о технологиях сельскохозяйственных работ. Этим самым закладывались формы организации труда, предполагавшие беспощадную эксплуатацию ресурсов, в том числе и трудовых. Об этом и поговорим подробнее.

Неисчерпаемые возможности в использовании низкооплачиваемого и бесплатного труда были большим соблазном и для государства. В такой экономике с неизбежностью усиливалась роль административных внеэкономических методов принуждения людей к труду. Неслучайно со второй половины XIX века, в период становления капитализма в России, и до 1917 года на фабриках были невыносимые условия труда, и, разумеется, царская власть не брезговала каторжными работами. Исключительно для монархистов и либеральной интеллигенции, проливших столько слёз об утраченной счастливой и сытой жизни при царе-батюшке, считаю возможным привести свидетельство человека, мнение которого сложно поставить под сомнение. “Взглянешь на фабрику, где-нибудь в захолустье. И тихо и смирно, но если взглянуть вовнутрь, какое непроходимое невежество хозяев, тупой эгоизм, какое безнадежное состояние рабочих, дрязги, водка, вши”. И далее: “Фабрика. 1000 рабочих. Ночь. Сторож бьёт в доску. Масса труда. Масса страдающей — и всё это для ничтожества, владеющего фабрикой”. Не правда ли, мрачная картина, полная безысходность. Полагаю, у Антона Павловича Чехова не было оснований заниматься очернительством. Политикой не баловался, социальные заказы от всевозможных революционеров не получал. Не принято было в его кругу.

В Советском Союзе, признаемся, фантазии прибавилось — трудовые армии имени тов. Троцкого, недоброй памяти ГУЛАГ, в 50–80-е годы — советская армия и всесоюзные ударные комсомольские стройки. **Увы, говоря словами неистового Дантона, это правда, горькая правда!** В краткосрочной перспективе, когда ручной труд был ещё приемлем, уменьшение затрат на подготовку и оплату труда и усиление эксплуатации трудящихся давали большой результат, чем долговременные вложения в технологии. Тем не менее, никакие исторические особенности советского периода, связанные с ликвидацией разрухи после гражданской войны, индустриализацией, перенапряжением сил народа во имя победы в годы Великой Отечественной войны и послевоенных пятилеток, не оправдывают политики, проводившейся многие годы правительством социалистического государства уже в иное время. Многие станвятся понятным, если поставить перед собой задачу понять её истинные причины. **Нужно честно признать, что в первые годы советской власти по-другому не умели, да и не хотели.**

Другая причина тоже понятна — мужественное преодоление трудностей, жертвенное служение коммунистической идее было неотъемлемой частью официальной идеологии. Страдания, пережитые отцами в годы лихолетья гражданской и Великой Отечественной войн, о правды в а ли, по мнению руководителей страны, высокую цену, которую приходилось платить новым поколениям в настоящем. Героизм, способность к самопожертвованию становились примером для подражания молодёжи, входящей в жизнь. Они предрекали блестящее будущее детям и внукам и, что очень важно, **величии Державе.** Нужно совсем не иметь мозгов, чтобы не признавать очевидный факт — патриотизм, как метод воспитания в СССР, эффективно работал пять десятилетий. Ирония и уж тем более сарказм современных вождей российской “демократии” в этой связи просто неуместны. Другое дело, нельзя же было вечно злоупотреблять максимализмом юношества, его романтическим восприятием мира. Мальчики имеют свойство быстро взрослеть и начинают другими глазами смотреть на окружающую действительность. Они начинают понимать, что старшие товарищи довольно бесцеремонно использовали их энтузиазм, “души прекрасные порывы”, прикрывая зачастую самоотверженностью молодых собственный непрофессионализм в управлении экономикой страны. И даже когда в Советском Союзе уже могли себе позволить работать по-другому, всесильная и донельзя обленившаяся номенклатура, безразличная по отношению к истинным интересам народа, не спешила расстаться со сложившимися идеологическими и управленческими стереотипами. **Инерционность мышления способна обесценить**

любые знания, опыт и деформировать волю не только конкретного человека, но и всей политической системы. Яркое тому свидетельство – строительство БАМа в 80-е годы прошлого века, где снова был искусственно востребован героизм советской молодёжи. Как вдохновенно и красиво трудились ребята, уверенные в том, что, раздвигая своими руками тайгу и проходя мостами и тоннелями реки и скалы, они прорубают для себя и любимой страны дорогу в будущее. Я имел честь знать этих замечательных парней и девочек и видел результаты их труда! Комсомол тогда в который раз доказал всем своё право на моральное и политическое лидерство, и не только среди молодёжи. Смею заверить нынешних краснобаев, охотно принимающих любые предложения власти по “упорядочиванию” процедуры выборов, имитаторы в комсомольских лидерах долго не задерживались. Делом нужно было доказывать своё право быть руководителем, и спрос зачастую был более жёстким, чем на партийном бюро. Не ведали мы в те годы, что эта великая стройка будет лебединой песней легендарной организации и последней в экономике отчаянным рывком социалистического государства уйти от гибели. Не ушли. Новой же власти такой мощный и авторитетный союз молодёжи был не нужен, более того, он был для неё опасен своими корнями, проросшими сквозь все поколения советских людей. Б. Ельцин и его окружение, где обитало немало перебежчиков из бывших “наших”, прекрасно это понимали.

Настороженность к комсомолу пришла в семидесятые годы, когда Генеральным секретарём ЦК КПСС был Л. И. Брежнев. Он сам и члены политического руководства страны хорошо запомнили хватку и решительность двух бывших первых секретарей ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина и В. Е. Семичастного во время отлучения Н. Хрущёва от власти. Боялись, что лидеры молодёжи могут настойчиво попросить “поручить”, тем более потребность в омоложении руководства партией и страной в середине 70-х годов была очевидной. Вынужден опять принести извинения, но я несколько отвлёкся от темы стоимости труда в современной России, где ничего к лучшему в процессе реформ не изменилось. Труд по-прежнему недооценен, если не сказать всей правды. Только проблемы значительно усилились, потому что вместе с промышленностью бездумно разрушили и с умом отлаженную в СССР систему подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, даже для предприятий военно-промышленного комплекса, где были созданы интеллектуальные и технологические центры развития. А создаваемые в стране с участием иностранцев совместные сборочные производства заведомо не требуют высокой квалификации работников, а значит, там нет и соответствующей оплаты.

Официальная идеология государства, разумеется, из лучших побуждений, в отличие от нынешней власти с её полным равнодушием к судьбе “подлого люда”, **идеализировала русского, а затем и советского человека**, наделяя его всевозможными достоинствами, выдавая иногда желаемое за действительность. С позиций имперского государства, мыслящего категориями вечности, это было, в основном, правильно, не противоречило принципам державного строительства и национальной политики правящей партии. Но любое преувеличение всегда искажает истину, а уж когда это касается понимания природы человека, то здесь нужно быть чрезвычайно осторожным, не теряя чувства меры. Иначе власть, неожиданно для себя, начинает говорить со “своими” гражданами на разных языках и вдруг с удивлением не узнаёт тех, от чьего имени она правит. А возникшее непонимание всегда чревато общественными потрясениями. Человечество в своём становлении проходит очень сложный и во многом противоречивый путь. Природа превращения племени в народность, а затем в нацию до сих пор является предметом ожесточённых научных споров, осложнённых политическими амбициями правящих классов и элит. **Поэтому знать свой народ, его историю, особенности менталитета, понимать условия и причины, породившие это своеобразие – непереносимое условие ответственной государственной политики.**

Русский крест Петра Столыпина и “Бесы” Фёдора Достоевского

Мы обязаны знать реальную историю своего народа ещё и потому, что от неё не спрятаться за каменными редутами с бойницами и колючей проволокой и противотанковыми “ежами” на подходах к элитным посёлкам, вырос-

шим под Москвой и на берегах Невы. Она настойчиво стучится в стальные двери и закрытые от солнечного света правды ставни коттеджей, воплотивших давнюю купеческую мечту: мой дом — моя крепость. И главное, возвращается к нам в образе современников, таких разных, неузнаваемых, а порой **опасно непредсказуемых**. Всему этому есть объяснение. Испокон веков основная часть русских жила под угрозой голода, который не уходил никогда с земли нашей. Утверждения о сытой жизни народа до рокового 1917 года — настолько откровенная и циничная ложь, что даже опровергать её не имеет смысла. **Не ведали покоя наши предки**. Донимали их бесконечными набегами, вплоть до XVII века, кочевые племёна Дикой степи, жившие грабежами. Смута, природные катаклизмы — всего не перечислишь. Только во второй половине XIX века в исторических хрониках отмечены неурожаи 1879, 1880, 1883 годов. В 1891—92 гг. голодали 16 губерний Европейской части России, в том числе: Казанская, Самарская, Тамбовская, Нижегородская и Воронежская. Бедствовало более 35 млн человек. Подлинные данные о погибших неизвестны, но историки ведут речь о двух миллионах. В это же самое время знатный урожай хлебов был на Северном Кавказе, в южных, малороссийских и новороссийских губерниях. Но никто из царских властей, да и церковных иерархов, не вмешался в трагедию, не явил милость страждущим. Его величество частный интерес и в те годы был превыше всего. Хлеб из России хорошо торговался в Европе. Та же беда по отдельным регионам была и в начале XX века, вплоть до 1917 года. А дальше всё повторилось с трагической закономерностью. 1917—1922, 1932—1933, 1941—1947 гг. Государство уже было социалистическое, но в силу разных причин, в том числе и “рукотворных”, не могло предотвратить трагедию.

Каждый раз наиболее бедствующими оказывались исконно русские территории — эти губернии, за исключением белорусских, соответствовали Московскому царству времён Ивана Грозного. Огромная нехватка земли в центральном регионе порождала здесь бедность, голод и чрезмерно низкую оплату труда сельских работников. Задумайтесь, 70% — избыточное население. По всей России в 1913 году — 20%, или 32 млн человек, не могли найти работу. Это к стенаниям творческой интеллигенции о процветающей России, которую мы потеряли. Нужны были реформы, и они были предложены А. Столыпиным. Правда, для начала потребовалось привести взбунтовавшееся общество в чувство. Православные русские крестьяне, составлявшие в те годы большинство народа, вполне обоснованно считались традиционной опорой самодержавия. Но революция 1905 года открыла глаза многим идеалистам на реальность, которую столетиями старались не замечать. Религиозность не помешала селянам с удовольствием “прогуляться” с вилами по помещичьим землевладениям. Многие усадьбы сожгли, ещё больше разграбили. Стало ясно: не решённый до конца крестьянский, а точнее, аграрный вопрос может серьёзно повлиять на судьбу империи. Опасность была не шуточной. В 1906—1907 гг. от революционного террора погибли 4126 и ранены 4552 представителей власти. Последующие два года принесли новые жертвы. Боевые отряды эсеров совершили ещё 20 тысяч террористических актов и экспроприаций, в ходе которых погибло и ранено 7600 человек. Настоящая охота началась и на премьер-министра. П. А. Столыпин пережил 10 покушений. Погибло 30 человек, в том числе беременная женщина, случайно оказавшаяся рядом с домом, где проходил обычный приём посетителей. Серьёзные ранения получили маленькая дочка и подросток-сын премьера. Правительство не дрогнуло. По приговорам военно-полевых и военно-окружных судов казнили свыше 2800 осуждённых. 26 тысяч политических преступников были отправлены на каторгу, 17102 — в ссылку и 1909 — подверглись административной высылке из больших городов.

Массовый террор всегда свидетельствует о серьёзном кризисе нации и власти. Что же являло собой российское общество во второй половине XIX века? Нынешние придворные историки, слаще морковки в жизни не едавшие, создают такую благостную картинку того предреволюционного времени, что, право, от умиления слезу пролить хочется. Но что-то не плачется. **Эпоха первоначального накопления капитала у психически здоровых людей не может вызывать радостных чувств. Слишком откровенно проявляется звериная суть в поведении человека, и ничтошеньки от Создателя.** Вздуродженное, страшное в своей нетерпеливости, лишённое

земли и всяческих гражданских чувств **средневековое крестьянство. Разложившееся** от многолетней паразитической жизни без высоких побудительных мотивов **дворянство**. И, конечно, **разночинцы**, как, впрочем, вся революционно настроенная **русская интеллигенция** с её бесподобной способностью спорить, никого не убеждая, и мечтать двадцать четыре часа в сутки о свободе, равенстве и братстве. Всё-таки поразительный народец – интеллектуалы, с экзальтированной любовью ко всем ненавистникам России. Насквозь безответственные либералы, западники – они оперировали в бесконечных дискуссиях высокими категориями, но все их глубокомысленные рассуждения и выводы в конечном итоге оказывались русофобскими, направленными против исторической России и национального самоопределения её народа. **Эти настроения стали настоящей питательной средой для народовольцев, эсеров и прочих любителей решать свои и общественные проблемы ценой чужой жизни.** Не случайно роман “Бесы” Ф. М. Достоевского вызвал глухое раздражение у всей **“читающей”** публики России. Негодованию **“революционеров”** и **им сочувствующих** не было предела.

Несколько лет тому назад Анатолий Чубайс, один из перевоплотившихся в новой жизни разночинцев, тоже признался в своей ненависти к Фёдору Михайловичу. Понятное дело, кому же хочется видеть своё истинное лицо. Все они на излёте XIX века мыслили себя героями, их тайная жизнь была окружена романтическим ореолом, им истово поклонялись готовые на всё утончённые девушки из аристократических семей. Поразительно, но ни один деспот, террорист или обычный криминальный авторитет из современной жизни не был обделён любовью **таких** женщин. Что-то есть в таком влечении глубоко ненормальное, болезненное, порочное. Тоже, кстати, явный показатель психически пограничного состояния определённой части общества, и довольно значительной. Интересно знать, что думают по этому поводу патентованные врачи и современные “инженеры душ человеческих”.

Не пройдёт и четверти века, и наследники “бесов” зальют кровью всю Россию. Но это будет потом. А в начале века революционную волну 1905 года удалось встречным “палом” сбить, хотя экономические и политические проблемы остались, они не рассосались сами собой, как благодушно рассчитывали в окружении царя. П. А. Столыпин был вынужден спешить, прекрасно понимая, что наделить землёй всех 100 млн крестьян невозможно, и только экономические преобразования смогут создать стимулы для развития промышленности, где и будет востребована избыточная на селе рабочая сила. Иначе социальный взрыв неминуем.

В первые годы поддержки его усилий со стороны Николая II была безусловной. 12 августа 1906 года он издаёт указ о передаче Крестьянскому банку сельскохозяйственных земель, принадлежащих семье Романовых; 27 августа – о продаже казённых земель; 19 сентября – о продаже крестьянам земель на Алтае, находившихся в собственности самого царя; 5 октября – об уравнении крестьян со всеми гражданами в правах на государственную и военную службу и учёбу; 19 октября – о разрешении Крестьянскому банку давать ссуды крестьянам под залог надельной земли. Тем самым признавалась личная собственность на землю, которую крестьяне получили в 1861 году в общинную собственность. И, наконец, 9 ноября появился исторический для России указ о раскрепощении общины. Крестьянам предоставлялось право выхода из общины со своим земельным наделом без её согласия. Община, веками помогавшая всем “миром” выживать в условиях северной страны и различных природных и общественных катаклизмов, стала тормозом в период капиталистического развития страны.

Я не случайно перечислил нормативные акты и последовательность их появления. Пётр Столыпин был убеждён, что экономические реформы необходимы именно во время революционного брожения для устранения накопившихся противоречий. Он успел создать правовые предпосылки – шлюзы были открыты, экономика начинала постепенно работать по-другому. До революций 1917 года из общины успела выйти почти треть крестьян-домохозяев, и возникло не менее 200 тысяч хуторов с 22% общинной земли, 33 тысячи кооперативных союзов с 11 миллионами членов. Создавались различные формы земледелия, рождалась столь необходимая для развития рыночная конкурентная среда. К августу 1914 года крестьяне выкупили более половины помещичьей земли, а большую часть, до 60%, оставшихся посевных площа-

дей взяли в аренду. Расчёты экономистов показывали, что помещики как хозяйствующий субъект перестанут играть какую-либо значимую роль в экономике села к 1920 году, за исключением, разумеется, образцовых хозяйств, ставших уже капиталистическими. Первая мировая война, в которую Россия ввязалась по глупости императора, потому что сложно как-то иначе квалифицировать это пагубное решение, разрушила все программы намеченных преобразований, которые и без того осуществлялись с большим трудом, зачастую не находя поддержки и со стороны самих крестьян, прикипевших к общине. На миру, как известно, и смерть красна.

10 мая 1907 года, выступая в Государственной Думе, премьер-министр, обращаясь к радикально настроенным оппозиционерам и социалистам, произнёс слова, ставшие для России пророческими: **“Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!”** Но через некоторое время он сделал для себя совершенно неожиданное открытие. Оказалось, что не революционеры, и уж тем более большевики, были его основными историческими противниками, с ними можно было успешно бороться путём реформ и уголовного преследования. В одной из своих статей, посвящённых анализу причин поражения революции 1905 года, В. И. Ленин честно признался, что после “решения” П. Столыпиным аграрного вопроса, никакой революции, способной изменить серьёзно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Не правда ли, первый глава советского правительства уже в молодости отличался редкой проницательностью. На пути спасительных для страны преобразований **выстроили мощные редуты сословно близкие реформатору люди – аристократия во главе с самодержцем**, у которого ревность к авторитету главы правительства заглушила инстинкт самосохранения. Монархическую “оппозицию” со всех сторон подпирали их единомышленники – крупные землевладельцы и мощный клан высшей российской бюрократии.

Революционеры всех мастей могли довольно потирать руки. Вот уж поистине – корысть и глупость людская безгранична, как космос, хотя в бесконечности вселенной Альберт Эйнштейн сомневался. Проводимые структурные изменения в экономике серьёзно задевали финансовые интересы многих сильных мира сего. Земля, владельцами которой они являлись, стала падать в цене, и для них это было невосполнимой потерей. К тому же вполне обоснованными были опасения в связи с проводимым массовым переселением крестьян на Дальний Восток и в Сибирь, где посевные площади к 1914 году увеличились на 71%. В случае успеха **фермерские хозяйства сибирского региона** могли стать серьёзными конкурентами в производстве сельскохозяйственной продукции, и, прежде всего, зерна. А это, как сказали бы сегодня, валютная позиция. Тревога за будущее была не беспочвенна, объём товарного зерна, поставляемого из Сибири, резко возрастал год от года. Биржи лихорадило, на хлебном рынке менялась расстановка сил. Россия была бы не Россией, если бы жулики из высших слоёв света не нашли выход. Рука руку греет, и умело “заинтересованные” члены Кабинета министров оперативно ввели на Урале внутреннюю таможенную, изменившую ценообразование на пшеницу в пользу производителей зерна в европейской части. Дешёвое же сибирское зерно напрямик направлялось в Европу.

Противники реформ, подумав, нашли решение, которое в корне изменило ситуацию в стране. Возмутителя спокойствия, национально мыслящего и деятельного П. А. Столыпина, приехавшего в Киев на открытие памятника Александру II, первого сентября 1911 года “своевременно” застрелил на глазах повергнутой в шок публики в городском театре **Мордка Богров**, бледный черноволосый юноша с горящим взором. Из недоучившихся студентов со знанием иностранных языков, как и положено революционеру. **Чтобы другим русским неповадно было обустривать Россию.** В день казни, находясь в возбуждённом состоянии, “Митя” заявил, что, совершая убийство, он боролся, прежде всего, за благо и счастье еврейского народа. Что и требовалось доказать. Им было мало того, что делал глава правительства для улучшения их жизни в России, отменив многие правовые ограничения, которые, по его убеждению, питали революционные настроения и служили поводом для возмутительной антирусской пропаганды со стороны самого могущественного еврейского центра – в Америке. Казнь Богрова горько оплакивали **все со-**

племенники, а киевские студенты и курсистки нарядились в траур. Но пределом цинизма был ставший широко известным случай, когда еврей-мясник на Галицком базаре в Киеве предлагал посетителям его лавки купить столыпинские мозги. А на возмущённые возгласы позвать полицию ехидно отвечал: “Напрасно будете беспокоиться, полиция вам не поверит!” Он знал, что говорит, потому как в городе и во всех губерниях Малороссии жандармерия предприняла такие решительные меры для защиты евреев, каких никогда не использовала в борьбе с революционерами. И это было явным признаком слабости монархической власти, она пасовала перед наглежащим еврейским сообществом, чем те не преминули тотчас воспользоваться. Впереди алели кумачом Февраль и Октябрь 1917 года и поверженная, лишившаяся гласа Российская империя. Выстрел Богрова открыл им прямой путь в правительственные кресла всевластных народных комиссаров Совнаркома.

По воспоминаниям современников, Николай II, причисленный церковью к лику святых исключительно из политических соображений, как бы это мягче сказать, не очень огорчился случившимся. На похоронах Петра Аркадьевича, ещё пять дней находившегося в сознании после покушения, государь **не соизволили** быть. Нашлись более важные государственные дела. Оно и понятно, отношения между ними в последнее время, благодаря умелым интригам окружения, окончательно испортились. Созданная царём чрезвычайная следственная комиссия не усмотрела в действиях лиц из числа руководителей охраны, “допустивших” убийство премьер-министра, ничего, достойного наказания. Все отделались лёгким испугом. Глава жандармского ведомства генерал-лейтенант П. Г. Курлов, которого ожидала назначенная А. П. Столыпиным ревизия использования им внебюджетных средств, сделал блестящую карьеру в качестве губернатора, после февральского переворота был арестован, но быстро освобождён. Предусмотрительно сразу же уехал в Европу, где в 1923 году упокоился, не испытывая особых моральных угрызений. Полковник А. И. Спиридович, отвечавший за агентурную работу у которого Богров был на “довольствии” под агентурным именем – Аленский, вскоре получил чин генерал-майора, перебрался после революции во Францию, а после 1945 года судьба занесла его в США, где он и отошёл в мир иной в 1952 году. Этот Спиридович – один из тех, кто запустил “утку” о связях Сталина с охранкой, для чего довольно грубо сфабриковал некие документы в надежде, что его старания будут учтены при получении американского гражданства.

Судьба же Николая II, как, впрочем, и всего народа российской империи, сложилась иначе, трагически. Пройдёт несколько лет, и последний российский царь из немецкого рода, вместе с горячо любимой им семьёй, мученически примет смерть в подвале дома инженера Ипатьева в далёком уральском городе, где в дореволюционные времена промышлял грабежами и разбоем новоиспечённый глава ВЦИК Яков Свердлов, **благословивший не казнь, а убийство**. Бывший монарх уйдёт из жизни преданный, униженный и покинутый всеми, даже ближайшими родственниками, чьи интересы, часто в ущерб будущему своей страны, он так бережно и бездумно соблюдал. **Не большевики понудили его отречься от престола, но их руками был физически уничтожен основной символ великой Российской империи, её Самодержец**. Человечество уже проходило этот путь, так что ничего нового, неожиданного в том, что произошло – не было. Трагедия заключается в другом – это случилось в первой четверти XX века в нашей, как считалось, православной стране, и ничто уже не могло изменить судьбы народа, который ещё не ведал, что **и ему путь на Голгофу открыт**. Зная теперь, через какие муки довелось пройти моим соотечественникам, нет почему-то в сердце сострадания к царю-стратогостерпцу, каковым его признала церковь. Но всегда, с юных лет, искренне жалел его невинных детей, принявших страшную смерть по вине любящего, но безвольного и не очень умного отца, которого угораздило стать царём в стране, пошедшей вразнос. Но ведь эти славные девочки и мальчик были не единственные дети, сгинувшие в революционном хаосе тех безумных лет. Помним ли мы, по прошествии века, о той поистине вселенской трагедии? Сомневаюсь. Большинство населения современной России, вновь переставшее быть народом, ушло в свою бытовую скорлупу и, стыдливо затаившись, делает вид, что ничего не ведает не только об ужасах далёкого прошлого, но и настоящего.

“Кощеева игла” русской революции и ложное сознание народа

Вернёмся, тем не менее, снова в начало прошлого века. Неравномерность экономического развития в европейской части России, дававшей основную часть сельскохозяйственных товаров, была особенно ощутима в центральных районах. **Именно здесь была спрятана “кощеева игла” будущей революции.** На помещичьих землях не было изжито крепостничество, не внедрялись передовые по тем временам технологии, труд на селе был малоэффективен и плохо оплачивался. Накопившаяся энергия бунта крестьянских масс получила вновь выход в октябре 1917 года и окончательно уничтожила архаичное помещичье землевладение. В годы гражданской войны крестьяне, наконец-то получившие землю, активно поддерживали большевиков и тем самым изменили не только свою судьбу, но и судьбу всей страны. Но не забудем — русский бунт на этом не закончился.

В двадцатом веке голод, недоедание, тяжёлые бытовые условия и большая опасность погибнуть в годы войны, стали тем негативным, поистине трагедийным фоном, который оказал серьёзное влияние на формирование психических особенностей русского человека. У большинства людей на уровне подсознания сформировался определённый и устойчивый стереотип поведения, в чём-то производный от инстинкта самосохранения, характерный в разной степени и для других народов. Мой вывод основан не на социологических исследованиях, это результат личных наблюдений за поведением людей в трудовых коллективах, где я многие годы работал, в том числе и руководителем. Личное физическое и социальное выживание по негласно утвердившейся шкале ценностей стало для очень многих людей в последние двадцать лет советской власти более значимым стимулом, чем достижение общих целей и благополучие коллектива, в котором они трудились и где был определён их социальный статус.

Как вы понимаете, в годы советской власти партийной пропагандой декларировалось иное. Но в этом нет ничего необычного — все идеологии в мире, без исключения, проходят сложный, но очень похожий путь развития. Сначала в голове гения зарождается основная идея. В дальнейшем, принятая массами и усиленная наукообразием, она принимает форму систематизированного учения, объясняющего окружающий человека мир. И уже потом, при удачном стечении обстоятельств, становится важнейшей частью мировоззрения многих людей. Помните, у Ленина — идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Не забудем только, что идеология, даже самая прогрессивная, остаётся, по Энгельсу, ложным сознанием. Российские и особенно советские марксисты стыдливо обходили этот тезис, как-то не очень понимая, о чём идёт речь. Но на всякий случай, после некоторых раздумий, стали глубокомысленно относить его к буржуазным идейным учениям, признавая только за марксизмом-ленинизмом научность и потому исключительное право на владение абсолютной истиной “отныне, присно и вовеки веков”. Так и хочется сказать “Аминь”, но это было бы некорректно по отношению к классической философии и теории права, на изучение которых потратил в молодости немало сил и времени. И не зря. Но жрецы бессмертного учения, не забывая повторять на всякий случай, что все религии начинались с подмены знаний верой, упорно делали вид, что пропагандируемая ими идеология никакого отношения к теологии не имеет.

Дело в том, что все открытия и научные озарения, положенные в основу идеологий, сами относительны и потому не могут быть истиной на все времена. Процесс постижения мира бесконечен — это аксиома марксистской теории познания, а сектанты из КПСС к ней подходили избирательно, тем самым выхолащивали самое главное — творческое начало. Итог известен. Вывод сделать не столь сложно — объективная относительность, ограниченность конкретных знаний, положенных в основу какой-либо идеи, делают теорию, формирующую сознание человека, не полной, искажённо отражающей действительность, а значит — ложной. В этом смысле мы и говорим об идеологии как феномене ложного сознания. Появление профессиональных “толмачей”, переводящих сложные понятия на простой язык, в конечном итоге формализует процесс пропаганды и воспитания, превращая их в рутину.

Люди же в большинстве своём, и так было во все времена, остаются самими собой, независимо от содержания идей, которыми они руководствуются

в повседневной жизни. Многие из них хотят видеть результат своей работы или веры как можно скорее, и потому охотно начинают заниматься мифотворчеством, произвольно уходя от реальности. Это неизбежность. Такова логика развития любой идеи, положенной в основу жизни общества. Непонимание природы человека, его естественных интересов и потребностей с неотвратимостью порождает конфликт. Поэтому один лишь коллективный успех, несмотря на пресловутое общинное сознание, ссылками на которое мы слишком злоупотребляем, чтобы скрыть своё скудоумие, рассматривается индивидуумом как недостаточное условие для удовлетворения его конкретных потребностей. Особенно в зрелые годы, когда человек обременён семьёй. И самое главное, общий успех не устраняет угрозы остаться в непредвиденном случае без средств к существованию. Забота о детях и родителях, ответственность за их благополучие, что не может нас не радовать, по-прежнему очень многое значат в поведении наших соотечественников. Как мыслит среднестатистический русский: если он получит своё положенное по норме, а сверх того, но **уже за счёт всего коллектива** ещё кое-что дополнительно, то это и будет гарантией, своеобразной страховкой каждодневного риска. Крайне важно, чтобы “кое-что” перепало ему регулярно. С таким своеобразно понимаемым коллективизмом он полностью согласен.

Проблема здесь очевидна – никакая, даже очень богатая и гуманная общественная система не будет мириться с массовыми поборами. Она просто погибнет от истощения. Моё поколение ещё помнит, каким распространённым было мелкое воровство в 70–80-е годы прошлого века на советских предприятиях. “Несуны” растаскивали, как им казалось, по мелочам, не только и не столько материальные активы конкретных заводов, они растаскивали советь по своим бытовкам, обесценивая, делая бесполезным драгоценный опыт коллективной жизни. И официальная идеология ничего не могла этому асоциальному явлению противопоставить. В условиях тотального дефицита сложно убеждать рабочих и крестьян в историческом преимуществе общенародной собственности и необходимости бережного к ней отношения. Народ был психически травмирован и унижен бедностью, бесконечными, длиною, казалось, в целую жизнь, очередями в магазинах за элементарными, но столь жизненно важными вещами. Тащили подряд всё, что “плохо” лежало, не страдая особенно моральными угрызениями. Берём-то, мол, своё, кровное. И тем самым неосознанно голосовали за личную собственность, держа в уме собственность частную.

Так незаметно проросла надежда на капитализм, который уж точно, потирал возбуждённые руки обыватель, изменит жизнь к лучшему. Наивный мой народ, его, как всегда, обвели вокруг пальца. Помните мудрость русских сказок – и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало! Есть серьёзное подозрение, что в обозримом будущем уже ничего и не попадёт. **Олигархическая экономика современной России, замешенная на узаконенном воровстве и мздоимстве, подобна трупному яду, поразившему только жизнь целой страны, есть трагическое свидетельство доведённого до логического конца отчуждения личности от собственности и от результатов своего труда.** Неуверенность в справедливой оплате, боязнь за грядущий день вновь понуждает служащих, сотрудников государственных корпораций и частных фирм “шакалить”, но ещё более изощрённо и цинично, чем в советское время.

Коррупции, прежде всего, подвержена элита, которая, “накушавшись” безнаказанно всего и вдоволь, начинает неизбежно вырождаться нравственно и интеллектуально. А если всё значительно печальней, и у современных господ этих замечательных качеств не было изначально? Просто при социальном зачатии в 90-е годы произошел сбой хромосом, а население стало объектом беспощадного грабежа и эксплуатации со стороны новой касты, на глазах людей превратившейся в стаю хищников, для которых проблемы Отечества если и существуют, то лишь опосредованно, через призму своих убогих интересов. Можно с горечью признаться себе – **битва за будущее почти проиграна**, герои пали смертью храбрых, наступила безлунная ночь – время мародеров.

Государственные чиновники при Путине и Медведеве (подумайте сами, кого из них поставить на первое место) грабят на всех уровнях пресловутой “вертикали” власти просто самозабвенно. Коррупционность системы управ-

ления настолько стала очевидной, что её уже почти не замечают, с ней свыклись, сроднились и воспринимают как некую объективную реальность, данную нам свыше. А ведь это не что иное, как способ бюрократии выходить за красные флажки системы, где они социально позиционированы, и которую, в конечном итоге, призваны олицетворять. **Органы исполнительной власти — это естественная государственная монополия, располагающая эксклюзивным административным ресурсом. Бюрократия научилась (правильнее будет сказать, ей позволили) в переходный период конвертировать этот ресурс в ренту за лояльность новой власти.**

Такова, господа, немилосердная цена смирения. Правила игры установлены, они приняты большинством многомиллионной чиновничьей Вандеи. Попробуйте сегодня лишиться их возможности получения “откупного”. Мало не покажется. Сбылась всё-таки мечта Станислава Говорухина конца 80-х годов — мы вернулись в Россию Романовых, которую потеряли в 1917 году. Не сомневаюсь, этот талантливый мастер кино и состоявшийся политик, насмотревшийся вдоволь в прошедшие годы на пир во время чумы, сегодня думает иначе. Но почему-то предпочитает хранить молчание. Может, возрастные проблемы с голосом проявились, или партийная дисциплина обязывает хранить нейтралитет. Надеюсь, вооружённый. Я так мечтаю посмотреть его новый публицистический фильм с кричащим названием: **“И ТАК ТОЖЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!”** Любопытно, ещё император Николай I (1825—1855 гг.), несмотря на свое внимание к делам государства, во имя которого, по свидетельству современников, работал по 16—18 часов в сутки, скромность и спартанский образ жизни, однажды был вынужден в своём кругу с горечью признать: **“В России не ворует только один человек — это я”**. Интересно, что бы о себе сказал сегодняшний питерский дуумвират, про который в народе недобро шутят: “В России уже четыре беды: две первые — вы их хорошо знаете, а ещё — дураки и дороги”.

Я хочу развеять иллюзии тех, кто надеется, что рано или поздно высшая бюрократия, породнившаяся с олигархами всех мастей, насытится, и начнётся долгожданное возрождение страны, когда расцветут тысячами оттенков их таланты государственных мужей, денно и ночно пекущихся исключительно о благе народном. Не нужно уподобляться человеку, решившему испить студёной воды и упавшему, оступившись, в колодезь, где ему ничего не остаётся, как глядеть на мир со дна. Нынешняя власть в своих действиях абсолютно логична и последовательна. Она прекрасно понимает, что большей возможности так чудовищно быстро разбогатеть у неё не будет, им в кои веки несказанно повезло. Цены на энергоносители растут уже десять лет, и в ближайшие годы ничего не изменится, пока не заявят о себе альтернативные источники энергии, а это не за горами. Сотни миллиардов долларов ренты ежегодно, подобно манне, падают им с небес. Взять их красиво — дело профессиональной чести, это вам не на гоп-стоп сработать. Здесь голова нужна. Поэтому какие к чёрту грёзы об инновациях с их неизбежной головной болью и мизерной нормой прибыли в непредсказуемом будущем, с вечной погоней за технологическим прогрессом и борьбой с глобальными монополиями на мировом рынке, где и голову оторвать запросто могут. То ли дело — строительство спортивных и инфраструктурных объектов в Сочи или горнолыжных курортов для любителей экстремального отдыха на горных вершинах Северного Кавказа под прицельным огнём боевиков, вооружённых до зубов продажными российскими военными. Да мало ли чего народу можно ещё пообещать построить. Допустим, привести в порядок многострадальные дороги России. А что, великолепная идея и, главное, хороша на все времена. Где, в какой стране вы ещё найдёте с таким качеством, за которое никто с вас не спросит, “золотые” для бюджета автомагистрали? Нужно спешить, потому и растут нормы отката за правильные решения “уполномоченных” на то лиц о государственном финансировании высосанных из пальца проектов. **“Эффективных” менеджеров, оседлавших государство, волнует не конечная цель проектов, а их сметы.** Тем более, “на носу” 2012 год, а под президентские выборы можно **“поднять”** невиданные суммы. Технологии тщательно отработаны, они ждут своих администраторов, которые вдохнут в них жизнь. Это уже потом, когда многое станет очевидным, можно будет устами очередного либерального мыслителя уверенно заявить, что мы же предупреждали, государство — неэффективный собственник и управленец. И возразить нечего, мой читатель.

Позволю ещё несколько наблюдений о времени заката советского периода российской истории, так сильно отразившемся на психологии народа, а точнее, на её дальнейшей деформации. Индустриализация, которая закончилась лишь в 70-е годы прошлого века, создала принципиально новые базовые условия жизни страны и народа. Бытие советских людей изменилось качественно. А негатив, который появился в 80-е годы, в 50–70-е гг. был сведен до минимума и потому не задавал тон в жизни трудовых коллективов. Руководство СССР, пока было вменяемым, довольно умело и оперативно его устраняло, постоянно подстраивая систему. “Ручное управление” как исключительный метод руководства эффективно только при очень квалифицированной подстройке сложных социальных систем. В жизнь неотвратимо вступало поколение 60-х годов – оно не знало целенаправленной государственной порки, что такое постоянное недоедание, зримо уходил в прошлое коммунальный быт. Иная эпоха настоятельно требовала обновления идеологии жизни, её смыслов, не лишенных, конечно, романтизма, так как иначе юность не наступает никогда, а детство сразу переходит в вечно озабоченную зрелость. Довольно грубое искажение истории России, в том числе и полной драматизма судьбы народов в её советский период, создание по старым лекалам новых мифов о современности, вызывало у них естественное чувство протеста. Но идеи не было, а главные жрецы в Политбюро ЦК КПСС, официальные толкователи вечных “божественных” истин, в силу преклонного возраста пребывали в состоянии сумеречного сознания. Им в полудрёме грезились первые и послевоенные пятилетки, трудовой энтузиазм советской молодёжи, беззаветная вера народа в коллективную мудрость партии и, разумеется, её вождей. Сами же “небожители” не понимали уже во многом обновлённой жизни, а потому и не принимали её, они были к тому же менее грамотны, чем устремлённые к знаниям дети и внуки героев войны и труда. Такова была диалектика развития советской цивилизации. **Плоды Октябрьской революции через полвека после её победы оказались более значимыми, чем изначально предполагалось вождями большевиков, и во многом совсем другими, неожиданными и пугающими власть своей новизной.** Реальные перспективы развития государства и общества стремительно перерастали интеллектуальные способности политических руководителей СССР. Это стало заметно уже в пятидесятые годы, после ухода из жизни И. В. Сталина. Штурмовать небо они уже не могли – не хватало ни знаний, ни сил, ни воли, и с верой в идеалы юности что-то произошло у “ленинцев”... О пришедших им на смену в 80-е годы новых продолжателях “бессмертного дела” и говорить не приходится. Я имею в виду М. Горбачёва, Б. Ельцина, А. Яковлева и “примкнувшего” к ним грузинского лиса Э. Шеварднадзе, как, впрочем, и многих других, снискавших себе в веках славу Герострата...

(Окончание следует)

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

председатель ЦК КПРФ

ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ НОВОЙ ПОЛИТИКИ

Выученные уроки

Время идёт вперед, оставляя позади любые достижения и победы, жестокие схватки и великие трагедии. Вот уже 20 лет отделяют нас от событий августа 1991 года. Представители высшего советского руководства предприняли в те дни отчаянную попытку спасти СССР. Однако Запад, опиравшийся на клику Ельцина, уже тогда применил у нас технологии, названные затем “цветными” революциями. Предательская роль Горбачева позволила “оранжистам” торжествовать. Запрет КПСС вырвал стержень единого союзного государства. Уже через три месяца силы мировой реакции и местного политического отребья праздновали победу. Империализм получил колоссальную подпитку, высасывая живые соки из бывших республик СССР и стран социалистического содружества.

Жизнь преподала нам жестокий урок, и мы сделали из него самые серьезные выводы.

Партия получила урок ответственности за стабильное экономическое, социальное и политическое развитие общества и государства. К началу 1990-х годов экономика СССР оказалась в кризисе не в силу порочности социализма, а из-за политики Горбачева – волюнтаристской по форме и предательской по сути. Увы, партийные массы не успели пресечь эту разрушительную деятельность. **Коммунисты России будут помнить этот урок. Мы не повторим прежних ошибок, как не повторили их наши товарищи ни в Китае, ни на Кубе, ни во Вьетнаме. Мы сохраним победный сплав русской и социалистической идеи.**

Нами получен урок ответственности за идеологическую работу и информационную политику. В решающий момент охладить разрушительный зуд “перестройщиков” оказалось некому. На многие посты в СССР уже были продвинуты перерожденцы. Антикоммунистическая пропаганда нарастала. Население дезинформировалось. Истеричные амбиции узкого слоя выдавались в СМИ за “волю народа”. Большинство граждан, настроенных просоветски, оказались задавлено напором хорошо организованных предателей. **КПРФ твёрдо усвоила и этот урок – необходимости жёсткой борьбы с ползучей контрреволюцией.**

Важнейшие уроки преподнесла нам и отчаянная попытка спасти Советский Союз. Народ воспринял весть о создании ГКЧП как исключительно важный шаг, как глоток свежего воздуха. Полная поддержка его действиям

была обеспечена. Но, потеряв контроль над СМИ, утратив связь с массами и оглядываясь на Горбачева, представители партийно-государственного руководства оказались не способны опереться на эту колоссальную поддержку. Их колебания развязали руки “пятой колонне”, провокационным сборищам на улицах Москвы. Массовые демонстрации в поддержку Советской власти могли поставить всё на свои места. Но тогдашние товарищи уже разучились поднимать “улицу”. А мы все получили ещё один урок: **коммунисты не вправе терять рабочую хватку и готовность к прямому политическому действию.**

Боль наших сердец по утраченной Родине—СССР — не повод для бездействия. **Разбитые армии хорошо учатся, как говорил В. И. Ленин. И мы поклялись себе и своему народу: КПРФ будет возрождена! И она возродилась. Она верна Красному знамени Октября, ленинским принципам опоры на трудящихся. Мы настойчиво укрепляем и свято бережём связь партии с массами.**

Большинство может и должно побеждать

Позади у КПРФ 20 лет сопротивления. Когда над шестой частью земной суши опустилась глухая политическая ночь, мы не сдались. Всё это время мы боролись и шли вперед. Мы действовали тогда, когда другие отчаялись, когда надежды рушились, когда сеялись страх и межнациональная резня. Мы сражались за интересы державы и трудового народа, когда светлые идеалы втапывались в грязь, а из разных углов раздавалось чавканье и хрюканье деливших схваченное добро. Мы прошли через запреты, допросы и тысячи судебных процессов. Мы научились драться в обороне и побеждать на местах, выдерживать административный и информационный террор. Мы видели примеры низкого предательства и великого служения нашему делу.

Неизбежными утратами отмечен наш путь. Многих выбило прямо из строя. Только за последнее время мы потеряли выдающихся граждан страны: **Юрия Маслюкова, Виталия Севастьянова, Юлию Квицинского, Виктора Илюхина.** Но, лишаясь самых талантливых и надежных друзей, мы приобрели новых товарищей. За два предыдущих года **к нам пришли ещё 30 тысяч соратников.** Залечивая нанесенные раны, время дарило нам чувство радости за успехи социализма в **Китае и Вьетнаме,** за мужество и достоинство братской **Белоруссии,** за устоявшую **Кубу** и “покрасневшую” **Латинскую Америку.**

КПРФ не раз пытались объявить партией, “увязшей в прошлом”. Но мы шли вперед, настойчиво развенчивая ложь о советской эпохе. Наши усилия не пропали даром. По данным Левада-Центра, только 8% граждан все ещё верят в байку о том, будто в августе 1991 года победу одержала “демократическая революция, покончившая с властью КПСС”. Две трети населения России сожалеют о потере СССР, отрицательно оценивают ельцинизм. **Так думает большинство. Большинство, которое всё лучше осознаёт свои интересы. А большинство призвано побеждать!**

Настроения в обществе свидетельствуют: **наша партия не просто устояла, но и одержала важные победы в борьбе идей.** Вспомним, ведь не далеки годы, когда патриотизм объявляли прибежищем негодяев, а социализму указывали место на архивной полке. Но КПРФ уверенно продолжала нести Красное знамя с начертанными на нём словами: **справедливость, народо-власти, дружба народов, социализм.** Прошло время, и теперь уже каждый политик в России клянётся в патриотических чувствах и норовит предстать защитником социальной справедливости и русского народа.

Сквозь рутину будней измученная Россия всё внимательнее вглядывается в новые исторические горизонты. Она всё лучше понимает, что путь в будущее лежит через национально-освободительную борьбу, через социалистическую модернизацию, через торжество народо-власти и социальной справедливости. Шаг за шагом граждане осознают: нас, людей доброй воли, — большинство. А большинство должно спланировать и победить!

Вот уже двадцать лет меняются временщики у кормила власти. Меняются даже некоторые оттенки проводимой политики. Но **олигархический характер режима неизменен.** Именно поэтому “Единая Россия” не способна предложить значимую цель для объединения общества. И “Рублёвский фронт” не может скрыть этого факта. Противоречия между обществом и правящими кругами

нарастают. Люди созревают, чтобы сказать себе и своей стране: “Время пришло. Большеинство должно побеждать!” И оно непременно победит!

Россия вступает в новый период своего развития. КПРФ начинает решающий этап борьбы за народовластие и социализм. Чтобы реализовать свой “общественный проект”, патриотические силы намерены победить и овладеть рычагами государственной власти. Мы твердо знаем, как распорядимся ею. Порукой тому – наша программа действий, с которой партия вступает в предвыборную борьбу. В ней – наши обязательства перед трудящимися, перед народом России.

На выборах в Государственную Думу КПРФ имеет задачу-минимум. Но мы понимаем, что относительный успех партии не решит узловых проблем России. Программа мер, предлагаемых нами, исключительно масштабна. Она требует от нас бороться:

- за овладение полноценными властными рычагами,
- за народно-патриотическое большинство в парламенте,
- за использование полномочий президента в интересах народа и безопасности страны,
- за создание Правительства народного доверия из настоящих профессионалов и патриотов.

В союзе с другими народно-патриотическими силами мы имеем реальный шанс победить “Единую Россию”. И каждый из нас должен работать на достижение этого исторического рубежа!

Да, успех КПРФ на выборах может стать лишь началом пути к подлинному народовластию. Но начинать нужно, и как можно быстрее. Запас прочности у России иссякает. Чтобы создать фундамент нового развития, у неё есть 5–7, максимум 10 лет. Нужно настойчиво и уверенно идти вперед. Большинство может и должно побеждать!

Мы прекратим Гражданскую войну

Мы, коммунисты, хорошо понимаем всё лицемерие буржуазной избирательной системы. Еще на XIX съезде КПСС И. В. Сталин говорил, что отныне коммунисты призваны поднять знамя демократических свобод, выброшенное буржуазией. Время подтвердило его прозорливость. Разрушители Советского Союза испачкали великое слово “демократ”. Сегодня именно коммунисты ведут последовательную борьбу за демократические свободы в России. И мы будем это делать потому, что даже лукавая демократия лучше буржуазно-криминальной диктатуры. Мы будем бороться потому, что больше это сделать никому!

КПРФ за то, чтобы реальная политическая конкуренция в России сменила, наконец, диктатуру информационной иглы, денежного мешка и полицейской дубинки. Этого не достичь без слома системы тотальных фальсификаций при проведении выборов. И мы, в частности, продолжим продвижение жалобы в Европейском суде по правам человека о признании недействительными результатов выборов в Госдуму РФ IV созыва. Для рассмотрения дела нами передано более 10 тысяч документов и вещественных доказательств.

Борьбу на данном направлении предстоит только наращивать. Арсенал политических манипуляций у правящего режима сжимается. Поэтому он и дальше будет натягивать разные маски на “партию власти”, запугивать оппонентов и красть голоса на выборах. Нам предстоит игра на чужом поле, по чужим правилам и при подкупленном судье. Но мы не жалуемся. Жаловаться бессмысленно и наивно. В нашем случае победить призвана не просто партия. Победить призвана политика большинства, политика великого народа.

КПРФ готова менять ситуацию. Мы гарантируем, что рост влияния партии в обществе будет способствовать созданию открытой избирательной системы, где не будет места информационному террору, грязным технологиям и всевластию денег. Выборы станут проводиться на основе реального равенства всех участников избирательного процесса и свободного волеизъявления граждан.

Программа КПРФ гарантирует демократизацию политической системы и повышение её эффективности. Граждане обретут реальное право на

референдум. Расширятся полномочия и контрольные функции парламента. Члены Совета Федерации, главы исполнительной власти, а также народные судьи на уровне городов и районов будут избираться населением. Граждане смогут отзывать депутатов и глав любого уровня за нарушение предвыборных обещаний. В стране появится дееспособный Совет национальной безопасности и Высший интеллектуальный совет.

КПРФ гарантирует реорганизацию всей системы управления. Госаппарат станет меньше и эффективнее. Правительство народного доверия поведет беспощадную борьбу с коррупцией, законодательно предусмотрит конфискацию имущества для воров и взяточников.

Всемерное развитие получат различные формы народного самоуправления. Одной из главных его забот станет общественный контроль над работой чиновников. Это подготовит условия для становления **обновленной системы советского народовластия.**

Мы будем работать, чтобы утвердить власть большинства!

Жизнь развенчивает одну ложь за другой. Она рассеяла немало злых и живучих мифов. Наши оппоненты особенно любят миф о том, что победа КПРФ спровоцирует гражданскую войну в России. Приходит конец и этой лжи. Самый принципиальный пункт нашей программы – **о национализации олигархической собственности** – больше не пугает почти никого, вплоть до представителей среднего бизнеса. Порукой тому – результаты Народного референдума. И мы утверждаем: **только политика КПРФ может стать политикой национального примирения.**

Вялотекущей гражданской войне в России уже более двух десятилетий. Её спровоцировал не приход к власти КПРФ, а откат в капиталистическое рабство. В социально расколотом обществе всегда таится угроза гражданской войны, а Россию раскололи радикально.

Это состояние стало нашей повседневностью потому, что **бедность на уровне геноцида порождает социальную рознь**, которую не отменить законами об экстремизме.

Так происходит потому, что **торжество капитала неизбежно оборачивается межнациональными конфликтами.**

Так происходит потому, что **разгул криминала превратил Россию в одну сплошную “Кущевку”.**

Увы, у всех составляющих этой войны – у вопиющей бедности, у чудовищной преступности, у межнациональных конфликтов – есть свои жертвы. Двадцати лет правящему режиму не хватило, чтобы сгладить хотя бы одну из этих проблем. Каждая из них только набухает и кровотоцит.

Что бы ни говорили Медведев и Путин, действующая власть не может обеспечить России социальный и межнациональный мир. Даже от проблем Северного Кавказа она лишь пытается откупиться. Средства федерального бюджета, идущие в его регионы, в разы превышают финансирование остальных территорий. Но на Северном Кавказе продолжают господствовать безработица, неустроенность и насилие. Деньги федерального бюджета служат не развитию региона, а коррупционной подпитке как местных, так и московских кланов.

Олигархическое господство безостановочно порождает скрытую гражданскую войну. И потушить этот огонь власть не способна. Прекратить войну готова КПРФ, наш народно-патриотический союз. Мы дадим России общественное устройство, которое принесёт стране мир и устойчивое развитие, а гражданам – безопасность, достаток и личное достоинство.

Капитализм не стал добрее

Со времен “перестройки” наш народ уверяли, что капитализм – это и есть “цивилизованное общество”. Таков еще один рухнувший миф. Это Советский Союз диктовал ускоренные темпы социального прогресса. Под его воздействием капитал шёл на большие уступки. С устранением СССР сразу же началось широкое и повсеместное наступление на социальные права. Американский экономист **Лестер Туроу** признавался: **“Теперь, без политической угрозы социализма и экономической угрозы сильных профсоюзов, эффективная заработная плата, может быть, уже и не нужна”.** Так что моло-

дежные бунты и многочисленные акции протеста в Европе отнюдь не случайность, а прямое следствие нарастания классовой борьбы.

Отсутствие “доброй воли” глобалисты демонстрируют и во внешней политике. Трудности развития целого ряда стран они используют как повод для агрессии и вмешательства в их внутренние дела. В разных формах его испытывают Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Иран, Венесуэла, КНДР и другие. Те, кто еще не стал объектом политического шантажа или военного вторжения, страдают от механизмов неэквивалентного обмена под видом “рыночных отношений”.

Нет, главная угроза для человечества – не терроризм или стихийные бедствия. Обанкротившаяся система капитализма – вот что настойчиво воспроизводит экономические кризисы, вопиющую бедность, межнациональные конфликты, экологические проблемы, примитивную массовую культуру.

Мировая политика последних лет во многом определялась **тяжелейшим финансово-экономическим кризисом.** За счет огромных вливаний в банковскую систему олигархии удалось сгладить ситуацию. Но глубинные причины, вызывавшие кризис, никуда не исчезли. **“Шторм еще только надвигается”**, – признаёт глава Всемирного банка **Зеллик.** А уж он-то человек весьма компетентный. И паника на мировых биржах – признак постоянного ожидания нового витка кризиса.

Как США, так и Западная Европа в тревоге. За три года Италия сократит госрасходы на 45 миллиардов долларов. Саркози ещё раньше протасил программу затягивания поясов во Франции. Аналогичные меры приняты в Испании и Великобритании. Греция и Португалия вообще выглядят банкротами. Социальная дифференциация усугубляется. Массовые протесты нарастают.

Глобалисты мучительно ищут выход из кризиса. Они всё больше полагаются на прямую экспансию. **Принципы неокOLONиализма второй половины XX века теперь сочетаются с захватническими войнами, вернувшимися в наш мир из XVIII и XIX веков.** Основным объектом этой политики и стал сегодня богатый нефтью Ближний Восток.

Но стоит помнить: вашингтонский план “Большого Ближнего Востока” – лишь часть планов мирового господства. Новый глава Пентагона **Леон Панетта** заявил, что Россия, Китай, Индия и Бразилия представляют угрозу для США. И Панетта не одинок. Среди тех, кто прославился выпадами против России, известный сенатор **Джон Маккейн**, претендовавший, ни много ни мало, на пост президента США.

Ястребам в Вашингтоне есть на что опереться в своей антироссийской политике. В Соединённых Штатах до сих пор не отменена масса законов “с длинной историей”. В их числе – закон **“О порабощённых нациях”**, принятый ещё в 1959 году на фоне криков о “коммунистической угрозе”. Этот документ известен ещё как закон о расчленении России. Заявления своих политиков США подкрепляют и другим аргументом. Их военные расходы в прошлом году составили 40% от затрат оборонных ведомств всех стран планеты.

При этом нью-йоркский аналитик **Алексей Байер** со знанием дела рассуждает: **“На международной арене Россия Владимира Путина... является идеальным кандидатом № 1 взамен обезглавленной Аль-Каиды. С учетом сползания американской экономики в новую рецессию подходящий внешний враг превращается в экономическую и политическую необходимость”.**

России – новую внешнюю политику

Народ России осознал, что благоглупости горбачевской закваски давно пора отбросить. Без “фактора СССР” мировая империалистическая верхушка легко решается и на экономическую блокаду, и на открытую военную агрессию. **В этих условиях необходим основательный пересмотр российской внешнеполитической стратегии.**

Но что мы видим? За 20 лет официальная Россия так и не выработала меры противодействия безостановочному расширению НАТО. Позорным актом пособничества империалистической агрессии стал отказ наложить вето на резолюцию Совбеза ООН № 1973, открывшую путь для бомбардировок Ливии. Ратифицирован договор СНВ-3, маскирующий развернутую США гонку вооружений. Актом беспрецедентной подлости стало признание Госдумой вины на-

шей страны за мнимый расстрел польских офицеров в 1940 году в Катыни. Продолжилась практика разбазаривания российских территорий. В экономическую зону Норвегии переданы акватории, в которых наши рыбаки добывали 60% всего улова в Баренцевом море. Эта уступка немедленно активизировала Японию в вопросе о так называемых северных территориях.

Даже на начало сентября текущего года не подписанными оставались контракты на поставки для армии самого необходимого: новых истребителей, подводных лодок и стратегических ракет. Обвиняя оборонную промышленность в сумасшедшем завышении цен, “маршал Тубареткин” не спешит ответить на вопрос: если за ненужные нам “Мистрали” можно заплатить французам полтора миллиарда евро, то почему “Севмаш” должен отдавать за бесценок стратегический подводный крейсер, необходимый России, как воздух?

Делами Пушечного приказа при Иване Грозном ведало 30 человек. Спустя четыре столетия в СССР 600 специалистов вели вопросы гособоронзаказа в Главном ракетно-артиллерийском управлении (ГРАУ). Теперь же в этом управлении снова 30 человек, как в XVI веке. Какой уж тут профессионально выверенный оборонный заказ! Чиновники сделали всё, чтобы наше оружие стало дороже импортного, и теперь у них есть удобный повод, чтобы покупать его за рубежом и получать столь привычный для себя “навар”.

Российская власть не только сокращает оборонный потенциал страны, но и отталкивает наших союзников, включая ближайшего – братскую Белоруссию. **При попустительстве правительства Медведева-Путина империализм настойчиво закрепляет результаты победы Запада в “холодной войне”. Национальная безопасность России подорвана. Будущее страны под угрозой.**

На данном этапе США озабочены ведением сразу нескольких войн. Капиталистские “ястребы” заняты очередным туром борьбы за передел мира. У России есть 5–7 лет, чтобы кардинально повысить свою обороноспособность. Но чтобы использовать шанс, нужно действовать. Однако правящие круги слишком связаны с теми, кто импортирует российские энергоресурсы. Аппетиты мировой олигархии им гораздо ближе, чем интересы нашей страны и нужды народа.

Сохранение нынешнего политического режима губительно. России нужна новая власть. Правительство народного доверия сможет укрепить позиции страны на международной арене и гарантировать её суверенитет. Для этого оно будет действовать по трем направлениям.

Прежде всего, мы утвердим новые приоритеты внешней политики. Россия направит свои усилия на повышение роли ООН в мировой политике, на ограничение влияния НАТО и роспуск данного блока. Мы сделаем всё для развития добрых и равноправных отношений со странами Европы. Расширится взаимодействие с КНР, Индией, Вьетнамом и другими государствами Азии, странами Латинской Америки и Африки. Социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока позволит нарастить взаимовыгодное сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наш курс на мировой арене будет нацелен на установление справедливых отношений, на расширение числа союзников и постоянных партнёров России.

Другая задача – создание нового Союза братских народов. Ускоренная реинтеграция стран, входивших в состав СССР, будет основой наших решений по внешней политике. Началом этого процесса станет сближение России, Белоруссии, Украины и Казахстана, создание их полноценного Таможенного союза, а затем и единого экономического пространства. С притязаниями российской олигархии на белорусские предприятия будет покончено. Мы устраним все препятствия на пути создания крепкого Союзного государства Белоруссии и России.

Третья задача – это укрепление обороноспособности страны. Мы знаем: Вооруженные Силы и военно-промышленный комплекс России придется возрождать заново. И это будет сделано. Народное правительство прекратит бездумное “реформирование” армии и сокращение воинских частей, воссоздаст систему военного образования и военной науки, профинансирует достойное содержание Вооружённых Сил, закупки техники и боевую подготовку военнослужащих. Мы решительно поднимем престиж военной службы, восстановим систему патриотического воспитания и допризывной подготовки. Командный состав Армии и Флота, их семьи будут обеспечены жильем, шко-

лами, дошкольными учреждениями, домами культуры. Ветераны Вооруженных Сил будут жить достойно.

Еще в XVII веке испанский драматург Педро Кальдерон утверждал: **“Вернее побеждает тот, кто побеждает без кровопролития”**. К этому можно добавить: чтобы не оплачивать кровью народа его независимость, нужно иметь силы для отпора любому захватчику. И мы готовы проводить такую политику – **независимую, миролюбивую, защищающую страну от внешних угроз.**

Экономика роста вместо экономики скважины

После разрушения СССР Россия оказалась на штрафном круге истории. Этот этап затянулся на двадцать лет. Мир в это время переживает новый технологический рывок. Нам предстоит начать немедленное восхождение – или оказаться на самом дне.

Чтобы идти вперед, нужно хорошо понимать все трудности старта. Наша партия дала всестороннюю картину положения дел в стране и предложила меры по укреплению её безопасности. Мы не только назвали **шесть основных преступлений нынешней власти перед народом**, но и предупредили Россию о **пяти главных вызовах**. Ими стали:

- **колоссальное социальное неравенство;**
- **демографическая катастрофа;**
- **духовно-нравственная деградация;**
- **развал экономики, посаженной на сырьевую иглу;**
- **утрата обороноспособности и потеря ключевых союзников.**

Еще раз подчеркнём: **либо Россия за две пятилетки решит проблему двадцати потеранных лет, либо её сомнут. Мы, коммунисты, считаем: в течение пяти-шести лет положение дел можно изменить кардинально.** Именно на этот срок будут избраны новая Государственная Дума и президент Российской Федерации.

Время требует новой политики. Для неё нужны ясные цели, политическая воля, честная и дееспособная команда. КПРФ готова вывести Россию на старт созидания и развития. Формируя свой “проект будущего”, мы предъявили обществу те возможности, на которые станем опираться.

Фактор первый – природно-ресурсный

Природные богатства – важнейший резерв страны. Доходы от их экспорта пора не транжирить, а использовать на развитие России, в интересах людей, живущих не её просторах.

Второй фактор – экономический

СССР создал мощную экономику. Ее отдельные сектора устояли даже в условиях беспощадного уничтожения производственного потенциала. Остатки научного и промышленного могущества Советской Державы могут стать базой для новой индустриализации.

Третий фактор – морально-политический

Помогая народу раскрыть свой творческий потенциал, Советская власть обеспечила удивительный культурный и научный взлет нашей страны. Даже в тяжелейшие дни нынешней смуты Победа над фашизмом, прорыв в космос, стратегический паритет оставались предметом гордости нации. Самоуважение народа и сегодня остается залогом его готовности к новым свершениям.

Четвертый фактор – внешнеполитический

Вашингтону, разумеется, не нужна сильная и влиятельная Россия. Но на данном этапе США слишком скованы военными авантюрами, стратегией “сдерживания” Китая и внутренними проблемами.

Опираясь на эти четыре фактора, Россия может шагнуть вперед. Но сегодня у неё нет пятого и главного фактора – политической воли и национально мыслящего правительства. А, следовательно, у правящего режима нет и готовности вести страну путем преобразований. При этом болтовня о модернизации ничего всерьез не меняет.

У страны есть средства для развития, но они отправляются в западные банки. Есть природные ресурсы, но они разбазариваются и уничтожаются. Есть интеллектуальный потенциал, но он губится через “утечку умов”, разрушение школы и дебилизацию “зомби-ящиком”. **Для масштабных преобразований нужна поддержка широких народных масс. Но народ не может и не будет поддерживать олигархическую политику! Сегодня каждый обязан осознать, что без смены власти страна обречена, спасти её невозможно.**

Команда патриотических сил России предлагает обществу свою программу действий и надеется на поддержку Большинства. Курс Правительства народного доверия будет подчинен решению следующих главных задач.

1. Обеспечение национальной безопасности.

2. Переход от экономического упадка к ускоренному развитию.

3. Преодоление бедности и социальной деградации.

Решение этих задач мы намерены осуществлять по формуле **“ТРИ плюс СЕМЬ плюс ПЯТЬ”**. Три направления **Новой внешней политики** уже названы. Вместе с ними мы объявляем о семи направлениях **Новой экономической политики** и пяти **социальных приоритетах** в интересах всех граждан страны.

Новая экономическая политика КПРФ исповедует принцип: **Экономика роста вместо экономики скважины.**

1. Мы осуществим национализацию сырьевых и ряда других отраслей промышленности.

За годы приватизации и “реформ” уничтожено более двух третей промышленного потенциала страны. Пора исправлять положение. Национализация позволит сосредоточить в руках государства крупные финансовые ресурсы, направить их на восстановление экономики и решение других проблем.

В добывающей отрасли России сегодня работают 9850 предприятий. Только 416 из них – государственные. В результате прибыль олигархов в 400 с лишним раз больше того, что получает вся наша страна от эксплуатации природных ресурсов. Стоит ли удивляться, что нищих в России не убавляется, а инфраструктура разваливается на глазах.

Помимо сырьевых отраслей национализация затронет металлургию, авиастроение, машиностроение, электроэнергетику и другие базовые отрасли. Страна избавится от разрушительного господства “дикого” рынка. Будет восстановлено государственное регулирование экономической жизни, планирование основных направлений финансовой, промышленной и сельскохозяйственной политики.

2. Мы проведём новую индустриализацию страны, реализуем принцип: “Модернизация без остановок”.

Новая индустриализация будет проводиться на основе передовых достижений научно-технического прогресса. Наука вернётся во все отрасли экономики и, прежде всего, в электронику, станкостроение, приборостроение, машиностроение, авиацию, автомобилестроение, судостроение, химическую промышленность. Продукция этих отраслей вновь будет производиться в России, а не приобретаться за границей. Появятся индустриальные парки с единой экосистемой и “нулевыми выбросами”. Заработает Единая энергетическая система страны. Тарифы на электроэнергию, цены на уголь и горюче-смазочные материалы будут снижены и станут строго регулироваться. Будет сформирована система поощрений населения за покупку экологических транспортных средств и бытовой техники, других инновационных продуктов.

3. Сельское хозяйство – предмет нашей особой заботы.

КПРФ гарантирует возрождение российской деревни на основе ряда приоритетов.

Новый Земельный, Лесной и Водный кодексы закрепят собственность государства на земельные и лесные угодья, водные акватории. Земля будет безвозмездно передаваться для сельскохозяйственных целей. Земельные спекуляции прекратятся.

Господдержка сельского хозяйства будет обеспечена на уровне передовых стран. Ассигнования на его развитие составят от 10 до 15% расходной части Федерального бюджета. Диспаритет цен будет преодолен.

Правительство обеспечит восстановление крупных коллективных хозяйств. Оно проведёт техническое перевооружение сельского хозяйства, примет и профинансирует программы развития сельхозмашиностроения.

Село получит новую жизнь. Сельские жители будут обеспечены жильем, учреждениями культуры, школами, больницами и поликлиниками, детскими садами.

Продовольственная безопасность будет восстановлена. Россия не вступит в ВТО на невыгодных для себя условиях.

4. Правительство народного доверия перейдет к новой финансовой политике.

Основу банковской системы России составят созданные государственные банки, включая Внешторгбанк, Сбербанк, Стройбанк, Сельхозбанк. Они обеспечат рациональное использование финансовых ресурсов страны и эффективное денежное обращение. Государственный Сбербанк обеспечит бесплатное обслуживание граждан при оплате жилищно-коммунальных и других услуг.

Будет свернута спекулятивная банковская система, удушающая экономику непомерно высокими процентами за кредит. Сохранятся коммерческие банки, которые обеспечат услуги, стимулирующие экономическое и социальное развитие страны.

5. Правительство пересмотрит систему налогообложения.

Будет введен прогрессивный подоходный налог на граждан с освобождением бедного населения от его уплаты. Весомые льготы получат те производства, что выпускают высокотехнологичную, конкурентоспособную продукцию, направляют средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Налоги для предприятий реального сектора экономики снизятся.

6. Народное правительство обеспечит эффективное взаимодействие российской науки со сферой производства.

Правительство народного доверия сделает всё, чтобы нарастить интеллектуальный потенциал нации. Будет покончено с позорной ситуацией, когда доля продукции высоких технологий в экспорте США достигла 40%, у Германии и Японии превысила 30%, а у России уменьшилась до 0,5%. В течение первых трех лет мы увеличим финансирование отечественной науки не менее чем вдвое. Наше правительство сохранит и обеспечит развитие созданных Советской властью наукоградов. Научные центры России получают поддержку государства и станут опорой его возрождения.

Достойная оплата труда позволит поднять статус ученых. Перспективным молодым исследователям будет гарантировано жилье и другие меры поддержки и поощрения. Стипендии аспирантов и докторантов вырастут в среднем в 4 раза.

Российская наука станет участвовать в выработке всех значимых государственных решений. Будет повышено значение анализа, прогнозирования и планирования в деятельности органов власти. **Стратегия Национальной безопасности отныне** будет увязываться со **Стратегией научно-образовательных приоритетов.** Ключевые решения президента и правительства не будут приниматься без одобрения **Высшего интеллектуального совета.**

7. Наше правительство реализует комплексную программу "Покорение пространства".

КПРФ вернется к советскому опыту развития всех видов транспорта, обогатив его современными мировыми достижениями. Регулирование тарифов на перевозки снизит издержки хозяйствующих субъектов и даст гражданам свободу передвижения.

Мы возвратим в госсобственность железные дороги. Новые скоростные магистрали соединят страну, обеспечат передвижение из Владивостока в Москву за двое суток.

Разрушенная инфраструктура воздушного флота будет восстановлена. Авиастроение получит достаточный объем инвестиций. Укрупнение авиакомпаний будет вестись с перспективой монополизации данной отрасли государством. Будет создана современная региональная авиация.

Отечественные судоходные компании и судостроительные предприятия получают поддержку государства в рамках программы развития морского и речного транспорта.

Начнется энергичное строительство федеральных автомагистралей и местных дорог с современной инфраструктурой. Города получают новые системы скоростного транспорта, включая метро, легкое метро и скоростные трамваи.

В целом, в соответствии с нашей программой, объем промышленного и сельхозпроизводства в России увеличится за ближайшие пять лет вдвое, а доходы населения вырастут примерно в три раза. Правительство народного доверия покончит с вывозом нефтегазовых доходов бюджета за рубеж. Значительная часть этих средств пойдёт на кредитование экономики, целевую модернизацию и развитие предприятий. **“Экономика роста вместо экономики скважины” обеспечит устойчивое и ускоренное развитие России.**

Страна без “медвежьих углов”

Третье направление нашей политики – смена социальных приоритетов. “Социальные джунгли” уступят место обществу справедливости. Россия станет страной без “медвежьих углов”.

1. Будет принято новое социальное законодательство.

Нынешнее правительство и “Единая Россия” радикально ухудшили его всего за несколько лет. Внедряются платное образование и здравоохранение, ограничивается доступ граждан к культуре.

КПРФ готова в течение двух лет перенацелить законодательство России на удовлетворение потребностей граждан. Государство расширит сеть социальных учреждений, защитит материнство и детство, гарантирует достойную старость, позаботится об инвалидах. Безработица будет искореняться как признак капиталистической дикости. Трудящиеся восстановят свои гарантии на достойную оплату и условия труда, на отдых и оздоровление, на повышение образовательного и культурного уровня.

2. Дети и молодежь получат поддержку государства.

Основами нашей молодежной политики станут: свободный доступ к качественному образованию, предоставление работы по специальности, обеспечение молодых семей бесплатным жильем и укрепление семейных ценностей. Государство активно поддержит творчески одаренных детей и молодежь, молодых изобретателей, ученых, авторов перспективных проектов. Страна получит развитую сеть клубов, спортивных секций, творческих студий, туристических центров.

Детские пособия станут выплачиваться с учетом реальных расходов на содержание ребенка. Мы покончим с дефицитом детских дошкольных учреждений. Общество позабудет о “ювенальных технологиях” разрушения семьи. Для многодетных семей будет действовать развитая система льгот. Значительно расширятся программы организации детского оздоровительного отдыха.

Будет оказано всемерное содействие деятельности молодежных и детских объединений.

3. Наш лозунг: “Качественное образование – для всех!”

КПРФ вернёт народу величайшее завоевание Советской власти – всеобщее бесплатное образование. Вузы и школы закрываться не будут. Начнется возрождение профессионально-технического образования. Труд преподавателя и учителя станет достойно оплачиваться, его престиж – укрепляться.

Госрасходы на образование достигнут 10% от ВВП. Образовательная политика позволит осуществить программу **“От парты до звездного неба”** и другие амбициозные проекты.

Школьники будут обеспечены горячим питанием. Студенческие стипендии увеличатся, расширится число их получателей.

4. Будет укрепляться здоровье нации.

Качественное медицинское обслуживание, включая самые сложные операции, всем будет предоставляться бесплатно. Частные клиники могут существовать лишь как дополнение к полноценной государственной системе охраны здоровья. Мы восстановим службу здравоохранения на крупных производствах. Заработает программа организации неотложной медицинской помощи в сельской местности.

Средняя зарплата в здравоохранении станет выше средней по стране. Врачи высокой квалификации войдут в категорию наиболее высокооплачиваемых граждан.

В полном объеме будут восстановлены службы здоровья матери и ребенка, женские консультации, родовспоможение. Единовременное пособие на

новорожденного составит от 40 до 50 тысяч рублей. Ежемесячное пособие на ребенка станет равно его реальному прожиточному минимуму.

Государство обеспечит комплексную профилактику заболеваемости, доступность санаторно-курортного лечения и масштабную пропаганду здорового образа жизни.

Укреплению здоровья нации будет способствовать программа **“Города России”**. Особое место в ней займёт проект **“Зеленый город”** с новыми правилами землепользования, озеленением улиц, группировкой домов вокруг малых скверов.

5. Новый культурный подъём – условие возрождения России.

Народное правительство обеспечит благоприятные условия для возрождения культуры русского и всех народов России. Мы надёжно защитим нашу историю от посягательств тех, кто извращает и порочит её, ставит под сомнение подвиги прежних поколений. Телевидение и кинематограф вновь станут источником воспитания базовых моральных ценностей, чувства патриотизма и гражданской ответственности.

Важнейшим критерием оценки деятельности власти будет являться культурный расцвет страны. В кратчайшие сроки мы примем закон **“О культуре”**. Бюджетные расходы на эту сферу удвоятся в течение трёх лет. Будет усилена сохранность памятников истории. Заработают масштабные программы защиты языка и традиций русского и всех народов России, пропаганды выдающихся произведений нашей культуры.

Творческие союзы получают широкие возможности для своего развития. Будет создан Национальный общественный совет по культуре для выработки принципов и путей духовного развития страны.

Без новой культурной политики КПРФ не видит возможным и решение национального вопроса. Поэтому именно наша партия всерьёз разработала русскую тему, отвергая всякое её опoшление национализмом. Этот вопрос касается четырёх пятых населения России, а значит, опять-таки большинства. Того большинства, что обязано осознать свою особую роль – роль объединителя нашего многонационального Отечества. Для решения русского вопроса считаем, в частности, необходимыми:

- ответственную государственную политику, нацеленную на создание атмосферы дружбы народов в нашей стране;
- активное противодействие попыткам духовной агрессии против национально-культурных традиций народов России;
- наказание по всей строгости закона за любые проявления русофобии как экстремистской формы разжигания межнациональной розни;
- адекватное присутствие культуры коренных народов страны в информационной среде;
- достижение реального равенства всех народов России в области государственного управления, деловой активности и получения природной ренты;
- защиту наших соотечественников за рубежом, использование всех возможностей государственного и общественного воздействия на правящие режимы государств, где попираются их гражданские, культурные и социально-экономические права.

* * *

Мы – действуем. И мы знаем: правда – на нашей стороне. А значит, мы выправим зигзаги истории. КПРФ уверенно заявляет: наш народ достоин того, чтобы жить в великом и социалистическом Отечестве!

Общественно-политический фундамент для проведения в России новой политики создан. Наступает время превратить поддержку идей и программных установок партии в новый государственный курс Правительства народного доверия.

Наш сегодняшний лозунг: “От политической обороны – к всенародному наступлению!”

Политика большинства призвана побеждать!

И она непременно одержит победу!

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д. э. н.

НЕПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ*

Светлой памяти А. В. Сурикова

Объективные закономерности технологического и социально-экономического развития **реализуются во многом непубличными и неформальными взаимодействиями.** Это естественно: в силу самой своей природы они надежнее публичных и формально зарегулированных взаимодействий защищены от внешнего, “постороннего” влияния и уже хотя бы только поэтому являются более эффективными.

Масштабы влияния на реализацию этих объективных закономерностей со стороны неформальных взаимодействий, в том числе теневых транснациональных структур, достаточно велики. Скажем, в конце 20-х годов XX века массовое распространение конвейерного производства и мировая экономическая депрессия (вызванная неспособностью тогдашних управляющих систем справиться с монополизмом, новый уровень которого также был вызван распространением конвейера) предопределили общую потребность национальных управляющих систем в авторитарном социализме. Конкретные формы реализации этой потребности определялись особенностями национальной культуры и текущего экономического положения. В то же время понять причины формирования конкретных отношений, например, режимов Сталина, Гитлера или, скажем, Рузвельта, без учета неформального взаимодействия теневых транснациональных структур попросту нельзя.

Конспирология как попытка всеобъемлющим образом объяснить историю теневыми процессами есть медицинское свидетельство интеллектуальной импотенции. Однако та же самая конспирология является необходимым элементом изучения причин воплощения объективных общественных закономерностей именно в тех или иных конкретных формах (и, соответственно, стратегического прогнозирования). Без нее нельзя объяснить, в частности, приход к власти таких значимых для мирового развития фигур, как Гитлер, Мао Цзедун, Кеннеди, Ельцин.

Таким образом, в ее отношении в полной мере применимо высказывание, обращенное к предметам ее изучения: “Тень, знай свое место!”

---

* Данная статья представляет собой фрагмент из книги: Делягин М. “Выживет ли Россия в нерусской смуте? Кризис человечества”, недавно вышедшей в издательстве АСТ. Публикуется с любезного разрешения автора.

Дилемма глобальных финансовых структур

История знакомит нас с огромным разнообразием теневых транснациональных управляющих систем. Однако, поскольку **“в тени” действуют те же объективные исторические закономерности, что и “на свету”**, характер этих систем был и остается, в общем, отражением закономерностей, проявляющихся в деятельности публичных и формализованных управляющих структур (которые, собственно, и являются предметом изучения официальной истории).

Первоначально, в дорыночную эпоху, когда ключевые официальные управляющие структуры человечества носили религиозный характер, теневые управляющие структуры также были преимущественно религиозными (хотя свое место занимали и хозяйственные, и чисто преступные).

Однако по мере развития рыночных отношений в теневых взаимодействиях, как и в публичных, на первый план выдвигались хозяйственные, а точнее – торгово-финансовые структуры (как наиболее гибкие и наименее уязвимые). Исследователи конкретных исторических обстоятельств весьма часто признают существование Финансового (он же “Черный”, он же “Капиталистический”) интернационала, в том числе в противовес и в дополнение Коммунистическому, но по понятным причинам (как из-за его чрезмерной влияния, так и в силу вульгарного недостатка информации) стесняются его исследовать. Так, например, в лучшем исследовании феномена Гитлера¹ говорится о “Золотом” и о “Красном” Интернационалах как об одинаково реальных и бесспорных явлениях.

Ожесточенная свободная конкуренция на макрорынках вела к формированию монополии: в Европе это была семья Ротшильдов, в США – Рокфеллеры. Именно эти два клана (а со второй половины 90-х годов XX века – еще и китайские теневые сообщества) являются высшим воплощением глобальных сетевых управляющих структур². Именно они стали основой глобального правящего класса “новых кочевников”.

В эпоху, наступившую с началом Великой депрессии, когда главными субъектами исторического развития человечества (на период до краха Советского Союза) стали государства, они отвоевали значимую роль для своих собственных теневых структур – спецслужб и контролируемых ими корпораций. Однако с завершением этой эпохи “государственные” теневые структуры частью рассыпались, частью обособились от своих прежних хозяев, попав в “силовое поле” влияния основных глобальных теневых структур и вполне подчинившись ему.

Весьма существенно, что **теневые взаимодействия** (да еще и трансграничные) **по самой своей природе не регулируются формальным правом**. Поэтому трансграничные теневые структуры, испытанные временем, с одной стороны, носят семейный характер (ибо отсутствие писаного закона требует компенсации исключительно высоким уровнем доверия), а с другой стороны – в наиболее значимых для себя аспектах действуют принципиально без учета законодательства. Это не только роднит их с организованными преступными группировками, но и, более того, почти предопределяет тесное сотрудничество с ними.

Формой существования описанных финансовых трансграничных теневых структур на всем протяжении их истории было взламывание заскорузлых административных и политических границ, препятствующих свободному развитию хозяйственной деятельности (в первую очередь их собственной). Таким образом, извлекая в силу своего трансграничного характера максимальную прибыль именно из наличия указанных границ, эти структуры на протяжении всей своей истории последовательно шли к подрыву основы своего собственного существования.

По сути на всем протяжении своей истории они представляли собой инструменты интеграции человечества – столь же объективные, что и рыночные отношения, чьим проявлением в теневой сфере они являются.

¹ Фест Иоахим. Гитлер. Биография. В 2-х томах. М., “Вече”, 2007.

² Они отнюдь не “ушли в прошлое”, как кажется некоторым равно поверхностным и наивным марксистам и либералам. Достаточно вспомнить, что жесткость соперничества во второй половине 90-х и начале 2000-х годов групп Березовского и Гусинского была вызвана не только естественными межэлитарными противоречиями, но и тем, что, насколько можно судить, они представляли в России интересы различных глобальных кланов: одна – Рокфеллера, другая – Ротшильдов.

Вся история человечества в XX веке заключается в **непримиримой** в силу самой его природы **борьбе Финансового интернационала за интеграцию**, за преодоление и необратимое устранение всех экономических границ. Сначала эта борьба “на уничтожение” велась против колониальных империй (в парадоксальном союзе с разрозненными группами революционеров, а затем и с Коммунистическим Интернационалом, и со сталинским СССР), а после их краха — с обособленными от единого мирового рынка национальными государствами (в первую очередь с Советским Союзом).

Крах последнего, ставший непосредственным началом глобализации, знаменовал собой их окончательную победу — и, соответственно, выполнение, то есть исчерпание ими своей исторической миссии.

Мировая экономическая депрессия, глобальный кризис перепроизводства, вызванный загниванием глобальных монополий, представляет собой просто другое выражение исчерпанности этой исторической миссии. **Эта исчерпанность превращает их в по-настоящему реакционную, то есть противодействующую** прогрессу как **развитию, направленную на консервацию прошлого общественно-историческую силу**. Именно они являются непосредственными выразителями стремления к блокированию технологического прогресса и разделению человечества на расы глобализированных “господ”, непосредственно обслуживающего их персонала разной степени квалифицированности и излишней и потому деградированной “биомассы”, вымирающей в надежно изолированных от “чистого” мира резервациях.

Правда, полный консенсус в этом вопросе, даже в самих глобальных управляющих кланах, все еще, насколько можно судить, не достигнут, так как привычная человеческая мораль в целом еще жива даже среди их руководителей и интеллектуальных лидеров, однако давление объективной потребности исключительно велико.

Причина этой потребности заключается в сверхпроизводительности информационных технологий¹, которая делает избыточным существование значительной части человечества, в первую очередь **“среднего класса” развитых стран**. С точки зрения извлечения прибыли эти люди просто **перестают быть производящим ресурсом и становятся чистыми издержками**; соответственно, их потребление также становится **для глобальных корпораций чистыми издержками, подлежащими неукоснительному сокращению**, — особенно в условиях кризисов.

Это создает огромные экономические проблемы, связанные с потенциально существенным сжатием совокупного спроса (так как “лишние” люди постепенно сокращают свое потребление), которые, тем не менее, второстепенны по сравнению с социальными.

Квинтэссенция социальных проблем заключается в том, что существование не просто значительной, но основной части человечества становится нерентабельным.

В настоящее время видится лишь два принципиальных выхода из этой ситуации.

Если целью существования человечества остается получение прибыли (то есть оно продолжает существовать в рамках рыночной парадигмы и доминанты поведения), **главная задача, которая объективно стоит перед ним, заключается в физическом истреблении собственной нерентабельной части.**

Побочными, вспомогательными задачами является поддержание если не довольства, то хотя бы покорности уничтожаемых, а также (что не менее важно) видимости гуманизма этого процесса, чтобы непосредственно осуществляющие его менеджеры не чувствовали себя людоедами. Насколько можно судить, способом решения второй задачи как раз и является “экспорт демократии”, позволяющий возлагать на сами уничтожаемые общества ответственность (в том числе и в их собственных глазах) за все, что творят с ними глобальные корпорации и управляющие системы.

В настоящее время, насколько можно судить, никто в управляющих системах развитых стран (и тем более в глобальных управляющих системах) не намерен отказываться от наживы как смысла существования (как человечества, так и своего собственного) — и, соответственно, стихийно решается именно эта проблема.

* Разумеется, исключительно по сравнению с привычными нам индустриальными технологиями.

В разных регионах Земли в зависимости от культурных доминант сложившихся там обществ сформировались три базовые модели ее решения.

Население Африки (по этому же пути движется “Большой Ближний Восток”) **удерживается в нищете, социальном хаосе и истребляется болезнями** (начиная со СПИДа): **это путь “биологической утилизации”**¹. Его суть заключается в снижении уровня индивидуального потребления до незначительного для глобальных корпораций уровня, во многом компенсируемого за счет нелегальной коммерческой деятельности (нерегулируемых торговли оружием² и добычи природных ресурсов, наркоторговли, а также использования бандитов — например, сомалийских пиратов и нигерийских повстанцев — для корректировок глобальных процессов при помощи кризисов).

Второй путь решения описанной выше задачи — **социальная утилизация: бывший “средний класс” превращается в “людей трущоб”, поведение которых описывается уже не столько социальными, сколько биологическими закономерностями**. Это реалии Латинской Америки и, в меньшей степени, Восточной Европы, включая Россию и другие страны СНГ.

В обоих случаях потребление утилизируемого населения сводится на столь низкий уровень, что глобальные монополии не ощущают это потребление как значимый убыток или упущенную прибыль. В то же время слабость инфраструктуры (в том числе социальной) делает положение населения соответствующих регионов крайне уязвимым, и его резкое сокращение может пройти незамеченным общественностью развитого мира³.

Наиболее остро задача утилизации внезапно ставшего убыточным “среднего класса” стоит в развитых странах, где эта категория населения наиболее многочисленна и обеспечена, а значит, ставшие неоправданными для глобальных монополий расходы на него являются максимальными.

Развитая часть Европы, как обычно, **решает вставшую перед ней историческую задачу наиболее комфортным способом; в данном случае это развитие наркомании**.

Первым значимым шагом на этом пути, насколько можно судить, стало иступленная поддержка европейскими государствами (а отнюдь не только одними США) независимости Косово⁴, что де-факто означало придание государственного статуса наркоторговцам (да и в целом наиболее жестокой в Европе этнической организованной преступности).

Практически одновременное вхождение Швейцарии в Шенгенскую зону и всенародно одобренное там с 1 января 2009 года разрешение врачам выписывать героин уже через 5–7 лет неминуемо превратят ее в крупнейший наркотический центр. Это ни в коем случае не умаляет заслуженно ставшую легендарной честность швейцарских врачей: человеческие силы ограничены, и эти врачи в целом, как профессиональное сообщество, не имеют возможности сохранить эту честность, будучи поставленными под удар всей европейской наркомафии (да еще такой жестокой, как косоварская).

Наконец, третьим шагом на пути истребления европейского “среднего класса” при помощи его форсированной наркотизации представляется масштабная, проводимая Всемирной организацией здравоохранения и многими национальными правительствами кампания по распространению метадона (синтетического заменителя героина, потребляемого без риска заразиться СПИДом или гепатитом С и D). Эта кампания, по сути дела, означает физическое уничтожение наркоманов: если с героина при помощи интенсивной (и дорогостоящей) терапии можно “вернуть” примерно 30% его потребителей, то метадонный наркоман в принципе не имеет никаких шансов на излечение.

¹ Автору приходилось сталкиваться с откровенным выражением вроде бы приличными западными аналитиками неприкрытой радости по поводу эпидемии СПИДа в Африке, без которой последняя “превратилась бы в такую же демографическую бомбу, что и Ближний Восток”.

² Разумеется, сами глобальные корпорации не торгуют оружием на “черном рынке”. Но нелегальные торговцы продают именно произведенное ими оружие, обеспечивая тем самым дополнительный спрос на него и дополнительные прибыли им.

³ Как прошел незамеченным ею геноцид в Кампучии в 1975–1979 годах (в ходе которого полпотовцы истребили 30% ее населения), а в более поздние времена — геноцид в “африканской Швейцарии” Руанде, гражданская война в Таджикистане и “этническая чистка” русского населения в Чечне.

⁴ Разумеется, непосредственные, да и наиболее значимые причины этой поддержки были другими; данная причина носит по сравнению с ними второстепенный характер.

Таким образом, глобальная экономическая депрессия, ускоряя обеднение американского и европейского “среднего класса” (при том, что в США этот процесс идет значительно дольше и быстрее, чем в Европе), создает предпосылки для ускоренной утилизации нерентабельной части населения Земли. Принципиально важно, что утилизация эта будет происходить в первую очередь не столько в и без того уже нищих, сколько в первую очередь в развитых странах. Причина проста: именно они, как было отмечено выше, обладают наиболее массовым и обеспеченным (и, соответственно, наиболее затратным с точки зрения глобальных корпораций) “средним классом”.

Над конкретными механизмами “окончательного решения” (если пользоваться нацистской терминологией) вопроса его утилизации, насколько можно судить по целому ряду обсуждений и контактов в мировой аналитической среде, уже бьются лучшие умы глобального господствующего класса “новых ковчежников”.

Единственная альтернатива этой людоедской перспективе – **изменение цели, а значит, и самой парадигмы развития человечества: переход массового индивида от существования ради прибыли к существованию ради совершенствования и саморазвития.**

К сожалению, этот путь представляет собой зияющую неизвестность в прямом смысле этого слова.

Дальше всех по нему прошел Советский Союз, – но его попытка, несмотря на колоссальные достигнутые успехи (ибо “новая историческая общность людей – советский народ” все же существовала, хотя и была создана “железом и кровью”), трагически провалилась.

Сегодня механизмы и даже массовые индивидуальные (не говоря уже о коллективных) мотивы движения по этому пути остаются пугающе неопределенными. Человек в массе своей по-прежнему остается хотя и общественным, но животным, причем снижение среднего морального и интеллектуального уровня в последние два десятилетия в Европе и Америке вполне заметно. Не только способы, но и мотивы обуздания звериной части природы каждого из нас при движении к столь неопределенной цели, как “личное самосовершенствование”, непонятны.

Однако эту проблему, под грузом которой надломилась и рухнула советская цивилизация, придется решать – под страхом наступления новых “темных веков” и драматического снижения численности человечества. В ходе которого и мы, и наши дети можем умереть значительно раньше отведенного нам природой срока, а наша культура может быть полностью утрачена.

Все более ясное понимание этого пугает интеллектуальную часть развитых обществ и, в том числе, интеллектуальную часть глобальных управляющих сетей Запада. Насколько можно судить по ряду косвенных признаков, в них продолжают глубоко скрытые дискуссии о выборе между сохранением привычной мотивации при превращении в людоедов или же сохранением привычной морали при превращении в столь же пугающее либеральных интеллектуалов подобие коммунистов.

При этом **все сколь-нибудь значимые глобальные сетевые структуры, включая оба основных финансовых клана, оказались разделенными примерно пополам.** Многочисленные открытые или рассчитанные на якобы нежелательную огласку призывы к выбору людоедской альтернативы, к физическому устранению “лишней” части человечества, доступные стороннему наблюдателю и производящие на него глубокое впечатление, свидетельствуют о жесткой внутренней дискуссии, ибо адресованы к внутренним оппонентам, просто невидимым извне.

Прошлый раз подобное наблюдалось во время подготовки и начала агрессии США и их сателлитов по НАТО против Югославии в 1999 году. Тогда все управляющие и значимые политические системы Запада также были расколоты на сторонников и противников этого нападения примерно поровну, что не позволило дискуссиям вырваться за их пределы и обусловило решающее влияние внешнего (сначала американского, а затем российского коллаборационистского¹) воздействия.

---

¹ Имеется в виду дипломатическая миссия бывшего премьера Черномырдина, которая после отставки правительства Примакова показала, что российские власти не являются непримиримыми противниками натовской агрессии и не склонны защищать от нее Югославию.

Подобное **“внесистемное” разделение – признак близящегося слома старой системы управления.** Он показывает, что выбор, делаемый в ее организационных рамках, содержательно перестает укладываться в них и требует себе нового структурного выражения (которое, впрочем, так может и не быть найдено, как показывает “постюгославский” опыт западных обществ).

Впрочем, в рассматриваемом нами случае принятие решения существенно упрощается естественной склонностью финансистов к сохранению чисто рыночной мотивации: **им значительно легче стать рыночными людоедами, чем вне рыночными гуманистами** – второе будет означать для них принудительное перерождение, в то время как первое сохранит их природу, самооценку и мироощущение.

Вторым важным фактором, толкающим глобальные финансовые сети западной цивилизации к стратегической поддержке людоедства против гуманизации, представляется погружение развитой части человечества в глубокий моральный кризис, а точнее – его освобождение от пут традиционной морали, его последовательное и уверенное расчеловечивание.

Пример 1

Расчеловечивание Запада

Проявление морального кризиса современной западной цивилизации и, шире, всего человечества может наблюдать каждый из россиян, тесно соприкасающийся с экспатами¹. Как правило, одно из наиболее ярких и неожиданных впечатлений от их значительной части – **отсутствие у них внутренней, собственной морали:** они легко принимают правила игры обществ, в которые погружаются, и совершенно не стыдятся испытывать удовольствия, обычные для этих обществ, но запрещаемые их собственной моралью. Отсутствие у значительной части развитых обществ внутренней, собственной морали, которой они уверенно следовали бы без внешних институциональных подпорок, подтверждает чудовищный опыт трагедий, разыгрывающихся в районах стихийных бедствий (как, например, во время затопления Нового Орлеана в 2005 году).

Таким образом, мораль является для значительной части развитых обществ исключительно внешним, но не внутренним, институциональным, не личностным фактором стабилизации общества – и, как всякий внешний для личности фактор, она вырождается и теряет не только эффективность, но и простую адекватность.

Внутреннее освобождение личности от всякой морали, происходящее в современных развитых обществах, **делает неизбежным и ее внешнее освобождение от нее, то есть разрушение внешних институтов морали и расчеловечивание,** дегуманизацию этих обществ не только ко внешнему миру (что, в общем, уже произошло), но **и по отношению к самим себе** и к своим членам.

Вероятно, завершение процесса дегуманизации произойдет под давлением кризиса пенсионной и социальной систем развитых стран (предвестие этого красочно и вполне убедительно описал бывший спичрайтер Клинтона Кристофер Бакли в книге “День бумеранга”), который будет ставить каждого индивидуума в положение бескомпромиссного выбора между личным и коллективным благополучием² и тем самым разрушать внутреннюю солидарность соответствующих обществ.

Сетевая цивилизация

Образование неформальной глобальной управляющей сети на основе ресурсов современного Китая не просто облегчается, но и прямо диктуется самим характером китайской культуры и истории.

---

¹ Некоторое время постоянно живущие в России (обычно в связи с работой), но намеренные при этом вернуться домой представители развитых стран.

² Примерно так же, как это произошло в нашей стране в результате либеральных реформ начала 90-х годов; с развитыми обществами, таким образом, будет происходить примерно то же самое, что их управляющие системы сладострастно делали с нами.

С одной стороны, даже если не рассматривать опыт средневековых мореплавателей¹, “вскрытие” Китая колониальными державами в последней четверти XIX века, создав в нем колоссальные социальные проблемы, привело к массовой эмиграции китайцев, интенсивность которой вынудила, например, США ввести жесточайшие ограничения ради сохранения этнокультурного баланса американского общества (да и просто рабочих мест).

Способствовала эмиграции и длительная война с Японией, и гражданская война, тем более что обе сопровождались чудовищными массовыми зверствами (вроде нанкинской резни или блокады Чаньчуня), и итоговая победа коммунистов. При этом с началом экономических реформ эмиграция не наказывалась (как из демографических, так и, насколько можно понять, из стратегических соображений): скажем, семья студента, уехавшего учиться за границу и не вернувшегося, не подвергалась сколь-нибудь значимым репрессиям.

Понятно, что длительный **опыт жизни** не просто “в рассеянии”, но и **в тесной связи с зарубежной диаспорой** не просто существенно **облегчает формирование транснациональных хозяйственных сетей**, но и **предопределяет его**. В этом отношении китайцы весьма близки евреям и армянам, а скорее всего, значительно превосходят их (по крайней мере, исследователям неизвестны такие явления, как неформальные еврейские – или армянские – банки).

Даже само слово “эмигрант” на китайском языке означает не “отрезанный ломоть”, как на нашем, но, напротив, – “мост на Родину”. Таким образом, **эмиграция изначально воспринимается китайской культурой** (в том числе современной культурой управления) не как сборище потенциально опасных врагов, но **как зарубежное продолжение Китая**, как способ осуществления влияния далеко за его пределами.

С другой стороны, – во многом благодаря наработанной за столетия культуре эмиграции, – **китайское общество является сетевым по самой своей природе**, что в полной мере выражается афоризмом “Китай не огражден государственными границами; Китай там, где живут китайцы”.

Формирование эмигрантами из Китая собственных замкнутых сообществ, живущих по собственным законам и не допускающих внешнего вмешательства в свои дела, прямо предопределяет неформальность управляющих систем. Эта **неформальность общественных связей является одной из важнейших черт** не только эмигрантской, но и **всей китайской культуры**, в том числе культуры управления.

Китайская цивилизация накопила колоссальный исторический опыт именно неформальных взаимодействий и не собирается отказываться от него, ибо он является одной из ее ключевых особенностей, **одним из ее принципиальных конкурентных преимуществ**. Исторические описания даже формально непримиримых противоборств кишат эпизодами не только совместных действий вроде бы принципиально противостоящих друг другу сил, но и, что представляется даже более важным, – согласованных действий “по умолчанию”. В этих действиях ненавидящие друг друга и жестоко воюющие друг с другом стороны достигают общей цели без всяких даже теневых контактов, демонстрируя тем самым высочайший уровень взаимопонимания.

Сетевой и неформальный характер управления, свойственный китайской культуре, не только качественно повышает эффективность китайского государства (так как неформальные сети, включая даже преступные, сравнительно легко превращаются в проводников его политики), но и накладывает на него дополнительные, порою весьма обременительные обязанности.

Так, когда после обеспечения видимого успеха экономических реформ (на первом этапе заключавшихся, по сути дела, в привлечении денег эмигрантов в континентальный Китай) китайскому государству удалось обеспечить серьезное влияние на общины эмигрантов, ему, насколько можно понять, пришлось длительное время использовать это влияние отнюдь не для достижения каких-либо содержательных целей своей политики. Главной его задачей

¹ Китайские адмиралы Средневековья как минимум пересекали Индийский океан, достигая восточного побережья Африки. Правда, после того, как руководитель крупнейшей экспедиции не нашел там ничего, с его точки зрения, заслуживающего внимания (в полном соответствии с идеологической доктриной величия Срединной империи и ничтожества окружавших ее варваров), дальнейшие плавания были волевым образом прекращены, и китайская цивилизация замкнулась в искусственно созданной оболочке.

оказалось, насколько можно судить, миротворчество: недопущение резни между враждующими общинами выходцев из различных регионов континентального Китая, которые оказались соседями в различных фешенебельных районах США и некоторых других тихоокеанских стран.

Наличие разветвленных и в основном неформальных китайских глобальных сетей, как коммерческих, так и технологических и политических, **позволяет рассматривать нынешнее руководство Китая как глобальную финансовую управляющую сеть**, потенциально равнозначную Ротшильдам и Рокфеллерам, а может быть, и им обоим, вместе взятым. Практически полная непрозрачность, цивилизационные отличия, затрудняющие понимание ее образа действия и мотиваций, а также молодость (исключающая наличие даже исторических исследований ее особенностей) существенно повышают ее эффективность.

В то же время китайская глобальная финансовая управляющая сеть, выражаясь терминологией Гегеля, является таковой еще “в себе”, а не “для себя”: она **далеко не полностью осознает как свои возможности, так и ограничения, накладываемые на нее ее растущей мощью.**

Это вызвано невероятной скоростью ее развития и, в особенности, усиления. Возвышение Китая, его выход на авансцену глобальной политики был и остается стремительным, далеко опережающим все мыслимые планы. Не стоит забывать, как в середине 2000-х годов китайское руководство безуспешно пыталось снизить темпы экономического роста хотя бы до 8% во избежание “перегрева” экономики. В результате рост влияния Китая далеко обогнал возможности его управляющих структур даже не по использованию, а хотя бы по пониманию этого влияния.

Сегодняшнее китайское руководство напоминает актеров, которые, благодаря длительным титаническим усилиям прорвавшись на первый план, чтобы играть главные роли в пьесе, совершенно неожиданно для себя обнаружили, что пьеса-то не написана, и придумывать ее предстоит им самим, прямо по ходу стремительно разворачивающегося действия.

Китайские аналитики признают, что сознание **современной китайской управляющей системы в целом отстало от расширения сферы ее влияния и увеличения совокупной мощи последнего.** В результате она, влияя в ходе решения своих текущих задач на весь мир не осознаваемым ею образом, вызывает столь не представимые ею заранее и оказывающиеся неожиданными (а часто и болезненными) обратные воздействия.

Этот феномен “**внезапной обратной связи**” является одной из основных проблем современной китайской управляющей системы, оказавшейся глобальным игроком с региональным сознанием.

Специфика китайской культуры, жестко утилитарной, прагматичной и склонной воспринимать (в том числе не осознаваемо) не китайскую часть человечества как варваров, способствует упрощению трудного положения китайской элиты путем постановки китайской глобальной мощи исключительно на службу решения текущих собственно китайских проблем. Учет глобальных последствий своих действий (кроме грозящих китайским интересам непосредственно) в этом случае не производится принципиально: основной недостаток просто начинает восприниматься если и не как достоинство, то просто как одна из характерных черт, имеющих полное право на существование.

Это существенное упрощение ситуации для китайского управления уже в ближайшей перспективе угрожает превращением его в потенциально разрушительный фактор **для Китая, – а значит, и для всего мира.**

Отвлечение внимания на глобальном уровне

Болтун. Всегда молчит.

А. и Б. Стругацкие

Непубличность, скрытость – естественная специфика деятельности глобальных финансовых сетей. Тайна многократно увеличивает силу – и не только возможностью совершения внезапных действий, обладающих вследствие

внезапности большими шансами на успех, но и, что порой бывает не менее важным, провоцированием у конкурентов либо противников совершенно безосновательных страхов¹.

Между тем наше время недаром называют временем принудительной открытости: упрощение коммуникаций не только создает объективные технологические предпосылки транспарентности, но и делает ее категорическим условием эффективности в новой, современной реальности.

Таким образом, **глобализация ставит финансовые управляющие сети в противоречивое положение: привыкшие к непубличным действиям и, более того, привыкшие использовать свою скрытность в качестве одного из основных конкурентных преимуществ, они оказались в ситуации, в которой прозрачность воспринимается как абсолютная норма**, как не подлежащий обсуждению стандарт.

Выход был найден, как обычно в таких случаях, в **извращении стандарта**, – в том, что еще Ленин описывал словами “формально верно, а по сути издевательство”.

Сочетание формальной прозрачности с эффективным сокрытием содержательной информации (актуальной еще и потому, что факт существования глобальных финансовых управляющих сетей к началу глобализации стал достоянием общественного сознания) достигается целым рядом разнообразных инструментов. Почетное место среди них занимает “белый шум”: распространение колоссального объема разнородной и интересной самой по себе, но совершенно не относящейся к делу информации.

Пример 2

“Гламур” как инструмент сокрытия информации

Частным случаем “белого шума” относительно глобальных управляющих сетей является информация о светской жизни: терабайты мельчайших незначимых подробностей из мельтешения мириадов персонажей разнообразных тусовок надежно хоронят под своими завалами случайно просачивающуюся информацию о передвижениях и встречах тайных властителей нового мира.

Забавно, что официальные лица, возможности которых существенно сужены по сравнению с представлениями о них основной массы граждан, подражают представителям глобальных управляющих систем в этом отвлечении общественного внимания на мелочи. Можно предположить, что причиной этого является не только политика информационной безопасности, но и элементарное чванство: стремление подражать заведомо более влиятельным людям, неизвестным широкой общественности, но хорошо известным им самим.

Помимо “белого шума”, важным проявлением извращенной прозрачности является **фиктивная демократичность – возведение формальных демократических институтов в абсолют, полностью извращающий их существо** и надежно отграничивающий основную массу граждан даже развитых стран от реального принятия наиболее значимых для их будущего решений.

Когда Джавахарлал Неру в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого века провозглашал, что “Индией управляют управляемые”, он, скорее всего, сам верил в это или, по крайней мере, искренне стремился к этой цели.

Однако в настоящее время в большинстве случаев **публичность и демократизм** не более чем **эксплуатируют** хорошо известные психологам “технологии вовлечения”. **Они создают у управляемых иллюзию участия в принятии** и даже самостоятельной выработке **решений – и тем самым возлагают на них** (причем в их собственных глазах!) **ответственность за последствия** реализации этих решений. По сути дела это всего лишь способ обеспечить согласие угнетаемых с угнетением, эксплуатируемых – с эксплуатацией, а в перспективе – и согласие утилизируемых со своей незавидной судьбой.

---

¹ Нелишне вспомнить в этой связи, что, например, антисемитизм основан на подспудном комплексе неполноценности перед евреями, на приписывании им сверхъестественных возможностей.

Именно поэтому демократия не как содержательное явление (**общественное устройство, позволяющее максимально полно учитывать существующие в обществе мнения и интересы**), но именно как заведомо формальный набор институтов стала подлинным фетишем развитых обществ.

Наиболее полным выражением, подлинным апофеозом извращения прозрачности к настоящему времени представляется “политическая игротехника” Обамы. Целый народ — причем народ наиболее развитой в мире страны — был вовлечен, по сути дела, в игру, в которой люди действовали, даже не пытаясь осознавать ответственности за свои действия. В результате президентом США стал человек, о котором всем известно практически все, — кроме главного: чьи интересы и каким именно образом он будет выражать. Да, возможно, это не было известно даже ему самому (людей, играющих предназначенные им роли, далеко не всегда извещают о предстоящих им судьбах), — однако глобальные управляющие сети (и не только крупнейшие, которые названы выше) возлагали на него определенные надежды и строили связанные с ним определенные планы. Эти надежды и планы и есть его стратегия — пусть даже и вынужденная, — и люди, открыто и публично избравшие этого самого открытого и публичного из всех политиков США (если не всего мира), не знают о них практически ничего!

Таким образом, **формальная публичность стала к настоящему времени эффективным инструментом сокрытия намерений и манипулирования обществами**, применяемым в первую очередь глобальными управляющими сетями (просто потому, что их положение наиболее соответствует требованиям применения этого инструмента).

А это значит, что, к сожалению, **формальная демократия**, основанная на стандартном наборе демократических институтов, **не способна ограничить** скрытое влияние и, более того, **разрушительный произвол глобальных управляющих сетей. Она ведь сама является** не только средством реализации ими своих интересов (при помощи извращения публичности), но и, более того, **средой существования этих сетей.**

Их сдерживание объективно требует ограничения стандартных демократических институтов, **отступления от формальной демократии ради восстановления демократии содержательной** (неуклонные попытки чего, собственно говоря, и наблюдаются в США после 11 сентября 2001 года).

Опорой в сдерживании глобальных управляющих сетей должны стать все те национально и культурно обособленные силы, которые в силу самого своего существования воспринимаются представителями этих сетей, “глобальными кочевниками”, как непримиримые враги, подлежащие уничтожению.

Это **фундаментальное противоречие глобализации является объективной предпосылкой для восстановления национального единства**, ибо противоречия между интересами народов и глобальных сетей или, выражаясь классовым языком, между глобальным управляющим классом и отдельными обществами, низведенными до положения объектов эксплуатации этим классом, неизмеримо глубже и острее, чем классовые противоречия внутри обществ.

Основной проблемой каждого общества оказывается способность выявить внутри себя “пятую колонну” представителей глобального управляющего класса и освободиться от ее влияния возможно более гуманным по отношению к ним способом (хотя главным критерием успеха и, более того, продолжения существования обществ и народов будет именно лишение этих людей всякого влияния).

Исчерпание возможностей дальнейшей интеграции и неминуемый, хотя и частичный, откат к протекционизму создает объективные экономические предпосылки (необходимые, но и в коем случае не достаточные!) для успеха нового витка “национально-освободительной войны” в этом современном, глобализированном виде.

АЛЕКСАНДР МАЛИНОВСКИЙ

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ ДИРЕКТОРА

Один год из жизни директора, или Как мы выходили из коммунизма...

Читатель, ознакомившись с этими записками, может быть, найдёт их слишком бессистемными и хаотичными. Но, тем не менее, один год из жизни директора крупного приволжского химического предприятия, год тяжёлый, во многом переломный для судьбы России – 1994-й, который начался глубоким системным кризисом, вызванным непродуманными экономическими реформами Гайдара, а закончился войной в Чечне, что явилось следствием авантюристической политики администрации Ельцина, – этот год отражён здесь достаточно ярко. Автор записок искренне переживает все последствия развала экономики страны и в силу своих профессиональных обязанностей, как может, пытается спасти своё производство, не дать умереть заводу, помочь людям. Эта борьба отнимает у него все силы...

Январь

Вчера ехал в одной машине с генеральным директором соседнего нефтехимического завода.

– С утра пошёл в цеха, – рассказывал он. – Практически все остановлены. Компрессоры, огромные колонные агрегаты отключены. И это зимой, когда нам и летом-то внепланово останавливаться опасно. Зашёл в два цеха и больше не смог. Заплакал и вернулся в кабинет, – он махнул рукой.

Этот короткий разговор разбудил во мне желание разобраться: чем же был для меня и для завода прошедший год и каким будет будущий?..

Сегодня мой приятель Сергей рассказал забавную и грустную историю о своём отце. Ему сейчас около восьмидесяти. Врачи категорически запретили ему курить, поэтому все близкие пытаются оградить его от курева, следят за ним. А старик из заядлых курильщиков, бывший слесарь, орденноносец. Упрямый. Жена Сергея, уходя на работу, припрятала деньги, чтобы он не купил сигарет. Когда возвратилась домой, на столе – пачка курева. Оказалось, что дед вышел на улицу и поменял орден Ленина, который получил за прежние труды, на сигареты. Жена Сергея стала его стыдить. Он совершенно безразлично сказал:

– А на кой он мне? Мне нужны сигареты, а он только место пролёживает. С этого начиналась перестройка... А недавно ко мне приехал бывший ди-

ректор нашего завода, работавший здесь пятнадцать лет назад. Энергичный такой. Глядя в глаза мне, спросил:

– Послушай, а что ты заработал на заводе лично для себя?

Я задумался.

– Сразу и не скажешь. А ты сам готов ответить на такой вопрос?

– Я получил орден Ленина. Его просто так не давали, каким бы ты ни был хорошим. Если завод плохой, никаких наград директор не получал. Мне дали его за заслуги. А ты что получил?

– Я за время работы на заводе защитил кандидатскую диссертацию, затем – докторскую.

– Это ты сам себе сделал. А где государственная оценка?

– Какая может быть государственная оценка, когда мы уже полгода как акционерное общество? Коллективная собственность, не государственная.

– Вот-вот, я и мечтаю в этот корень, – мой собеседник победно возрился на меня. – Завод, являвшийся государственным предприятием, был нужен государству, правительству, а сейчас вы – не государственное предприятие. Не государственные люди. Никому не нужны. Как у вас сложится, так и будет. Трудно было возражать...

Итак, с чем мы пришли к концу минувшего года? Нефтехимкомбинат, который моложе нас на десять лет, почти полностью остановлен. Готовят к увольнению полтысячи работников. Много задолжали энергетикам. Продукция не имеет сбыта, и нет возможности такое громадное предприятие быстро переориентировать на выпуск другой. Фабрика трикотажного полотна перешла на одну смену. Тольяттинский “Синтезкаучук” – громадное объединение – практически бездействует. Задолжал около десяти миллиардов рублей* энергетикам. Гигант, гордость отечественной промышленности – АвтоВАЗ – остановил главный конвейер на целый месяц из-за отсутствия комплектующих, в сущности, из-за неплатежей.

Нам удалось удержаться. Больших срывов не было. Правда, пришлось прекратить выпуск полиэтилена, бывшего некогда гордостью нашего предприятия. Полиэтилен – дефицитнейший продукт, без которого отечественная промышленность просто не могла жить. Теперь – нет сбыта. Потребители наполовину стоят.

Несколько недель работали на треть от обычной нагрузки, принося каждый день около двух-трёх миллионов рублей убытка. В конце концов, пришлось остановиться.

Никто из потребителей не забеспокоился, не зашумел. Не до того.

Беда, очевидно, в том, что, поднимая цены на сырьё и энергетику до мирового уровня, забыли, что в производстве продукции, которую можем реализовывать в России либо за границей, есть технологии старые или новые, но не соответствующие мировому уровню. Эти технологии необходимо совершенствовать. Но в один день этого не сделать. Нужно время. А времени как раз нам и не дали. Чтобы модернизировать установки и начать выпускать продукцию с низкой себестоимостью, надо полтора-два года. А на что жить сейчас? Той курочке, которая может снести через год или два золотые яички, реформаторы от экономики просто-напросто рубят голову...

В конце концов, нам нужны не денежные кредиты от государства, а кредит времени.

Накануне, тридцатого числа, руководство соседнего нефтеперерабатывающего завода телеграммой предупредило, что если не заплатим семьсот миллионов рублей тридцать первого, то после семнадцати часов будет перекрыто сырьё (примерно тридцать процентов от общего объёма). Сошлись на том, что если налоговая инспекция, которая взяла с нас лишних восемьсот миллионов рублей, перечислит деньги на счёт НПЗ, нам сырьё не закроют. Перечислять надо именно сегодня. Много сил ушло на переговоры с банком и налоговой инспекцией.

В этот же день нужно было решить: дадут ли пар и электроэнергию с 1 января, поскольку мы пока пытаемся не подписывать договор на будущий год.

* Здесь и далее указаны цены того времени (до деноминации 1998 г.).

Условия кабальные: в случае неуплаты в срок за потребляемую энергетику (а платить вовремя почти невозможно) пеня будет начисляться в размере двух процентов от задолженности. Посчитали. Это тридцать два миллиарда рублей за год! А мы всего получили в прошлом году прибыли двенадцать миллиардов рублей. Каково?

Часть проблем всё же удалось решить. Но ведь так работать нельзя! В таких условиях как-то ещё может существовать швейная контора, торговая точка. Но не громадный завод с опасной технологией, где ведутся процессы с давлением в сто атмосфер при температуре до пятисот градусов!

Что-то нас ожидает в новом году?!

С первых дней перестроечного галопа собираю вырезки из газет. Вот “Российские вести” за 4 декабря 1993 года. Статья Егора Гайдара. “Банкротство предприятий – это банкротство их администрации, но отнюдь не коллективов”, – громогласно заявляет сей “опытный” экономист. А подумал бы он, что если предприятие обанкротилось, куда коллектив пойдёт?.. Рассуждения его нелогичны. Мы, администрация, заинтересовали инвесторов. Два производства решили реконструировать. Открыта кредитная линия в сто двадцать миллионов долларов – Баварский банк стал нашим партнёром. Нашли передовую американскую технологию. Мировой уровень. Мы создали совместное предприятие с немецкой фирмой “Линде” и американской компанией “Юнион карбайд”. Идёт полным ходом проектирование и подбор оборудования. Цель – начать выпуск качественного полиэтилена, конкурентоспособного на мировом рынке, с малыми затратами электроэнергии.

Но – галопируют цены на сырьё и энергетику! Будущее производство по нынешним ценам, “отпущенным” Гайдаром, уже нерентабельно. Вот и выходит, Егор Тимурович, что нужны не советы, а протекционистская политика государства в отношении российского производителя, без которой у нас движения вперёд не будет.

Ко мне приезжал из деревни отец. (Было это ещё в конце 70-х годов.) Погостил два дня. На третий пошёл его проводить до автобуса. Спустились на лифте, вышли из подъезда девятиэтажного дома... Он остановился. У подъезда лежат целые груды битой мебели. Подошёл, потрогал один из стульев: – Варвары, – и стал осматривать остальные. – Вот ты посмотри! У одного ножка рассохлась, у другого спинка отлетела. Чуть подклеить – и всё, стул нормальный.

– Тебе жалко чужого стула?

– Мне жалко Россию.

– Ну-у, очень уж глобально мыслишь.

– Что хочешь говори. Но, чтобы сделать стул, надо спилить дерево, высушить его, заготовить брус, потом на станках обработать. Затем всё пойдёт по конвейеру. Столько требуется народа и труда, чтобы этот стул сделать! А тут – выкинули только потому, что хозяин не умеет всего-то навсего укрепить одну ножку? Цену всему забыли! Вот причина.

Он говорил это в конце семидесятых. Меня его слова тогда как-то всерьёз не задели. А теперь думаю: если бы каждый государственный и негосударственный человек вот так, по-мужицки, смотрел на вещи и болел за своё и за государственное! Может, тогда и не нужна бы нам была никакая перестройка?..

Вспомнилась встреча директоров заводов с правительством Гайдара в 1992 году в Тольятти на АвтоВАЗе. Были: Чубайс, Нечаев, Авен, Гайдар – вся камарилья. Вроде грамотные, образованные люди. Но после ответов на практические вопросы директоров ясности не прибавилось.

– Эх, ребята, ребята, поставить бы вас на годик начальниками цехов на заводе! Видно было бы, кто как осуществляет сказанное на деле. И тогда было бы всё с вами ясно, – пробубнил у меня за спиной коллега с соседнего завода.

Я сидел и думал: бубнить себе под нос мы можем, а вот встать и сказать: правительству нужны промышленники, люди с опытом практической работы! – как-то стесняемся...

Но вот пришли Шумейко, Лобов, Сосковец, Черномырдин, которые были связаны с конкретным производством. Мы ожили. Показалось, что теперь будет хоть какое-то движение вперёд. Но помощи снова не увидели. И возник-

ло у меня сомнение: а в том ли причина, что в правительстве находятся люди, не прошедшие практической школы? Или в чём-то другом? Или всё-таки вопрос в самом подходе, в желании проскочить этот период путём “шоковой терапии”? Наскоком!..

И снова — из газет: “А директора предприятий, не научившись хозяйствовать в новых условиях, финансовые наркоманы, смысл жизни которых состоит в жалобах на жизнь и выбивании кредитов...”.

В прессе установилась порочная традиция: обязательно искать врага. Нашим директорам уже приклеили ярлыки, и не самые лестные. Я давно и твёрдо убеждён, что сила, сдерживающая сейчас конфронтацию и обеспечивающая стабильность в обществе — директорский корпус, директора-промышленники, занимающиеся конкретным делом, дающие возможность жить и трудиться подавляющему большинству населения России. Вообще травля директорского корпуса, руководящего звена началась с первых дней перестройки, с кампании выборов первых лиц на госпредприятиях. Это как раз кампания против порядка на производстве. Кому-то нужно было ввергнуть всё в смуту. И это было организовано.

Когда учился в академии в Западной Германии, сделав невинный вид, задал профессору Хёну вопрос:

— Как вы относитесь к выборности руководителей государственных предприятий?

Он, не задумываясь, совершенно академическим тоном заявил:

— Господин директор, если хотите развалить предприятие, промышленность, начинайте выбирать руководителя. Более надёжного пути для этого нет.

И на Руси всегда как было. Человек, умеющий работать и любящий работу, как правило, не оратор. Он умеет одно — делать дело.

Я работаю директором около десяти лет. Меня “назначал” ещё областной комитет партии. По контракту нанимало министерство, потом департамент, комитет. Начинать в нефтехимии рабочим, вернее, учеником оператора. Для меня завод — это всё. Заводчане это видят и ценят. Мы вместе преодолевали трудности.

Но вот корпус директоров оказался между молотом и наковальней. В ту, первую волну вольной или невольной интервенции против промышленников руководитель оказался в коллективе подpiraемым таранной некомпетентностью низов, а сверху приглушённым диктатом министерства. Затем директора крупных предприятий стали уже негосударственными служащими. Они возглавили акционерные общества. Где владелец — коллективный собственник, не государственный. И государство от них отделилось, отошло.

А потом директоров стали просто-напросто уничтожать. Покатилась волна заказных убийств... И заводчане, рабочие, увидели расклад сил. Поняли, кто несёт тяжесть обеспечения нормальных условий работы. Увидели в своих руководителях защитников жизненных интересов.

— Нет, вот ты мне скажи конкретно, как другу... Что мне всё-таки делать с ваучером? Кто он такой? И зачем? А?

Голос звучал за моей спиной в зале ожидания Казанского вокзала в Москве. Я невольно слышал разговор двух собеседников. Очевидно, диалог начат давно ещё, в пути. Теперь уже затихает.

— Ну, что ты прицепился, — отмахивается собеседник. — Вот у тебя сколько детей?

— Трое, а что?

— Горластые? По ночам кричали?

— Ха, не горластые, а жуть. И не по ночам, а круглые сутки. Особенно младший, Колька.

— А пустышку, ну, соску, ты ему давал, чтоб замолчал?

— Да только этой соской и спасался. Суну, он и замолчит. Ненадолго, но затихнет. Только начнёт снова, я ему опять в рот резинку, так и забавлялись.

— Вот ты и ответил, что такое ваучер. Для таких, как мы с тобой. Чтоб не орали.

С утра ездил по заводу. Побывал в нескольких основных цехах. Когда-то очень хотел выкрасить оборудование, находящееся на наружных этажерках,

трубопроводы и эстакады в нарядные светлые тона. И вот в последние два года почистили и покрасили всё “серебрянкой”. Колонны стоят красивые. Как ракетные установки! Завод преобразился, и люди подтянулись, стали бодрее, веселее. Исчезло грязное замазученное железо. Поездил по цехам, посмотрел, и у меня появилось ощущение, что действующий, как часовой механизм, завод нельзя останавливать. Это преступно. Но энергетики за долги грозят прекратить подачу пара.

Возникло такое чувство, что готов с кем-то подраться. Только вот с кем...

Вечером стало известно, что один из основных потребителей нашего фенола – производственное объединение “Оргсинтез” – останавливается на целый месяц! Не может оплачивать сырьё. Должен на сегодня два миллиарда рублей. Он не единственный потребитель фенола. Другой – соседний комбинат, который сейчас не работает. Мы оказались перед угрозой остановки ещё одного производства. Позвонил генеральному директору “Оргсинтеза”. Он – мой хороший приятель. Поздравил с Новым годом, с Рождеством. Директор не сдержался:

– Лучше бы этот год не наступал! И его вовсе бы не было! Живём в инфарктном состоянии, вынуждены вырубить ползавода. Что дальше, неизвестно!

Вот так теперь встречают в России праздники. Хоть никого не поздравляй.

Словно подтверждая неготовность моего приятеля принимать новогодние поздравления, год начался с национальной трагедии. Третьего января под Иркутском в авиакатастрофе погибли сто одиннадцать пассажиров и девять членов экипажа. Оболочка самолёта оказалась разбросана в радиусе четырёхсот метров. Один из горящих обломков упал на расположенную недалеко ферму, в результате чего пострадала работавшая там женщина. Погиб скотник. В числе жертв оказались одиннадцать иностранных туристов.

Взорвался Ту-154, один из самых надёжных авиалайнеров, причём через двенадцать минут после взлёта. Рейс был на Москву.

...Правительство, призванное обслуживать общество, нас с вами, в ответе за то, как мы себя чувствуем в нашем затянувшемся перестроенном полёте. Оно в ответе за взлёт и посадку!

Четвёртого января епископ Истринский Арсений и члены Московского патриархального Совета освятили здание правительства России на Краснопресненской набережной столицы, то самое здание бывшего Российского парламента, только что восстановленное после танкового расстрела 4 октября прошлого года. Был освящён и новый кабинет Черномырдина. Обращаясь к премьеру, епископ сказал:

– Мы молимся, чтобы благодать Божия сопутствовала тому, кто будет здесь трудиться на благо Отечества с целью улучшения жизни россиян.

Да, пожалуй, после всего того, что натворили, только на благодать да милость Божию к нам, грешным, и можно сейчас надеяться!

...Сегодня ходил на городской рынок. Один старый знакомый, попридержав меня, спросил:

– Скажи, может быть страна богатой, если мы по десять дней подряд дышаем? Ну, Рождество, ладно, это христианский праздник. Только что отдыхали на Новый год, сейчас – опять...

Некоторые руководители предприятий к календарным выходным добавляли ещё и три дня, которые между ними, вот и получилось десять дней нерабочих. Это сделано не из желания отдохнуть. Многие предприятия закрываются на месяцы. Людей распускают. Нечем платить зарплату.

...Почему-то очень много на рынке солёных арбузов. И я, вот уже лет десять, солю в своём погребе арбузы. Всю зиму, до марта, у меня – деликатес. Подхожу к одному торговцу: арбузы, как мои. Спрашиваю: сколько стоят? Смотрю не на продавца, а на арбузы. Когда же взглянул на хозяина... Им оказался водитель моего главного инженера. Он не мог вымолвить ни слова, увидев меня. Спрашиваю цену, он мямлит:

– Это не мои. Тёщины. Не знаю, сколько стоят.

– А тёща где?

– Не знаю.

Ему неудобно, что он торгует.

Я так и не узнал цену его солёных арбузов. Поспешил уйти, чтобы человек не мучился.

Вспомнились базары моего детства. Не могу и я себя представить торговцем. Моя бабка была в этой части большой изобретательницей. Частенько ездила в Куйбышев: то яички продавала, то сало. У колхозников мало было денег. В степных сёлах ни грибов, ни ягод. Мы жили в лесу. Бабка сушила смородину, черемуху и возила в соседние сёла на продажу. Иногда брала с собой меня. Мне это казалось забавным.

Но я никогда не мог встать с бабкой рядом, чтобы торговать. Некоторые мои одноклассники на рынке бойко помогали родителям. Я же так и не смог переломить застенчивость. Очевидно, и в Викторе, шофёре главного инженера, тоже было заложено нечто такое. И сохранилось до солидного возраста.

... В конце года два раза обращался к врачу по поводу болей в области сердца. И каким-то образом это дошло до заводчан. Меня стали останавливать. Желая здоровья, напрямую говорили, что надо побережись, но с завода не уходить. Нельзя, чтобы сейчас менялось руководство. Забеспокоились и начальники цехов. Секретарь попросила разъяснить, что делать? Много звонков в приёмную. Все встревожены.

Это, наверное, польстило бы моему самолюбию, будь другое время. Но сейчас не до этого. Слухи вносят дисгармонию в психологический климат. На одном из последних совещаний руководящего состава я вынужден был заявить, что никуда в ближайшее время не уйду. Прошёл одобрителный гул.

Да, сегодня все прижимаются плечом к плечу. Потеря одного из тех, кто встал с тобой в круговую оборону, совершенно нежелательна.

Раньше существовал партком на заводе, его не стало. Все заботы и хлопоты легли на плечи директора. Мне пришла счастливая мысль. Для устремления коллектива в общем направлении провозгласить 1992-й годом подготовки к двадцатипятилетию нашего завода. Составили планы помесечно, подекадно. Культурная программа, программа наведения порядка на территории завода, спортивно-массовые мероприятия, поиск бывших работников, оказание помощи пенсионерам. Серьёзные меры по экологии.

Взглянули на себя как бы со стороны.

Народ откликнулся. Многие поняли, что конкретная цель сближает. Создали самодеятельный музыкально-танцевальный ансамбль. Если раньше нужно было упрашивать, то теперь всколыхнулись сами. Женский вокальный коллектив покорила русскими песнями. Такое оживление, что многие сами искали повод собраться вместе. Апофеоз наступил 30 декабря, когда состоялся торжественный вечер. Зал Дома культуры на восемьсот мест переполнен. Гости с родственных заводов, представители городской общественности и предприятий области... Все были благодарны за возрождение традиций нормального празднования.

В моей записной книжке есть слова Ильи Эренбурга из статьи "Полюсы", опубликованной в Киеве в 1919 году: "Какая странная, роковая страна Россия, будто на палитре господней для неё не осталось ничего, кроме угля и белил".

Вот так оценивалась судьба России. Я не согласен, я думаю, что всё-таки сейчас у России больше красок. Россияне видят и другое. Отразится в их глазах и голубое, и розовое, и всё многоцветье, которое должно быть в жизни!

Посмотрите, какие лица были у наших соотечественников в прошлом веке. Вглядитесь в фотографии, которые показывают по телевидению, печатают в журналах и газетах. Это другие люди, другие лица. Одухотворённые! Таких не может быть, когда смотрят только на чёрное и белое. Они будут и в наше время, такие люди, такие лица. Надо верить!

Сегодня тяжёлый день. Подписал приказ о закрытии производства полиэтилена. Дело усугубляется тем, что при нормальных нагрузках его рентабельность практически нулевая. Сейчас же, из-за отсутствия сбыта, оно загружено менее чем наполовину. Держать в работе три цеха ради сохранения персонала невозможно. Это, по сути, скрытая безработица. Скопилось много продукции на складах. При нынешнем росте инфляции — это беда.

Начали останавливать и производство фенола. Нет сырья. Вернее, оно очень дорого. Причём поставщики требуют предоплаты. К тому же останови-

лись самые главные наши потребители. Осталась заграница. Но там такие низкие цены...

Одиннадцатого января в десять часов – первое заседание российского Федерального Собрания, избранного сроком на два года. Оно, очевидно, даст старт новому периоду отечественного парламентаризма.

Странно быстро, как в калейдоскопе, мелькают события. Только избрали председателя Совета Федерации и Государственную Думу, а уже идёт перестановка в правительстве. Сегодня Егор Гайдар объявил о своей отставке. Причину объяснил тем, что Черномырдиным принимаются решения без согласования и уведомления вице-преьера.

Выступая по телевидению, Геннадий Зюганов бросил реплику, что Гайдар всё своё уже сделал: развалил промышленность, Так оно и есть. От большой науки, от промышленности могут остаться одни руины.

Если наше общество катится к катастрофе, то она разразится по трём причинам. Первая: отсутствие концепции построения демократии. Нет чёткой идеи демократии. Всё абстрактно. Прояснением того, что такое демократия, никто у нас не занимается. Ответственными за всё это считаются верхи: парламент, правительство. Их критикуют. Но демократия тем и отличается от недемократии, что она устанавливается снизу. И надо это понять, а потом действовать.

Вторая причина: полное непонимание обществом целей и задач средств массовой информации. Почитайте газеты. Одни вопросы. Кто допустил то-то, почему получилось то-то и то-то? Вопросы, вопросы. Спрашивают тех, кто по другую сторону. А спрашивать надо тех, кто мог, должен был смочь, но не сделал необходимого.

И третья причина, которая тяготит меня каждый день как директора: отсутствие чётко разработанной политики государственной поддержки на местах, в отраслях, на предприятиях, в производственных структурах.

Мы задолжали три миллиарда рублей, нас заставляют брать кредит под... 213 процентов! Откровенный грабёж. У нас два дня гостил представитель одной из германских фирм. Когда я назвал эти бандитские проценты, он несколько раз переспросил, боясь, что ослышался. Мы ему с трудом объяснили столь глупую ситуацию. Он схватился за голову...

Всё отдано коммерческим банкам. Сначала они задерживают оплату за нашу продукцию. Средства крутят по три-пять месяцев, зарабатывая на этом большие барыши. Затем из этих же средств кредитуют, требуя в качестве обеспечения наши же объекты. Мне кажется, беда ещё в том, что в первую очередь правительство допустило коммерциализацию банков, а надо было начинать с предприятий.

Невольно вспомнил пуск завода после капитального ремонта в сентябре прошлого года. Мне в это время потребовалось срочно уехать в Москву. Звоню утром из гостиницы главному инженеру, желая узнать, как идут дела. Тот в смятении докладывает, что на середине пуска остановились. Прекратилась подача на завод электричества. Энергетики требуют оплатить 1,5 миллиарда долга. Если я лет семь назад, когда возникали проблемы с пуском завода, мог приехать в министерство и с замминистра как-то обсудить ситуацию и надеяться на объективное решение, то сейчас этого нет.

Если завод не запустим, вообще ничего не выплатим, ибо не будет продукции. Где брать деньги? Десять миллиардов рублей, которые нам должны потребители, где-то крутятся. Просить помощи в наведении порядка с оплатой продукции не у кого.

В конце концов, завод начал работать, но только тогда, когда я согласился, чтобы главный инженер от моего имени дал письменное указание банку все средства, которые придут в течение месяца, в первую очередь направлять энергетикам.

Умом Россию не понять... Я думаю, что гениальный поэт с болью говорил об этом. И в подтексте этой фразы звучит, наоборот, призыв к потомкам, чтобы они попытались Россию понять именно умом!

Изредка бываю в Самаре, в Новокуйбышевске.

На прошлой неделе присутствовал на презентации книги самарского писателя Ивана Ефимовича Никульшина. В своё время я был влюблен в прозу

Василия Макаровича Шукшина. Мне, родившемуся в селе, близко его творчество. И я полагаю, пока не появился прозаик Никульшин, что так и надо писать о селе. Но с самых первых книг и рассказов Ивана Ефимовича во мне появилась некая раздвоенность. Василий Макарович писал свои рассказы, находясь в городской жизни и всматриваясь из неё в деревенскую. Никульшин – весь в российской деревне, посреди неё. Взгляд его – изнутри деревни на деревню, на себя, на всех. И на весь мир. И ещё. Многие из рассказов Василия Макаровича как бы основаны на анекдоте. Часто повествуют о сельских чудиках. По своему селу знаю: на каждой улице есть свой блаженный, свой чудик, сев с которым за стол, обязательно поперхнёшься от веселья или от горчинки.

Это всё есть. Но не на чудиках стоит село. Оно держалось и держится на людях степенных, немногословных, точных в своём поведении, в своём повседневном труде. Для них главное: создать семью, иметь детей, обеспечить нормальную жизнь, быть справедливыми и праведными в своём немногословии. Неистребимо желание в сельском укладе к упорядоченности, к ясности отношений. А уж чудинка, скоморошество – потом, в праздник, в потеху.

Или я чего-то пока не понял? Я дал себе обещание обязательно побывать в Ростках. А до этого прочесть всего Шукшина.

Литература бедствует. Я знаю многих писателей, которые, имея рукописи романов, сборников стихов, рассказов, не могут их напечатать. Чтобы выпустить поэтический сборник в тысячу экземпляров, надо иметь полмиллиона рублей!

Если сейчас не начнём спасать наше искусство, какие книги будем читать лет через пятнадцать-двадцать? Каких писателей? И будут ли они? Соблазнительная когда-то государственной поддержкой и брошенная теперь, наша интеллигенция пребывает в растерянности. Социальная катастрофа ускоряет её физическое исчезновение.

Частенько заглядываю в цеховые курилки. Нравится окунуться в атмосферу здорового юмора, попадая под прицел крепкого вопроса, дать хлёсткий ответ.

Меня не стесняются.

Вот и сегодня заглянул, и не зря. В самый кон, а может, чуть опоздал. Виктор Шарапов, его в этом цехе зовут “Шурупов”, а чаще – “Шуруп”, кажется, подводил черту под серьёзным разговором. Увидев меня, на секунду запнулся, дружелюбно поприветствовал. Закивали головами и остальные.

Упругая пружина разговора ещё подпирала, и Шуруп продолжил:

– Что тут непонятного-то? Отчего народ на выборах прокатил демократов? Опыт у него есть. Народ за последние семьдесят лет до конца понял враньё существующей власти. Преданный своим государством, равнодушно взирал на развал бывшей империи. Повернулся к ней многомиллионной задницей. Вот вам! Нечто похожее случилось и теперь на выборах. Веры не стало. Устали.

– Что верно, то верно. Но погоди, Витёк, маленько, дай мне сказануть о вещах попроще, раз директор у нас.

Я смотрю на бойкого мужичка – вроде не наш, не заводской. Либо из подрядчиков, либо новенький из сварщиков.

А тот бросил от азарта, не докурив, папиросу. Весь в себе, глаза раскосые, движения рысьи. Коготки спрятаны, но о них догадываешься сразу. Кажется, появился новый местный вожачок.

– Товарищ директор, хочу заметить, что руководство не торопится облегчить жизнь народу.

– То есть?

– Сегодня дефицит налички, так?

– Так, – отвечаю.

– А вот соседний нефтеперерабатывающий завод второй раз даёт зарплату бензином. Трикотажная фабрика – майками и трусами. Доколе ждать нам? Коль на нас денег не напечатали?

– Чего ждать? – подыгрываю я. – Мы расплачиваемся одеждой, сахаром, маслом.

– Не то это, скучновато. Убедите городскую администрацию, пусть скоординирует директоров. Надо, чтобы колбасный цех выдавал получку колбасой, тепличное хозяйство совхоза – огурцами, а наш завод – спиртом. Два

раза в месяц — по баклажке! После борьбы за трезвость — хорошее покаяние перед народом. Вот вам и долгожданный коммунизм настанет. В отдельно взятом городе. Правда? Выпить и закутить! Что ещё надо?..

В конце недели состоялось совещание у заместителя главы городской администрации. Оно началось на ноте тех лет, когда проводили партийно-хозяйственные активы. Докладывал начальник отдела внутренних дел. Жаловался на жизнь. Преступность не снижается. В нашем стотысячном городе каждый месяц — два убийства. Увеличилось количество квартирных краж. Не хватает около тридцати милиционеров. Пятнадцать человек надо увольнять за различные служебные проступки, да никто не идёт на замену. Жаловался, что не успевает оперативно действовать, принимает только сведения и информацию о случившемся. Оснащение, автотехника — хуже нельзя. После сигнала о преступлении надо ждать, когда вернётся ранее выехавшая бригада.

Прокурор пенял на несовершенство законов. Они не направлены на защиту личности, потому часто приходится преступников выпускать. Не хватает доказательств... .

И судья жаловался на скудность материального обеспечения. Нет столов, стульев. Не хватает судей, следователей. Заработная плата низкая, а работа сложная.

Началось обсуждение. Я сказал, что пора бы уйти от таких совещаний к конкретной программе. Да, законы несовершенны, техники мало. Надо выходить на руководство области, федерации. Всё смотреть детально. И тут же получил отповедь со стороны председательствующего: программа есть, и безответственно говорить об её отсутствии. Это было сказано категорично, повышенным тоном, неуважительно. Не стал спорить. Уехал с тяжёлым сердцем. Со мной за последние два-три года так никто не разговаривал. Тем более, на глазах многих руководящих работников города. Когда меня грубо оборвали, воцарилась гробовая тишина. Все сидели, понурясь, понимая, что происходит. Переживали... .

Начинают сдавать нервы у многих. Тяжёлая атмосфера на работе, в обществе, в быту. Подспудно накапливаются раздражительность, нервозность, связанные с неудачами в нашем реформировании.

Субботу и воскресенье провёл в лежачем положении. Передвигаюсь еле-еле. Случилась неожиданное. Утром пошёл вытряхивать половики и ковёр. Прекрасная погода. Нагнувшись, сметал снег с ковра. Вдруг будто стрельнуло в поясницу. Тут же инстинктивно попытался разогнуться и не смог, застрял в положении, похожем на букву “Г”. Нашёл опору, прислонился. Ждал, может, кто-то подойдёт. Чтобы не простудиться, в той же позе метров сорок прошёл до подъезда. Вышла жена. По лестнице еле поднялся. Сын и невестка сделали растирание. Приспособили грелку, напоили чаем. В понедельник вряд ли выйду на работу. Отчего это могло быть? Последняя неделя была напряжённой. Но ведь они все непростые.

На этой неделе мы встречали иностранцев, обсуждали с ними предстоящие договоры. Обсуждали и контракт по реконструкции одного из производств.

Были моменты, когда завод балансировал на грани полного аварийного останова... .

В пятницу днём — наскок нового поколения коммерсантов, желающих торговать продукцией нашего предприятия. И всё на нервах.

Неделя должна была начаться с калейдоскопа важнейших событий, а я лежу около чёрного ящика своего магнитофона, на который наговариваю эти слова, и думаю: смогу ли сесть утром в машину, пройти по лестнице на второй этаж в заводоуправление? Стоит ли рисковать? И не комично ли всё это будет смотреться? Очевидно, дня два ещё придётся провалиться.

Четвёртого числа — конференция по итогам года, 20 февраля — мой день рождения — пятьдесят лет. Двадцать шестое февраля — первое собрание акционеров с достаточно серьёзной повесткой дня, один из вопросов — избрание генерального директора. Во второй декаде февраля предстоит поездка в Москву на встречу с представителями бельгийских фирм для окончательного подписания контракта.

Болезнь некогда.

Февраль

Уже неделю работаю. Несмотря на то, что врачи прописали постельный режим. Два дня назад состоялась конференция по итогам выполнения годового коллективного договора.

Год завершили неплохо. Сделали всё, что могли. Или почти всё. Имеем прибыль, несмотря на то, что наши потребители не оплатили полностью полученную продукцию. Правда, допустили незначительное падение объемов производства. Но не продали ни турбазу, ни пионерский лагерь. Они действуют.

Конференция прошла выдержанно. Выступлений много, но все достаточно конкретные. Ни шума, ни расхлябанности, ни провокационных действий. Народ – как жёсткая пружина. Все видят, что в народном хозяйстве творится неладящее. Коллектив верит в руководство завода. У нас традиция: раз в два месяца – “прямая линия”. Собираю у себя в кабинете всех главных специалистов, начальников отделов и на весь завод по радио ведём разговор. Любой заводчанин может обратиться по телефону, мы отвечаем. Обычно такая процедура длится два, два с половиной часа. В этом году “прямые линии” не проводил. Трудно говорить и обещать что-то конкретное на ближайшие недели. Тяжёлое время. И мы пока отказались от такой формы общения.

Поэтому и трудные вопросы на заводской конференции всё же были. Я отвечал, как думал. Мы подошли практически к той черте, за которой зияет пропасть. И это объясняется тем, что у нашего государства нет промышленной программы. Она должна быть в ближайшие полтора-два месяца обнародована, иначе промышленность хаоса не выдержит. Программа должна обязательно предусматривать элементы планового хозяйства. Я не думаю, что это звучит консервативно. Ясно, что необходим комплекс мер государственного регулирования образования цен в переходный период. Нужны и отраслевые программы, работающие через предоставление льгот. Необходимы стабильность и партнёрство. В правительстве место не романтикам, а сосредоточенным прагматикам.

Своё отношение к происходящему мы должны были выразить публично. Мы это сделали в Обращении к местной администрации, к правительству. Коллектив просил рассмотреть сложившуюся ситуацию и подготовить промышленную программу, определить уровень совокупного дохода налогоплательщика, ниже которого в своём реформировании не должны опускаться.

Когда кончилась конференция, я зашёл в заводоуправление, навстречу попалась пожилая женщина, работавшая лет десять тому назад в одном из цехов. Она уже на пенсии. С горечью, но бодрясь, сказала:

– Вот, приехала на завод что-нибудь купить. В городе не могу приобрести самое необходимое.

– Так плохи дела?

– А чего же хорошего? Пенсия – тридцать тысяч, мужа ударил инфаркт, лежит...

Отличная работница. Человек неунывающий. А когда прощалась, обронила:

– Что же с нами будет? С детьми? Кому они нужны? Где будут брать жильё, куда пойдут трудиться?

Что на это сказать? Раньше смог бы ответить умело и с достоинством. Сейчас её вопросы повисли в воздухе.

Смонтировали три мощных водяных насоса и несколько теплообменников. На них для нагрева воды подали свой бросовый пар. Получилась установка по отоплению завода. Все работы вели без проекта, торопились. Включили схему вчера вечером. Превосходно! До сотни цеховых помещений и заводоуправление могут теперь обходиться без услуг энергосистемы. Эффект экономический и, что очень важно, психологический.

Главный энергетик Виктор Александрович выглядел именинником.

Сегодня день моего рождения. Мне пятьдесят. Съезжаются родственники, будет человек тридцать. В пятницу у нас был праздничный ужин. Я пригласил своих помощников, главных специалистов, тех, с кем начинал работать на заводе. Были москвичи. Из Тольятти приехали шесть человек однокашников по

институту. Поваяло молодостью. Вечер прошёл замечательно, красиво, празднично. Все стосковались по хорошему застолью, по встрече в непринуждённой обстановке. Поздравляли с тем, что не сдаюсь, защитил докторскую.

Конечно, это юбилейные речи, но приятно слышать.

Меня иногда спрашивают:

– Профессия директора, первого руководителя – творческая или нет?

Отвечаю:

– Творческая, и особенно сейчас, когда нет установившихся понятий, недостаточно нормативных документов, невнятная финансово-экономическая политика. Творческая в том смысле, что приходится много думать и чаще брать ответственность на себя.

Я не раз убеждался, что, казалось бы, нерешаемые проблемы вдруг становятся разрешимы. И это зависит от того, как напряжённо и неотвязно ты думал над поиском выхода. Иногда решение возникает в самый неподходящий, казалось бы, момент. Бывает и во сне, это уже хрестоматийно. Обидно только, что некоторым кажется: найденное тобой решение даётся запросто, что это определено директорским креслом. Очень наивно!

Сегодня едем по нашей центральной улице. Шофёр Алексей говорит:

– Вот в этом доме жил мой друг, вчера похоронили.

– Болел?

– Нет, купил мебель и обмыл с друзьями.

– До смерти?

– Выходит...

И рассказал подробности.

Днём с друзьями Михаил собирал мебель. Неделю назад до этого вселился в новую квартиру. Вечером, изрядно уставшие, сели на кухне поужинать. Как водится, выпили. Друзья стали добродушно подтрунивать: на четверых одной бутылки мало.

– Действительно, мало, – поддержала жена. – Сейчас на углу старушки всюю торгуют. Возьми одну, так и быть, санкционирую.

В бутылке оказался метиловый спирт...

Был в одном из отделов соседнего завода и оказался свидетелем такой сцены. При мне попросили к телефону сотрудницу, женщину миловидную, элегантно одетую. Звонила её мать. Я невольно слышал разговор. Она жаловалась на сына этой женщины, то есть на своего внука. Внук послал её, после каких-то замечаний, подальше. Бабка не на шутку разволновалась. Мать тут же потребовала дать трубку сыну:

– Ты почему себя так ведёшь? Тебе всего десять лет...

Не дождавшись ответа, симпатичная мама очень наставительным тоном говорит буквально следующее:

– Пока я зарабатываю, чтобы тебя кормить, ты позволяешь себе такие вещи. Бабушке грубишь... Я тебя кормить за это не обязана. Извинись перед бабушкой и скажи, что больше так делать не будешь. Понял? Я должна горбатиться на тебя, а ты так себя ведёшь. Как же ты будешь относиться ко мне, когда я буду старенькой?

Телефон не отвечал.

Стало страшно за судьбу этого мальчика. Никогда в нашем детстве, очевидно, повинуюсь какому-то внутреннему такту, как бы ни было тяжело, не прекали никого куском хлеба. Это расценивалось как самое обидное и самое страшное, что можно сказать ближнему. И никогда никто не говорил, что мы должны, став взрослыми, кормить своих родителей. Это было само собой разумеющимся. Если в каких-то разговорах эта тема и проскальзывала, то звучала больше иронически: посмотрим, дескать, как будет, когда мы состаримся...

Раньше, при Советской власти, по четвергам проводились дни политпросвещения. Теперь – ежедневно, в курилках. Здесь каждый – политолог.

На этот раз я немного опоздал. Когда шагнул в духоту, речь держал один работяга.

– Жаль, что живём не в литературную эпоху, а в политическую. Мир управлен политикой. А как было бы здорово, если наоборот. Я выдвинул бы тогда на пост президента Антона Павловича Чехова.

Белобрысый парень с невинным лицом, лениво растягивая слова, дал новый крен разговору:

– Говорят, французы изобрели оргазмометр – прибор для определения пылкости влюблённых. Если женщина пережила оргазм с партнёром, на экранчике появляется синусоида. Если, стерва, притворялась – линия остаётся прямой.

– Ну?..

– Вот тебе и ну. Такую бы штуку для определения правдивости политиков изобрести!..

Вот вам и курилка! Уроки политпросвещения.

Атмосфера в курилке всегда напоминает о детстве. Мальчишкой я часто бывал среди артельного люда. Привык. Видел и слышал порой такое, что не каждому взрослому дано. Но дурное куда-то уходило. Оставалось радостное.

Знаю, пока живу, буду помнить своё детство как что-то пахучее, золотистое, гудящее, зовущее, поющее... То это влажная лоснящаяся спина осёдланного мною Карего, то ошалевший от ранней весны шмель. Или это грудной, призывный голос витютня в молодом осиннике на Бариновой горе. Детство... А может, это поющее колесо дедова рыдвана, который, оставляя глубокую влажную колею в песке, съехал с крутого склона на гулкий деревянный мост через реку у посёлка Красная Самарка и дробно, призывно манит за собой? Или это – глубокий полуразрушенный колодец, вода в котором вдруг засверкала в полдень от зенитного солнца, и ты, заглянув в него, обнаружил самого себя, недоверчиво вглядываясь и недоумевая: то ли это серебро глубинной воды, то ли твоя седина вмиг сделали колодец светлым и радостным. Не знаю... .

Март

Только что вернулся с заседания Совета директоров, созванного главой городской администрации по поводу ЧП в акционерном обществе “Утёс”. Информацию дал сам участник происшествия – генеральный директор “Утёса”.

На годовое отчётное собрание общества приехали представители из четырнадцати регионов России. Ровно в девять вечера, по соседству, в комнате отдыха, которая рядом с кабинетом генерального и где проходило собрание, послышался звон разбитого стекла. Через несколько секунд – взрыв огромной силы. Находившийся там сейф пробило в нескольких местах. Взрывной волной опрокинуло и изуродовало холодильник. Стены посеколо осколками. Прибывшие представители компетентных органов обнаружили под окном чеку от гранаты. Но злоумышленников, как водится, и след простыл.

Мы разошлись с заседания не в самом хорошем настроении. Чувствовали неготовность навести порядок в городе.

Последняя неделя ознаменовалась большими событиями. Мы посчитали, во что обходится в связи с новыми налогами на импорт, экспорт и добавленную стоимость новое производство полиэтилена, которое намереваемся начать строить. К нашему кредиту, который берём для этой цели, необходимо добавить ещё сорок семь миллионов немецких марок. Враз возникло удорожание на пятую часть общей стоимости проекта. Надо решать: отказаться или искать дополнительно средства.

Энергетиков донимают за долги газовики, и они твёрдо заявили, что останутся за неплатежи соседний нефтехимический комбинат. Тогда возникнет проблема с городскими стоками. Большая часть их проходит очистку на этом предприятии и незначительная – на нашем. Комбинат даёт воду на ТЭЦ для котлов и вообще на всю хозяйственную деятельность, в том числе и нашего завода. Если он полностью остановится, то парализует и эту сферу.

Сегодня воскресенье. Выполнят энергетики ультиматум или нет? Начало следующей недели покажет. Но как можно быстрее ликвидировать кризис неплатежей и выплатить долги государства трудящимся. Вернуть хотя бы половину аграрному сектору и ВПК. Вот тогда что-то сдвинется с мёртвой точки. Опосредованно, но дойдёт волна до нефтехимии, до общих сфер народного хозяйства, до города. Ну, а если... .

... Сейчас говорят, что искусство у нас гибнет. Но чаще переломные времена и рождают великие произведения.

Произведения великие, а жизнь мерзкая. Возьмём “Тихий Дон” Шолохо-

ва. Гениальное произведение! Но сама гражданская война, жизнь, быт во время неё? Вражда между русскими (брат на брата, сын на отца...). Это – ад. Это – трагедия. Увы, успехи искусства связаны с потрясениями в обществе, в самой жизни. Пройдёт десятка два лет... увидим, кто прав.

“Факт”, – как говорит Давыдов в “Поднятой целине”.

Кстати, первоначальное авторское название этого романа было “С потом и кровью”. И это название ближе к жизни. Но у времени – свои законы.

В руках – одиннадцатый мартовский номер газеты “Экономика и жизнь”. Такая вот информация: в феврале более четырёх тысяч предприятий России имели длительные остановки всех или отдельных производств. Потери рабочего времени составили 22 миллиона человеко-дней, или 18% табельного фонда. В дополнительный неоплачиваемый или частично оплачиваемый отпуск по инициативе администрации в феврале отправлены 22% работников остановившихся предприятий. В истекшем месяце бастовало двадцать восемь предприятий топливной промышленности. В результате потеряно шестьдесят тысяч человеко-дней рабочего времени. За январь и февраль промышленное производство упало на двадцать четыре процента в целом к соответствующему периоду прошлого года. На практике это означает закрытие около ста заводов. “Представьте себе, сто директоров бродят по стране, – сказал Григорий Явлинский на заседании Государственной Думы, – а завтра их будет двести”.

В этих условиях, по его мнению, важны не столько абсолютные цифры, сколько сам факт. Тысячи других директоров ведущих предприятий ждут банкротства, тогда и они присоединятся к вышеназванным.

Мы решились строить новое общество. По новым для нас законам, законам капитализма. Но у капитализма порой они волчьи...

И уже нарождается новая порода людей. И волчата пробуют зубы.

В начале этой недели вечером в подъезде собственного дома избили возвращавшегося с работы генерального директора соседнего акционерного общества. Ранее ему неоднократно угрожали.

Мало того, что предприятие почти стоит, совершено нападение на первого руководителя. Я с ним встретился, разговаривал. Лицо всё побито, в подтёках.

Такое же, в болезненных гримасах, и лицо нашей российской промышленности!

Ничего неожиданного нет в гуляющих по Москве слухах о готовящемся государственном перевороте. “Комсомолка”, “Известия” пестрят статьями о вариантах заговора. Но ни политики, ни население, по-моему, серьёзно эту возню уже не воспринимают.

Из газет: “22 марта 1994 года в 20.58.01 по московскому времени в районе Междуреченска потерпел катастрофу пассажирский самолёт-аэробус А-310-300 авиакомпании “Российские авиалинии”, выполнявший рейс по маршруту Москва – Гонконг. Все находившиеся на борту 75 человек погибли”...

Около столовой случайно встретился с бывшим работником нашего завода – заместителем начальника одного из цехов Скорняковым Александром Ивановичем. Два года назад настигшая его в тяжёлой форме стенокардия вынудила уйти на пенсию. На вопрос: “Как жизнь?” – ответил:

– Туговато с деньгами, пенсия всего пятьдесят шесть тысяч.

Средний заработок по городу – сто восемьдесят тысяч рублей. Против той, которая была у нефтехимиков пять лет назад, меньше половины. Не густо...

– Но мне много не надо. На еду хватает. Зато узнал, что у жизни имеется и другая сторона. Хожу с внуком на рыбалку, в театр.

Интересная штука – пенсия. Посмотрим.

Посидим ещё на лавочке у дома. Если доживём...

На сегодня в бюджете города пусто. Наш завод переплатил по итогам прошлого года миллиард рублей. Пытался через налоговую инспекцию день-

ги вернуть, но нет денег для возврата. Это было бы не так грустно, если б не было ясно, что второй квартал вообще не принесёт прибыли. Не будет её и у соседей. Пополнения городской казны ждать неоткуда. Мелкие предприятия, товарищества, кооперативы лопаются, как мыльные пузыри. В основном из-за непосильных налогов и разрыва связей, нестабильности. Много рзета, угроз. Откуда ждать поступлений в бюджет?..

... Мне рассказывают знакомые, что некоторые преподаватели вузов прекращают лекции, мотивируя тем, что надо идти на рынок продавать товар. Доценты занимаются челночным бизнесом. На преподавательскую зарплату прожить невозможно. Она в два раза меньше стоимости потребительской корзины. Трудно академической науке. Невозможно нормально учить детей. Критерии, приоритеты у многих студентов теперь другие. Они видят, что можно не учиться, а зарабатывать больше дипломированного специалиста. Печально. Но это нельзя ставить в вину молодёжи. Винаваты мы, старшее поколение.

В середине прошлой недели звонил из Москвы один из чиновников, курировавший нашу отрасль ещё в том, советском министерстве. Спросил:

- Ну, как дела на полиэтилене?
- Нормально. Стоим.
- Как – стоите?
- Очень просто. Четвёртый месяц уже. Полиэтилен убыточен.
- А как фенольное производство?
- Стоит, как и полиэтилен...
- А что ещё остановлено?!
- Остальное работает.
- Как нагружено?
- Процентом на восемьдесят.

Лет восемь назад, во времена СССР, этот разговор показался бы дикостью! Никто не занимается народным хозяйством страны.

Апрель

Оборотных средств не хватает. Задушила предоплата. Это новое явление нашего времени. Суть её в том, что железной дороге, например, необходимо оплатить более половины, чтобы она приняла груз к перевозке; поставщикам сырья авансом покрыть половину его стоимости. Душат неплатежи, ультимативные требования партнёров. При существующей системе налогов нет возможности ни развиваться, ни пополнять оборотные средства. Налоги поглощают до семидесяти процентов прибыли. Работающих промышленных предприятий всё меньше. Прошла информация, что на тридцать предприятий области подготовлен документ о банкротстве. То есть они уже в черновом списке числятся как банкроты.

Не могу, не хочется верить!

Два дня назад одного нашего рабочего положили в травматологию. Возвращался вечером домой. На остановке набросились подростки, человек пять. Ударили сзади по голове, сшибли с ног, раздели и разбежались.

Волчата. Зубы режутся.

В недавней поездке в Москву попутчиком оказался крепкий семидесятилетний мужчина. Язык не поворачивается назвать его стариком. Выбрит, при галстукe, активен в разговоре, чётко в суждениях. До недавнего времени работал в строительном главке. Работал, как он говорит, с темна до темна, включая выходные. Не заметил, как дети выросли, как сам стал пенсионером. Очень много рассказывал забавных подробностей из быта строителей тех времён. Но каждый раз возвращался к одному: “Почему нас всех огульно охаяли при перестройке? Да, мы – коммунисты, но разве не мы создали индустрию страны, разве не мы положили все свои годы и силы в работе?”.

Он говорил, не дожидаясь ответа, знал его заранее.

– Мой генеральный часто не ездил домой ночевать. Жил в кабинете. Мы ему, чтобы сшить новый костюм, мерку снимали в тот момент, когда он спал на диване, иначе поймать не могли, а теперь говорят – “номенклатура”, “ком-

муняки”, клеймят по-всякому. Кто-то гнул ложную политику, а кто-то — спину в работе. Обидно. Сейчас пенсия — тьфу, говорить стыдно, на дорогу в Москву и обратно не хватает. Куда дальше? Вот сел писать книгу о таких, как я. Нас ведь обокрали и оболгали.

— Кто, — спрашиваю, — те, кто при перестройке, или после?

— И до перестройки, и при ней, и после неё. Человека труда всегда оби-
рают.

До мельчайших подробностей помню обстоятельства, при которых роди-
лась моя дочь Соня. Я работал тогда заместителем начальника цеха. Был в от-
пуске у матушки в деревне. Уехал и не рассчитал: у жены начались роды. Мне
позвонили. На другой день примчался в город. Перед посещением роддома
заскочил домой переодеться. Только снял рубашку, стук в дверь. Открываю —
посыльные с завода. Оказалось, что в семь часов двадцать минут в тот день,
когда наступили роды, наш цех взорвался. Погибли три человека. Один из
них, Николай — старший аппаратчик, мой коллега.

Через двадцать минут был в цехе. Завод стоит. Прибыли из Москвы три
заместителя министра. Комиссия занимается расследованием. Кипит работа
по разбору завалов. Я попал в роддом только на пятые сутки! Посылал жене
записки прямо с места аварии. О взрыве молчал. Врал, что заболел началь-
ник цеха, обострилась язва желудка, лежит в больнице. Никак не могу вы-
рваться. Трое суток, днём и ночью, около двухсот солдат помогали разбирать
завалы. Искали погибших. Нашли на четвёртый день, когда я первый раз уе-
хал домой поспать. Перед окном палаты, где лежала жена, появился на пя-
тый день. Увидев меня, она погрозила кулачком. Оказывается, накануне па-
рень с соседнего завода, у которого жена в той же палате, стоя под окном,
объявил громогласно:

— Мы уже почти неделю разбираем на соседнем заводе взорвавшийся
цех, — и назвал номер цеха и мою фамилию...

Моей вины в той аварии не было; за двенадцать предшествовавших ей
дней каких-либо технологических осложнений и причин, способных повлечь
за собой взрыв, не обнаружено. Таков вывод комиссии.

Цех подняли в рекордный срок — за три месяца. Досталось всем крепко.
Это и громадная школа. Две недели не выходил из проектного института. Вся
документация на восстановление прошла через мой контроль. Чуть позже ру-
ководство завода предложило мне возглавить соседний цех.

В системе, существовавшей до перестройки, многое можно критиковать.
Но оперативности, чёткости, отлаженности работы производства позавидуешь!
На восстановлении задействовали все необходимые силы и средства области.

Май

В этом году бывший День солидарности трудящихся совпал с Пасхой Хри-
стовой. И, может быть, от того возникло ощущение, что праздники нынче
пройдут более спокойно, более миролюбиво, хотя и планируются массовые
манifestации и демонстрации в Москве. У меня в руках открыточка: “Хрис-
тос Воскресе, уважаемый Виктор Сергеевич! Примите сердечные поздравле-
ния с праздником святой Пасхи. Воистину Воскресе! С молитвенными поже-
лениями, епископ Самарский, Сызранский — отец Сергей”.

Нельзя было года два-три тому назад представить подобного проникно-
вения Церкви в повседневный быт российского гражданина. И это уже знаме-
нательно!

С отцом Сергием познакомился в доме отдыха, когда ещё жил и работал
под Самарой. Интеллигентный, спокойный, воспитанный человек. Мы сыгра-
ли несколько партий в бильярд. Он подарил мне две духовные книги. А не-
давно попросил изготовить два десятка подсвечников для церквей. На про-
шлой неделе мы просьбу выполнили.

Газеты пестрят заголовками статей о приезде на АвтоВАЗ Гайдара. Сам
он заявляет, что цель — встреча с избирателями. Но, конечно, — и организа-
ционная работа по созданию партии “Выбор России”. Меня, прежде всего,
интересуют его высказывания в газетах и на телевидении о финансово-эконо-
мическом состоянии страны.

Вот в газете “Дело” за 22 апреля 1994 года читаю: “Погашение взаимозадолженности и вообще любые меры по урегулированию проблемы за счёт ослабления кредитно-денежной политики, как показывает богатый опыт, приводит, прежде всего, к результату, строго обратному ожидаемому (...) Есть одна проблема, в которой вина правительства огромная, это – неплатежи самого правительства. правительство берёт на себя крупные обязательства, а потом не выполняет, что, к сожалению, активно делалось в начале 1993 года”.

Что же получается? Самый большой должник – государство. Оно не выполняет свои обязательства. В то же время обвинение бросается руководителям, которые не могут якобы возглавлять предприятия, ибо они неплатёжеспособны. У нас порочный круг неплатёжеспособности. Вину валят то на правительство, то на предпринимателей. Не верю, что смена руководителей предприятий выведет страну из кризиса. Сам Гайдар тут же утверждает, что кризис преодолеем тогда, когда инфляция будет ниже трёх процентов. Тогда при чём здесь руководители? Их замена даст кредит времени нашим политикам от экономики? И больше ничего! Но ведь для предприятий это явно нежелательно. Как у идеологов наших реформ, за которые, кстати говоря, и я голосовал, поднимается рука огульно на всех директоров. Ведь это – громадная армия многоопытных, талантливых россиян, которых скопом подводят под ранг недееспособных. А семьи, родственники и близкие, их судьбы? И всё одним росчерком, одним жестом?! Не исключая ветеранов, участников войны, классных умельцев-производственников, рабочих-мастеров! Все – заложники каких-то мистически ожидаемых результатов реформ, суть которых в общем плане понятна всем, но нет ни механизма, ни программ реализации, согласованных с народом. Генеральный директор акционерного общества АвтоВАЗ В. Каданников в сердцах заявил со страниц областной газеты, что у него незрело желание выйти из нашего государства. Интересно, куда?..

Творится несуразное не только в нефтехимии и нефтепереработке, но и на многих промышленных гигантах. АЗЛК – второй крупный производитель автомобилей в России – работает по графику, установленному в январе: три дня в неделю, собирая по пятьсот машин в сутки. Последняя остановка главного конвейера АЗЛК в первой половине марта связана с нехваткой финских двигателей. Сейчас двигателей достаточно для нормального ритма производства в течение ближайших двух недель, но только сокращённых...

На крупнейшем предприятии “Нижнекамскшина”, где в коллективе шестнадцать тысяч человек, средняя зарплата рабочего – сто пятьдесят тысяч. Путьёвка в Сочи – пятьсот пятьдесят тысяч. Пожалуйста, бери отпуск, езжай в Сочи, отдыхай и потом три месяца сиди без денег, ищи подножный корм.

Земля всегда как-то выручала. И сейчас помогает. Поэтому резко возросла потребность в огородах, дачах, земельных участках. В выходные, на праздники большинство наших работников, да и с соседних предприятий – там. Хорошо, что мы обеспечили огородами всех желающих, хоть это спасает!

Двадцать дней, как у меня родился внук. И все они заполнены хлопотами вокруг нового человека, маленького, но так крепко сплотившего вокруг себя всех нас. Когда внука привезли домой, такого трогательного, беспомощного, я, наивный, вдруг подумал, что видевшие рождение ребёнка люди, которые были рядом с ним с первых минут появления на свет и которые ощутили это трогательное, щемящее чувство к крохотному ростку незащищённой человеческой жизни, неповторимости её, не могут потом поднять руку вообще на человека, причинить физическую боль.

Его отец уехал в Москву. Через день позвонил и на вопрос: “Как доехал?” – ответил:

– Нормально, но с маленьким ЧП.

Оказывается, поезд остановили на полдороги. Поступил звонок из железнодорожной милиции о том, что заложена мина. Прибыли сапёры. Подогнали запасной состав, перегрузили пассажиров. Потеряли на этом четыре часа. Как потом сообщило телевидение и местные газеты, мину не обнаружили. Какой-то умник вздумал позабавиться. Шутка, разумеется, дорого обошлась и железной дороге, и пассажирам. Курьёзно: в одном из вагонов в сумке нашли деньги – около десяти миллионов рублей. Хозяин так и не объявился.

В безумное время появился на свет мой внук!

Резко падает выпуск большинства видов продукции самого различного назначения. Ни экономисты, ни практики — никто не ожидал таких темпов снижения общепромышленного производства. Увеличилось число простоев и полной остановки предприятий. Отпуск цен на энергоносители стал практически первым толчком к деградации нефтехимии в целом. Её поставили на грань катастрофы. Из наукоёмкой, приоритетной нефтехимия превращается, пожалуй, в одну из самых бедствующих отраслей. В прошлом году нефтехимия в целом и наше акционерное общество ещё как-то успевали реагировать на ценовой рост, но трёхкратное повышение тарифов на электроэнергию с начала нынешнего года привело к потере платёжеспособных потребителей на внутреннем рынке из-за высокой цены продукции. А ведь наша нефтехимия занимала в советское время второе место по выпуску продукции после США.

На этой неделе Борис Ельцин был в Германии. Основная цель: условия вывода российских войск. Визит сам по себе, как и предполагалось прессой, социологами и политологами, оказался бесконфликтным. Все необходимые документы подписаны, оценка встречи обеими сторонами — положительная.

Визит этот мог бы быть примечательным и для нашего завода. Я напряжённо следил за посвящёнными ему телепередачами. Дело в том, что месяца за полтора мы послали Ельцину письмо с просьбой рассмотреть проблемы реконструкции завода, в частности, вопросы строительства установки по производству полиэтилена. Я уже говорил об этом. Мы были готовы строить. Но изменили систему таможенных пошлин. Ввели спецналог на ввозимое оборудование. В связи с этим выросла стоимость нашего контракта на сорок семь миллионов немецких марок. Это усложнило экономическую ситуацию на заводе. Денег таких мы не имеем. Попросили Бориса Николаевича оставить условия налогообложения и таможенных пошлин на период строительства те, которые действовали на момент заключения контрактов.

Ответа не последовало.

Кажется, Декарту принадлежат слова: “Пока живу — надеюсь, пока надеюсь — живу”. Мой коллега, директор, который уже смирился с тем, что его предприятие — банкрот, сказал мне:

— Смотри на это дело философски. Всё пройдёт!

Когда 26 апреля у меня родился внук Виктор, мы — оба деда и его отец — на нашей даче заложили в нержавеющую трубу пару бутылок: коньяк и сухое вино. Написали на листке пожелание и закопали. Договорились — через пятнадцать лет, в день его рождения, показать это место. Пусть сам достает и читает.

Здорово, если бы и мои вот эти записки лет через пятнадцать оказались интересными хотя бы моему внуку. Когда он вскроет наше послание, мне, если доживу, будет шестьдесят пять. Пусть внук через годы услышит нас. Задумается: какими мы были, почему так поступали? Отчего не делали очевидные вещи, в силу каких причин? И наступит ли в России период, когда можно будет побороть то, что мешает сейчас? Конечно, цивилизация выйдет на другой уровень. Вполне возможно, сильно улучшится быт. Не на таких, как сейчас, самолётах будут летать. С иной скоростью. Это — цивилизация. А культура? А ум? Так хочется, чтобы культура опережала цивилизацию. Поднималась быстрее. Вперёд, всё выше, выше и выше! Вспомним, Лев Толстой ходил пешком, землю сохой пахал, верхом на лошади в валенках ездил по Москве... Но каков был дух его!

Пришла правительственная телеграмма за подписью руководителя департамента с поздравлением по поводу избрания меня членом-корреспондентом Российской инженерной академии. Приятно, что в общем хаосе заметили... Но большой радости нет. Она, возможно, и была бы, если б я не так часто сталкивался с жутко суровой нашей действительностью. На сегодня нет и не могут быть изобретены и разработаны нашими учёными технологии, которые в состоянии резко вывести предприятия из экономического провала. Почему? Ответ не в сфере науки и технологии, а в сфере ценовой политики и вообще политики. Сырьё и энергоресурсы так дороги, что они самую эффективную технологию делают убыточной. Наука в этой ситуации не спасает. Саму науку

спасать надо. Сегодня профессор в институте получает меньше, чем уборщица на нашем заводе.

Работа в секции академии с первых дней подтвердила мою оценку ситуации. Забота академии на сегодняшнем этапе – найти возможность выжить самой науке. Впрочем, одна ли она в таком положении? Прекрасные артисты нашего областного, между прочим, академического, театра оперы и балета по-настоящему бедствуют, но переносят это достойно. Куда деваться?

Июнь

В селе, где я родился и жил до восемнадцати лет, двое крепких парней решили сделать для земляков доброе дело. За селом в реку Самарку впадает небольшой безымянный приток. Тихая в летнюю пору, речушка в половодье, собирая со всех окрестных полей воду, несёт огромный, ревущий, многоголосый поток. Парни решили перегородить дорогу воде плотиной, прорыть небольшой перешеек и пустить её по старице в ту же Самарку, но километром выше по течению от старого места. Смысл в том, что на этом пути поток по своему ходу заполнял бы несколько обмелевших озёр, и они должны были ожить и пополниться рыбой. Благое дело. Осенью два бульдозера, подчиняясь воле азартных ребят, с одобрения начальства и односельчан, усиленно рыча, выполнили своё дело.

А весной случилось неожиданное, не как замышлялось. Не только все озёра переполнились водой, но под воду на всё лето ушли песчаные, сотни лет служившие людям дороги. Некоторые уголки леса стали недосыгаемы, развелись мошара, гниль. Но мало того, поток, разъярённый в азарте освоения новых путей, с такой силой вырвался к Самарке, что на целом гектаре повалил вековые осокори, они своими телами вкривь и вкось сверху накрыли новое расширившееся русло. Получились чудовищные завалы, гигантские и фантастические. Чуть ниже выхода водной стихии на левом берегу реки возвышался огромный каменистый мыс, поросший старинными дубами. Мыс олицетворял, казалось, вечное и постоянное. Его и всё, что на нём, снесло в одночасье, река раздвоилась. Чуть ниже образовался остров. Изменилось всё окрест. Старое русло превратилось в заболоченную неприглядную низину, начало зарастать кугой. Люди не сразу смогли привыкнуть к новому. Некоторые поговаривали о том, чтобы разрушить плотину.

Когда я рассказал эту историю своему приятелю, назвав в шутку тех ребят прорабами перестройки, он усмехнулся:

– Действительно, наша перестройка. Но с одной разницей.

– С какой?

– Ребята действовали от души, простодушно, а перестройка с самого начала была лукавой, а потом – вовсе лживой.

Странное чувство испытываю в последнее время. Оно сродни тому, которое было, когда восемнадцатилетним парнем приехал учиться в город. Прекрасное было тогда время. Я воспринимал себя представителем нашего села, как будто пришёл в город – и всё село поручило мне представлять его там и защищать. Я так в себе это и нёс, так и поступал. Пренебрежительные слова в адрес села, не только моего, а вообще всего деревенского мира, встречал болезненно. И при своём спокойном, достаточно уравновешенном характере лез драться. Защищал не себя, а всех нас, сельчан – облыжно оболганное, затюканное сельское население. Родное моё село давало силы. Было обидно за него. Теперь кажется странным, как мне всё-таки не свернули шею. Сейчас, когда мне уже пятьдесят, чувствую себя частицей, но уже не села, а той части россиян, которая должна вывести или которая поспособствует своим трудом выводу России из того удручающего состояния, в котором она оказалась. И у меня, как в мои восемнадцать лет, когда кто-то ругает Россию, смотрит свысока, пренебрежительно относится ко всему русскому, чешутся руки. Мне горько, что россияне походя, где ни попадая, бьют и ругают самих себя. Невыносимо, когда иностранцы смотрят на нас высокомерно. Но чаще всего сочувствуют, часто говорят: вы умные, грамотные ребята, такие симпатичные, как же так сложилось, что многое у вас никак не получается?

Из сегодняшнего номера газеты “Известия”: “В пятидесятые годы в России ежегодно рождались 2,5–2,8 миллиона детей. В 1991 году в стране роди-

лись 1,8 миллиона. В 1992 – 1,6 миллиона, в 1993 – всего 1,4 миллиона детей. По последним данным, средняя продолжительность жизни в 1992–1993 годах у мужчин – 59 лет, у женщин – 72,7 года. Велико превышение средневропейского уровня смертности от убийств (в 20,5 раза у мужчин и в 12,2 раза у женщин)».

Такой ли ценой надо перестраивать российскую жизнь, менять государственное устройство?

Июль

Сегодня пятница. Уехал с завода, получив известие от железнодорожников о прекращении вывоза продукции до полного погашения задолженности. Более трёх миллиардов рублей! Вот так, под выходные. Будто специально!

Энергетики телеграммой требуют срочно дать график выплаты задолженности с фиксированной суммой по неделям. В противном случае грозят немедленно снизить подачу пара.

Вслед за этим главный инженер ТЭЦ предупредил: возможна полная остановка станции, а значит, и нашего завода из-за прекращения подачи мазута с соседнего нефтеперерабатывающего предприятия. Оказывается, нефтяники отказались закачивать на НПЗ нефть. Диспетчер вбежал в кабинет ещё с одной «мелочью»: на нашей туристической базе на Волге хулиганы устроили дебош. Гоняют персонал, директор вопит по рации: «Не пришлите милицию – разнесут всё в щепки!».

В подъезде нашего дома с зимы в подвале, где тепловой распределитель образовался притон. Вначале я не обращал внимания на пробивавшийся наружу электрический свет. Всё открылось, когда однажды спустился туда. Самодельные лежаки, матрацы. Девушки меж желторотых пацанов. По утрам, отправляясь на работу, сталкивался с заспанными, опухшими, потухшими лицами дарительниц «райского наслаждения». Несколько раз звонил в домоуправление и милицию. Бесплезно. Кончилось пожаром, дым проник в соседние подъезды, заволкло первые три этажа. Пожарные поработали усердно. Залили всё. Жильцы сначала запаниковали, потом разъярились. Полуживых виновников – кого разогнали, кого отправили куда следует.

Гуляю в парке с внуком, положив под одеяло в коляске газовый пистолет. Когда наклоняюсь к внуку, какая-то недетская усмешка появляется на его пухлых губах. Он усмехается надо мной? Или сразу над всем нашим поколением? Заранее уже зная о нас такое, чего нам не дано?

Такое ощущение, что бесы правят бал, затянувшийся и изнурительный.

Первая половина года позади. Родственные предприятия либо стоят, либо их сильно лихорадит. Мы работаем. Прибыль нулевая. Правда, пока не продали, как это делают многие, ни одного объекта социально-бытового назначения. За последний год миллиард рублей в виде дотаций затратили на содержание жилья. Оно должно отойти городу. Это теперь – муниципальная собственность. Но средств у городских властей нет. Отдать – значит развалить всё хозяйство и обречь значительную часть города на разруху.

Полезно иногда оглядываться назад. Попались на глаза листочки из сообщения моего заместителя по экономическим вопросам об итогах первых четырёх месяцев 1993 года. «Как оценивается ситуация на заводе в данный момент? В условиях всеобщей экономической депрессии до самого последнего момента удавалось не только держаться на плаву, но и кое в чём продвигаться вперёд. Немыслимыми в условиях плановой экономики темпами коллектив завода за последние два года организовал производство реагентов для нефтедобычи. Через некоторое время начнём выпуск высокоэффективного реагента для литейных производств автозаводов. Короче говоря, за 4 месяца этого года объём производства в сопоставимых ценах увеличился по сравнению с январём-апрелем 1992 года на 17,5%».

Такие итоги позволили избежать социального кризиса на заводе. Постепенно растёт средний заработок, люди получают продовольственные и промышленные товары, нормально работают учреждения социальной сферы. Мы не только избежали сокращения рабочей силы, но, наоборот, дополнительно приняли за последние полгода 573 человека.

В общем, не без оснований мы ещё два месяца назад думали, что с определёнными трудностями, но выживем в условиях экономической реформы. И свет в конце туннеля стал виден. Но кормчие реформы повернули её руль в сторону рифов, непозволительно увеличив при этом скорость. Кажется, рынок превратился в самоцель, а не в средство для создания эффективной системы хозяйствования. Вместо стимулирования роста производства правительство зациклилось на попытках стабилизировать бюджетно-финансовую систему, причём с помощью так называемой либерализации цен.

В итоге – финансовый кризис. Если в начале года взаимные неплатежи составляли в стране около 40 миллиардов рублей, то сегодня, вероятно, превышают триллион.

Август

Сегодня 3 августа. Диктор программы “Новости” передал печальное известие: умер Иннокентий Смоктуновский. Инфаркт. Но бывают и радостные дни. Установка по выпуску абсолютированного спирта с концентрацией основного вещества около ста процентов выведена на устойчивый режим. Продукт пошёл в товарно-сырьевой парк. Сегодня заключён контракт на его продажу зарубежной фирме. Московский её представитель прибыл к нам накануне самолётом. Маленькая, но очень нужная победа. Правда, пока три месяца строили и осваивали установку, эффект от неё из-за резкого повышения энерготарифов снизился ровно в два раза. И, тем не менее, она значительно улучшает заводскую экономику. Не обошлось, правда, и без курьёзных моментов. Неугомонный Алексей Свиридов на радостях демонстративно выпил полстакана спирта прямо из-под насоса. В открытую. Знаменуя победу технической заводской мысли над, как он выразился, “сокрушительными обстоятельствами экономики”. Потом выяснилось, что в спирте были сотые доли процента бензола – очень вредного для организма вещества. Но технолог не пострадал. Последствий пока никаких и даже настроение не упало: “На миру, – смеётся, – и смерть красна”.

Знакомая просит помочь найти работу по специальности.

– всю жизнь была машинисткой-стенографисткой. Зарплата – восемьдесят пять рублей. Поняла, что надо учиться работать отлично, иначе не проживёшь. Стала одной из лучших в городе. Скольких диссертаций напечатала! Ушла на пенсию – на книжке тридцать одна тысяча. Думали с мужем, что чуть ли не самые богатые в городе. Рухнуло всё сразу: деньги вмиг стали трухой. Два года назад умер муж. Пенсия – тридцать семь тысяч. Что делать? Решила продать двухкомнатную квартиру, купить однокомнатную, а вырученные деньги положить в сбербанк. Жить на проценты. Дала объявление. Пришёл сын: “Мать, ты что делаешь, а как с Сашкой? Он поступает в институт, будет жить у тебя. Как в одной комнате?”. Приехал внук Саша, стал студентом, живёт у меня. Сына на работе сократили. Не может пока нигде устроиться. Существует на зарплату жены. А мы с Сашкой – на мою пенсию и его стипендию. Какое? Мне шестьдесят семь, печатать ещё могу. Но мало клиентов. Наверное, не до диссертаций теперь.

Говорит голосом будничным, сдержанно. Стыдится быть обузой для кого бы то ни было.

Пятнадцатое августа. Не стало Леонида Леонова. Время рвёт человечество на куски, унося поочередно современников в небытие. Леонов даже не частица, а целая эпоха в русской литературе. “Русский лес” – это русская, российская жизнь, вечно зелёная и обновляющаяся. И он, Леонов – раскидистое могучее дерево в ней, с корнями, уходящими в такую глубину, что и представить трудно. А в зелёной кроне её – “птичий гомон и щебетня”.

Неделю назад в правительстве РФ, у первого вице-премьера Олега Сосковца состоялось обсуждение нашего проекта реконструкции завода. Присутствовали представители Баварского банка, фирмы “Линде”, руководители “Гипропласта” и “Роснефтегазстрой”, то есть те, кто кредитует, проектирует, комплектует оборудование и строит. Встреча проходила успешно, доброжелательно. Пожав всем руки, Олег Николаевич пригласил за стол. Обратившись ко мне по имени-отчеству, вице-премьер попросил доложить о главном.

За десять минут я рассказал о нашем плане. Затем пошли вопросы, обсуждение. Совещание подготовили хорошо, все присутствующие со стороны правительства владели и сутью дела, и основными цифрами.

Рассматриваемый контракт с его компенсационной основой, с продажей нашей продукции и полным самофинансированием не только одобрили, но и приняли как пример для других заводов. Тут же поручили Минфину и Минэкономике на основе нашей схемы проработать возможность получения кредита для реконструкции нескольких заводов нефтехимии.

Почти все наши просьбы, включая и выдачу правительственной гарантии для банка, получили поддержку.

Учитывая большую потребность нашего региона в полиэтиленовой плёнке для упаковки пищевых продуктов, изоляции магистральных газо- и нефтепроводов, а также в высоконапорных полиэтиленовых трубах для мелиораторов и газовиков, необходимость создания новых рабочих мест и пополнения местного бюджета, ещё раз попросили освободить нас от вновь введённых налогов и пошлин на ввозимое оборудование. Подобное ранее сделали для некоторых государственных предприятий. На это однозначной реакции не последовало.

Олег Николаевич вежливо попрощался со всеми, пожав каждому руку. В приёмной, когда вышли, царил дух явного успеха. У меня же было двойственное чувство.

Точно на такой же встрече около года тому назад у тогдашнего первого вице-преьера Олега Лобова тоже всё определили. Я уже говорил, что на радостях пригласил Олега Ивановича приехать к нам в гости на завод.

Суеверно, ещё в приёмной, отметил я похожесть этих встреч. Такое же расположение кабинетов и мебели, та же сдержанная приветливость рослых хозяев кабинетов, одинаковый синий цвет костюмов. И тогда был дан “зелёный свет” проекту. Потом пошла серия указов и общих изменений в финансовой системе страны, и мы оказались на мели.

Если не сделают исключение, не снизят пошлины для ввоза оборудования, ожидаются большие проблемы с деньгами. Не хочется быть пессимистом, но в последние годы почему-то часто возникают обстоятельства, действующие против нас.

Пригласил врачей из поликлиники, которая когда-то обслуживала кремлёвских работников. Сейчас это возможно. Заплатили – и все дела. Милые, интеллигентные люди, вдруг оказавшиеся на финансовой мели, быстро и деловито перестроившись, начали помогать периферии.

Результаты превзошли все ожидания. Мы договорились обследовать триста больных, которые лечатся давно и не совсем успешно, и триста человек, которые вроде бы не жалуются на здоровье. В обеих группах оказалось много неожиданностей. Случались грустные моменты, когда считавший себя здоровым человек оказывался болен. Многие пожелали проконсультироваться у психотерапевта. Приходили супружескими парами, пытаюсь понять, почему для них стала характерна озлобленность, нетерпимость, несдержанность. Немало тех, кто, недоумевая, жаловался на резкие изменения характера, на потерю интереса к жизни, подавленность.

Мы пришли к выводу, что на заводе надо немедленно организовать кабинет психологической разгрузки. Врачи успокаивают: это – общая закономерность, результат политической, экономической нестабильности в стране. Аллергия, астма, желудочно-кишечные заболевания прогрессируют.

Не обошлось и без “курьёзов”. Заводской управленец, неплохой специалист, но к спиртному, мягко говоря, равнодушный, заядлый курильщик, оказывается в свои пятьдесят семь самым здоровым человеком в заводоуправлении!

Сентябрь

Немного отлегло от сердца. В конце рабочего дня без приглашения вошёл в кабинет слесарь Николай Алексеев. Ну, думаю, вновь набедокурил. Работящий мужик, но невыдержанный и взрывной. Мы когда-то вместе работали в одной бригаде ещё в Новокуйбышевске.

– Сергеич, не волнуйся, меня никто нигде на сей раз не задерживал, в вытрезвитель не попадал. Я по другому вопросу.

– Какой сегодня?
– Ты подписал приказ о переходе на четырёхдневную неделю?
– Вынужденно.
– Правильно! Подписывай ещё один, меня мужики наши прислали.
– Какой же?
– Надо всем уменьшить зарплату процентов на тридцать, временно. Мы потерпим, а завод этим, может, сохраним.
– Многие так думают?
– Многие, а если ты сам к этому призовёшь, поддержат и остальные.
– Я над этим уже думал.
– Ещё одно пожелание, а может, просьба-требование, можно?
– Давай.
– Не пиши заявления об уходе.
– С чего ты взял?
– С того, что обложили нас со всех сторон. Мы понимаем: тяжело руководить. Сосед наш – директор – написал? Написал. У них комиссия по банкротству работает. Ты этого допустить не должен. Народ тебе верит. Уйдёшь... пропадёт завод, да и ты на стороне без него не сможешь. Мы так решили: с тобой до конца. А помирать, так с музыкой. Побреемся, почистимся, белые рубахи понадеваем... и – с Богом. Молодец, что объявил месячник по культуре производства. Нельзя опускаться. Всё драят, скребут, метут, красят. Солидарность с тобой демонстрируют. Тебя поддерживают. Так что – рули, капитан!

Был в городском музее. Зашёл посмотреть на обновлённую экспозицию. Ещё не всё закончено. Приятно пахнет деревом. Вокруг пока не прибрано. Художники хлопочут около красивой люстры. Директор узнала меня:

– Стенд о вашем заводе готов, хотите посмотреть?

Экспозиция выполнена аккуратно и содержательно. Ксерокопии о приёме завода в эксплуатацию, телеграммы в правительство о выдаче первой продукции. И люди. Замечательные наши заводчане, ставшие историей города, страны.

– Но у нас беда!

– В чём дело?

– Посмотрите, вот материал о ветеране, замечательном человеке и труженике. Вот его награды. Орден Ленина в том числе.

– Да, я знал его лично. Он работал на заводе, что называется, до упора. Вышел недавно на пенсию и вскоре умер.

– Верно. Теперь его родственники требуют вернуть им его орден. Я не могу этого сделать.

– Почему?

– Он передан нам добровольно его женой.

– Так почему же хотят забрать?

– Видите ли, намерены продать.

– Много стоит?

– Они заявили, что на вырученные деньги смогут купить два автомобиля.

У музея таких денег нет. Я лично заплатить не могу. Уже пожаловались в высокие инстанции. Скорее всего, придётся отдать. Может, завод что-нибудь придумает?

Я невольно усмехнулся, вспомнив историю о том, как старик-слесарь продал свой орден всего лишь за пачку сигарет в начале перестройки. Промахнулся отец. Сколько же теперь он заимел бы курева?!..

Ездил маршрутным автобусом в областной центр. Моё место оказалось у окна. На выезде из города на остановке вошли в автобус двое: мама и дочка. Одно место свободное есть, но не у окна. Это обстоятельство явно не устраивает девочку. Мама, манерная, модно и со вкусом одетая дама, садится на свободное место. Девочка, трёхлетний белокурый сорванец, решает почему-то, что у неё больше прав, чем у меня, на то место, которое занимаю я. Или я не очень представительен и со мной можно поступать по-своему. Она тут же оказывается между мной и окном и пытается, уже протиснувшись, завоевать часть сиденья. Уступаю ей, встаю.

– Красиво как, мама, смотри – вон лошадка на полянке!

– Нехорошо, Людочка. Нельзя так некультурно себя вести. Верни дяде место.

– Я его не брала, пускай садится, сам встал. Ему, наверное, не нравятся лошадки. Смотрите-смотрите, какая огромная стрекоза летит!

Стрекоза действительно большая – военный вертолёт, только что поднявшийся с лётного поля. Несколько минут хватило, чтобы мама и дочка стали центром внимания всего автобуса. И мама красивая, и девочка забавно себя ведёт, делая всех пассажиров улыбчивее и добрее. Теперь уже все прислушиваются к диалогу матери и дочки.

– Людочка, всё-таки нехорошо. А вы, молодой человек (это ко мне), садитесь, пожалуйста, зачем стоять?

– Дяденька, садитесь, в ногах правды нет, – передаёт мне Людочка мировой человеческий опыт и освобождает часть сиденья.

Я благодарен. Не очень удобно себя чувствовать в центре внимания. Сажусь. Мама ведёт свою линию. Видно, ей понравилось всеобщее внимание.

– Людочка, давай сделаем так: ты всё-таки уступишь дяде всё место, а я за это тебя сегодня к себе в постельку спать положу, хорошо?

Пассажиры, втянутые в этот диалог, ожидают Людочкиного ответа.

– Нетушки, мамочка, не хочу!

– Ну, почему же, хорошенькая моя?

Маме явно не мешает всеобщее внимание, наоборот, оно стимулирует её педагогические устремления.

– Я, мамочка, с тобой не лягу, потому что у тебя попа холодная. Так папа говорит, правильно?

Автобус грохнул смехом.

Завод “на мели”. У нас нет задолженности перед бюджетом, но налоговая инспекция наш долг соседнему нефтеперерабатывающему комбинату направила в картотеку, поскольку нефтепереработчики крепко задолжали городу. Пока мы платим городу за соседа, возникнут огромные проблемы с закупкой сырья, реагентов, заработной платой. Не исключён останов ряда цехов.

Когда меня спрашивают, почему не иду в политику (мол, есть опыт хозяйственника, опыт депутатской деятельности, учёная степень доктора наук и т. д.), не сразу нахожу, что ответить. Но я вспоминаю фразу одного своего коллеги-директора: “Когда стал импотентом, как гора с плеч”.

Октябрь

Три дня в Париже.

Кажется, мы в очередной раз удачно ухватились за спасительную соломинку: нашли фирму, готовую поставить уникальное для России оборудование на два миллиона долларов в счёт компенсации этой суммы нашей продукцией.

Переговоры были напряжёнными. Личного времени хватило только на две ознакомительные поездки. Одна из них – в местечко Сент-Женевьев-де-Буа в тридцати километрах к югу от Парижа, где находится русское кладбище. Моим давним сокровенным желанием было поклониться могиле Ивана Бунина. И вот оно оказалось реальностью.

Всё обыденно, просто и торжественно. Пройдя через ворота церкви Успенья, построенной в новгородском стиле архитектором Альбертом Бенуа, наша небольшая группа оказалась на кладбище.

Мы были ошеломлены. Кладбище – свидетельство пережитой Россией величайшей драмы. По-другому это не воспринимается. Здесь нашли последний приют десятки тысяч наших соотечественников, не принявших новый порядок в России и оказавшихся без дома. Несмотря на то, что место, на котором упокоились наши русские, составляет значительную часть, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа является муниципальным и предназначено, в общем-то, для жителей этого уголка Франции.

Какие здесь лежат россияне! Писатели Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов, Георгий Иванов, Борис Зайцев... Художники Константин Сомов, Зинаида Серебрякова, Константин Коровин... Русские дворяне Голицыны, Мусины-Пушкины, Гагарины, Трубецкие, Шереметьевы, Толстые... Князь Феликс Юсупов...

После этих фамилий и посещения братских захоронений дроздовцев, алексеевцев, Русского кадетского корпуса, русского казачества остаётся либо кричать в голос, не помня себя, либо затравленно молчать. Около шести тысяч могил и десяти тысяч захоронений!

Подталкиваемый желанием как можно больше увидеть и узнать, я устремился к могильным плитам, открывая для себя всё новые и новые имена. Но скоро, душевно обессилев, вернулся к скромной могиле Ивана Бунина. Но и здесь не сумев обрести покой, пошёл в кладбищенскую церковь.

В юности я был покорён Буниным. Прочёл всё, что смог достать. Некоторые строчки рассказов носил в себе. К рассказу “Лёгкое дыхание”, потрясшему в детстве, возвращался многократно. Повзрослев, зачем-то убеждал себя, что эта история – сплошная выдумка. Это не жизнь, так не бывает. Но постоянно готов был поверить в Олю Мещерскую, в близкое лёгкое дыхание. “Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре”. Концовка рассказа уже не казалась мне мистической, как раньше.

Недавно познакомился с одним интересным человеком. Пётр Андреевич Дунаев. Старику девяносто лет, сельский интеллигент, учитель. Преподавал географию, историю, рисование. Обошёл пешком всю область, был в геодезических партиях. Искал нефть, соль. До недавнего времени жил в Серноводске. Старуха умерла, надо было куда-то прибиваться к своим. Переехал в наш город, живёт с дочерью. Старик рассказал такую историю.

Он работал учителем в одном заволжском селе. Времена крутые, самый разгар репрессий. Где-то в инстанциях получилась нехватка: требовалось добавить врагов народа. Их село должно было дать ещё одного человека. Следовало самим определиться, кто будет этим самым “врагом”. Партийцы сидели долго втроём в сельской избе. Остановили выбор на церковном старосте. Во-первых, он староста, что уже большой криминал по тем временам, а во-вторых, занимался частным промыслом: пилил изредка дрова, сушняк и продавал в городе. Так делали многие.

– В какой-то момент, – говорит Пётр Андреевич, – почувствовал, что я здесь самый грамотный, больше чем кто-либо понимаю, что творится беззаконие. Я больше остальных должен нести ответственность за то, что случится. И решил воспротивиться.

Как отговаривал он своих собеседников, рассказывать не буду, но, в конце концов, они решили: у них в селе больше нет врагов народа. Доложили наверх и страшно удивились, что их оставили в покое...

Чуть позже слух дошёл до несостоявшегося “врага”. Зашёл он в гости к Петру Андреевичу, принёс в крапивном мешке три больших солёных леща. Больше ничего не нашлось. Но Пётр Андреевич от лещей отказался. Церковный староста всё понял, не обиделся, сложил рыбу в мешок и ушёл. Этим лещей могли посчитать взяткой...

А в восемьдесят седьмом году, почти через пятьдесят лет, он пришёл опять к Петру Андреевичу, разыскал его. Пришёл уже совсем старым человеком, чтобы вновь поблагодарить. Сказал:

– Не дал ты тогда, Андреич, чтобы жизнь моя пресекалась. А у меня с того момента родились ещё четыре сына, а теперь вот уже девятнадцать внуков, правнуков. Вот сколько “враженок” от “врага” народа!.. А один сын, младший, стал Героем Советского Союза!

И засмеялся бодро, совсем не по-стариковски.

Ноябрь

Из газет: “Четырьмя выстрелами убит директор акционерного общества “Рязанский мясокомбинат”. Застрелили поздно вечером в подъезде собственного дома, куда за ним вошли трое молодых людей. Мотивы преступления следствию пока не известны”. Это не первое покушение, не первое убийство хозяйственных руководителей Рязани. Ни одно из подобных преступлений не раскрыто.

Пиши, мой чёрный ящик магнитофона!

Второго ноября разбросанных по земле “чёрных ящиков” стало больше.

В Сибири произошли сразу две авиационные катастрофы. В аэропорту го-

рода Усть-Илимска потерпел аварию пассажирский самолёт Ан-12. Погибли 9 членов экипажа и 14 пассажиров. А в районе посёлка Батагай (Якутия) при заходе на вынужденную посадку разбился самолёт Ан-2. Погибли 6 человек.

Михаил Сарайкин, сосед моей матушки, любил пофилософствовать про жизнь ещё до перестройки. Он когда-то, подростком, жил в семье кулаков Тимонтаевых и имел о раскулачивании совершенно определённое мнение:

— Вот ты смотри, — он выхватывал из рукава свой крепенький ловкий кулак и вертел им перед носом собеседника, — что это? — И сам отвечал, растягивая звуки: — Ку-у-у-лак! А это? — он резко разжимал пальцы и совал пятерню в лицо собеседнику. — Что это? Ничто! Тьфу, да и только. Так вот и с Тимонтаевыми: всё вроде крепко, надёжно, богато! А посмотри: лавка, полы некрашенные, косырём скоблили, чтобы навести чистоту. Весь достаток держался на каторжном артельном труде четырёх братьев. На порядке. Умели работать. И меня усыновили, и работать научили. Им благодарен. Когда их всех забрали в первый раз, так Петро с Фёдором из Кинеля убежали домой, чтобы пшеницу убрать с поля в амбары. Мы всю ночь волочили её на себе. Хлеб — всему голова. И вины за собой они не ведали. Не успели вернуться, на другой день снова арестовали. Вот если бы наши колхозники так болели за дело, а? А то ведь не своё, вот и нет ударной силы-то. Нет кулака, а есть распотыренная пятерня.

И лавки, и полы будут в нашей горнице чистыми. И будет что убирать в поле. Только не мешайте, а помогайте. Тогда и итог окажется положительным. И хлеб, как братья Тимонтаевы, вовремя уберём в наши с вами амбары... Едва не сказал: “закрома Родины”.

Вся прошедшая неделя, казалось, состояла из оглушающих событий в Чечне, связанных со штурмом Грозного и участием в нём русских военнослужащих.

Руководство России оказалось перед исключительно ответственным выбором. Или способное в любой момент перерасти в войну чрезвычайное положение, или сложный, не сулящий быстрых успехов переговорный марафон? Сила моральная или физическая? Вот несколько строк из экспресс-анализа аналитического центра газеты “Известия”: “В попытках повлиять на этот выбор в обществе выделилось две силы, две позиции: “партия мира” и “партия чрезвычайного положения”.

Организующим центром “партии мира” в эти дни стало Федеральное Собрание. На закрытых заседаниях палат проявилось невиданное в послеоктябрьской 1993 года России единодушие депутатского корпуса, в подавляющем большинстве выступившего против введения ЧП на территории Чеченской республики и за мирное разрешение конфликта.

В Госдуме эту позицию заняли лидеры всех основных фракций, даже те, кто в более спокойные времена требовал восстановления единого государства в границах 1945 года.

По решению президента, сегодня утром российские войска вошли в Чечню и блокируют Грозный. Переговоры во Владикавказе предваряет переданное по телевидению его обращение.

Похоже, нынешний день — 11 ноября — это начало новой страницы истории России. Немирной.

С утра встречался с представителем бразильской фирмы, торгующей нашей продукцией. Продают они и этиловый спирт. На вопрос о том, кто потребляет его в Бразилии, ответил:

- Сахарные заводы.
- Но зачем им этиловый спирт?
- Очень просто. Федеральные власти обязывают определённое количество получаемого из сахара спирта отдавать производителям автомобильного бензина в Бразилии.
- Зачем?
- У них из-за дефицита нефти и в целях охраны окружающей среды бензин разбавляется спиртом. В случае нехватки сахарного тростника производители покупают спирт за границей, используя его и как стопроцентное карбюраторное топливо.

Ночью снился жуткий сон. Меня судили за то, что будто бы в электричке толкнул на ходу человека. Тот выпал и разбился насмерть. Я за собой такого не помню. Намеренно подобного сделать не мог. Но судья, понимая и принимая мои протесты, тем не менее, имеет доказательства, заставляющие выносить суровый приговор. Я не толкал никого! Но есть свидетели, доказывающие обратное. Я метался во сне, пытаюсь найти выход из чудовищно нелепого и тяжёлого положения. И, кажется, нашёл. В подсознании родилась вдруг спасительная мысль: надо скорее проснуться. Тогда всё разрешится: дурной ли это сон или чудовищная правда. Проснулся. Слава Богу! Это было лишь сновидение. В реальной жизни не было ни электрички, ни суда.

Встал. Подошёл к зеркалу. И вдруг спохватился: сегодня же 18 ноября! Ровно десять лет, как работаю директором завода. Так каким же я стал с тех пор, как согласился на эту должность, поставив мысленно перед собой “зеркало”, чтобы, периодически глядяваясь в себя, не потерять лучшее в себе?

На меня смотрел седой, лысеющий, с мешками под глазами человек. Вряд ли он улучшил свои личные человеческие качества. Да, стал опытнее, профессиональнее, жёстче, рациональнее и изобретательнее. Даже изошрённее. Никого ни разу сознательно несправедливо не толкнул. Но ведь – сколько волн от меня шло. И как разнообразно они влияли на окружающих! И как их гасили или усиливали люди, работающие рядом! Вполне возможно, что кто-то сбило с ног.

Не явится ли ко мне судья и не предъявит ли обвинение? Как сегодня ночью во сне?.. И мне будет нестерпимо больно.

Итак, на столе указ Президента по нашему заводу. Что он даёт?

1. Освободить на период проведения реконструкции акционерное общество от обязательной продажи части валютной выручки, получаемой от экспорта товарной продукции, а также ресурсов углеводородного сырья, с направлением указанных средств на реализацию проекта реконструкции и погашения кредита Баварского банка (Германия), выделенного на эти цели.

2. Контроль за целевым использованием валютной выручки, упомянутой настоящим Указом, возложить на Министерство финансов Российской Федерации и Федеральную службу России по валютному и экспортному контролю.

3. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Увы, освобождение от обязательной продажи части валютной выручки не спасает. Нужны на период реконструкции щадящие условия по налогообложению, тарифам на энергоресурсы, перевозки. Разумеется, с последующим (после ввода мощностей) возвратом долга. Но это, как оказалось, в компетенции только Госдумы России...

Дал указание помощникам готовить обращение в Думу.

Начинаю думать, что мог бы попытаться написать роман о нашем времени. Давно чувствую в себе толчки, заставляющие связывать одно с другим, выстраивать, додумывать уже увиденное, услышанное. Это подталкивает к бумаге. Увиденное, продуманное, видеоизменяясь, просится в какие-то формы, которые чётче, ярче, более выпукло показывают саму жизнь. Ту, что видел и чувствовал сам.

В течение прошлых суток произошли два захвата самолётов в России. Газета от 25 ноября: “В ночь на 24 ноября вооружённый пистолетом террорист попытался захватить пассажирский самолёт Ту-154, летевший из Душанбе через Ставрополь в Москву. Как сообщает ИТАР-ТАСС, угонщиком оказался кадровый военный, подполковник, заместитель начальника отдела Министерства обороны Таджикистана”. И второй случай: на этот раз самолёт Ту-134 следовал по маршруту Сыктывкар–Пулково–Минск. Угонщик – электротехник шахты “Южная” из Воркуты.

Ощущения, что наш завод, весь его коллектив – это лайнер с заводчанами-пассажирами, не покидают меня. Напротив, всё более усиливаются. И захватчики-террористы с момента акционирования проявляют себя всё настойчивее. Часто чувствую дыхание в затылок. Глухо, но доходят через третьи лица разговоры о том, что завод возьмут “на корню”. Есть и более отчётливые проявления...

Сегодняшний день закончился приятной новостью. Наши мало-мальские успехи заметны и со стороны, о чём говорит это письмо:

“Уважаемый господин директор! Мне очень приятно сообщить Вам, что Ваша компания после предварительной процедуры отбора представлена к авторитетной Международной награде “ФАКЕЛ БИРМИНГАМА” за успешное экономическое выживание и развитие в трудных условиях зарождающихся рыночных отношений. Ваша компания включена в список кандидатов на получение этой Награды. Выбор делается международно-признанным комитетом на основе рекомендаций, полученных из диверсифицированных источников экспертной информации. Руководимое Вашей управленческой командой предприятие соответствует критериям выбора фирм, награждаемых “ФАКЕЛОМ БИРМИНГАМА”.

На фоне исторических событий в России, связанных с переходом на новую экономическую систему, деятельность российских компаний привлекает внимание представителей деловых кругов и экспертов на Западе. **Российские предприятия работают в трудные времена, подобные периоду Великой депрессии, которая потрясла США около 60 лет назад.** Успехи российских лидеров бизнеса вызывают восхищение их коллег в разных странах. Награда “ФАКЕЛ БИРМИНГАМА” является данью уважения деятельности руководителей предприятий, успешно развивающихся в новых социально-экономических условиях.

С уважением, Директор комитета по награждению”.

Калейдоскоп событий. Три дня назад телевидение сообщило о взятии дворца президента в Грозном, о том, что уже известен глава нового правительства, а сегодня оказывается, что события вершатся с точностью “всё наоборот”.

В этот же день президент Ельцин ультимативно потребовал от участников вооружённого конфликта в Чечне в течение 48 часов “прекратить огонь, сложить оружие, распустить все вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан”. Иначе – чрезвычайное положение.

В Грозном действовало когда-то прекрасное предприятие – Грозненский химический завод. Бывший флагман нашей отрасли, с которым мы постоянно соревновались и у коллектива которого многому учились. Первый раз я оказался там в 1970 году и с тех пор периодически встречался с десятками специалистов. Где теперь эти люди, этот завод?..

Декабрь

Сию за столом с повышенной температурой. Грипп. Второй день принимаю разрекламированный колдрекс. Пока только надеюсь на выздоровление.

Только что вернулся с похорон начальника городского пассажирского предприятия Василия Антошкина. Его сын Алексей, попав в автомобильную катастрофу, повредил позвоночник. Лежит пятый месяц в больнице, не вставая. Отец пришёл в субботу навестить сына и... сердце не выдержало, умер у его изголовья.

Так начался декабрь. В ноябре было не лучше. Умер мой бывший сосед Михайловский. Из Москвы на похороны выехал его младший брат Виктор с сыном. Под Сызранью у Виктора не выдержало сердце. Сняли с поезда. Там и скончался.

Подобное стало обычным явлением. Что это?

В нашем стотысячном городе в 1994 году умерли более тысячи человек, то есть из каждой сотни – один не жилец. Налицо резкое снижение жизненных ресурсов. Нечем стало жить. На фоне раздвоя, разбоя, обнищания, безверия снизилась сопротивляемость. Мы, плохо это или хорошо, привыкли к открытости, коллективизму. Как это ни шаблонно звучит, к “чувству локтя”. Теперь этого нет.

Из сообщений Интерфакса: “В течение ближайших 10 лет численность населения России может сократиться на 16,5 миллиона человек, или на 11,2%. Ожидаемая продолжительность жизни при этом не будет превышать 59,3 лет. Такой прогноз сделал Госкомстат РФ совместно с Центром экономической

конъюнктуры при правительстве России. В настоящее время население России насчитывает около 148 миллионов человек”.

“Горькая детоубийца — Русь”. Так сказал Максимилиан Волошин. Неужели нам суждено оказаться свидетелями справедливости его приговора и для наших дней? Если так, то мы летим в пропасть. Или это не Русь убивает свой народ, а те, кто им правит?

Надо обязательно съездить в село к маме. Она — последняя, кто знает и помнит нашу многочисленную родню. Свидетель того сельского уклада, который сейчас многим трудно даже представить себе...

В прошлый приезд мы посидели за чаем, поговорили. Взяв карандаш, она начала, палочками отмечая на бумаге каждое имя, вслух называть тех, кого не стало за последние два года из наших близких и хорошо знакомых. Получилось более трёх десятков! Я ужаснулся. Не столько поразила сама грустная арифметика, как то, что все они не просто ушли, а унесли с собой каждый “своё”. И оно, это “своё”, зримо и деятельно влияло когда-то на мою личную жизнь, жизнь нашей большой улицы и всего села. Они так расцвечивали своими характерами и поступками наш быт, что я вновь убоялся, подумав о теперешнем молодом поколении. Они не видят и не знают того вкуса и тех красок жизни, которые были раньше. И в этом вина не только “застойного периода” и не только сегодняшнего развала. Тут более глубокие причины, которые я не могу пока чётко сформулировать.

В это воскресное утро в наших с мамой воспоминаниях вновь возвращались мы чаще всего к моему деду Ивану Дмитриевичу. К его песням, которых дед знал немало. Когда голод в Поволжье заставил его со всей семьёй уехать в Сибирь, он прожил там несколько лет. Шорничал, скорняжил, конюшил. И, конечно, охотничил и рыбачил. Как только появилась возможность, вернулся в Заволжье. Все мои дядья родились в Сибири.

Слова “Сибирь” и “старинный” произносились в семье деда с особым оттенком. Они несли в себе непреложные признаки надёжности и крепости.

Я любил слушать песни, привезённые дедом из Сибири. У нас пели больше мужчины. Дед Кузьма, дядька Фёдор (имена-то какие!). Пели всегда душевно, негромко. Обычно это застольное пение я наблюдал, лёжа на печи. Дед мой пел, подперев левой рукой подбородок. У него сухое красивое лицо с аккуратными усами. Дед Кузьма чёрен и бородат, в нём что-то цыганское. Чаще всего он выглядел сумрачно. Пел густым басом. Дядя Федя Остроухов — розовощёкий, пухлый, безбородый и безусый. Хитрый и лукавый, его слышнее на подголосках.

Нередко у деда в доме гостевали мужики из соседних Покровки, Зуевки, Кулешовки, Домашки. Они приезжали на воскресный утёвский базар с ночёвкой. Была ещё одна тому причина: дед потихоньку выделявал овчины, хром. Я знал, что это тогда запрещалось. Услугами деда пользовались жители многих сел. Круг знакомых был большой. Ночевали в мазанке во дворе, в саду. Спали и в доме на полу, расстелив тулупы и шубняки. И нередко вечерами пели. Была одна песня, которая мне особенно нравилась. Когда дед её запевал, все смолкали. Как бы признавали за ним единоличное право на эту песню.

*Пускай могила меня накажет
За то, что я её люблю,
Но я могилы не утрашусь,
Кого люблю я, с тем помру.*

Для меня это всегда звучало как завещание.

Есть в нашем лесу деревья, с которыми знаком десятки лет и которым всегда рад при встрече. Они — мои товарищи. Есть и такие, о чьём существовании вообще никто, кроме меня, не знает.

Я поехал по белу свету. Видел кокосовые пальмы. Срывал бананы и, делая это, вспоминал наши бахчи, где можно босыми ногами, балуясь, катить арбуз по влажному песку дороги до самой речки, навстречу ожидающим тебя таким же, как и ты, загорелым и весёлым ребятам.

На Центральной улице в моём селе стоят два дома: один — деревянный, покрашенный в светло-голубое, другой — саманный, коричневого цвета. Де-

ревянный – дом моего деда. В нём я родился. Время было военное, зимнее, метельное – до больницы не добраться. Да и вообще в те времена роды не-редко принимала повитуха. Так было и со мной.

В саманном доме живёт сейчас моя матушка – самый дорогой мой человек. У первого дома в палисаднике всегда росла жёлтая акация – поставщица самодельных многоголосых свистулек для ребятни.

В палисаднике у саманного дома растут карагач и клён, посаженные мною ещё в том возрасте, когда собственная жизнь только начиналась, а мир за околицей села и там, вдали, в больших городах, казался таким нестерпимо манящим и завораживающим...

Мама, мама... Пока мы вместе, мы сильны. Всякий раз, провожая меня, ты сдерживаешь себя. Не плачешь. Но мне-то видно, каких усилий тебе это стоит. И у меня в такие минуты дрожат губы. Мы об этом никогда вслух не говорим, но я так боюсь, что в самый последний прощальный момент меня не будет рядом.

Мама, мама... Оборвётся твоя жизнь, и моя подвинется ближе к той пропасти, в которой исчезает всё. После тебя старшим останусь я.

Но пока ты есть, сечёт ли дождь, палит ли солнце, сжигает ли горечь и боль, я соединён тобой по-особому с нашими прародителями. Они передали нам умение смеяться так, как это теперь делаем мы, смотреть на мир так, как смотрим мы, любить и горевать так, как это можем мы...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Писатель Юрий Пахомов в прошлом был главным эпидемиологом Военно-морского флота СССР. По роду своей деятельности ему приходилось работать во многих экзотических странах мира. О своей работе во Вьетнаме в конце семидесятых годов прошлого века, когда эта небольшая страна только что отразила военную агрессию своего северного соседа – Китая, он написал заслуживающие внимания воспоминания. Эти записки мы и предлагаем вниманию читателей.

ЮРИЙ ПАХОМОВ

ВЬЕТНАМ: ОТ ХАНОЯ ДО КАМРАНИ

...Во Вьетнам мы летели большой командой. Группой руководил вице-адмирал Юрий Алексеевич Кузьмин. Специалисты с Тихоокеанского флота должны были присоединиться к нам в Камрани. В аэропорту Ханоя нас встречали официальные лица – гражданские и военные. Среди встречающих своей развязностью выделялся референт из посольства, рубаха-парень лет тридцати, с брюшком, какой-то весь мятый, со съехавшим набок галстуком. Он каплей ртути перекатывался среди нашей группы, его голос слышался то здесь, то там.

– Товарищи, я приветствую вас на вьетнамской земле. Мне поручена роль вашего чичероне. Какие будут вопросы, недоразумения – сразу ко мне. Зовите меня Григорий, просто Гриша, – он радостно светился. – Замечательно, что вы приехали в дни, когда героический вьетнамский народ празднует победу над китайскими ревизионистами.

Влажная духота, острые запахи, яркие краски. Кортёж автомобилей двигался мимо плантаций сахарного тростника, рисовых полей, деревень, озёр, где крестьяне в остроконечных соломенных шляпах ловят улиток и собирают съедобную траву, мимо лоснящихся буйволов, забравшихся в воду – только рога и ноздри торчат.

На мосту через Красную реку – затор. Поток велосипедистов, пешеходов, автомобилей движется медленно. Вода в реке и в самом деле красная. Гриша, трясая щеками, громко говорил:

– Во время войны американцам так и не удалось разбомбить мост, только один пролёт повредили. Видите, вон там, внизу, рядом с опорами, галечный островок? Вьетнамцы на нём пленных американских летчиков держали. Начнёшь бомбить или обстреливать мост ракетами – обязательно в пленных угодишь. Их к тому же рацией оснастили. Американские самолёты заходят на бомбометание, а им по рации: “Братцы, вы же по нам сейчас шлёпнете!”

Сколько потом я ни пытался обнаружить во Вьетнаме следы войны – не нашёл. И инвалидов ни разу не видел. А уж американцы крепко поработали, ковровое бомбометание по площадям с Б-52, старики, дети – всё одно...

Нас разместили в бывшей резиденции французского губернатора. Номера на двоих, койки под сетчатыми пологам, вместо горничных – хорошенькие девушки в военной форме: белые блузки с красными погонами, чёрные лёгкие брюки, босоножки. В номер заходили только вдвоем. Внесут термос с зелёным чаем, фрукты, минеральную воду – и долой. Сувениры и подарки следовало отдавать старшей по званию – всё шло в “общак”, а уж потом распределялось среди девушек.

Двери гостиницы выходили в лоджии, тянущиеся вдоль всего здания, внизу лежал ухоженный сад: пальмы, фикусы, раскидистые, с лаково отсвечивающими листьями деревья, увешанные крупными плодами грушевидной формы, оказалось, что это хлебное дерево. Дорожки аккуратно посыпаны гравием – и цветы, цветы самых невероятных расцветок, над которыми порхали крупные бабочки. Райский уголок. Меня и заместителя начальника полиуправления ВМФ Николая Михайловича Карлова поселили в крайнем номере, с окном, выходящим в торец, от остальных номеров он отличался тем, что в нём была кладовка, куда мы сложили ящики с сувенирами, агитационной литературой. Карлова я знал давно, вместе бедовали на острове Дохлак в Красном море, когда работали в Эфиопии.

Перед тем как разместиться, я позвал Колю в ванную комнату и открыл воду.

– Что за шпионские игры? – удивился Николай. – Мы же в дружественной стране.

– Бережёного, как известно, Бог бережёт. Давай все же осмотримся на предмет “жучков”. Будем, по крайней мере, знать, как себя вести.

– Ну, ты даёшь!

Через пять минут я обнаружил “жучка”, грубо вмонтированного в нижнюю часть столешницы чайного столика.

Николай побагровел:

– А что же этот посольский олух, Гришка, нас предупредить не мог?

Я приложил палец к губам. Мы вернулись в ванную комнату, открыли кран, вода с шипением устремилась в раковину.

– М-да-а, весёлая история, – протянул Николай. – Нужно будет нашим мужикам сказать, чтобы языком попусту не мололи.

– Согласись, у вьетнамцев есть основания не доверять чужеземцам. Тридцать лет непрерывных войн. . .

– Мы же к ним с открытой душой!

– Политика. . .

Теперь каждое утро, едва выпутавшись из накомарника, я устремлялся к столику, где был вмонтирован “жучок”, и громко заявлял: “Замечательная страна Вьетнам!” Николай тут же отзывался со своей койки: “Наша дружба с Вьетнамом на века!” Представляю, что о нас думали ребята, что писали наши разговоры на плёнку.

Кормили нас, как полагали вьетнамцы, адаптированной к русской кухне пищи. Курица в различных видах, рыба, отварное мясо с ананасами, борщ со сладким бататом, ну и, конечно, рис. Не обошлось без курьёза. Как-то на ужин подали блинчики “по-сайгонски” на большом керамическом блюде. Маленькие, величиной с карамельку, блинчики оказались необыкновенно вкусными. Полковник-инженер Годенко спросил у переводчика-вьетнамца, из чего делают блинчики. Тот с удовольствием стал объяснять:

– Значит, та-ак. Берется рисовая мука, пальмовое масло. . .

– А начинка из чего?

– Не знаю, как по-русски. . . Такое большое-большое, – он жестами изобразил хищный рот и длинный хвост.

Инженер побледнел и стал выбираться из-за стола. Когда он, слегка пошатываясь, пересекал столовую, переводчик вдогонку ему радостно сообщил:

– О, вспомнил! Это варан!

Судя по звуку, Годенко так и не успел добежать до туалета. Когда вьетнамцы, простившись, покинули нас, руководитель группы Юрий Алексеевич Кузьмин спокойно подытожил:

– Есть, что дают, и не спрашивать. Ясно?

До обеда – деловые встречи, меня опекает майор медицинской службы Тхиу. Он окончил нашу Военно-медицинскую академию, неплохо говорит по-русски. Во время официальных переговоров сдержан, тоже знает, что “па-

сут”, несколько расслабляется, когда выходим пройтись по парку. Умный, с хитринкой, хорошо подготовленный специалист. Обо всём, даже неприятном, говорит с улыбкой. Все мои попытки выбить у него нужную информацию заканчиваются полной неудачей. Я потом не раз сталкивался с тем, что вьетнамские коллеги уходят от разговоров об эпидемической обстановке в стране, заболеваемости среди населения. В желании сохранить “тайну” они, пожалуй, даже нас превосходили.

После обеда гуляем по Ханюю: озеро Возвращённого меча, пагоды, ювелирный магазин “Три мадам”, популярный среди русских, местный театр, однажды вечером нас даже повели в цирк. Город, наполненный шелестом велосипедных шин и ощущением тревоги.

Любопытен старый французский квартал, где колониальный архитектурный стиль перемешался с барокко, классицизмом и национальным вьетнамским стилем. Интересны названия улиц: Тростниковая, Шёлковая, Храмовая, Шлепанцевый переулок. Есть даже улицы Пищи, Гробов и Бумаги.

Представитель аппарата главного военного советника, по-видимому, офицер КГБ, дважды инструктировал группу, указав, что можно, а что нельзя во Вьетнаме. Всё свелось к бдительности, особенно он напирал на опасность, исходящую от местных китайцев — хуасяо.

Как-то нам с Карловым удалось сбежать, оторвавшись от “хвоста”. Зашли на ханойский рынок Донг Хуан. Ничего подобного не видел даже на знаменитом рынке в Аддис-Абебе. Особенно поразили ряды, где торговали живностью. Аквариумные рыбки, разнообразные птицы, обезьяны, зверьки, похожие на сурков, гигантские вараны в железных клетках, змеи. И всё это булькало, шелестело, цвиркало, шипело, повизгивало, и запах стоял острый, звериный. Пожилая китайка-хуасяо сидела на корточках перед тазом с мутной водой. Я подошел, заглянул в таз — что там? Китайка улыбнулась беззубым ртом и извлекла из жижи двух упитанных лягушек.

— Коля, — предложил я Карлову, — надоела казённая жратва, давай купим парочку на ужин? Сварим в электрочайнике.

Карлов побледнел, издал странный горловой звук и тихо сказал:

— Ну, ты и скотина, Юра. В чайнике! Надо же такое придумать. Я чуть не траванул!

В Африке, где, казалось бы, присутствовал весь набор тропических болезней, все же было проще разобраться со всякого рода экзотикой. Вьетнам преподнёс куда больше неожиданностей. Где-то на третий или четвертый день в Ханое я стал отмечать, что офицеры, входящие в группу, подавлены, молчаливы, раздражительны. То и дело вспыхивали мелкие ссоры. Ни в Бербере, ни на Дохлаке ничего подобного не было. Влажность поразительная. Я ещё в день прилета обратил внимание, что в платяных шкафах и ящиках для обуви круглые сутки горят электрические лампочки. Стоило на ночь их отключить, как одежда и обувь покрывались зловещей зеленой плесенью. Привезенный из Москвы черный чай “Слон” стал издавать отвратительный гнилостный запах — пришлось выбросить. Даже водка, наша проверенная “Столичная”, почему-то не веселила, а вызывала депрессию. Стоило вечером выпить грамм сто пятьдесят, утром разламывалась голова. Многие мучились от бессонницы. Спать под накомарником душно, стоит отбросить полог — сожрут комары, москиты, а каждый укус таит в себе серьезные неприятности: малярию, лихорадки денге, цу-цу-гамуши. Я решил посоветоваться с посольским врачом. Полный молодой человек только развёл руками:

— Что вы хотите? Ханой стоит в климатической яме — отсюда депрессии, всякого рода невротические состояния. Симптоматика усиливается во время метеорологических бурь, тайфунов. К тому же сейчас по лунному календарю второй июль — самый опасный месяц для европейцев. — Он потёр пухлые щеки. — Мы-то привыкли, адаптировались, а что творится у наших танкистов! Офицеры и солдаты поголовно поражены “панцирной грудью”.

— Это ещё что такое?

— Личный состав работает с техникой, соляр, масло, ну и потеют, конечно. Поры забиваются грязью, инфекция — в результате на груди слитая корка. Зуд такой, что люди на стену лезут. Спасение одно: струя горячей воды на пораженный участок. А в душевых вода едва теплая. Танкисты специальный подогреватель сделали, тем и спасаются.

— Ну, а почему русская водка настроение не поднимает?

— Потому что сучок! Оставьте “Столичную” до Камрани. Там сгодится. А здесь я постараюсь вашу делегацию обеспечить синими картами.

— Что за карты?

— Пропуска в дипмагазин. Там хорошая вьетнамская рисовая водка, ликёры. Цены умеренные. В Ханое только местные напитки можно пить. Чай — исключительно зелёный.

— А как с эпидемической обстановкой?

— От неустойчивой до чрезвычайной. Но местная сторона всё скрывает. Получить информацию сложно. Инфекции развиваются стремительно. Знаете, как вьетнамские партизаны боролись с американскими морскими пехотинцами? Ловушки ставили на тропе в джунглях. Ямку выкопают, острый колышек из бамбука макнут в дерьмо и воткнут рядом. Морпех в ямке поскользнётся, сядет на колышек — и через три дня его отправляют в Штаты с обширным абсцессом. Дёшево и сердито. Мне тут статистика попала. Во Вьетнаме в прошлом году зарегистрирован один случай инфаркта миокарда. И у кого? У министра. У населения холестерин всегда в норме, потому что травку кушают, фрукты и овощи, а министр, надо думать, на копчёную колбаску налегал. Так-то, коллега.

Информацию о загадочной стране я собирал по крохам. В институте эпидемиологии и гигиены в Нячанге меня приняли очень тепло, напоили чаем и... ничего не показали. Нет данных, война, то, сё. И всё с милыми улыбками. Потихоньку пополнялся писательский блокнот, из которого потом выросла повесть.

Николай Михайлович Карлов ещё в Эфиопии сделал меня своим заместителем. В мои обязанности теперь входили поездки на пункт связи за свежими газетами, почтой. Иногда, заменяя Николая, приходилось выступать перед вьетнамскими студентами и школьниками, изучающими русский язык.

Незадолго до вылета в Камрань в саду резиденции я встретил специального корреспондента газеты “Известия” Сергея Колесниченко. Год назад, зимой, нас познакомили в “пёстром” зале Центрального дома литераторов — симпатичный, без гонора мужик, чуть старше меня. Среди бледнолицых москвичей и гостей столицы Сергей, загорелый и белозубый, выглядел инопланетянином. Оказалось, вчера прилетел из Бирмы. Потом мы перезванивались

Я бы Сергея не узнал: тропическая форма, какую носят военные советники, тёмные очки, пробковый шлем. Он сам окликнул меня:

— Юра, ты?

Я с недоумением глянул на него. Советник снял очки и улыбнулся. Улыбка его вернула мне память.

— Вот так встреча! Ты же вроде в Бирме?

— Теперь здесь аккредитован. Сегодня улетаю на север, в провинцию Лонгшон.

— Очерк о завершении победоносной войны?

— Что-то в этом роде. Ты, как я понимаю, в Камрань?

— Да, закончим предварительные переговоры и туда.

— Будь осторожен, в Камрани только приступили к разминированию. Берег моря, причальные сооружения почистили, а чуть дальше можно налететь на сюрприз. Если я успею вернуться к вашему отлёту, полетим в Камрань вместе.

— Хорошо бы.

— Вам ещё долго торчать в Ханое. На Шёлковой улочке есть ресторанчик, где готовят змей. Обязательно сходим...

Закончив бумажную волокиту, наша группа вылетела в Дананг. Над древнейшим городом культуры Ша Гуань висела сизая морось. Влажность была осезаемой, плотной, дышалось, как сквозь марлевую маску.

После обеда гуляли по парку с диковинными растениями, я протянул руку к безобидному кусту, и плотный зелёный бутон мгновенно открыл свою пасть. За деревьями парка проглядывали жёлтые и зелёные горы, над которыми бугрились облака — это напоминало вьетнамскую лаковую живопись. Карлов решил сфотографироваться с двумя красивыми, хорошо одетыми вьетнамками, обмахивающимися веерами на скамейке. Они с радостью согласились. На лице вьетнамского чиновника, сопровождавшего нас, возникло растерянное выражение. Он хотел что-то сказать, но не успел. Карлов уселся между красавицами и обнял их за плечи, щёлкнула камера. Гриша — наш вездесущий чичероне — с усмешкой заметил:

– Памятная фотография, прямо в личное дело. Ваш каперанг сфотографировался с профессиональными проститутками, обслуживающими иностранцев. В этом парке им разрешено работать. А вообще проституции в стране нет. После победы над американцами всех проституток согнали в совхозы на трудовую повинность. Под Сайгоном несколько таких совхозов.

Я передал Карлову слова Гриши, Николай отмахнулся:

– Да пошёл он... Ходит тут, трясёт штанами. Что крамольного в фотографии? Счастливые вьетнамские девушки с русским моряком. Наша дружба – на века.

Затем нас повезли смотреть знаменитый храм, высеченный в скале. Сначала мы долго взбирались наверх, среди оглушающего зноя, звона цикад, оставляя внизу долину Пятигорья, потом спускались по осклизлым ступенькам. Пахло сыростью подземелья, по мере того как отступал зной, мы как бы погружались в прохладную воду. И вот в свете факелов открылся огромный грот, верхняя часть его терялась в сумраке, с писком носились летучие мыши, камни сочились влагой, и не верилось, что храм в скале – дело рук человеческих. “Это единственный в мире храм, где есть лежащий Будда”, – пояснил Гриша. По узким, вырубленным в скале ступенькам я поднялся в нишу, ничего не увидел и, шаря в темноте руками, вдруг наткнулся на огромное ухо с удлинённой мочкой. В ужасе отпрянул, мгновенно покрывшись потом. Раздался звук, тонкий, звенящий. Он падал сверху, выстраиваясь в мелодию. Пятясь, ощупью отыскивая ступеньки, я торопливо, подгоняемый безотчетным страхом, спустился вниз и остановился, пораженный: у стоп Будды стоял мальчик лет десяти и играл на свирели. Трепещущее пламя факелов высвечивало загадочный лик божества. Мальчик походил на библейского пастушка. Звук свирели рождал успокоение, прохладу.

И каким ярким, радостным показался мир вокруг, когда мы выбрались наверх уже с другой стороны скалы и оказались на плоской вершине, поросшей цветущими деревьями.

Ночевали в гостинице, где по стенам ползали розовые ящерицы. Ящерицы не боялись людей, охотясь на насекомых, они иногда забирались в постель. Утром полковник-инженер Годенко обнаружил в носке жука величиной с два спичечных коробка и заорал так, что коридорный с перепугу уронил поднос с термосом и чашками. Все потом потешались над инженером, тот отбивался:

– Что ржётё? Боюсь я эту нечисть, ничего с собой поделать не могу.

В полдень мы уже были на военном аэродроме, где у ангаров стояли новенькие “Миги”. Ободранная “Аннушка”, на которой нам предстояло добираться до Камрани, скромно приткнулась у края взлётной полосы. Летели часа три, внизу, в прорехах облаков остро посверкивало море, серо-зелёное, гладкое. Молоденький вьетнамский солдатик принёс термоса с чаем и кружки. В салоне было прохладно. Мухи с тупым звуком бились о плексиглас иллюминаторов. Из кабины пилотов вышел худенький, изящный пилот и что-то сказал переводчику.

– Переводи, – приказал вице-адмирал.

Переводчик, улыбнулся, потёр руки:

– В районе Камрани грозовой фронт. В это время года иногда случаются тайфуны. Возможно, нас посадят в Сайгоне, то бишь в Хошимине.

– И чему ты радуешься?

– Пивка попьём, по магазинчикам прошвырнёмся.

– По магазинчикам! Переведи: нам срочно нужно в Камрань.

Пилот внимательно выслушал и кивнул. Видно, ему приходилось сажать самолёты в любую погоду.

Грозовой фронт отвернул на юго-восток, но потрянуло нас основательно. В иллюминатор было видно, как по плоскостям пробегают голубые змейки электрических разрядов.

Камрань встретила сухим зноем и тонким мелодичным посвистыванием. И это было не пение птиц, такой звук издаёт “поющий” песок. Я вдоволь наслаждался этого пения на Дохлаке. Среди радужно поблескивающих луж важно прогуливались грифы. Нас посадили в длинный зеленый автобус. На потолке и стенах салона сохранились надписи на английском: “Осторожно с оружием!”, “Возьми на предохранитель!” На этих автобусах подбрасывали к вертолётам американских морских пехотинцев, отправляющихся на кара-

тельные акции. Мимо проплыли вышка диспетчеров, капониры, а в них – американские вертолётчики с белыми звёздами на фюзеляжах. Справа, среди пальм, на берегу моря показался игрушечный городок с одноэтажными разноцветными бунгало. Рядом – декоративные пагоды, спортивные площадки. Переводчик пояснил, что в городке жили американские лётчики с семьями. Бунгало вполне комфортабельные, с мебелью, кондиционерами, холодильниками. Сейчас, понятно, там только ящерицы да змеи. Такие домики я видел и в Асмаре.

Группу разместили в бывшей американской казарме. Стандартные, на четверых, комнаты, койки под сетчатыми пологам, туалет и умывальник внизу. В палисаднике среди зарослей бродят птицы, похожие на цесарок. Напротив – казармы, где живут вьетнамские моряки. Поступила информация, что среди них есть заболевшие лихорадкой денге, отмечены случаи со смертельным исходом. Комаров – переносчиков лихорадки – полным-полно, а защиты от них, кроме сетчатых пологов и репеллентов, никакой. Руководство предпочло устроиться на небольшом судне, ошвартованном у причала. Там же обживали каюты строители и проектировщики, прибывшие с Тихоокеанского флота. Преимущества очевидные: на судне кондиционеры, душ, с водой проблем нет.

Капитан второго ранга из штаба тыла Тихоокеанского флота с раздражением рассказывал:

– Наше правительство отправило во Вьетнам сухогруз с рисом – дар вьетнамскому народу. В Дананге у капитана сухогруза потребовали оплатить пошлину на ввозимый товар. Капитан ошалел: какая пошлина? Это же подарок вам! Ни до чего не договорились. Пришлось платить. Ничего, мы страна богатая.

Нас ожидал пышный приём в просторном зале офицерского клуба. Такого экзотического стола мне еще не приходилось видеть: запечённые, с золотистыми гребешками фазаны, рыба под бледно-желтым соусом, мидии, ошкетинившиеся усами и клешнями розовые лангусты, мясо, экзотические фрукты. А посреди этого великолепия голубые тарелки из тонкого фарфора, наполненные чем-то, напоминающим содержимое аквариума. Потом выяснилось – черепаховый суп. Напитки – соответственно уровню приёма. Натюрморт в стиле старых фламандцев.

Под потолком вяло вращал лопасти вентилятор, с трудом рассекая плотный жаркий воздух. Меня смутил сладковатый трупный запах, волнами перекачивающийся над роскошно сервированным столом. Запах заметил не только я, но никто не подал виду. Недоброкачественные продукты? Особенности вьетнамской кухни? Сомнительно. Безопасность таких приемов обеспечивают спецслужбы. Тогда что? Всплыл в памяти недавний разговор с нашим куратором Гришей. “Чтобы обеспечить безопасность строящейся в Камрани базы, власти в том районе провели тотальную санацию”, – сказал он. “Что это значит?” – удивился я. “Расстреляли местных сторонников американского режима. Здесь это просто”. Может, расстрелянных погребли где-то рядом?

Пока говорили тосты, пока их переводили, я осторожно пододвигал тарелки с яствами и нюхал их. Все в порядке. Но ощущение, что разлагающийся труп лежит под столом, не покидало меня. Виски в сочетании с пивом сыграли роль дезодоранта, к тому же все проголодались. Уже под занавес приема вьетнамский старший полковник (четыре больших звёздочки), оглядев опустошенный стол, огорченно заметил:

– Почему же вы не попробовали наш знаменитый соус тык-нам? Уверю вас, ничто так не укрепляет силы в нашем климате, как этот соус. Его рецепт получен несколько столетий назад.

Я пододвинул керамическое блюдо с прозрачной жидкостью, в которой плавали стручки красного перца, и понял – вот он, источник трупного запаха. Полковника поблагодарили, но пробовать никто не решился. Недели через две, уже в Ханое, я ехал на узел связи за почтой и свежими газетами. Слева голубело море, справа лежали рисовые поля, рассеченные каналами. Было душно, я опустил боковое стекло, и сразу же в лицо пахнуло знакомым запахом.

– Тык-нам? – спросил я.

Водитель, вьетнамский солдат, радостно закивал.

– Сворачивай! Посмотрим, как его изготавливают.

Водитель меня понял, и минут через десять мы уже подъезжали к небольшой гавани, где у причала стоял рыболовный траулер, с него выгружали рыбу. Технология изготовления знаменитого соуса была на изумление проста. В три бетонных с отверстиями желоба, расположенных один под другим, небольшим экскаватором загружалась рыба, на солнце рыба быстро разлагалась, слизь по специальному отводу стекала в резервуар, ее фильтровали, добавляли перец — и соус готов. Забегая вперёд, скажу, мы вскоре привыкли к тык-наму, всегда добавляли его в рис.

Утром группа, в которую входили геодезисты, проектировщики, строители, выехали на рекогносцировку. Я поехал с ними. Группу охраняло отделение вьетнамских солдат. Автобус, подсакивая на выбоинах, свернул на широкую, хорошо укатанную дорогу. Слева море, изувеченный пирс, груды железного, покрытого яркими пятнами ржавчины, хлама. Среди зелени — брошенная американская техника: коробка разбитых бронетранспортеров, громоздкие танки без башен, справа — невысокие холмы. Офицер-вьетнамец, хорошо владеющий русским, сказал, что база ещё не полностью разминирована, перемещаться нужно, соблюдая осторожность. Кроме мин, много неразорвавшихся боеприпасов. Партизаны взорвали американский склад с оружием, и снаряды, шариковые бомбы, гранаты разлетелись на десятки метров вокруг.

Недавняя война ощущалась на каждом шагу. От военного городка с казармами, госпиталем, лазаретом, складскими помещениями остались лишь фундаменты из дикого камня и цемента. Из фундаментов торчали металлические штыри. Полковник-инженер пояснил:

— На фундаментах американцы устанавливали модульные конструкции. Завозили их из метрополии. Что-то вроде детских конструкторов. Собрал, установил кондиционеры, подвел электричество, воду — готово. Когда американцы покидали Камрань, они разобрали модули, погрузили на суда и увезли. Они денежки умеют считать.

— А как американцы решали вопрос с водоснабжением? — спросил я.

— По моим данным, у них было около ста скважин, все автономные, с насосами, компактной системой очистки и обеззараживания.

— Нужно использовать их опыт.

— Нужно. Только у нас ни модулей таких нет, ни оборудования. Водовод придётся тянуть из озера, к нему мы скоро поедем. Вода агрессивная, трубы будут быстро выходить из строя, и сколько их понадобится — подумать страшно.

Возвращаясь к автобусу, мы медленно брели по песчаному откосу, стараясь ступать след в след вьетнамским солдатам. Отделение растянулось цепочкой впереди, метрах в пятидесяти. Если солдат наступит на мину, нам достанутся лишь мелкие осколки. Тоже не сахар, но всё же...

В салоне автобуса было душно, в воздухе плавали золотистые пылинки, пахло чужим потом, ношеной одеждой. Ехали минут двадцать. Солнце палило нещадно. Наконец автобус остановился, мы вышли и, разобравшись по одному, начали восхождение на сопку, на вершине которой стояла вилла президента Никсона. Рядом с виллой — пресноводное озеро, которое может быть использовано как источник водоснабжения. Воды вряд ли хватит на весь городок, первая ветка протянется к причалам, чтобы снабжать водой корабли и суда.

Параллельно с тропой дыбилась, как застывшая лава, дорога, покрытая асфальтом. Вьетнамец пояснил, что дорогу к вилле американцы построили всего за один день, перед приездом президента в Камрань. На песок укладывалась специальная ткань, поверх неё — асфальт. Так что не только у нас красят заборы к приезду начальства!

Слева и справа от тропы, проложенной минёрами, валяются гильзы от снарядов. Но меня интересовали норы. В норах живут песчанки. Если чума возникнет среди этих симпатичных зверьков, могут заболеть и люди. На юге Вьетнама есть природные очаги чумы.

Вот мы и на вершине. Среди тропических зарослей торчат дулом к небу ржавые стволы зенитных установок. От виллы Никсона остались одни обломки — её взорвали партизаны. Странно выглядит холодильник, отброшенный взрывной волной и теперь мирно стоящий на солнцепеке. Что-то сходное с картинами сюрреалистов. Сверху открылся вид на озеро, окаймлённое

песчаным пляжем. У деревянного помоста валялась искореженная вышка для прыжков в воду, повсюду следы бессмысленного, жестокого разрушения. В кустах стрекотали какие-то жёлтые птички, горизонт был плоск, пустынен. На обратном пути я нашёл новенькую американскую винтовку. Офицер-вьетнамец с презрением сказал, что винтовка – ерунда, а вот автомат Калашникова – вещь. У офицера тонкое интеллигентное лицо, он образован, кроме русского, владеет французским языком. Возраст его определить трудно, во всяком случае, круто за сорок. Он ещё мальчишкой воевал с французами, всю войну с американцами провёл в джунглях Меконга. Больше всего он любит стихотворение Симонова “Жди меня”. “Я восемь лет не видел сына, – с горечью сказал он мне, – когда уходил на войну, ему было несколько месяцев, когда вернулся, он уже ходил в школу”.

Россияне нередко судят о вьетнамцах по жуликоватым торговцам, что в последние годы наводнили нашу страну. Это не настоящие вьетнамцы. Настоящие – гордый, красивый и очень работающий народ.

Следующий этап рекогносцировки – взлётно-посадочная полоса и обследование места, где со временем вырастет лётный городок. Сопки, дюны, дорога, пробитая среди них, пустынное пространство взлётно-посадочной полосы, изуродованной рытвинами и воронками. Автобус, дёрнувшись, остановился.

Я поднялся на вершину песчаного холма, поросшего каким-то синеватым марсианским кустарником, внизу пузырилось болотце, к нему, неуклюже ковыляя, тащился, волоча хвост, варан. Розовое небо истекало зноем, над аэродромом дрожало, струилось марево. Передо мной расстилалась пустыня. Кое-где песок так затянул бетонку аэродрома, что её и видно не было.

Возможно, что это был тот самый холм, куда в 1995 году, при заходе на посадку, врежутся три истребителя Су-27 из эскадрильи “Русские витязи”, возвращающиеся домой с аэрошоу в Малайзии. Асы погибли из-за глупости руководства. В Москве решили сэкономить на топливе, дозаправить самолёты не у иностранцев, а в Камрани, а радиолокационный пункт “Витязей” проморгал, их не вёл, и пилотам пришлось самим выкручиваться в незнакомой обстановке.

Прилетел Колесниченко. Сидели на скамейке в саду. Неподалеку важно прогуливались цесарки, перья их отливали золотом. Среди зарослей видна была кровля казармы, в которой жили вьетнамские моряки. Сегодня рано утром я видел, как из казармы выносили носилки с трупами моряков, умерших от лихорадки денге. Сергей закурил и с горечью сказал:

– Маленькая война – тоже война.

– А могла быть большая?

– Могла. Хронология такая: к февралю семьдесят девятого года отношения с Китаем окончательно испортились. Срок традиционного договора о дружбе и сотрудничестве истёк. Ден Сяопин заявил о готовности Китая к полномасштабной войне с нами. На советско-китайской границе была сконцентрирована полуторамиллионная китайская армия, с нашей стороны в полной готовности развернули свыше сорока дивизий.

Но сначала китайцы решили наказать непослушный Вьетнам за свержение режима Пол Пота. Семнадцатого февраля семь китайских корпусов вторглись во Вьетнам. Вьетнамцы сражались мужественно. За тридцать суток конфликта китайцам удалось продвинуться лишь на восемьдесят километров. Опасаясь удара с нашей стороны, китайцы вывели свои войска, понеся большие потери. Когда мы прилетели, в Лонгшоне ещё грохотали орудия.

– И ты напишешь об этом в своем очерке?

– Нет, конечно. Зачем пугать обывателей тем, что мы были на грани третьей мировой войны? Напишу о героизме вьетнамцев. Ведь китайской армией противостояли одна регулярная дивизия, пограничники и народные ополченцы.

– А наши советники?

– Само собой.

В Камрани порядок переговоров изменился, в Ханое мы работали в составе делегации, протокол на протокол, всегда можно было проконсультироваться с руководством по тому или иному вопросу. Здесь вьетнамская сторона предложила, чтобы переговоры велись между специалистами, а материалы уже корректировались при подготовке рабочего договора. Нас с Тхуи

разместили в беседке, стоящей в саду. На столе два флажка – советский и вьетнамский, два блокнота, ручки, пачка сигарет, термос с зелёным чаем. Из кустов, где трещали цикады, волнами накатывал горячий воздух. Я так уставал, что сил хватало добраться до казармы, вылить на голову таз холодной воды и забраться под накомарник. Где-то на третий день Тхиу, прощаясь, похлопал меня по заднице. Я был потрясён. Вьетнамский коллега как бы говорил: ничего, мол, у тебя, голубчик, не выгорит. Переговоры шли трудно, Тхиу требовал то одно, то другое, я, как мог, отбивался. Установка была такая – много не обещать. Выходит, я где-то промахнулся, показал свою несостоятельность. Необходимо было срочно уведомить руководителя делегации. Подавленный, плелся к причалу, к плавмастерской, где развернут наш штаб. По дороге встретил Сергея Колесниченко.

– Юра, ты чего такой мрачный? Нездоровится? Пошли ко мне, у меня бутылка виски припрятана. С содовой да ледком – самое то.

Я рассказал о том, что произошло.

Сергей рассмеялся:

– Радоваться нужно такой удаче.

– Чему радоваться?

– Шлепок – проявление дружеских чувств. Чем-то ты пронял Тхиу, понравился ему. А значит, он тебе доверяет. Для дипломата – серьёзная удача. Завтра преподнеси Тхиу презент. Я тебе подберу и скажу, как это сделать. Здесь, на востоке, большое внимание уделяется ритуалам, поведению человека. Старайся чаще улыбаться и не садись с Тхиу рядом.

– Не понял.

– Запах белого человека неприятен вьетнамцам. Вида он, конечно, не подаст, но зачем рисковать?

– Почему же нас не инструктируют?

– Комитетчики не знают нюансов, Я же в Индокитае много лет, изучил языки, нравы, обычаи. Без этого не выживешь, завалишь дело.

В Ханой вернулись через десять дней. Город встретил влажной духотой, ночью духота не спадала, спать под накомарником – мука. Жара в Камрани переносилась куда легче, к тому же рядом плескалось море. А тут ещё испытание: надвигался тайфун. К вечеру деревья в саду резиденции замерли, птицы примолкли, город словно накрыли тяжелой плитой, с юго-востока заходила туча с обвисшим, как вымя, подбрюшьем, где, как маленькие змейки, мелькали, извиваясь, молнии. Девушки вьетнамки, обслуживающие нас, спешно опускали жалюзи на окнах, убирали плетеные кресла с лоджии. Тайфун мог привести к обострению различных заболеваний. Взял тонометр, прошелся по номерам. Народ резался в карты. Встречали меня одним и тем же вопросом: “Доктор, сколько сегодня нальёшь?” – “В зависимости от вашего поведения”, – привычно отвечал я. “Мужики, давайте напоследок отметим доктора, – предложил начальник штаба группы Плаксин. – Вы посмотрите, какую власть взял!” – “Ша, как говорят в Одессе, – я поднял руку, – всем разойтись по койкам, буду измерять давление. Тайфун, братцы, дело серьезное, с ним не шутят. У кого давление в норме, получит по сто пятьдесят”. “Попробуй, намерь у меня”, – мрачно сказал лётчик генерал-майор и показал кулак, которым вполне можно было колоть грецкие орехи.

Слава Богу, ритуал перед ужином нарушать не пришлось. “Фронтовые” сто грамм снимали депрессию, улучшали настроение. К тому же алкоголь повышает кислотность в желудке, и это снижает риск подхватить амёбную дизентерию и другую экзотику. В группе был единственный трезвенник – полковник Владимиров из главного инженерного управления. “Не подумайте, что я лечился и всё такое, – сказал он мне в первый день, когда мы сидели рядом на приеме в посольстве, – просто я идеологический противник алкоголя”. – “Даже в небольших дозах?” – спросил я. “А какая разница?” – “Здесь, во Вьетнаме, я бы сделал исключение из правил”.

Владимиров едва не подвёл меня в самый последний день нашего пребывания в этой прекрасной стране. Протоколы и соглашение с вьетнамской стороны были подписаны, детали утрясены, завтра предстоит вылет в Москву, а вечером наша группа была приглашена на заключительный банкет. Карлов уехал за почтой, я укладывал чемодан, когда в номер постучал Владимиров; вид у него был испуганный.

– Что случилось?

– Понимаете, доктор, у меня второй день расстройство... Да и самочувствие неважное, знобит.

– Понятно. Пойдёмте в ваш номер, я должен вас осмотреть.

Пока шли по лоджии, я успел проклясть всех пижонов, которые не пьют водку по идеологическим соображениям. Надо же, в самый последний день!

Сомнений никаких: классическая клиника амёбной дизентерии, можно обойтись без микробиологических исследований – и так все ясно. Владимиров расстроился:

– Что же делать? Завтра вылет в Москву...

– Будем считать, что заболевание у вас проявилось... в самолёте. Возьмите с собой прокладку, полотенца, майки. Понимаете для чего? Прилетаем в Москву, я даю радио, и вы прямо с аэродрома отправляетесь на Соколиную гору, в инфекционное отделение. Амёбная дизентерия – серьёзное заболевание. Грех беру на себя. Как?

– На всё согласен, лишь бы домой... Может, мне водочки?

– Поздно, дорогой. Поверьте, европейцы, осваивающие тропики, были не дураки, пили по вечерам виски и джин с тоником. Профилактика, в том числе и малярии. В тоник входит хинин.

Пошёл к Юрию Алексеевичу. Когда я подходил к его люксу, гром саданул так, словно неподалеку рванул снаряд крупного калибра. И сразу полил дождь. Такой дождь я видел только в Гвинее – сплошная зелёная стена. Дождь сорвал ураганный ветер, с деревьев полетели листья, лепестки цветов – в этой радужной метели, как в замедленной съёмке, проплыли плетеное кресло, ярко-красный плед, наверху грохнули жалюзи, посыпались стекла. Я зачарованно глядел на клубящиеся, наполненные дрожащим светом тучи. Прошло несколько минут, и стало тихо. Позже выяснилось, что тайфун прошел стороной, лишь кончиком крыла зацепив Ханой.

Через два года я снова на пункте материально-технического обеспечения кораблей в Камрани. Причина: в районе строящейся военно-морской базы среди местного населения возникла эпидемия холеры, создалась угроза заноса инфекции.

Всё было, как и в прошлый раз: мост через Красную реку, шелестящий поток велосипедистов, синие увалы, рисовые поля и буйволы в озерах. Молчаливый майор, встретивший в аэропорту Ханоя, завёз меня в гостиницу и исчез, пообещав заехать утром.

Одно дело, когда летишь в составе делегации, и совсем другое, когда один. Меняется статус, уровень приёма, гостиница – с этим я давно смирился, но на этот раз меня, похоже, поселили в самой дешёвой ночлежке. Тусклая лампочка под потолком, спутанный накомарник на скрипучей кровати, отвратительный запах плесени. Кран в умывальнике издал печальный вздох и, уронив ржавую каплю, затих. Коридорный, улыбчивый парнишка, не знал ни русского, ни английского, пришлось объясняться жестами. В конце длинного, как кишка, коридора я обнаружил рукомойник, должно быть, сохранившийся с колониальных времен. В номере я спугнул двух крыс, проявивших интерес к моему чемодану. Я достал из сумки бутылку водки, пачку галет, стакан, – как советовали древние: “Всё мое ношу с собой”, – выпил, закурил и завалился спать, предусмотрительно спрятав вещи в платяной шкаф, напоминающий поставленный вертикально гроб. Несколько раз просыпался от писка: крысы гоняли по полу галету.

Меня разбудило пение птиц, я поднял жалюзи – мимо по широкой улице текла река велосипедов, мопедов, велорикш. Треск моторов, звонки велосипедов, пение птиц сливались в праздничную музыку. Майор, как я и предполагал, не явился. Я позавтракал в небольшом, чистом баре при гостинице. Кофе был превосходен. Нужно было что-то предпринимать. Вьетнам – страна небольшая, но добраться из Ханоя в Камрань – проблема, необходим подходящий борт, распоряжения, а день выпал субботний, что ещё осложняло ситуацию. С трудом дозвонился до дежурного по аппарату главного военного советника, тот никак не мог понять, кто я такой, пообещал навести справки и позвонить. Часа три я просидел у телефона и на аэродром попал, когда солнце косматым сгустком висело в зените. Капитану медицинской службы, доставившему меня к самолёту, я пообещал в красках обрисовать руководству, как

встречают главного специалиста, вылетевшего во Вьетнам по приказанию министра. Мои слова не произвели на капитана никакого впечатления. Выяснилось, что в самолете Ан-24 я лечу один, не считая, конечно, экипажа.

Капитан третьего ранга Шовгенов встретил меня приветливо. Симпатичный парень с загорелым лицом горца – потом выяснилось, что он адыгеец. По-видимому, Шовгенов был неплохо обо мне информирован. Пожимая руку, с улыбкой спросил:

– Юрий Николаевич, за что вам на флотах такое прозвище дали – Чёрный Полковник? По аналогии с греческими “черными полковниками”?

– Вроде того. В эпидемическом очаге я – диктатор. По-иному нельзя.

– Так ведь никакого очага нет. В нескольких километрах юго-западнее Камрани в небольшой рыбацкой деревушке есть случаи заболевания холерой. Рыбаки и крестьяне оттуда обычно снабжали нас овощами, фруктами, свежей рыбой. Мы этот канал перекрыли, установили карантин, выставили дополнительные посты. В деревушке работают вьетнамские врачи, были и у нас, доставили вакцину. Доктора привили контингенты, наиболее подверженные риску заражения. Справляемся своими силами.

– Вот я и посмотрю, как справляетесь. Информация, как вы знаете, прошла на уровне ЦК, начальство волнуется, нужно погасить тревогу. Спокойно, без суеты.

Шовгенов хорошо знал обстановку во Вьетнаме, владел вьетнамским языком. Коротко характеризовал старшего морского начальника в Камрани:

– Контр-адмирал Виктор Викторович Агапов – хороший моряк, дивизией лодок командовал, но что-то не срослось, его сюда направили. Строитель от Бога, благодаря его энергии база за короткий срок выросла, сами убедитесь. Строгий, требовательный командир, но с офицерами часто груб, на него в политуправление флота жалобы посыпались. Причём жалобщики упирают на то, что корабли боевой подготовкой не занимаются, личный состав работает в режиме строителей. А как по-другому? Сроки сжатые. Военные городки устраивать нужно. Жара, влажность дикая. Без железной руки в этих условиях ни черта не сделаешь. Народ здесь как-то быстро опускается, перестает следить за собой. Говорю это для того, чтобы вы поняли обстановку.

Камрань было не узнать. За короткое время выросли новые казармы, госпиталь, городок авиаторов, всего – более тридцати объектов, у причалов застыли с десяток кораблей. Одного обслуживающего персонала на ПМТО насчитывалось более трёх тысяч человек. Мичман-тыловик уговорил меня поехать посмотреть подсобное хозяйство. Мог ли я (да и кто-либо другой!) предположить, что четверть века спустя российское руководство выведет с базы наших моряков и само – без всякого давления извне – откажется от этого ценнейшего стратегического объекта?..

Проведением противоэпидемических мероприятий в Камрани руководил начальник санэпидотряда капитан медицинской службы Игорь Яковлев. Мобильные санэпидотряды для обеспечения оперативных эскадр, пунктов материально-технического обеспечения кораблей на Дохлаке и в Камрани пришлось создавать во второй половине семидесятых годов. Всегда приятно видеть реализацию своих идей. Игорь Яковлев – высокий, худой, загорелый парень представлял уже новое поколение военно-морских эпидемиологов. Мне нравился этот невозмутимый, чёткий в действиях капитан. Его не смущали высокие звания, и с тыловиками он вёл себя требовательно, жёстко.

Я по звеньям проверил весь комплекс противоэпидемических мероприятий, кое-что усилил, съездил к вьетнамским коллегам – опасность заноса инфекции на ПМТО была блокирована.

За несколько дней мотаний по жаре я ошалел, нужно было отдохнуть, расслабиться.

– Вези меня на пляж. Выкупаемся и снова за работу, – сказал я Игорю Яковлеву.

По небу скользили ошмётки белых облаков. Стоял полный штиль. В зарослях стрекотали птицы. Дороги восстановили, санитарный “уазик” бодро катил по бетонке, иногда подбрасывая задок. Нигде не было видно следов разрушений. Чувствовалась твёрдая рука Агапова. Разметки на дороге, каких и в Подмоскowie не встретишь.

Я огляделся:

– Куда это ты меня везёшь? Давай на офицерский пляж. Там песочек чудный. Я с прошлого раза помню.

Игорь Яковлев нахмурился. Занятный парнишка. Я ни разу не видел, чтобы он улыбнулся.

– Офицерский пляж закрыт, товарищ полковник.

– Закрыт? Почему?

– Там морские змеи.

– Какие змеи? Июль месяц. Миграция этих тварей давно закончилась.

– Командир базы запретил. Издан приказ.

– Чудеса какие-то. Ладно, я поговорю с адмиралом.

Вечером, вернувшись в свою каюту, где меня поселили на плавмастерской, я услышал плеск воды в ванной, постучал в дверь, крикнул:

– Виктор Викторович, можно я к вам через полчаса загляну? Есть разговор.

– Заходите, конечно, – отозвался адмирал.

За время, что я соседствовал с Агаповым, у меня создалось впечатление, что он спит часа два-три, не больше. И днём не добирал. Всё время на ногах. Приборщику каюты было запрещено стирать адмиральские рубашки. Виктор Викторович обстирывал себя сам. В ванной то и дело жужжала стиральная машина. Гладил адмирал тоже сам. В тропиках нужно часто менять одежду. Всегда в свежей рубашке, чисто выбритый, Агапов был нетерпим к малейшей расхлябанности. Неряшливый вид офицера или матроса приводил его в бешенство.

Адмирал сам зашёл ко мне:

– У меня приборка в каюте, извините. Какие проблемы, доктор?

– Виктор Викторович, вы закрыли офицерский пляж?

– А что прикажете делать? Боевые пловцы обследовали побережье и обнаружили в районе пляжа морских змей. Перекусают к чертовой матери.

– Змеи в Южно-Китайском море появляются во время миграции ранней весной. В прибрежной полосе они встречаются редко. Мне бы хотелось обследовать пляж. Тут ведь американцы с семьями купались, и ничего. Да и пляж замечательный и совсем близко.

– Зачем вам рисковать? И как вообще вы себе это представляете?

– Я – ныряльщик с опытом. Подстрахуют ваши боевые пловцы.

– Вы и змеями занимаетесь? Ну и профессию вы себе выбрали!

– Главком приказал. Куда денешься? Я вам книжку подарю о ядовитых животных моря и прибрежных районов суши. Готовили её специалисты из Военно-медицинской академии, я – один из редакторов. Книжка – практической направленности. Как отличить опасное животное? Как оказать первую помощь?

– Спасибо, это ценно. А то черт его знает, что матросы в руки берут. А здесь этих тварей... Коли нужно, действуйте. Я команду Стрешинскому дам.

– Кто это?

– Капитан-лейтенант, командир группы подводных диверсантов, мастер спорта по подводному плаванию. И парни у него лихие. Только осторожней. Мне за вашу безопасность перед Москвой отвечать.

Рядом с виллой, где жили подводные диверсанты, стоял американский танк, целехонький – заливай топливо, и вперёд. Я забрался на него, отдраил люк – изнутри пахло соляром, смазкой и чем-то кислым. Башня была развернута влево, градусов на двадцать, казалось, башенный стрелок выцеливает кого-то, укравшегося в тропических зарослях.

Капитан-лейтенант Борис Стрешинский оказался худощавым, среднего роста загорелым парнем. В шортах, пестрой майке, кроссовках, он совсем не походил на командира диверсионной группы. Два матроса загружали в открытый джип снаряжение для подводного плавания. Стрешинский представился, окинул меня изучающим взглядом, сказал:

– Работаем в первом комплекте: гидрокостюм, ласты, маска. Там глубина максимум четыре-пять метров. Вам нырять приходилось, товарищ полковник?

– Почти четверть века занимаюсь подводной охотой. Белое, Черное, Красное, Каспийское, Японское моря, Индийский, Тихий океан. И все только в первом комплекте. Не люблю акваланг.

Борис улыбнулся:

– Тогда годится. У меня тоже кое-какой опыт есть. Правда, морские змеи...

– Вряд ли. Змеи мигрируют через Южно-Китайское море ранней весной.

– Но я их сам видел две недели назад. Почему и пляж закрыли.

– Что-то другое. Но всё равно меры предосторожности принять нужно. У вас шест есть?

– Есть. Метра два с половиной, бамбуковый шест, с рогатиной на конце. Американцы в Камрани дельфинов дрессировали. От них осталось. Сидорчук, тащи шест, он у меня в каюте.

Усатый мичман кивнул:

– Добре, я мигом.

Ехали впятером: Стрешинский, я, мичман и два матроса. Подводные диверсанты вооружены короткими карабинами со сменными гарпунами. Я такого оружия ещё не видел. Море напоминало розовый студень. Несмотря на раннее утро, было уже душно. Мы облачились в гидрокостюмы, снаряжение и вошли в воду. Пляж роскошный, такой белый и тонкий песок я видел разве что на островах архипелага Дохлак. Подводный пейзаж здесь скуднее, чем в Красном море, живности меньше, гряда коралловых рифов пролегла южнее, там мир особый, а здесь, в лагуне, чистая вода, золотой песочек, на дне морские звезды.

Борис Стрешинский условным знаком показал, чтобы я плыл за ним. Боевые пловцы расположились веером. Целая операция. Особенно грозно выглядел мичман с бамбуковой рогатиной наперевес, карабин на шее. Как мне пояснили, гарпун выстреливается пороховым зарядом. Перезарядить – секундное дело. Гарпуны в специальном колчане, прикрепленном к поясу. На правой голени – нож.

Если в лагуне и в самом деле притаились морские змеи, всё это вооружение – пустой номер. Судя по литературе, морские змеи нападают стремительно и запросто прокусывают плотную ткань гидрокостюма.

Ко мне пристроилась стайка рыбёшек, они крутились вокруг, тыкались рыльцами в стекло маски, ограничивая видимость. Борис внезапно замер, завис на поверхности, широко расставив ноги, сделал предупреждающий знак. Я поднял голову и услышал его голос:

– Юрий Николаевич, вот они, целый клубок. Я же говорил. Может, не будем их трогать?

Я глянул вниз: на приглубом месте, в синеватой мути и в самом деле воорочался клубок змей. Отчетливо были видны полосы на продолговатых телах гадов. Но что-то здесь было не так. Змеи были небольшого размера и едва колебались от подводного течения. Я взял у мичмана рогатину, приказал пловцам для страховки зависнуть надо мной, а сам нырнул. По мере того как я приближался к пёстрому клубку, сомнения нарастали. Змеи так себя не ведут, они не позволили бы к себе приблизиться, к тому же вместо голов у этих тварей были обрубки, вокруг которых шевелились щупальца. Ну конечно, это одна из разновидностей кишечнополостных организмов, возможно церитария, напоминающая морскую змею. Мимикрия.

Я подцепил рогатиной одну из церитарий, ухватил её у самого основания головы так, чтобы меня не коснулись щупальца, и стал медленно всплывать. По мере того как я приближался к поверхности и падало давление, церитария удлинялась, всё больше напоминая женский чулок. Стрешинский передернул затвор карабина. Я выплюнул загубник и крикнул ему:

– Отбой, Боря, это безобидная тварь

Стрешинский осторожно приблизился, глянул:

– Ну и ну! Как вы можете эту гадость в руки брать?

– Тебе это как-то не к лицу, Борис. Ты же боевой пловец.

– Я больше по людям, Андрей Сергеевич. Значит, купаться можно?

– Без проблем.

Стрешинский поднял руку и крикнул:

– Отбой! Всем на берег, можно купаться. Мы с полковником часок поохотимся у рифов. Не возражаете, Юрий Николаевич? Там лангусты величиной с моё предплечье. Сидят в расщелинах, лишь глаза голубыми огоньками светятся в темноте. Стрелять между глаз. Тут я вам сто очков вперёд дам.

Так и вышло. Борис застрелил двенадцать крупных лангустов, я – ни одного.

За иллюминатором лежала густая тьма, никакого проблеска жизни, словно иллюминатор открывался в потусторонний мир. Равномерно шелестел кондиционер, казалось, кто-то перелистывает страницы книги. В дверь каюты постучали, послышался голос Агапова.

– Доктор, зайдите ко мне.

Я глянул на часы: двадцать два пятьдесят. Поздновато для визита. Может, что-нибудь случилось?

В адмиральской каюте был накрыт стол, в центре, среди фруктов, красовались лангусты. На сервировочном столике напитки: джин, виски, какой-то диковинный ликер.

Агапов жестом пригласил к столу:

– Надо же отметить ваш героический поступок.

– Уже доложили?

– Система отлажена. Стрешинский признался, что струхнул, когда вы эту гидру за башку тащили.

– Какой там героизм. Безобидное кишечнополостное, вроде морского огурца.

– Не страшно, когда знаешь. Я тут полистал вашу книжку о ядовитых животных. Кошмар! Оказывается, я делал то, что нельзя делать. А как же матросы? Теперь проведу с офицерами семинар по этой проблеме. А они уж пусть с подчиненным личным составом занимаются. У американцев, французов, англичан опыт освоения тропиков солидный, а мы с чистого листа начинаем. Хорошо, хоть литература появилась, а то черт его знает, что делать. Пляж, ясное дело, откроем.

Засиделись за столом до тех пор, пока тьма за иллюминатором стала рассеиваться, редеть...

Незабываемое время!

СТАНИСЛАВ ХАТУНЦЕВ

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Один из самых интересных и оригинальных русских мыслителей – Константин Николаевич Леонтьев умер 24 ноября 1891 года (12 ноября по старому стилю). Он прожил жизнь яркую, богатую разнообразными событиями и неожиданными поворотами судьбы. Родился он 13 января 1831 г. (25 января по новому стилю) в сельце Кудинове Калужской губернии, принадлежавшем предкам его по отцовской линии. Основную роль в его воспитании сыграла мать Феодосия Петровна, представительница старинного дворянского рода, женщина умная, тонкая, образованная и сильная. Она растила сына в “преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма”¹, в атмосфере по-домашнему тёплой православной религиозности; она же передала ему кровь своего отца – Петра Матвеевича Карабанова, “дикого барина” в стиле екатерининской эпохи, в котором страшное по своей необузданной свирепости “азиатство” и склонность к разврату сочетались с рыцарским великодушием, ненавистью ко лжи и двуличию, безудержной храбростью, преданностью Государю и Отечеству, любовью к прекрасному². Константин Николаевич гордился своим татарско-версальским предком³.

Десяти лет Леонтьев был определён в Смоленскую гимназию, затем попал в Петербург, кадетом в Дворянский полк. Из полка его уволили по болезни и приняли в Калужскую гимназию, которую он окончил в 1849-м с правом поступления в университет без экзамена⁴. В том же году начались его занятия на медицинском факультете Московского университета.

Студенческая пора принесла Леонтьеву не только любовь, дружбу, встречи с замечательными людьми – Т. Н Грановским, А. В. Сухово-Кобылиным, М. Н. Катковым, но и расшатанное здоровье, юношеское разочарование в жизни, крушение детской религиозной веры. Позднее он остановился на “каком-то неясном деизме, эстетическом и свободном”⁵, но пока переживал “горький... жестокий процесс... умственного перелома”; мысль его впервые

¹ Леонтьев К. Рассказ моей матери об императрице Марии Фёдоровне // “Русский вестник”. 1891. № 4. С. 86.

² Иваск Ю. П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество. В кн. К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб, 1995. С. 232–234.

³ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 246.

⁴ Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. +1891. Лит. сб.-к. СПб., 1911. С. 29.

⁵ Леонтьев К. Тургенев в Москве // “Русский вестник”. 1888. № 2. С. 98.

в жизни серьёзно перерождалась¹. Наступала эра противостояния “отцов” и “детей”, и Леонтьев из стихийного монархиста стал полусознательным либералом неопределённого направления, приверженцем республиканской формы правления. Но и тогда в республиках ему нравилось не то, чем отличаются они от монархий, т. е. не политическая свобода и равноправность, а то, что роднило их: “сила, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьба, битвы, слава, живописность и т. д.”². Даже в эту бестолковую, как считал сам Леонтьев, пору своей жизни он ни разу “ни кощунственной насмешкой, ни... доводами плохой либеральной философии не оскорбил тех личных чувств и тех идеалов”, которые неизменно, до гроба, исповедовала его мать³.

Умственный перелом и связанные с ним душевные терзания заставили Леонтьева обратиться к перу и бумаге. Первое же своё произведение – комедию “Женитьба по любви” он решил показать Тургеневу. Иван Сергеевич в то время жил на Остоженке, неподалёку от дома богатой аристократки Охотниковой, свояченицы матери Константина Николаевича, у которой он в Москве и остановился. Однажды утром, весной 1851 года, Леонтьев, набравшись смелости, облачился в студенческий вицмундир, водрузил на голову треуголку и отправился к создателю “Записок охотника”, дабы вручить ему свою рукопись. Маститый писатель весьма высоко оценил литературные опыты начинающего автора. Между Тургеневым и Леонтьевым завязалась дружба, сыгравшая огромную роль в творческой судьбе Константина Николаевича. С 1854 г. повести и очерки К. Леонтьева публикуются в русской периодике, в литературном приложении к “Московским ведомостям”, в “Отечественных записках”.

В том же году, не прослушав полного университетского курса, Константин Николаевич получил степень лекаря, поступил на военно-медицинскую службу и отправился в Крым, где разворачивались важнейшие события Восточной (Севастопольской) войны 1853–1856 годов. Простая, грубая и деятельная жизнь в Крыму вернула ему здоровье и свежесть, избавила от мучительного и кропотливого самоанализа, которому он предавался в Москве. Однако “честный труд” в военном госпитале близ Керчи не вполне устраивал потомка “дикого барина”. Ему хотелось настоящих опасностей: схваток с неприятелем, пороховой гари, походов, бивуаков, вольных степей, и он добился назначения в 45-й Донской казачий полк. Вместе с казаками Леонтьев отправлялся на рекогносцировки и в рейды, участвовал в кавалерийских боях, руководил реквизициями, спал у бивуачных костров под крымскими звёздами. “Природа и война! Степь и казацкий конь верховой! Молодость моя... молодость и чистое небо!”⁴ – вспоминал он позднее об этом времени. Служба Леонтьева в Крыму сопровождалась множеством любовных историй, он даже похитил в Феодосии прекрасную гречанку – Елизавету Политову, ставшую его женою через несколько лет. При всём этом не оставлял Леонтьев и литературного поприща.

Через год после окончания Восточной войны Константин Николаевич уехал из Крыма и занял место домашнего врача в имении баронессы Розен, располагавшемся в Арзамаском уезде Нижегородской губернии. Здесь он лечил крестьян, занимался науками с сыновьями хозяйки имения, много читал, особенно по естествознанию, философии, русской и иностранной изящной литературе, и, конечно же, писал сам.

Впечатления “нижегородского” периода жизни легли в основу романа “В своём краю”, опубликованного Леонтьевым в 1864 г. – сначала в “Отечественных записках”, затем – отдельным изданием. Современному читателю книга эта, к сожалению, практически не знакома, но работа стоит того, чтобы сказать о ней немного подробнее. И отнюдь не потому только, что едкий М. Е. Салтыков-Щедрин удостоил её своей рецензии, а потому, что роман Леонтьева стал яркой литературной манифестацией так называемого нищезанства – и не в Германии, а в России! – примерно за два десятилетия до появления работ самого Фридриха Ницше. Это потом, на рубеже столетий, нищезанство у нас в стране (вслед за Европой) вошло в моду, стало интеллектуальным “мэйнстримом”, в том числе – в революционных кругах (Горький, Луначарский, Савинков и т. д.); тогда же русский “предвестник нищезанства”

¹ К. Леонтьев. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., С. 218.

² К. Леонтьев. Рассказ моей матери... С. 86.

³ К. Леонтьев. Рассказ моей матери... С. 85.

⁴ Леонтьев К. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1913. С. 218.

анства, неожиданно появившийся в 60-х годах” (выражение критика начала XX века Б. А. Грифцова), остался практически не замеченным и на настроения общества нисколько не повлиял. В то же время роман “В своём краю”, завершённый, по-видимому, ещё до отъезда К. Леонтьева на Восток, т. е. до ноября 1863 г., нужно поставить рядом с законченным в том же году (в Петропавловской крепости) романом Н. Г. Чернышевского “Что делать?”. Подобно произведению известного теоретика-революционера, роман Леонтьева являлся литературно-художественным выражением всего спектра этических, эстетических и, в конечном итоге, общественно-политических воззрений своего создателя и, по замыслу Леонтьева, должен был играть ту же роль, которую сыграло произведение Н. Г. Чернышевского: роль пропагандиста и агитатора, “наставника жизни”. При этом в литературном отношении роман Леонтьева написан несравненно более талантливо, гораздо более интересно, чем произведение выдающегося революционного демократа.

К 60-м годам XIX в. созрело основанное на эстетизме мировоззрение Константина Николаевича. Он пришёл к убеждению, что “всё хорошо, что прекрасно и сильно, – будь это святость, будь это разврат, будь это революция, будь это охранение – всё равно!”¹. Леонтьев решил оставить давно уже стеснявшую его практическую медицину, перебраться в столицу и стать профессиональным литератором: “открывать глаза” на истины эстетизма читающей публике. Однако в Петербурге Леонтьев замечен не был: русскому обществу, увлечённому вихрем либеральных реформ, было не до эстетики.

Повращавшись в “передовых” кругах столичной интеллигенции и хорошо узнав её представителей, Леонтьев проникся неприязнью к их демократическим идеалам и к буржуазному прогрессу, ведущему к господству так называемого “среднего человека” – ограниченного и самодовольно-сучного буржуа, к уничтожению поэзии и красоты жизни, всех её цветов кроме сюртучно-серого. С этим он как эстет мириться не мог. Поняв, что прекрасного гораздо больше на стороне “церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т. д., чем на стороне современного управления”, крайней или умеренной буржуазности, Леонтьев перестал колебаться и встал на сторону “консерваторов”². Для него это означало разрыв с юношеским либерализмом и либералами, в том числе с Тургеневым. И Леонтьев скрепя сердце расстаётся со своим литературным патроном. Борьба идей в его душе была так сильна, что он “поху-дал и почти целые петербургские длинные ночи проводил нередко без сна, положивши голову и руки на стол в изнеможении страдальческого раздумья”³.

В чуждом для него Петербурге, да и вообще в России, всё прочнее становящейся на путь общеевропейского развития, меняющей поэзию патриархального дворянско-крестьянского быта на прозу пореформенной буржуазности, Леонтьеву становится душно, и он, устроившись на службу в Азиатский департамент имперского МИДа, бежит на экзотически-яркий, сверкающий многоцветьем красок Восток, в балканские провинции Турции. С конца 1863 г. Константин Леонтьев – секретарь и драгоман (переводчик) русского консульства на острове Крит. Здесь, отстаивая престиж и достоинство своей Родины, да и собственную дворянскую честь, он вступает в конфликт с французским консулом Дерше. Тот в одной из бесед отзываясь о России оскорбительно, и Леонтьев отвечает ему ударом хлыста. Русское посольство в восторге от этого смелого, хотя и не дипломатического поступка. Константина Николаевича отзывают в турецкую столицу, там он получает назначение в бывшую резиденцию османских султанов, первую их столицу в Европе – город Адрианополь.

Служа на Востоке, Леонтьев делил своё время между напряжённой дипломатической деятельностью, сердечными увлечениями и занятиями литературой. Там он писал свои балканские очерки, рассказы и повести, оттуда отправлял корреспонденции и статьи в русские газеты, журналы. Жил Леонтьев на широкую ногу, по-барски, держал множество слуг, и жалованья (вполне приличного) ему всегда не хватало. Благодаря этому он “познакомился” со множеством местных ростовщиков, одним из которых был Соломон Нардеа – “Шейлок” османского разлива.

В Министерстве иностранных дел Леонтьева знали и ценили, у начальства – русского посла в Порте графа Н. П. Игнатьева, начальника Азиатского

¹ Александров А. А. К. Н. Леонтьев // “Русский вестник”. 1892. № 4.

² Александров А. А. Там же.

³ Леонтьев К. Записки отшельника // “Гражданин”. 1888. № 15.

департамента МИДа Стремоухова и самого министра, а впоследствии – канцлера Горчакова он был на отличном счету, и его служебная карьера продвигалась необычайно быстро. В 1867 г. Леонтьев становится вице-консулом в придунайском городе Тульча, с 1812-го по 1856 годы принадлежавшем России, в 1869–1871 гг. он – консул, сначала в Янине, затем в Салониках. Ему предлагают пост генерального консула в Праге – после образования там вакансии, но... Судьба вносит в эти планы свои коррективы.

1871 год стал для Константина Николаевича годом тяжёлых испытаний, годом окончательной “переоценки всех ценностей”, третьего и последнего в его жизни умственного перелома. Период эстетического упоения бытием проходит, на смену ему являются усталость, душевное томление и тоска, возникает мысль уйти в монастырь. Зимой в Петербурге умирает любящая и любимая мать, а летом Леонтьев заболевает сильным желудочным расстройством и, принимая свой недуг за холеру, готовится к смерти сам. В один из наиболее ужасных моментов болезни, глядя на образ Богородицы, привезённый греческим монахом с Афона, Леонтьев уверовал вдруг в её существование и могущество, сжал кулаки и воскликнул: “Мать Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я ещё ничего не сделал достойного моих способностей и вёл в высшей степени развратную, утончённо-грешную жизнь! Подыми меня с этого оврага смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного верующего... и... постригусь в монахи...”¹. Через 2 часа Константин Николаевич почувствовал значительное облегчение и стал совсем другим человеком. Со старой жизнью покончено; Леонтьев пришёл к глубинному, “личному”, как он его называл, православию, и личная вера dokonчила в 40 лет и политические, и художественное его воспитание².

Около года он провёл на горе Афон среди греческих и русских монахов, желая получить постриг в этой обители, однако мудрые духовные наставники, старцы, убедили его повременить с монашеством и уехать в Константинополь. Там он вытребовал отставку от дипломатической службы, предоставленную ему с большой неохотой, и написал свою крупнейшую историософскую работу “Византизм и Славянство”, в которой “дополнил” концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского своей “гипотезой триединого развития”, постулировавшей, что время жизни всякого культурно-государственного организма составляет не более 1000–1200 лет, и каждый из них проходит в своём развитии три ступени: “первичной простоты”, “цветущей сложности” и “вторичного смесительного упрощения”. Эта “гипотеза” во многих отношениях предвосхитила “морфологию истории” германского философа-эссеиста Освальда Шпенглера. Статьи, и сам великий немец “отводил” на существование каждой мировой культуры практически тот же срок, что и К. Н. Леонтьев – тысячелетие.

Весной 1874 г. Леонтьев покинул Восток и возвратился в Россию. Здесь он собирался печатно проповедовать свои революционно-консервативные взгляды, добиться признания и стать “литературным генералом”. Его великолепные повести из восточной жизни печатались в “Русском вестнике” М. Н. Каткова, вышли и отдельным изданием, но образованное общество того времени, готовое даже Пушкина “променять на сапоги”, большого внимания к ним, как и в предыдущем десятилетии к роману “В своём краю”, не проявило. Статьи Леонтьева, предостерегавшие от повального в 70-е гг. XIX века увлечения панславизмом и безоглядного потворства России югославянам, в особенности – болгарам, боровшимся с Константинопольской патриархией, также не были оценены по достоинству. Только на рубеже 80-х и 90-х, после того как в 1885–1887 гг. “братская” вроде бы Болгария, освобождённая от власти султана лавиной русских штыков и реками русской крови, отвернулась от своих московско-петербургских радетелей и стала союзницей Австрии и Германии, некоторые представители консервативного лагеря вспомнили леонтьевские инвективы в адрес балканских единоверцев и согласились с их автором. Следует напомнить, что, несмотря ни на какие разоблачения, панславизм остался одной из важнейших внешнеполитических доктрин России, и именно панславизм, определявший поведение значительной части русского общества, был одним из важнейших факторов, вовлекших страну в I Мировую войну, приведшую её к катастрофе.

¹ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 396.

² Письмо Леонтьева к В. Розанову от 14.8.1891 г. // “Русский вестник”. 1903. № 6.

Вернувшись на родину, Леонтьев превратился в скитальца: жил то в Москве, то в имении Кудиново, которое он безуспешно пытался спасти от разорения и продажи с молотка, останавливался в Калуге, в Смоленске и в Петербурге, полгода провёл послушником в Николо-Угрешском монастыре. Наведывался он и в Оптину пустынь, где обрёл духовного наставника – старца Амвросия, последнего из великих старцев этой обители. Но всюду его преследовала нужда, “дворянское оскудение”. Несколько месяцев в начале 1880 г. Леонтьев был помощником редактора русского официального листка “Варшавский дневник” князя Голицына. С его появлением газета стала ярче и интереснее, приобрела немало подписчиков, о ней узнали в столицах. Однако нехватка средств гонит Леонтьева из Варшавы. Константин Николаевич возвращается в Москву и с помощью своего друга и единомышленника по церковным вопросам Т. И. Филиппова, занимавшего солидный государственный пост, устраивается цензором в Московский Цензурный комитет.

Цензорство было для Леонтьева “стиркой и ассенизацией чужого, большей частью грязного белья”¹, но эта служба сделала его жизнь более размеренной, стабильной и обеспеченной. В годы цензорства он много болел, страдал от массы недугов, зачастую хронических. Константин Николаевич переносил всё это стоически, сохранял присутствие духа и продолжал, по мере сил и возможностей, свою литературную деятельность. Вокруг него сформировался кружок из молодёжи, увлечённой его идеями и речами, главным образом – питомцев так называемого Катковского лицея и студентов Московского университета. Тогда же, в начале 1880-х, окрепла основанная на взаимной интеллектуальной симпатии дружба К. Леонтьева и В. С. Соловьёва.

В феврале 1887 г. Леонтьев вышел в отставку с последней – цензорской своей службы, благодаря стараниям сочувствовавших ему высокопоставленных правительственных чиновников он получил неплохую пенсию и поселился возле Оптиной пустыни, в так называемом “консульском домике”, расположенном у самой ограды этой обители. Начался один из самых продуктивных в творческом плане периодов его жизни, “болдинская осень” Леонтьева как публициста. Он пишет ряд статей под общим названием “Записки отшельника”, критические этюды о романах Толстого, с которым Леонтьев встречался и спорил в Москве и в Оптиной, которого он превозносил как писателя-художника и психолога, но которому за его “искания” хотел “сотни две горячих всыпать” или обеспечить ссылку куда-нибудь в Сибирь, в Томск, чего Лев Николаевич, впрочем, страстно желал и сам² для усиления популярности своих морально-атеистических проповедей.

Следует отметить и несколько работ Леонтьева о современном ему национализме: “Национальная политика как орудие всемирной революции”, “Плоды национальных движений на православном Востоке”, “Письма к В. С. Соловьёву о национализме культурном и политическом”. В них варьировалась мысль, что со времён Великой Французской революции национально-освободительные и национально-объединительные движения приводят не к развитию национальных культур и расцвету их самобытности, связанному с усилением оригинальных их черт, как это было, по мнению Леонтьева, в XV–XVII веках, а к буржуазно-космополитическим результатам: всеобщему усреднению и нивелировке, в частности – уничтожению сословий и состояний, вымиранию или капиталистическому перерождению старинной аристократии, подрыву монархической государственности, религиозных устоев и, вследствие всего этого, к обеднению культурной жизни народов.

В апреле 1891 г. завязалась переписка между Леонтьевым и тогда ещё малоизвестным философом Василием Розановым, а в августе этого же года Константин Николаевич был тайно пострижен под именем Климента и по настоянию старца Амвросия, бывшего его духовным наставником, отправился в Троице-Сергиев посад. Там, в лаврской гостинице, он и умер 12 ноября от воспаления лёгких.

Его могила находится в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры у храма Черниговской Божией Матери. Рядом с Леонтьевым покоится и один из тех, кому были адресованы его последние письма, тот, кто, по мнению Константина Николаевича, понял его именно так, как сам он хотел быть понятым другими, – В. В. Розанов...

¹ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 495.

² Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 557.

19 ноября 1711 года в России, в деревне Мешанинской Архангельской губернии в крестьянской семье родился Михаил Васильевич Ломоносов. К 300-летию великого русского гения, основоположника отечественной науки, основателя Московского университета, человека, который, по меткому слову Пушкина, "...сам был первым нашим университетом", мы публикуем отрывок из подготовленной к печати монографии Виталия Константиновича Новика "М. В. Ломоносов, личность и образы". Книга эта сложна, противоречива, но автору удалось главное — показать величие учёного и драматизм судьбы человека и подвижника, вынужденного не только заниматься чистой наукой, но и сражаться с косностью и равнодушием окружающих. Автор убедительно доказывает, что истинная слава пришла к Ломоносову лишь после его кончины. Но такова судьба многих русских талантов, отдавших душу и жизнь свою ради славы и процветания нашей любимой Родины.

ВИТАЛИЙ НОВИК

ОБРАЗ И ЛИЧНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

В понедельник, четвертого (старого стиля) апреля 1765 года, на третий день "святыя недели" Пасхи, в пять часов пополудни, в Санкт-Петербурге, в собственном доме скончался статский советник, один из первоприсутствующих Канцелярии Академии наук, профессор Академии по классу химии Михаил Васильевич Ломоносов. Причиной этого печального события было заболевание легких, "чахотка" или "новый, обостренный простудой, приступ его прежней болезни". За два дня до кончины он причащался, а при соборовании, когда он в полном здравом рассудке прощался со своей супругой, дочерью и остальными домочадцами, священник Воскресенской церкви Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса Андрей Бордяковский принял его последний вздох. По его кончине, как писала дочь, в доме не оказалось средств для достойных похорон. Тогда же граф Г. Г. Орлов по Высочайшему соизволению Государыни приказал наложить свои печати в его (Ломоносова) доме, поскольку там, безусловно, имелись документы, которым не дозволено быть в чужих руках. Обычно печатывался кабинет и книжные шкафы. Позднее, сторговавшись в цене, граф купил библиотеку, рукописи и научные инструменты покойного, а через несколько месяцев бумаги были разобраны Г. В. Козицким, и часть из них была помещена в доме Орлова "в особом покое".

Восьмого апреля, утром, тело Ломоносова было погребено "с богатою церемониею... Императорским иждивением" (императрица выделила на похороны значительную сумму) на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре при великом скоплении людей. Во время великолепных похорон отпе-

вание вели архиепископы Петербургский и Новгородский в присутствии другого знатного духовенства. С покойным сочли необходимым придти проститься “господа сенат”, множество знатных особ и, конечно, профессора и служащие Академии наук. Печаль и горесть невиданного стечения “всех любителей словесных наук” были искренни и неподдельны.

Кончалась целая эпоха бытия Академии.

На собрании 18 апреля профессора вернулись к печальному событию, записав третьим пунктом в протокол: “По общему мнению академиков похвальное слово о Ломоносове, а также и других ранее скончавшихся академиках, должно написать и в Комментарий поместить”, не высказав, однако, желания выделить его **среди прочих**, что достаточно полно отражало мнение сослуживцев о покойном. Эта академическая элогия увидела свет только через 18 лет при совершенно изменившихся обстоятельствах.

Что можно сказать о тогдашней Академии?

Санкт-Петербургская Императорская Академия наук в середине XVIII века была небольшим учреждением, общей численностью, включая Президента, академиков, писарей, типографию, мастеровых, сторожей, матросов и трубочистов, менее полутора сотен человек, со сторонними службами – свыше трехсот. Среди них собственно научный штат – “Академики и члены Собрания” – по регламенту 1747 года предусматривал 9 должностей академиков, 9 адъюнктов, 10 почетных членов (российских и зарубежных), 5 профессоров университета и 1 историографа. Этим же регламентом из состава Академии выделялись, но сохранялись при ней гимназия (ректор – 1, конректор – 1, учителей – 6, учеников – 20) и университет (ректор – 1, профессора – 5, студентов – 30). В рассматриваемый период эти академические и учебные должности ни разу не были полностью замещены.

Академия пребывала на периферии внимания власти, и во главу ее, на должность президента, ставили персон по принципу личной преданности двору. Для большей части из них управление наукой было делом второстепенным и малозначащим. С 1746 по 1765 годы Академией руководил граф Кирилл Григорьевич Разумовский, брат фаворита императрицы, заступивший на этот пост 17-летним юношей. Через пять лет он уже был гетманом Украины, фельдмаршалом и главой Запорожской Сечи. Естественно, что и большую часть времени он пребывал на Украине, в своей резиденции в Глухове.

Текущее управление Академией осуществляла канцелярия, длительное время единовластно, в лице И. Д. Шумахера (Schumacher Johann Daniel, 1690–1761), причастного к созданию Академии еще с петровских времен. Шумахер и принял талантливого и жадного до знаний московского семинариста М. Ломоносова в первый набор академической гимназии, затем, подметив у него “отменную склонность к наукам”, перевёл в студенты, послал в Германию, а по возвращении дал возможность занять должности адъюнкта и профессора.

Императорская Академия наук в ту пору переживала нелегкие времена. Науки были чужды стремительному калейдоскопу императриц. Академию покинула блистательная плеяда профессоров первых наборов. В 1741 году оставил Петербург Леонард Эйлер (Euler Leonhard, 1707–1783), в Коллегию иностранных дел был отозван в 1742 году Христиан Гольдбах (Goldbach Christian, 1690–1764). Астроном Делиль (Delisle Joseph-Nicolas, 1688–1768), последний из этой когорты, покинул Петербург несколько позже, в 1747 г.

Корыстолюбие и тщеславие Шумахера не были исключением среди разнородного чиновничества. Колоритно выделялась лишь сфера приложения этих качеств – наука. Он умело ориентировался в интригах императорского двора и, нужно отдать ему должное, уберёг Академию от уничтожения, пережив пять самодержцев. Подобная опасность вспыхивала не раз, но искушенный чиновник каждый раз умело сохранял место своего “кормления”.

Трудами Шумахера в Академии была создана прекрасная библиотека, не уступавшая лучшим европейским по наполнению фондов, типография и великолепные производственные подразделения (мастерские). Последние выполняли и сторонние оплачиваемые заказы, в том числе и кабинета императриц, и требования профессоров отнюдь не были для них приоритетны. Книги собственной печати продавались в своей лавке, пополняя скудные доходы Академии. Финансировалась Академия плохо и нерегулярно, профессорам сплошь и рядом задерживалась выдача жалования.

Тяжёлым бременем на Академии лежала обязанность поддержания университета и гимназии. Прекрасная, по замыслу Петра I, триада “Гимназия—Университет—Академия” имела весьма слабые возможности для своей реализации. Принуждение же профессоров Академии к преподаванию в гимназии и университете вызывало у них откровенное недовольство и протест. Сам профессорский состав к середине 1740-х годов, когда Ломоносов стал профессором химии (1745 г.), как отмечалось, существенно потускнел. В Академии довлело уже поколение адъюнктов первого набора — Г.-Ф. Миллер и др.

Безалаберность в организации научной работы Академии в общем и целом устраивала этот тихий и сонный мир, который совсем не стремился к каким-либо научным дерзаниям и прорывам. Бойцовские качества академиков проявлялись только как защитная реакция.

Всесметающая энергия Ломоносова, сознание собственной исключительности, целеустремленность в карьере и поддержка покровителей обусловили как независимость его поведения в безвольной среде, так и стремительный должностной рост. В 1757 году он становится одним из руководителей Академии (членом канцелярии, ответственным за научную деятельность), а в начале 1758 г. президент поручает ему курировать гимназию и университет. И в общественном сознании он становится ПЕРВЫМ соотечественником, ставшим во главе российской науки.

В условиях елизаветинского времени привлечение Ломоносова к управлению Академией было наилучшим решением. Его неуёмное честолюбие было направлено в созидательное русло и принесло свои плоды. Плоды максимальные по существовавшим условиям того времени. И, пожалуй, наиболее действенным было то, что эта гигантская фигура вообще привлекала внимание власть имущих к столь ничтожному, по их меркам, учреждению, как Академия наук.

Ломоносов оказался на своем месте в период начального формирования в массах, у молодых, интереса к науке, в самый тяжёлый период организационного становления учебных заведений.

Середина 50-х годов XVIII века была периодом, когда одаренные любители наук должны были уступить место уже появившимся подготовленным профессионалам.

Вспомним, однако, о начальном этапе научной судьбы Ломоносова, о годах (1729—1735) обучения Ломоносова в семинарии, когда его молодой, ни на что не отвлекающийся ум жадно впитывал латинский, греческий, “славенский” языки, латинскую и русскую поэзию, риторiku и философию. Последняя же преобладала и в лекциях Вольфа в Марбурге, где Ломоносов провёл три года. Именно в этот период он увлеченно занимался приёмами и лексикой “немецкого стихотворства”: “Многих знатнейших стихотворцев вытвердил наизусть. По тамошним ямбам, хорям и дактилям начал измерять стопы в русских стихах, со всем новым образом, несравненно глажее и согласнее прежних в чтении”. Как видим, лучшие годы своей вольной (или предписанной) страсти к познанию Ломоносов отдал гуманитарным наукам. Это и стало истоком его успешных деяний именно в гуманитарной сфере — филологии, истории, социологии. Он безупречен и великолепен в своей “Риторике” и “Русской грамматике”, претерпевшей 14 изданий. Первоначальное образование оставляет пожизненный отпечаток на способах мышления человека, и выход за его рамки требует неотступных целенаправленных усилий. Потому не случайно, что даже в письменной полемике и научных статьях Ломоносов оставался приверженцем стиля художественного произведения, который он привнёс и в формулировки естественнонаучных трактатов.

Историки объясняли столкновение “завистников” и “недоброхотов” с Ломоносовым засильем немцев и их клеветов. Но если взглянуть шире, ситуация же сводилась к противостоянию вышколенных профессионалов, приехавших из-за границы, и первого поколения русских в науке. Они ещё не достигли профессионализма европейского уровня. Но они были первыми — и В. Е. Ададуров (1709—1780), и Ломоносов, и С. П. Крашенинников (1711—1755), и Н. И. Попов. **Для истории науки в России важен сам факт появления этих имён.** Их научные заслуги для истории вторичны. Важно то, что их тщания пробудили биение отечественной научной мысли. Именно они своим примером привлекли в науку и взрастили следующие поколения соотечественников, академиков по широкому спектру специальностей: А. П. Прота-

сов (1725–1796), И. И. Лепехин (1740–1802), П. Б. Иноходцев (1743–1806), Н. Я. Озерецковский (1750–1827) и др. Последующие поколения, конечно, превосходили своих предшественников. Напомним известный случай такой преемственности: М. В. Ломоносов – С. Я. Румовский, учёный добротного европейского уровня, первый вице-президент АН, попечитель Казанского учебного округа, – Н. И. Лобачевский (1792–1856), учёный мирового уровня, сначала студент, а потом и ректор Казанского университета. **Научные традиции сформировались в России всего за три поколения!**

Административная деятельность Ломоносова была объектом педантичных исследований историков. Образцово поставленное Шумахером и Таубертом делопроизводство Канцелярии Академии наук сохранило для нас сотни и сотни документов Ломоносова. Знакомясь с ними, можно воочию убедиться, **сколько сил оторвано им от творчества даже не на развитие, а на обеспечение текущей жизнедеятельности Академии, простого её существования.**

Обилие документов открывает возможность уточнить роль Ломоносова в руководстве Академией. По уставу 1747 г. предусматривались профессора астрономии, географии, анатомии, ботаники, химии, физики, механики, высшей математики, истории. Конкретная направленность их деятельности определялась ими самими, и никто не был вправе её навязывать. Для рассмотрения узконаправленных проблем в Академии формировались специализированные группы профессоров. В разное время имели место: математическое собрание, Российское собрание, историческое собрание, географический, исторический департамент.

В каком же направлении мог приложить свои усилия Ломоносов для повышения эффективности или хотя бы оживления деятельности Академии? К сожалению, хоть и горестно об этом упомянуть, в реальной обстановке он был бессилён что-либо значимо изменить. Ни государством, ни властью имущими, ни военными ведомствами, ни созревающей промышленностью феодальной России науки востребованы не были. Всех устраивал статус-кво при существующей личности президента. Изменения начались при его (президента) удалении от дел.

Сфера возможной деятельности Ломоносова была предельно сужена. Он не мог посягать на область хозяйственной и финансовой деятельности академии. Ими относительно эффективно управляли сначала Шумахер, а затем Тауберт. Достаточно сказать, что если на содержание Академии вместе с гимназией выделялось по регламенту 1747 г. 53298 руб., то денежные доходы от академической книжной лавки, типографии и мастерских составляли в среднем около 20000 руб. в год. Взаимоотношения с академическим Собранием могли проходить только через непременно секретаря посредством указов канцелярии. Члены Собрания умело, разумеется, “извиняясь” объективными причинами, реагировали отписками на эти указы, никак не меняя привычного ритма и направленности своей деятельности. Непременный секретарь же совершенно обоснованно не считал своей обязанностью активизацию академиков. Академия зримо деградировала: даже текущие Собрания, которые по регламенту должны были происходить 3 раза в неделю, имели место с перерывом в 7 и более дней, а являлись на них едва половина членов и редкие адъютанты. И Ломоносов в беспомощности предлагает ввести вознаграждение профессорам за посещение академических Собраний.

Равнодушие елизаветинской власти к Академии препятствовало исполнению главной её задачи – изучения собственной страны, в том числе и составления её карты. **Подготовка географических экспедиций оставалась только личной юдолью Ломоносова, без необходимой поддержки сверху и при полном безразличии академической среды.** Ломоносов не имел поддержки ни с чьей стороны. Талант гения оказался направлен в русло непрерывных аппаратных склок с “равными”. И вызрела ещё одна сторона драмы – сознание тщетности собственных усилий на этом академическом посту.

В 1760 г. на Ломоносова возлагается уже единоличное руководство университетом и гимназией. Его согласие на это было, безусловно, жертвой с его стороны. Если в июне 1743 г. его жалоба в Следственную комиссию завершалась фразой: “... при Академии Наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно”, то сейчас, принимая эту ношу, он фактически обязался заново воссоздать и гимназию и университет.

Гимназия (школа) как часть университета подпадала под сословные ограничения принимаемых в университет (п. 41-й устава): “Принимать в университет из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушной оклад”. От приёма в гимназию этим условием отсекалась масса детей из семей купцов, мещан, разночинцев и ремесленников. Гимназия оказалась открытой лишь для детей дворян, чиновников и военнослужащих. Но дворянство, чиновничество и офицерство выбирали для своих сыновей надёжный путь личной карьеры и отправляли их в Шляхетский кадетский корпус, расположенный тут же, на Васильевском острове. Академическая гимназия могла привлечь учащихся только из семей мелкого чиновничества, унтер-офицеров и солдат, т. е. низших слоев городского общества. Но даже такой источник оказывался крайне ограничен. В указанный период гимназия располагалась в бывшем Троицком подворье на 15-й линии. Ежедневное посещение гимназии было доступно учащимся, проживающим всего лишь вблизи Большого проспекта, а в тёмное осеннее и зимнее время затруднено и для них.

Ломоносов, получив в свое полное подчинение гимназию, сразу же перевёл казённокоштных учеников на пансион. По его настоянию было практически удвоено денежное содержание учеников. На эти средства, ранее выдававшиеся гимназистам на руки и изымавшиеся родителями, он организовал проживание, питание, обеспечение одеждой и обувью первоначально сорока, а позднее и шестидесяти воспитанников. Заботливое создание такого полуказарменного режима не решало, тем не менее, главного – организации учебного процесса. Надо всем довлела необходимость пополнения численности учеников. В гимназию, при восьмилетнем сроке обучения, принимали учеников от 6 до 25 лет, принимали в любое время учебного года, с самым разным уровнем начального образования, чаще без оно, при том, что в ней, как объявил канцелярии в 1763 году инспектор гимназии и академик С. К. Котельников, “...таких классов, где бы обучали российской грамоте, не имеется”. Зачастую в старшие классы гимназии переводили студентов или для заполнения классов, или по необходимости приобрести знания по некоторым предметам. В условиях откровенной мешанины никто и не пытался настаивать на единых программах по перечню изучаемых дисциплин. Под крышу гимназии были, естественно, перенесены все семейные пороки. Шальное, буйное гимназическое племя принесло в аудитории, общежитие и трапезную нравы и традиции собственных родителей, т. е. пьянство, драки, лень и беспутство. Публичная порка розгами и карцер являлись штатными мерами воспитания. К отчислению же дозволялось прибегнуть только в вопиющих случаях.

В столице, как и в России, еще не было учителей как некоего профессионального клана. Их с трудом могли отыскать даже для Кадетского корпуса, находящегося под Высочайшим покровительством. Гимназии же оставалось принимать на эти должности недоучившихся студентов, осознавших недостижимость университетского образования и не нашедших лучшей доли. Мораль большей части из них, если и отличалась от нравов гимназистов, то только в худшую сторону. О результатах обучения можно только скорбеть. Так, по результатам экзамена в августе 1764 г. казённокоштных учеников из 13-ти учеников низшего класса переведено было в средний только трое, а из 10-ти учеников среднего – переведён в старший только один. Большинство учеников, в силу своего общественного положения, вовсе не предназначали себя к среднему и уж подавно к высшему образованию. Однако Ломоносов имел все основания гордиться успехом, поскольку, если за семь лет до поручения ему гимназии “не было произведено из гимназии в университетские студенты ни единого человека”, то за семь лет (1758–1765 гг.) его единоличного руководства учебной частью Академии в студенты было произведено 22 гимназиста. Первые русские студенты, питомцы Ломоносова – что их ждало в университете?

Академический университет вряд ли можно было назвать высшим учебным заведением в современном смысле. По сохранившимся сведениям, в нем насчитывалось в 1752 году – 20, в 1753 – 18, в 1757 – 18 и в 1758 году – 16 студентов, т. е. их среднее число не превышало двадцати. Лекции студентам не читались годами. Когда в 1757 году президент потребовал прекратить эту практику, канцелярия предписала инспектору университета: “А чтоб студенты к оным профессорам на лекции хождение имели, в том их понуждать”. Причины откровенного равнодушия к своей судьбе просты. Лишь немногие из

студентов представляли своё будущее. Ещё меньшее число, единицы, связывали его с наукой. Государство не востребовало этих относительно образованных людей. Чинов по табели о рангах университет не давал, и студенты по окончании могли рассчитывать лишь на должности переводчиков или переписчиков в штате Академии или коллегий.

В 1758 г. президент поручил Ломоносову подготовить уставы (регламенты) гимназии и университета, а в 1759 г. тот вручил проекты академической комиссии. В проекты он внёс принципиальное положение о допущении в университет и гимназию лиц, записанных в подушный оклад, и, предвидя рост числа учащихся и студентов, увеличил численность их на казённом коште соответственно до 60 и 30 человек. В регламенте он также предусмотрел важнейшее нововведение для студентов, окончивших курс обучения, – присвоение чинов по табели о рангах: магистрам – чина поручика, докторам – чина капитана. Эти первые шаги в правах по службе открывали бы выпускникам путь к должностной карьере. Регламент учитывал и привлечение преподавательского состава. В нём для профессоров предполагались “пристойныя ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы”. К сожалению, сначала болезни, а затем и кончина императрицы Елизаветы похоронили как этот проект, так и упования на реорганизацию учебных заведений при Академии. Тем не менее, данным ему административным правом он сумел настоять и выплотать полуторное увеличение суммы, отпускаемой на гимназию и университет, а в 1764 г. дом, купленный на доходы Академии, был его усилиями передан этим учебным заведениям.

При всех печальных реалиях академический университет всё-таки исполнил свое предназначение. **В течение нескольких десятилетий он оставался для России единственной школой научных кадров, и единицы целеустремлённых студентов нашли своё место в науках. Именно в нём начал свой путь первый десяток русских академиков.**

Взаимоотношения императрицы Екатерины II и Ломоносова имеют удивительно скудную документальную основу. Ранние и современные работы приводят буквально единицы засвидетельствованных фактов как личных встреч, так и опосредованных, через документы, контактов.

Переворот 28 июня 1762 г., приведший к власти Екатерину, готовился с апреля месяца. Тауберт деятельно помогает заговорщикам: с 27-го на 28 июня “в занимаемом им академическом доме ночью, с его ведома и приказа, печатался манифест, который был роздан уже на рассвете”. В тот же день, или на следующий, академические “немцы” присягают новой императрице.

Для Ломоносова переворот стал полным потрясением. Он должен был читать 29 июня в Публичном собрании уже напечатанную академическую речь с восхвалением только что отрекшегося императора Петра III: “.ныне же прошу вас быть довольными добрым началом и совершенно уверенными, что при покровительстве Августейшаго Самодержца нашего Петра третьяго, наследника родовых добродетелей, с сонмом всех прочих наук возрастет и Астрономия...”. Ему нужно время на приказ по уничтожению тиража, где опять-таки не обойтись без Тауберта. Современник свидетельствует о полной растерянности академиков в эти дни. Автору неизвестна дата и обстоятельства присяги Ломоносова новой самодержице, но очевидно, что он не был в числе первых.

Академия обязана приветствовать Императрицу торжественной одой, и создать её на русском языке мог только Ломоносов. Он молчит и занимается далеко не первостепенными делами академического университета. Лишь 8 июля, через день после смерти Петра III, канцелярии представляется “Ода торжественная... Великой государыне Императрице Екатерине Алексеевне... на преславное Ея восшествие... на престол”. **Ломоносов явно не спешил в гонке славословий.**

19 июля 1762 г. императрица вознаградила Тауберта чином статского советника (военный ранг бригадира) с назначением ему жалования в 1500 рублей в год. Едва оправившийся от недавней “тяжкой болезни”, в сознании опалы бывшего покровителя И. И. Шувалова, Ломоносов воспринимает повышение соперника в чине как личное унижение и считает себя вправе обратиться непосредственно к Екатерине II с челобитной об отставке из Академии. 24 июля челобитная была передана президенту Академии. Она содержала просьбу о награде повышением в чине на два ранга с коллежского советника (военный ранг полковника) до действительного статского советника (военный ранг генерал-

майора) и пожизненной пенсией 1800 рублей в год. Одновременно Ломоносов просит протекции на этот предмет у М. И. Воронцова, но тот сразу же благо-разумно отвечает, что будет хлопотать не перед императрицей, а только перед президентом. И 26 июля Ломоносов посылает перечень своих успехов в науках всесильному теперь Г. Г. Орлову, испрашивая ходатайства перед императрицей.

Просьба об отставке была подана в крайне неудачный момент. Ещё не устоялись отношения при дворе, да и коронация Государыни отодвигала любые частные проблемы на задний план. В сентябре двор уехал в Москву. И только в конце апреля 1763 г. императрица обратилась к залежавшейся челобитной. 28 апреля она запрашивает кабинет-секретаря А. Д. Олсуфьева: “Адам Васильевич! Я чаю – Ломоносов беден: зговоритесь с Гетманом, неможно ли ему пенсион дать и скажи мне ответ. В Москве. 28 апереля 1763”. Президент Академии, сам ранее передавший челобитную, естественно, выражает согласие, и через пять дней, 2 мая, Екатерина II подписала чаемый указ об отставке, но с обычным повышением в чине на один ранг до титула статского советника и “вечною от службы отставкою с половинным по смерть его жалованьем”, т. е. около 800 руб. в год. Лишь активное заступничество Г. Г. Орлова убеждает её отменить гибельную для Ломоносова отставку. Через десять дней после подписания указа Екатерина II послала в Сенат собственноручную записку: “Есть-ли указ о Ломоносова отставке еще не послан из Сената в Петербург, то сейчас же его ко мне обратно прислать”. Удивительны прихоти судьбы – нерасторопность безвестного служителя Сената продлила жизнь великому помору.

* * *

Куда более существенны успехи Ломоносова в словесности. Хотя и его поэтическое творчество при жизни было известно не слишком широко.

Оценим численность *читающей* публики в середине XVIII века. К ней следует отнести сановное и знатное дворянство, служилое, чиновничье и помещичье дворянство, гражданское чиновничество, купечество и мещанство, духовных лиц, ничтожный слой преподавателей и учёных. Имеющиеся данные позволяют оценить относительную численность этой категории.

По статистическим данным, перед реформами Александра II в России было только 6% грамотных. Такой уровень был достигнут через 70 лет после создания Екатериной II государственной системы народного просвещения. Обратившись к временам Петра I, мы узнаем, что его “господа сенат” имели в своем составе двух неграмотных. Это легендарный светлейший князь А. Д. Меншиков – первый из русских, принятый в Лондонское Королевское научное общество, – и князь М. В. Долгоруков. Применительно к крестьянству напомним о сладостных мечтаниях просветителя из простонародья И. Т. Посошкова иметь на целое село хотя бы одного грамотного. Со временем ситуация улучшилась, и Екатерина II в своих мемуарах так характеризует елизаветинский Двор: “Остерегались говорить об искусстве и науке, потому что все были невеждами: можно было побиться об заклад, что лишь половина общества еле умела читать, и я не очень уверена в том, чтобы треть умела писать”. Такая “мажорная” нота и линейная интерполяция от Александра II к петровским временам позволяет оптимистично считать относительную численность элементарно грамотных как 2% населения, т. е. примерно 400 тыс. человек при общей численности населения России 20 млн человек. Не более чем каждый двадцатый из них интересовался поэзией, иными словами, с учетом общего развития и собственных пристрастий, читателей стихов, од и псалмов Ломоносова насчитывалось около 10 тысяч человек. Они же включали немногочисленных знакомых с его естественнонаучными трудами. Данные о тиражах изданий его трудов уверенно коррелируют с этой цифрой.

Вот эти-то 10 тысяч верноподданных короны из сановного, знатного и служилого дворянства, сосредоточенные, в основном, в обеих столицах, и были теми, о ком написано: “..Россиянин отдыхал за творениями Ломоносова, котораго лира гремела и пленяла тогда Россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее” (И. Ф. Богданович, 1743–1803 гг.). Таково свидетельство современника. А благодарный потомок

(Чернышевский Н. Г.) через сто лет мог с полным правом утверждать: “Главная заслуга Ломоносова и писателей, следовавших за ним... состояла в том, что они своими произведениями возбуждали охоту к чтению и мало-помалу увеличивали число людей, интересующихся литературой... Труды этих людей образовалась в России “публика”, то есть некоторая часть русского народа получила привычку находить в чтении наслаждение, без которого уже не могла обходиться”.

Почему же творения и личность Ломоносова стали привлекательны для читающей публики? Он был **свой**. Он был свой и близкий во всем – в происхождении, в привычках, манерах, традициях и обычаях, понятный в языке, понятный в вере.

Он был образцом личных качеств русского мужика, даже физических, примером личного творческого успеха. Свободный помор недюжинных талантов бросает родной дом и сам ломает предначертанный ему путь, отказываясь от привычной купеческой, духовной или военной стези и выбирая никому не понятную науку. Редкостное, стихийное стремление мужицкого сына стало для России знаменем – **знаменем независимого отклика низов на чаяния Великого Петра о возникновении собственной русской научной поросли**.

Масштабом своей личности Ломоносов создает небывалый прецедент, доказав, что русским есть место в науке. И все знали, что именно он возглавляет науку в Академии. Чтобы представить непреходящую ценность такого события, нужно уйти в XVIII век и понять, что достойных примеров пребывания русских в науке просто не было, и никто не мог утверждать, что они там вообще могут быть. А вот – случилось. И потому по праву Ломоносова можно назвать основоположником **русской** науки.

В деяниях его было нечто, что интуитивно, самостоятельно, по доброй воле востребовано просвещённым людом, и это нечто могло быть найдено только у него и ни у кого другого. Он дал старт непрерывному осовремениванию русского языка, чтобы “слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен”. **Талантом и устами Ломоносова наука, в ее разнообразных отраслях, впервые и свободно заговорила по-русски**. Осовремененный им русский язык позволил молодому поколению войти в науку. Наука не может обойтись без языка соответствующего времени. Обновление позволило ввести в науку русские названия, термины, дефиниции, определения. Пример тому “Вольфианская физика”, переведённая им.

Через сто лет было образно сказано: “У кого достало <бы> творческой силы обить и сделать восприимчивым такой грубый и неподатливый материал, какой представлял из себя Русский <книжный> язык во время Ломоносова...” (И. С. Аксаков). **Ломоносов к радости своей открыл, что русский разговорный язык, которым общались, шутили и бранились его окружающие, обладает всем тем богатством, что необходим для свободного выражения самых сложных мыслей**. И он имел отвагу начать писать этой разговорной речью. И читатель был поражен красотами и гибкостью того самого языка, которым он повседневно пользовался в быту. Невозможно переоценить важнейшую роль выразительной силы языка Ломоносова. Известно, что “Слова в России – больше, чем слова” (Н. В. Карлов), что “словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести” (В. С. Шефнер).

И мощное оружие СЛОВА было использовано для возвеличивания России. Призыв, обращенный к чувствам русского народа, должен был помочь освободиться от векового сознания собственной отсталости, собственной ущербности перед этими “немцами”. Это в Москве, в слободе Кукуе на Яузе, они жили в некоторой культурной изоляции. Здесь же, в Питере – вот они, перед глазами. Они и умнее, и развитее в быту, в костюмах, в обычаях, привычках, нравах и трудовых навыках, они прилежно несут в страну науку, несут в страну промышленность, несут военное искусство и вооружение. Но они – ПРИШЛЫЕ, ЧУЖИЕ, со своими опрятными домиками и “тощими немецкими душами”. И Ломоносов непрерывно обращается (опустим цитаты) к национальной гордости россиян: и язык наш лучше всех, и история богаче всех, и Сибирь, что мы насквозь прошли (до Аляски досягнули), – самая богатая, и вера самая правильная, и военные победы наши неисчислимы... Нам ли сомневаться, что и в науке, как завещано Великим Петром, россияне возобладают. **Этих слов ждали**, и они были восприняты названным тончайшим, но влиятельным слоем просвещённого населения.

На кончину Ломоносова откликнулись эпитафиями весьма многие лица, далеко отстоящие друг от друга на общественной лестнице. Среди них были и профессиональные поэты А. П. Сумароков и И. Ф. Богданович, и граф Андрей Шувалов, будущий соавтор “Антидота”, певчий придворной капеллы И. К. Голеневский и скромный учитель английского языка Сухопутного Кадетского Корпуса Л. И. Сичкарев (1741–1809), оплативший издание из своих скудных средств:

*Российской Соломон отходит в смертной путь.
Внемлите Россие вы музы лире сей,
Се полагается во гроб ваш Орфей.
Не будет больше петь на Невских он брегах,
Прекрасны лавры вам оставил при водах.
Внушите Риторы российские сей тон,
Се покрывается землей ваш Цицерон.
Уж громогласная российская труба
В гроб заключается подземной навсегда.
Внушите ведущи вы естества закон,
Се в тьму скрывается великий ваш Невтон.*

Не менее выразительна строфа, принадлежащая перу Н. Н. Поповского, написанная при жизни Ломоносова:

*Московской здесь Парнас изобразил Витию,
Что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл природы храм богатым словом Россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов.*

Таково было мнение просвещённого общества.

Но и церковь по праву могла считать его своим воспитанником и гордиться им, затмившим Феофана Прокоповича. Он вышел из её недр и, несмотря на некоторую фронду и молодечество (“Гимн бороде”), стоял на защите православия всем своим авторитетом.

В 1757 году выходит “Собрание разных сочинений в стихах и в прозе... Михаила Ломоносова”, открывающееся предисловием “О пользе книг церковных в российском языке” с беспрекословным утверждением: “.Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российской славословием Божиим на Славенском языке украшаться будет”. Стоит ли обсуждать, на чьей стороне используется это имя в многовековом вопросе о переводе церковных служб на русский язык? Великолепным ломоносовским слогом были написаны “преложения” семи псалмов, ода на темы ряда глав из Иова, и все это размещено на первых страницах прижизненного издания. Сочинения весьма активно были востребованы читающей публикой, как духовной, так и светской. Не сомневаясь в существовании Творца и будучи твёрдым в вере, Ломоносов, полагая наличие атмосферы на Венере, считал нужным высказаться о веровании возможных на ней живых существ. Не будем комментировать, согласимся с неординарностью мысли.

Церковь достойно воздала памяти своего питомца не только частными речениями, но и небывалой для удородного лица процедурой погребения. И неслучайно в дни 200-летнего юбилея Ломоносова (1911 г.) в стенах Московского университета прозвучало:

“И сама Церковь присоединяется к общему торжеству своим молитвенным воспоминанием о приснопамятном юбиляре, как об одном из славных питомцев своей школы, двигателе духовнаго просвещения и незабвенном певце величия Божия. Да будет же благословенною память о нем из рода в род!” (Боголюбский Н. Речь в храме Имп. Моск. Университета).

Итак, Ломоносов по праву стал кумиром весьма тонкого слоя читающей публики. Время государственного внимания придёт позже.

Вернёмся к последнему году жизни Ломоносова. Документы свидетельствуют о тяжёлом кризисе, длительно развивавшемся и достигшем апогея приблизительно за месяц до его кончины. Трагическим был в жизни Ломоносова 1764 г. Ранее счёл за лучшее покинуть Россию И. И. Шувалов. Теряет влияние К. Г. Разумовский, пытающийся отказаться от должности Президента Академии. Ломоносов всеми силами тщится привлечь нового покровителя – всесильного Г. Г. Орлова. Развеялись надежды на вице-президентство в Академии. Академическая среда прекрасно обходится без него. Он одинок, у него нет друзей и союзников, в лучшем случае – это собеседники.

Кризису способствовал выход на первый план в Академии молодых лиц: в естественных науках – С. Я. Румовского (1734–1812 гг.) и в гуманитарных (филология, история) – А. Л. Шлёцера (1735–1809 гг.). Оба талантливы и друзья, оба с младых лет посвятили себя науке, оба достигли профессиональных вершин. Вышколенные профессионалы неминуемо сменяют в науке талантливых и самоотверженных дилетантов. Но если стезя Румовского – это всё-таки сторонняя для Ломоносова астрономия, то немец Шлёцер посягает на изначально русские, выношенные и выпестованные Ломоносовым области знаний. И этот соперник не только получает поддержку на выборах в профессора Академии, но высоко оценен при дворе и одарён правом представлять свои сочинения непосредственно императрице. История уже рассматривалась не только как набор фактов и анекдотов. Были сделаны первые шаги в методологии поиска объективных первопричин событий и анализа их развития.

Печальной оказалась судьба материалов, собранных Ломоносовым для Российской истории. Он отказался передать их Шлёцеру, просившему об этом, и вручил документы Ф. А. Эмину, человеку случайному в исторической науке. Написанный и изданный Эмином труд не оказался достоин памяти Ломоносова.

Весной 1764 г. он составляет “Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов”. Применительно к классу “гуманиорум” (истории, филологии и т. д.) или стихосложению, ничего подобного “Обзору” в его бумагах не найдено. В его глазах они малозначимы сравнительно с естественными науками.

“Обзором”, привычно написанным в третьем лице, Ломоносову необходимо поддержать себя верой в значимость собственных научных заключений. Не будем комментировать представленные 9 пунктов, укажем только, что наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в эти пункты им не были включены. Слог “Обзора” чеканен и безжалостен к оппонентам, увы, давно минувших лет. Современные Ломоносову авторы опущены. И не случайно! Причину он раскрывает сам.

В эти же дни (весна 1764 г.) им сделаны наброски плана “Системы всей физики”. Перечисленные в ссылке номера пунктов плана отражают и в разных словах многократно формулируют общее научное кредо Ломоносова: “Пусть физик не подчинит свой ум какому-либо знаменитому и прославленному своим заслугами автору”.

Красной нитью через череду документов 1764–1765 годов проходит стремление Ломоносова осмыслить своё место в науке, итоги многолетнего в ней пребывания, отсутствие достойного признания отечественных и зарубежных коллег. И мы воочию наблюдаем драму личности, не удовлетворённой этими итогами, личности, лишь раскрывшей, но далеко не во всём реализовавшей свои дарования. Можно строить догадки о причинах выбора Ломоносовым естественных наук как критерия личной оценки. Время и потомки выделили совсем другую сторону его деяний. Но Ломоносов воспринимал науку как главное призвание жизни, и сознание не свершённых Великих Дел, соразмерных трудам гигантов, означало для него не менее как жизненное поражение.

Февраль–март 1765–го года. Ломоносов всё так же член Канцелярии, ему подчинены научная деятельность Академии, ее гимназия и университет, он имеет чин статского советника, владеет деревнями и крепостными, обладает правом на получение дворянства, получает небывалое для Академии жалованье. У него собственный дом на Мойке, в центре столицы, с садом и лабораторией. Устроена судьба дочери, недавно обручённой. Только что благо-

получно разрешилась проблема его долгов. Как и ранее, он обласкан фаворитом императрицы. Его проект поиска северного прохода поддержан властью и активно реализуется. “Заклятый враг всех честных людей” Г.-Ф. Миллер удален в Москву. Казалось бы, во всем, чему Ломоносов посвящал свой талант и длительные усилия, он добился успехов и восхищения сонма поклонников. Но вчитаемся в строки, выведенные его рукой за месяц до кончины, какое же смятение человеческой души, какой надлом скрывается за ними:

- “1. Видеть Государыню.
  2. Показывать свои труды.
  3. Может быть, понадобится...
  4. Беречь нечего. Всё открыто Шлёцеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев.
  5. Приносил его высочеству дедикации <посвящение>. Да все! И места нет.
  6. Нет нигде места и в чужих краях.
  7. Все любят, да шумахерщина.
  8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi [многое принял молча, многое снес, во многом уступил].
  9. За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc. [за алтари и т. д.].
  10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.
  11. Ежели не пресечете, великая буря настанет”.
- Но будем верить, что в последние дни отчаяние покинуло его, и светлый духом он отошёл в лучший из миров.

* * *

Прохладным, мягко говоря, было отношение к покойному близкого круга императрицы. Оно было высказано достаточно откровенно устами наследника престола 11-летнего Великого князя Павла Петровича. Услышав о смерти Ломоносова в день его кончины, он отозвался: “Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал”. В памяти еще были свежи расходы на мозаику “Полтавской баталии”. Высказанное, конечно, не являлось его собственным мнением, оно лишь отражало общие суждения воспитателя цесаревича, канцлера Н. И. Панина, которые не могли противоречить взглядам Самодержицы. Присутствуя за столом с особами, “которых и в мыслях тронуть боязно”, наследник впитывал их отношение к конкретным лицам.

К счастью, не сбылись искренние, высказанные в последние дни его жизни и донесённые до нас Штелиным опасения Ломоносова о крахе Академии по его кончине: “Смерть встретил с духом истинного философа; сказал: жалю только, что покидаю недовершенным то, что задумал я для пользы отечества, для приращения наук и возстановления упавших дел академических: оно умрет со мною”.

Обстановка в Академии к этому времени претерпела существенные изменения. В Россию вернулся великий Л. Эйлер с сыном, управление Академией приобрело элементы коллективного руководства под началом нового, юного директора графа В. Г. Орлова (1743–1831 гг.), профессор Академии Г.-Ф. Миллер был избран в первый российский парламент. Академия активно подготавливала посылку нескольких экспедиций по наблюдению грядущего в 1769 г. прохождения Венеры по диску Солнца. Паллас, Гильденштедт, Лепехин, Фальк и другие начинают интенсивно исследовать неизмеримую Империю, как бы вновь открывая её для человечества или, вернее, открывая её для мира впервые. Экспедиции, как известно, завершились весьма успешно, к вящей славе венценосной покровительницы наук.

Имя Ломоносова временно покинуло Академию и упоминалось в ней лишь по случаю очередного издания его стихов. Уместно отметить весьма умеренные тиражи издания произведений. В интервале 1751–1784 гг. были установлены всего лишь 13 изданий его произведений средним тиражом около тысячи экземпляров.

Н. И. Новиковым в 1772 г. впервые публикуется биография Ломоносова на русском языке. Основывался он, как можно судить по неточностям, на устных сообщениях и собственных воспоминаниях. С появлением этой книги образ Ломоносова, вышедший из-под пера вольного каменщика, начал собственное, независимое существование.

В последующее десятилетие имя Ломоносова оставалось известным весьма узкому кругу почитателей его поэтического дара. Власти предрержавшие потеряли к нему всякий интерес. Его архив, купленный Г. Г. Орловым, мирно догнивал в заваленном строительным мусором подвале дома фаворита, библиотека была распылена в книжном собрании графа. Со временем имя Ломоносова, по-видимому, было бы затенено другими талантливыми авторами.

Но в 1782 г. произошло событие, которое вернуло внимание к его фигуре, внимание, продиктованное уже не личными пристрастиями, а государственными интересами. Событие это – создание государственной системы народного просвещения – предопределило интеллектуальный потенциал страны на века вперёд. В отличие от прежних прекраснородушных проектов, реализация системы была начата по конкретному плану, выработанному Ф. У. Т. Эпинусом при непосредственном и активном участии императрицы. В стране вводились единые сроки обучения, единые программы, единые методики преподавания, единые требования к учащимся, единые учебники и централизованная (впервые в истории) подготовка учителей. Всем процессом призван был руководить вновь созданный государственный орган “Комиссия об учреждении народных училищ”, облеченная правом прямого доклада Екатерине II. Деятельность системы образования предусматривала не только обучение, но и идеологическое воспитание школьников, в первую очередь – верноподданнических и патриотических чувств.

Намерения эти должны были зиждиться на отечественных примерах известных личностей. На государственной и военной стезе их число безмерно. А на гражданской? XVII век выстрадал гражданина К. Минина и отдавшего “жизнь за царя” гражданина И. Сусанина. Чьё же имя назовет XVIII век подрастающим поколениям как образец гражданской позиции? – М. В. Ломоносова.

С ним некого сравнить. Других русских эталонов такого масштаба, сопоставимых с ним, просто не было. Любая из известных граней его жизненного пути по праву, без фальши, может быть представлена молодым умам и сердцам. Образ Ломоносова – это не только средоточие верноподданнических излияний, выраженных в одах и поэмах, но и символ стремления к знаниям по зову души с юных лет. Отклик императрицы на такое стремление должен подчеркивать и её благодеяние в заботах о просвещении народа. Те, кто должны были учить детей и наставлять молодежь, нуждались в примере, который был бы безупречен, во всяком случае с их точки зрения, с тех позиций, тех основных ценностей, которые они должны были внушать молодым.

Впоследствии изложение жизненного пути Ломоносова неоднократно менялось, подчиняясь нуждам и взглядам текущего времени, но броские факты каждый раз заимствовались из его первой академической биографии.

В 1783 г. Н. Г. Леклерк в своей “Современной истории России” посвятил Ломоносову пятистраничный панегирик со вставкой кратких биографических данных, выделяя его из обширного ряда русских писателей и поэтов словами: “Плиний нашего века – возможно, единственный пример, который свидетельствует о счастливым сочетании ума с совокупностью ярких великих талантов”. Этот француз помнил и Ломоносова, и мнение образованной публики о нём, и донес это мнение в таких словах.

Летом 1786 г. императрица заканчивает свою историческую пьесу “Начальное управление Олега”. В пятое действие пьесы она, не уместившая, как известно, писать стихов, вводит строки из од Ломоносова. Над строками, в тексте пьесы указывалось – “Из Ломоносова”. Всевысочайшее провозглашение соавторства в исторической, патриотической пьесе означало прямое покровительство памяти поэта. Оно поддержало внимание к нему и не дало кануть в Лету, поскольку в последующие монархии считали необходимым сохранить покровительство, предопределившее высказываемые мнения на десятилетия вперед. В 1793 г. императрица повелевает установить бронзовый бюст Ломоносова (автор Ф. И. Шубин) в Камероновой галерее Царскосельского дворца, где размещались бюсты античных героев. Приобщив к этой череде

скульптурный портрет Ломоносова, императрица придала его имени высокий общественный статус национального символа. В свете такого статуса меркнут любые оценки других его деяний. И 1793 год можно считать эпилогом формирования эталона просвещенного гражданина отечества с его характерной гранью — образом поэта-патриота.

В первые годы XIX века под эгидой вновь созданного министерства просвещения в России было введено и установлено единство управления всеми учебно-воспитательными и научными учреждениями. Даже Императорская Академия наук была передана в его подчинение. Для разворачиваемой сети гимназий и уездных училищ были подготовлены группы учебников и книг для классного и домашнего чтения, в том числе и по российской словесности. Последние, естественно, включали лучшие образцы отечественной поэзии и прозы. Учебники и рассказы учителей и донесли образ Ломоносова до многих тысяч учащихся и членов их семей. Итак, на переломе веков приобщение к трудам и имени Ломоносова стало ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ для заметной части подрастающих поколений. В типовой хрестоматии этого времени приводятся биография Ломоносова, его повествования, образцы писем, переводы, образец популярного научного изложения (“О пользе физики”), отрывок из риторики, образец светской приветственной речи. Иными словами, слово Ломоносова представлено как эталон во всех разделах словесности.

Его образ в глазах многих начал восприниматься как неотъемлемая часть Российской истории. В это же время увидела свет книга, в которой Ломоносов поставлен в ряд национальных героев: сподвижника Петра I князя Я. Ф. Долгорукова, А. В. Суворова, П. А. Румянцева-Задунайского и Г. А. Потемкина.

Среди других поэтов его выделяло многое: не только стиль, слог и язык, но и, в первую очередь, происхождение, юношеские жизненные устремления, красочная биография, принадлежность к чтимому ученому миру и внимание императорской фамилии. Каждая из этих граней могла быть поставлена как пример, убедительно и привлекательно описана для общества.

Даже А.-Л. Шлёцер, доживший до начала XIX века, писал о русском гении: “Ломоносов был действительный гений, который мог сделать честь всему северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты. Он так поздно поднялся с своего двинского острова и, несмотря на то, в следующие десять лет приобрел так много и столь разнообразных познаний. Он создал новое русское стихотворство и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность”.

Волею судеб к тому же периоду примкнуло еще одно событие. Императорская Российская Академия в её годовом торжественном собрании 1805 года заслушала по случаю сороковой годовщины со дня кончины М. В. Ломоносова “Похвальное слово” ему, зачитанное известным минералогом В. М. Севергиным (1765–1826 гг.). В докладе основная часть была посвящена значению Ломоносова в “обогащении слова Российскаго”. Автор также призывал обратить “мысленный взор наш на прочие труды его, ибо дух деятельности сего мужа не останавливался на одном Витийстве и Поезии, но разпространялся почти на всю обширность знаний человеческих”. Поэтому, безусловно: “Мы должны паче удивляться, как единый человек возмоз столь многия и многообразныя познания”.

Слава Ломоносова-поэта в начале XIX века достигла апогея. Величаяя помпезность языка и образов, неотъемлемая патриотическая направленность стихов востребованы растущей сферой народного просвещения с органически присущим ей патриотическим воспитанием. Но удивительно быстро, в течение пятнадцати-двадцати лет появившаяся плеяда крупных талантов выходит на первый план, и старомодная поэзия с отмершими славянизмами становится достоянием истории. Окончательный приговор образу Ломоносова-поэта выносит Пушкин, посвятив ему изумительное по красоте четверостишие “Отрок”:

*Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.*

Пушкин, тем не менее, характеризует Ломоносова совершенно определенно: “Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты онаго: вот его главная услуга”. Суждения Пушкина бесприкословны по критериям иного века.

“...Он создал первый русский университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом”. Против этого возразить нечего.

В 1936 году, в дни празднования 225-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова, непреходящий секретарь АН СССР Н. П. Горбунов, ранее секретарь В. И. Ленина, предложил в своей речи “присвоить Московскому университету славное имя Ломоносова”.

В 1940 году, по случаю 185-летнего юбилея университета, Советское правительство присвоило имя М. В. Ломоносова первому вузу страны. В наши дни при подготовке к торжествам, посвященным 250-летию университета, был создан и утвержден (2004 г.) новый Гимн МГУ, неразрывно и навечно связавший имя Ломоносова и университет.

В нынешнем состоянии без пробуждения русского национального самосознания невозможно восстановление страны. И опять во главе когорты славных сынов России должен стать Ломоносов. Во многих, очень многих сходных обстоятельствах Отечество призывало их образы. Придут они на помощь и ныне.

Внимание к образу поэта-патриота может существенно усилиться развитием текущих тенденций в состоянии страны. Обращение к авторитету исторических личностей вызывается обычно протестными настроениями. Заветы Ломоносова о “просвещении” и “сбережении” народа, о русском судьбоносном величии будут непрерывно обретать приверженцев и постепенно становиться лозунгами в растущем противостоянии России и Запада, в сопротивлении подавлению национальной культуры страны.

Счастлива страна, которая может предложить взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!

ЕВГЕНИЙ ГУСЛЯРОВ

ЗАКОН ДОСТОЕВСКОГО И “ФУРИОЗНАЯ ЭМАНЦИПАНТКА”

(К 190-летию Ф. М. Достоевского)

Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных.

И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен... и в такие то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято.

Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.

Фёдор Достоевский

Вот одна из блестящих метафор, объясняющих творчество Достоевского. Возможно, она ошибочна. Поскольку метафора, конечно, не доказательство. Но, в зависимости от яркости и неординарности, она заставляет думать и поддаваться скрытому в ней смыслу. Метафора — это гипотеза художника, и чем больше в ней блеска и неожиданности, тем больше хочется с ней согласиться. В книге “Современные русские писатели”, вышедшей в Петербурге в 1887 году, один из авторов её, французский дипломат и литератор виконт Мельхиор де Вогуэ, написал так: “Надо рассматривать Достоевского как явление иного мира, чудовище могущественное, но незавершённое... мир сотворён не из одного мрака и слёз, в нём существуют... и свет, и веселье, цветы и радость. Достоевский видел только вполупину... Он — путешественник,

облетевший всю вселенную и великолепно описавший всё, что он видел, но он путешествовал только ночью”.

Об одном сумеречном обольстительном образе, наяву встретившемся ему в его мрачных путешествиях по белу свету, и будет этот рассказ.

Достоевскому исполнилось к этому времени сорок лет. В сорок лет счастья нет – и не будет. Есть такое наблюдение в русском народе. Эмпирическое, взятое из богатого и неутешительного векового опыта. Но тут поговорка обманулась. Счастье, по крайней мере, в семейной жизни он позже познает. Не было и денег. В сорок лет денег нет... Ну, и так далее... Денег не будет у него во всю дальнейшую жизнь. К концу её он станет убеждённым монархистом. Не в последнюю очередь потому, что наследник престола, будущий император Александр III, заплатит его долги, в том числе потраченные на релетку.

Вот коллективный его портрет, каким сложился он к этому времени, составленный современниками. Походка каторжника, которую навеки выработал он в семипалатинском остроге, лицо скопца, обрамлённое скудной бородой. На лице вместо кожи – пергамент, хоть свиток пиши. Одежда, правда, вызывающе модная, бельё чуть ли не из кружев. Это объяснимо, человек дорвался, наконец, до вольной жизни. И все её блага принял с болезненным наслаждением. Резким контрастом крахмальным рубашам голландского полотна выставлялись из обшлагов сокрушённые каторгой руки. Да ещё ступни, раздавленные солдатским плацем и кандалами, не вмещались в остроносые туфли, и ходить ему приходилось в чём-то, похожем на кожаные сундуки. “Он был худенький, маленький, белокурый, с болезненным цветом лица; небольшие серые глаза его как-то тревожно переходили с предмета на предмет, а бледные губы нервно передёргивались”. Это сказала о нём Авдотья Панаева, жена известного писателя, потом спутница Некрасова. В неё Достоевский был влюблён, тайно. Вообще Достоевский влюблялся при всяком удобном случае. Его донжуанский список включает до полутора десятков в основном юных созданий, порой настолько экзотических, что стоят они отдельного авантюрного романа. Одна из них, например, Марфа Браун, урождённая дворянка Панина, была профессиональной куртизанкой, прообразом нынешних интердевочек, объехала в поисках приключений полсвета и была вызволена Достоевским не то из участка, не то из больничной палаты для нервноувечных. “Его обширный, сравнительно с величиною головы, лоб, резко выделявшиеся лобные пазухи и далеко выдававшиеся окраины глазниц, при совершенном отсутствии возвышений в нижней части затылочной кости, делали голову Фёдора Михайловича похожей на Сократову”. Это наблюдение принадлежит личному врачу Достоевского, доктору Степану Яновскому. “...Имел вид совершенно солдатский, то есть простонародные черты лица”, – писал странный друг Достоевского Николай Страхов. “Глаза небольшие светло-серые и чрезвычайно живые”. Это опять Степан Яновский. “Они были тёмно-карие, глубокие...” – уточняет Александра Толиверова. О глазах сведения такие, что только одно их описание давало повод разного рода аналитикам делать далеко идущие выводы. Особенно тем, кто носился тогда со ступой Эдипова комплекса. “...Что меня поразило, так это глаза; они были разные: один карий, в другом зрачок расширен во весь глаз и радужины незаметно”. Это со слов Анны Достоевской, последней его жены. “Глаза угрюмые, временами мелькнёт в них подозрительность и недоверчивость, но большею частью видна какая-то дума и будто печаль”. Евгений Опочинин. “Лица, производящие подобное впечатление, мне приходилось несколько раз видеть в тюрьмах – это были вынесшие долгое одиночное заключение фанатики-сектанты”. Всеволод Соловьёв, брат известного философа. “Это был очень бледный, землистой, болезненной бледностью, не молодой, очень усталый или больной человек, с мрачным измученным лицом, покрытым, как сеткой, какими-то необыкновенно выразительными тенями от напряжённо сдержанного движения мускулов. Как будто каждый мускул на этом лице со впалыми щеками и широким возвышенным лбом одухотворён был чувством и мыслью. И эти чувства и мысли просились наружу, но их не пускала железная воля этого тщедушного и плотного в то же время, с широкими плечами, тихого и угрюмого человека. Он был точно замкнут на ключ: никаких движений, ни одного жеста, только

тонкие бескровные губы нервно подёргивались, когда он говорил. А общее впечатление с первого взгляда почему-то напоминало мне солдата из “разжалованных”, каких мне не раз приходилось видеть в детстве, – вообще напоминало тюрьму и больницу”. Варвара Тимофеева. “При всём этом, одетый в лёгкую выхухOLEвую шубку, худощавый, с впавшими глазами, с длинной и редкою русо-рыжеватой бородою и такими же волосами на голове – Фёдор Михайлович напоминал своею фигурою умного, деятельного промышленника-купца, но такого, однако ж, купца, который походил на думного боярина времён допетровской Руси, как их пишут наши художники на исторических картинах...”. Михаил Александров.

Хватит, пожалуй. Как видим, большинство этих воспоминаний никак не дадут нам облика природного обольстителя. На роль героя-любownika ни в каком театре он не сгодился бы. Тем более в той непрерывной драме, в какую обернулась вся его жизнь. Роль эту он, однако, кое-когда практиковал. Как правило – без успеха.

Теперь другой портрет. Той, которая на два года стала спутницей его в сумрачном путешествии по тёмной ночи жизни. Воспоминаний тут, конечно, поменьше. И они совсем иного плана. “Молодая и красивая...” – говорила о ней Любовь Достоевская, дочь. “Интересная во многих отношениях женщина” – это из журнала “Вестник литературы” за 1919 год. “Говоря вообще, она действительно была великолепна, я знаю, что люди были совершенно ею покорены, пленены...”. Василий Розанов, выдающийся русский философ, оказавшийся, к своему несчастью, мужем описываемой тут женщины. “Красавица первостепенная, что за бюст, что за осанка, что за походка. Она глядела пронзительно, как орлица, но всегда сурово и строго, держала себя величаво и недоступно...”. Ф. Достоевский в рассказе “Вечный муж”. Розанов уверяет, что тут писатель сказал именно о ней, героине этого небольшого сочинения. Что сразу бросается в глаза – сошлись на время две крайности. В некотором роде – сказка про аленький цветочек наяву. Хотя в тех её портретах, которые есть у меня, особой роковой красоты не заметно. Не в моём вкусе, видно. Хотя фотография, конечно, многое отнимает у живого человека.

В повести “Игрок”, неприкрыто автобиографичной, болезненно привязанный к игре в рулетку Алексей Иванович так описывает Полину (Достоевский даже имени её не поменял), в которую он мучительно влюблён: “Хороша-то она, впрочем, хороша: кажется хороша. Ведь она и других с ума сводит. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мне кажется, её можно всю в узел завязать и перегнуть надвое. Следок ноги у неё узенький и длинный, мучительный. Именно мучительный. Волосы с рыжим оттенком. Глаза настоящие кошачьи, но как гордо и высокомерно умеет она ими смотреть”.

Она, Аполлинурия Прокофьевна Сулова, была дочерью потомственного крестьянина. Изворотлив был её отец. Ещё до отмены крепостного права он сумел выкупить себя и своих близких у графа Шереметева. Был он самородок, которых немало пропало и пропадает в “простом” русском, всегда подневольном народе. Профессор А. Долинин, первым опубликовавший дневник Аполлинурии Суловой, читал письма её отца к разным людям. И свидетельствует, что написаны они замечательным русским языком, каким писать могут только большие книгочеи и умницы, прирождённые мудрецы. Это передано и двум его дочерям. Сестра Аполлинурии Надежда, между прочим, стала первой в истории русской женщиной-врачом. Сама же Полина уже в двадцать лет настолько ясно сознавала себя сочинительницей, что отважилась на пробу пера, и это роковым образом вплотную приблизило их, Достоевского и Сулову, друг к другу.

Что-то сразу не совсем ладное чувствуется в этой истории. Молоденькая студентка написала вдруг письмо знаменитому писателю. Там было признание в любви. По всему выходит, что письма этого, кроме самого Достоевского, никто не видел. Его нет в архивах. Никто его не цитирует. Дочь Достоевского пишет только, что письмо “было простым, наивным и поэтичным”. Письмо поспело вовремя. Жестокое одиночество опять входило в его жизнь. Умирала жена, по пустячному поводу власти отнимали у него журнал, а это был его

хлеб насущный и хлеб духовный. Неизвестно, какое время стояло на дворе, но в сумрачную душу писателя будто постучала весна. “Твоя любовь сошла на меня как божий дар, нежданно, негаданно, после усталости и отчаяния. Твоя молодая жизнь подле меня обещала так много и так много уже отдала, она воскресила во мне веру и остаток прежних сил”. Это из повести Сусловой “Чужая и свой”, где она подробно изобразила их отношения. Надо думать, что это подлинные слова Достоевского.

Но наивным и поэтичным было только письмо. Студентка же оказалась не столь простой. К этому времени она уже бредила литературной славой, и был у неё готов плохонький рассказ, даже на название которого она не слишком потратилась. “Покуда” – был он озаглавлен. Начинаящая писательница, конечно, не могла не знать, что знаменитый писатель, ставший тогда на короткое время кумиром читающей молодёжи, владел довольно популярным журналом “Время”. Если перелистать этот журнал Достоевского за сентябрь, например, 1861 года, то мысль о девственной наивности юного дарования как-то сама собой проходит. Рассказ этот тут опубликован и, конечно, совсем не по заслугам. Неуместная, помимо желания, тлеет мысль, что наивная поэзия письма сработала именно так, как предполагалось. К удовольствию автора этого никудышного рассказа “Покуда”. Потом вышел ещё рассказ, и больше печатных произведений писательницы А. Сусловой не появилось. Кроме как в тех гораздо более поздних изданиях, которые касаются сугубого литературоведения.

Но вот какое дело.

Аполлинария сама оказалась таким произведением, которому нет цены.

Эта роза была с шипами. Привлекательность её таила всегда угрозу. Иногда в самом непривлекательном виде. Некий престарелый профессор, вспомнив молодость, сказал ей ничего не значащий комплимент.

– Вы прелестны, как богиня Афродита. Зачем вам вся эта политика, эта учёность! – за что немедленно получил по физиономии. Впрочем, всё это сошло за естественный либерально-прогрессивный жест “фуриозной эмансипантки”, передового человека грядущей эпохи. Студенты, товарищи её, впали по этому поводу в неистовый восторг.

Есть два поразивших меня свидетельства о той поре Достоевского. Вот что пишет его дочь: “Думая об этом периоде жизни Достоевского, с удивлением спрашиваешь себя, как мог человек, живший в двадцать лет воздержанно, как святой, в сорок лет совершать подобные безумства. . . В двадцать лет мой отец был робким школьником; в сорок он переживал тот юношеский угар, который переживают почти все мужчины. Кто не безумствовал в двадцать лет, тот совершает безумства в сорок, – гласит мудрая пословица”. Атмосфера, которой жила редакция журнала “Время” и весь тот интеллигентский кружок, к которому принадлежал Достоевский в то время, имели не совсем здоровый дух. Сам Достоевский способствовал этому не в последнюю голову. Николай Страхов, прибывший тогда и к редакции, и к кружку тому, тоном отчаяния описывал вещи, которые и теперь не укладываются в сознании. “Разговоры в кружке занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мне довелось пройти. . . С удивлением замечал я, что тут не придавалось важности всякого рода *физическим* излишествам и отступлениям от нормального порядка. Люди чрезвычайно чуткие в нравственном отношении, питавшие самый возвышенный образ мыслей и даже большею частью сами чуждые какой-нибудь физической распущенности, смотрели однако совершенно спокойно на все беспорядки этого рода, говорили об них как о забавных пустяках. . . Эта странная *эмансипация плоти* действовала соблазнительно и в некоторых случаях повела к последствиям, о которых больно и страшно вспоминать. . .” Это Страхов написал в “Материалах для жизнеописания Достоевского”. Что же это такое, о чём ему “страшно и больно вспоминать”? Посылая эти “материалы” Толстому, Страхов развил те соблазнительные строчки до жуткой определённости. Если бы не слишком уж основательный адресат, можно было бы подумать, что написанное Страховым – это легковесный заскок или злонамеренная байка. Там, между прочим, перечисляются настолько омерзительные детали, что мне их придётся опустить вовсе, а дальше идёт следующий пассаж. Относится он, несомненно, к тому времени, о котором тут идёт речь: “Заметьте при этом, что при животном сладострастии у него (тут неожиданным образом

речь идёт о самом Фёдоре Михайловиче) не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица наиболее на него похожие — это герой Записок из Подполья, Свидригайлов в Прест. и Нак. и Ставрогин в Бесах; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д. здесь её читал многим. При такой натуре он был очень расположен к сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаниям, и эти мечтания — его направление, его литературная муза и дорога. В сущности, впрочем, все его романы составляют самооправдание, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости”. Речь, как мы можем понять, идёт о цинизме во взглядах на женщину, на отношения между мужчиной и женщиной. Он так же мог наложить на отношения Достоевского и Сусловой свой недобрый отпечаток.

Нет никаких сведений о том, как начинался этот диковинный роман студентки и бывшего интеллигентного каторжника. Известно только, что её первая любовь вскоре обернулась лютой ненавистью. Она потом будет мстить ему своими средствами, которые, пожалуй, тоже можно назвать “простыми и наивными”. Если мы дознаемся, что же тут произошло, мы, пожалуй, откроем для себя одну из самых сокровенных тайн отечественного литературоведения и общей нашей культуры. Я думаю, что это немаловажно. Мне, например, не даёт покоя вот какой факт из жизни Пушкина, которая не менее для нас драгоценна. Однажды он садится в зашторенную карету с некоей Идалией Полетика, тоже писаной красавицей. Что там, в карете, произошло, никто не знает. Знают только, что после этого случая Идалия свирепо Пушкина невзлюбила. До такой степени, что её называют одним из главных организаторов и двигателем светского заговора против поэта и его гибели. История Достоевского с Сусловой по таинственности сопоставима с этим печальным эпизодом, какими изобильна история русской литературы. И приведённые выше неудобные в биографии бесспорного гения подробности могут, наверное, пояснить некоторые дальнейшие загадочные обстоятельства в их отношениях.

Конечно, есть документы, вникать в которые совестливому человеку не слишком ловко. Можно впасть в тон бульварного чтива. Приведённые выше строчки как раз тому подобны. Но история Достоевского с Аполлиной Сусловой именно такова, что обойти её невозможно, поскольку без неё нельзя понять многое из того, что написано Достоевским. Из всех русских писателей он в своих повестях и романах наиболее автобиографичен. Другого такого нет. Может, только Булгаков в “Театральном романе” да в “Записках на манжетах”. Во всяком случае, если задаться целью, то выписками из его романов можно составить вполне подробный портрет автора. Во всяком случае — очерк его души.

Впрочем, сейчас не об этом речь.

Вот говорят, что Достоевский населил свои романы химерами и призраками собственного больного сознания. Что таких фантастических, намеренно изломанных, специально изобретённых и подогнанных под собственные романы людей в жизни Достоевского никогда не бывало и быть не могло. Потому что таковых вообще не бывает, не существует в природе.

Аполлиния Сулова, жизнь её и характер как раз и противоречат этой поверхностной логике. Она будто бы и создана-то была для Достоевского и его романов. Те, кто внимательно будут изучать историю этой трагической и странной любви, заметят, конечно, что эротический интерес у Достоевского к этому привлекательнейшему для него существу силён, но ещё сильнее его чисто творческий интерес к ней, интерес художника. По логике житейских банальностей её, предприимчивую студентку, следовало бы оставить в покое, коль скоро выяснилось, что она вовсе и не любит Достоевского, что она ошиблась в своём чувстве, а скорее всего, просто придумала его. Не выдержала испытания физиологией, и даже возненавидела эти оказавшиеся на поверку столь нечистыми отношения. В которых настойчивость зрелого и откровенного желания столкнулась самым суровым образом с первым девственным и наивным опытом. Но эта маета, несмотря ни на что, продолжается целых два года. Аполлиния не может так вот сразу расстаться с его славой, свет которой сделал её ещё более обольстительной в собственных глазах. “Ей нравился не мой

отец, а его литературная слава и в особенности его успех у студентов”. Любовь Достоевская. Он же не может оставить без конечного исследования доставшийся ему человеческий материал исключительного своеобразия.

При всём громадном богатстве житейского опыта Достоевскому, похоже, никогда не хватало знания жизни. Он всегда был творчески жаден к живой этой жизни. Он страшно дорожил своими впечатлениями. Он, как скупец, как жид у Пушкина, дрожит над всякой крупичей своего житейского опыта. Его, этот опыт, надо полностью и до конца упрятать в сундук очередного романа. Он поступает как трудолюбивый старатель. Вначале выбирает самую жирную и богатую жилу, потом вновь и вновь перелопачивает свои наблюдения, чтобы даже самая малая крупичка его знаний о жизни и живых людях не пропала.

И вот оказалось, что черты Аполлинии Прокофьевны Сусловой угадываются почти во всех женщинах, созданных воображением Достоевского – в сестре Раскольниковы Дуне, в Аглае из “Идиота”, в Лизе Дроздовой из “Бесов”, Ахмаковой из “Подростка” и, конечно же, Катерины Ивановны из “Братьев Карамазовых”. Дочь Достоевского же доподлинно уверяет, что именно с Сусловой списаны самые колоритные черты Полины Александровны из “Игрока” и Настасьи Филипповны из того же “Идиота”. О Достоевском написаны горы книг и исследований, и в каждом мы обязательно найдём попытку разгадать тайну влияния на него, и на творчество его, вечной студентки Сусловой. Вот и выходит, что ни одна женщина, кроме прародительницы Евы и царицы Клеопатры, не имела такого влияния на литературу и читательское воображение, как эта свободная в первом поколении русская крестьянка, дочь почётного гражданина из городка Иваново Полина Сулова. Тем она и интересна. И если хоть что-то разгадать в отношениях этих двух людей, то многое можно яснее представить и в творчестве гениального писателя, и в самой его жизни, и в том, как и по каким законам эта жизнь оборачивалась неповторимыми литературными образами.

Внешне жизнь Достоевского всегда была отчаянной борьбой с обстоятельствами. И теперь эти обстоятельства были исключительно и до конца пропавшими. Как было сказано, умирала жена. Как было сказано, погиб, по совершенной случайности, процветающий журнал. Не стоит говорить о том, что было полное и привычное отсутствие денег. Деньги – это особая статья. Нужда в деньгах была всегда настолько безысходная, что создала Достоевскому особый, доселе никому другому неведомый и неподвластный метод работы. Во многом повлиявший на его необъяснимый литературный стиль. Он вынужден был поставить себя с издателями так, что брал деньги вперёд, за одну только идею романа или повести. Это позволяла ему окрепшая репутация мастера. Заказчик, естественно, хотел получить товар как можно скорее, ставил несусветные сроки. В записках и письмах Достоевского есть об этом немислимые слова: “. . . сознаюсь, что писал многое вследствие необходимости, писал к сроку, написывал по три с половиною печатных листа в два дня и две ночи, чувствуя себя почтовой клячей в литературе”. Три с половиною печатных листа – это, по-теперешнему, больше восьмидесяти страниц машинописного текста. Как это возможно? “Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание ещё сидело в моей голове, но непременно должно было написаться к завтраму. . . Конечно, я сам виноват в том, что всю жизнь так работал, и соглашаюсь, что это очень нехорошо. . .”. “Вышло произведение дикое, – писал он об “Униженных и оскорблённых”, – но в нём есть с полсотни страниц, которыми я горжусь”. Так, отчасти, вынужден был работать другой русский гений – Василий Суриков. В стенах мастерской не хватало места для его грандиозных полотен, и он сворачивал в трубу записанную красками высушенную часть холста, чтобы на открывшейся продолжить работу. Целиком картину он порой видел уже только на выставке. Недостатки композиции иногда обнаруживались. В самом деле, если бы Меншиков в знаменитой его картине встал, то конечно, пробил бы головой и потолок скудного своего жилища в Берёзове, и раму изломал. Достоевский первым в России, не знаю как в других частях света, стал писать свои книги со стенографом, и бывало так, что сдавал в типографию текст, который сам не успевал не только выправить,

но и элементарно прочитать, и впервые видел свою работу только тогда, когда уже она была напечатана. Страшно завидовал он тем барам (Толстому, Тургеневу) в литературе, которые имели время шлифовать свои тексты и оттачивать мастерство. Так что, возможно, мы и имеем его полное собрание, изданное однажды даже в тридцати томах, не в последнюю голову потому, что деньги всегда нужны были ему дозарезу и более того.

Николай Страхов, первый биограф писателя: “Он жил исключительно литературным трудом... В случае нужды без всякой щепетильности обращался с просьбой к различным редакциям. Большею частью переговоры заканчивались отказом, и мне иногда было очень больно от мысли, кому он делает предложения. Но он смотрел на эти случаи, как на неизбежные неудобства своей профессии...”

Отрывок из письма Достоевского Софье Ивановой. Из Дрездена – в Москву. “...Если б Вы знали, как тяжело быть писателем, то есть выносить эту долю? Верите ли, я знаю наверно, что будь у меня обеспечено два-три года для этого романа (в данном случае речь идёт о “Бесах”, но это можно сказать о каждом из его творений. – Е. Г.), как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы!.. Идея так хороша, так многозначительна, что я сам перед нею преклоняюсь. А что выйдет? Заранее знаю: я буду писать роман месяцев 8 или 9, скомкаю и испорчу. <...> Будет много невыдержек, лишних растянутостей. Бездна красот (говорю буквально) не войдёт ни за что, ибо вдохновение во многом зависит от времени. Ну, а я всё-таки сажусь писать! Разве не мучение сознательно на себя руки подымать!”

Из письма Достоевского барону Александру Врангелю: “...Сижу за работой как каторжник... каждый месяц мне надо доставить в “Русский вестник” до 6-ти печатных листов. Это ужасно... Роман есть дело поэтическое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения. А меня мучат кредиторы, то есть грозят посадить в тюрьму. Это надрывает дух и сердце... а тут садись и пиши...”

Уныния ему добавляло то обстоятельство, тоже новое для меня, что на свои романы, которые все признаны теперь неизмеримыми шедеврами, вынужден был смотреть он не более как на “фельетонную” каторгу для заработка. Фельетонной работой тогда было вот что: надо было выдавать к каждому выходу журнала порцию увлекательного чтения, регулярно и бесперебойно. Фельетонист призван был забавлять читателя, не более того. В таких условиях думать о вечности была непозволительная роскошь.

И вот его не остановила даже эта жестокая нехватка времени. В самом деле, можно ли себе представить нечто более ветренное, нелогичное, авантюрное и так не соответствующее образу пусть мрачного ликом и сурового духом, но и мудрого учителя человечества. Он решил проветриться гусарским намётом по Европе с милым созданием Аполлиinarieй. Вышло так, что она выехала вперёд и уже дожидалась его в Париже.

Достоевский поступил так, как поступили бы его герои. Он оставил умирающую жену, оставил гибнущий журнал, бросил дело, выключил творческое воображение и бросился в легкомысленное авантюрно-любовное путешествие. Размышления о судьбах Отечества и мира сменились сладчайшим предвкушением удовольствий, которые обещает дать юность угасающему сластолюбию.

Из письма Фёдора Достоевского Председателю Литературного фонда от 23 июля 1863 года: “...Собираясь отправиться на три месяца за границу для поправления моего здоровья... прошу займы, до 1 февраля будущего 1864 года – тысячу пятьсот рублей... В феврале же будущего 1864 года я обещаю честным словом возратить в кассу Общества взятый мною капитал – (1500 рублей) – с процентами, ибо твёрдо уверен, что, поправив своё здоровье, успею окончить и напечатать сочинение (первое, вероятно, упомина-

ние о замысле “Преступления и наказания”. – Е. Г.), которым я теперь занят и которое окупит теперешний заём. . .”

Из решения Комитета Литературного фонда: “. . . Выдать – 1500 рублей до 1 февраля 1864 года”. Деньги были выданы под пять процентов. Как дорог был тогда ничего ныне не стоящий залог – честное слово! Эта сумма станет понятней, когда узнаёшь, что пуд (шестнадцать килограммов) пшеницы стоил тогда сорок восемь копеек, а годовая зарплата квалифицированного промышленного рабочего едва превышала двести рублей.

Вспомним, что говорила дочь его – кто не перебесился до двадцати, тот безумствует в сорок. Открылась у него к тому же неожиданная страсть к рулетке. Как ни сильно было любовное томление, но в стремительном и легкомысленном пути своём не смог он не остановиться в знаменитом Висбадене, одним из тогдашних мировых центров азартной игры. Прежде он выработал беспроеигрышный план. Об этом плане я узнал, когда записывал интервью с правнуком Фёдора Михайловича для одной не очень серьёзной, насквозь проперчённой газетки. Он сказал так: “Из “Игрока” я выписал место, где описывается фрагмент игры, играл по этой “шпаргалке” и выиграл. Любой может взять с полки этот роман и найти. Там есть такое место. Я просто никогда никому не говорю, где именно. Прочитайте, подумайте – найдёте. Я вот выписал и с этой бумажкой сидел и ставил фишки. . . и ведь выиграл”.

Позже я это место отыскал у Достоевского. Вот он, этот секрет, который, возможно, столь же таинственный и фатальный, как у Пушкина в “Пиковой даме”:

“. . . Мне показалось, что собственно расчёт довольно мало значит и вовсе не имеет той важности, – пишет Достоевский, – которую ему придают многие игроки. Они сидят с разграфлёнными бумажками, замечают удары, считают, выводят шансы, рассчитывают, наконец, ставят и – проигрывают точно так же, как и мы, простые смертные, играющие без расчёту. Но зато я вывел одно заключение, которое, кажется, верно: действительно, в течении случайных шансов бывает хоть и не система, но как будто какой-то порядок, что, конечно, очень странно. Например, бывает, что после двенадцати средних цифр наступают двенадцать последних; два раза, положим, удар ложится на эти двенадцать последних и переходит на двенадцать первых. Упав на двенадцать первых, переходит опять на двенадцать средних, ударяет сряду три, четыре раза по средним и опять переходит на двенадцать последних, где, опять после двух раз, переходит к первым, на первых опять бьёт один раз и опять переходит на три удара средних, и таким образом продолжается в течение полутора или двух часов. Один, три и два, один, три и два. Это очень забавно. Иной день или иное утро идёт, например, так, что красная сменяется чёрною и обратно почти без всякого порядка, поминутно, так что больше двух-трёх ударов сряду на красную или на чёрную не ложится. На другой же день или на другой вечер бывает сряду одна красная; доходит, например, больше чем до двадцати двух раз сряду и так идёт непременно в продолжение некоторого времени, например, в продолжение целого дня”.

И вот ещё что важно, если вы соберётесь играть по системе Фёдора Достоевского. Он вот о чём предупреждает:

“Все проигрываются дотла, потому что не умеют играть. . . Пожалуйста, не думайте, что я форсю. . . говоря, что знаю секрет, как не проиграть, а выиграть. Секрет-то я действительно знаю; он ужасно глуп и прост и состоит в том, чтобы удерживаться поминутно, несмотря ни на какие фазы игры, и не горячиться. Вот и всё”.

Сам он выиграл тогда, и это практически единственный его крупный выигрыш, – 10 тысяч 400 франков. Если просчитать это по нынешнему курсу, выйдет около 60 тысяч долларов. Так что в этой системе есть толк. Это так, к сведению. Выиграть-то он выиграл, но есть ведь и такое роковое наблюдение, хорошо известное игрокам – повезёт на деньги, не повезёт в любви.

Из письма Достоевского брату: “Друг Миша, я в Висбадене создал систему игры, употребил её в дело и выиграл тотчас же 10 000 франков. Наутро изменил этой системе, разгорячившись, и тотчас же проиграл. Вечером возвратился к этой системе опять, со всей строгостью, и без труда и скоро выиг-

рал 3000 франков. Скажи: после этого как было не увлечься, как было не поверить — что следуй я строго моей системе, и счастье у меня в руках. А мне надо деньги, для меня, для тебя, для жены, для написания романа. Тут шутя выигрываются десятки тысяч. А я ехал с тем, чтобы всех вас спасти и себя из беды выгородить. А тут вдобавок вера в систему...”

Из записок дочери писателя Любови Достоевской: “Достоевский познакомился с игрой в рулетку уже в первое своё путешествие за границу и даже выиграл значительную сумму. Сначала он относился к игре довольно холодно; лишь во время вторичной поездки в сопровождении Полины его охватила страсть к рулетке”.

Ночью, где-то на подъезде к Парижу, не доезжая Северного вокзала, он проснулся от того, что настойчиво в вагонное окно светила полная луна. С неосознанною ещё тревогою он понял, что светит она с левой стороны по ходу поезда. “. . . И месяц с левой стороны сопровождал меня уныло”, — вспомнилась ему худая примета из Пушкина.

Название у дневника соблазнительное для записей любовницы великого человека: “Годы близости с Достоевским”. Выкладывая у букиниста несколько тысяч за него, слаще всего предвкушал я встречу с тайной. Разгадку тайны дневник этот, однако, никак не подвинул. Дневник не просто “лишён стилия”, как выражаются о нём добродушные толкователи литературных достопримечательностей. Он вообще редко выходит из рамок графомании. К тому же о Достоевском в нём упоминается лишь на десятке страниц из восьмидесяти трёх.

Вот что в нём самое внятное:

“Когда я вспоминаю, что я была два года назад, я начинаю ненавидеть Достоевского, он первый убил во мне веру. Но я хочу стряхнуть печаль”.

“Мне говорят о Фёдоре Михайловиче. Я его просто ненавижу. Он так много заставлял меня страдать, когда можно было обойтись без страдания”.

Вся тайна, конечно, тут.

Вся ценность дневника Аполлинаруи Сусловой в том и заключена. Это искупает все его недостатки. Доколе будут интересоваться Достоевским, этот документ будет первым по значению. Несмотря на. . . Ни на что не смотря. Потому что тут есть неприкрытая правда. Обычно люди боятся своей памяти. Особенно, когда, в самом деле, могут сказать нечто частное и честное о великих людях. Великие люди у нас никогда не пахнут потом, а только духами, да ещё желательно французского производства.

Воспоминатели сплошь страдают комплексом скорбной памяти, воспоминания их по большей части банальны и непереносимы, как надгробные речи. Профессор Орест Миллер, например, с сожалением так и говорил о своих записях, касающихся Достоевского: “либерально-прогрессивные общие места”. Очень казнился этим. Такие-то воспоминания чаще всего и делают людей окончательно мёртвыми. Достоевский в дневнике Сусловой окутан тайной — и это лучшее, что можно положить на могилу великого человека, кроме цветов. Тайна — вечный двигатель любопытства.

Разгадки тайны дневников Аполлинаруи Сусловой, конечно, не раз ещё будут доискиваться.

Примета из Пушкина оправдалась. Поскольку договаривались мы, что употреблены будут звучавшие на самом деле слова и фактические описания, то так и продолжим. Упомянутый дневник Аполлинаруи с того и начинается. Несколько дней, которые отняла у влюблённых рулетка, решили дело. Она встретила и тут же полюбила испанского, в цвете роскошной юности студента, который изучал в парижской Сорбонне медицину. Был он полон того обаяния, которое даёт уверенность в себе, вполне обладал лоском самоуверенной буржуазности, воспитанной вековечной наследственной беззастенчивостью в мыслях и поступках. Всего этого в избытке было у Сальвадора, так звали студента.

Когда полная луна с левой стороны настойчиво пророчила Достоевскому неудачу в текущем деле, Аполлинаруя мучительное сочиняла письмо: “Ты едешь немножко поздно. . . Ещё очень недавно я мечтала ехать с тобой в Италию, даже начала учиться итальянскому языку: всё изменилось в несколько

дней. Ты как-то говорил мне, что я не могу скоро отдать своё сердце. Я его отдала по первому призыву, без борьбы, без уверенности, почти без надежды, что меня любят. Я была права, сердясь на тебя, когда ты начинал мной восхищаться. Не подумай, что я порицаю себя. Я хочу только сказать, что ты меня не знал, да и я сама себя не знала. Прощай, милый. Мне хотелось тебя видеть, но к чему это поведёт? Мне очень хотелось говорить с тобой о России”.

Аполлинария, конечно, знала, в каком отеле остановится Достоевский, и послала это письмо по городской почте.

“... Я ему послала очень коротенькое письмо, которое было заранее приготовлено. Жаль мне его очень. Какие разнообразные мысли и чувства будут волновать его, когда пройдёт первое впечатление горя! Боюсь только, как бы он, соскучившись меня дожидаться (письмо моё придёт не скоро), не пришёл ко мне сегодня, прежде получения моего письма. Я не выдержу равнодушно этого свидания. Хорошо, что я предупредила его, чтобы он прежде мне написал, иначе что б было. А Сальвадор, он не пишет мне до сих пор... Много принесёт мне горя этот человек”.

Так и случилось. Письмо не поспело вовремя. Если бы Полина догадалась отвезти письмо в отель лично и в тот же день вручила его дежурному портье “для месье Достоевского”, всей нелепой и напряжённой дальнейшей истории могло бы и не быть.

“... Едва успела я написать предыдущие строки, как Ф[ёдор Михайлович] явился. Я увидела его в окно, но дождалась, когда мне пришли сказать о его приезде, и то долго не решалась выйти

– Здравствуй, – сказала я ему дрожащим голосом.

Он спрашивал меня, что со мной, и ещё более усиливал моё волнение, вместе с которым развивалось и беспокойство.

– Я думала, что ты не приедешь, – сказала я, – потому что написала тебе письмо.

– Какое письмо?

– Чтоб ты не приехал...

– Отчего?

– Оттого, что поздно.

Он опустил голову.

– Поля, – сказал он после короткого молчания, – я должен всё знать. Пойдём куда-нибудь, и скажи мне, или я умру.

Я предложила ехать с ним к нему.

Всю дорогу мы молчали. Он только по временам кричал кучеру отчаянным и нетерпеливым голосом “вит, вит”, при чём тот иногда оборачивался и смотрел с недоумением. Я старалась не смотреть на Фёдора Михайловича. Он тоже не смотрел на меня, но всю дорогу держал мою руку и по временам пожимал её и делал какие-то судорожные движения.

“Успокойся, ведь я с тобой”, – сказала я.

Когда мы вошли в его комнату, он упал к моим ногам и, сжимая мои колени, говорил: “Я потерял тебя, я это знал”.

Успокоившись, он начал спрашивать меня, что это за человек: может быть, он красавец, молод, говорун.

Я долго не хотела ему отвечать.

– Ты отдалась ему совершенно?

– Не спрашивай, это нехорошо, – сказала я.

– Поля, я не знаю, что хорошо, что дурно. Кто он, русский, француз? Тот? Я сказала ему, что очень люблю этого человека.

– Ты счастлива?

– Нет.

– Как же это? Любишь и несчастлива. Как, возможно ли это?

– Он меня не любит.

– Не любит! – вскричал он, схватившись за голову в отчаянии. – Но ты не любишь его, как раба, скажи мне это, мне нужно это знать. Не правда ли, ты пойдёшь с ним на край света?

– Нет, я уеду в деревню, – сказала я, заливаясь слезами”.

Обилие упомянутых слёз, однако, покажется делом театральным, когда узнаешь, что все эти трогательные описания сделаны в форме заготовок для будущей мелодраматической литературы. Аполлинару имела уже заднюю мысль приспособить свои повседневные записи к вечному. Тут сошлись два профессионала, разного качества, правда. Оба обладают как бы стереоскопическим зрением. Обыденную жизнь они видят уже наряженной в венок из самых ярких цветов. Оценивают, можно ли сделать живым выдуманный образ, если вдохнуть в него боль собственной души. Такова вечная месть художнику за Божий дар. Это, пожалуй, всё-таки больше относится к Достоевскому. Вот что осталось от этой дневниковой записи в повести Аполлинаруи Сусловой “Чужая и свой”:

“Он подошёл к ней и протянул ей руки. Увлечённая чувством признательности и радости, она подала было свои, но вдруг выдернула и закрыла ими лицо.

— Анна, что ты? — воскликнул он, поражённый таким движением.

— Зачем ты приехал? — проговорила она с тоской.

— Как зачем! Что ты говоришь?

Он смотрел на неё во все глаза и старался уразуметь смысл её слов, между тем как сознание этого смысла её слов уже сказывалось в его сердце нестерпимой болью. Она взяла его за руку и подвела к дивану, на который оба они сели рядом. Несколько времени они молчали.

— Разве ты не получил моего письма, того, где я писала, чтоб ты не приезжал? — начала она, не смотря на него, но крепко держа его руку.

— Не приезжал?.. Отчего?

— Оттого, что поздно, — проговорила она отрывисто.

— Поздно! — повторил Лосницкий машинально, и у него потемнело в глазах, несколько времени он не говорил ни слова”.

Аполлинару догадывается при этом, что выступает на авансцену разыгрывающейся драмы, которая долго будет волновать будущих зрителей, потому очень заботится предстать в ней в полном блеске:

“... Молодая красивая женщина вошла в комнату. Лицо её было очень бледно, беспокойство и тоска сказывались на нём, смущение и робость были в каждом движении, но в мягких и кротких чертах проглядывала несокрушимая сила и страсть; не всем видимая, но глубокая печать того рокового фанатизма, которым отличаются лица мадонн и христианских мучениц, лежала на этом лице”.

Она попыталась угадать душу своего великого любовника и не угадала, конечно. Именно об этом жестоком моменте написал гораздо позже и сам Достоевский в письме к сестре Сусловой Надежде. Подлинные его чувства были далеки от тех, которые так нравились Аполлинаруи. Она не угадала, и, пожалуй, это говорит лучше всего о способности её читать в человеческих душах, без чего даже мало-мальского писателя не бывает:

19 апреля 1865 г., Петербург. “Аполлинару — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви её, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: “Ты немножко опоздал приехать”, то есть, что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад ещё горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю её, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: “Ты немножко опоздал приехать”. <...> Я люблю её ещё до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить её. Она не стоит такой любви. Мне жаль её, потому что предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдёт себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдёт счастья... Она не допускает равенства в отношениях наших... считает грубостью, что я осмелился говорить ей; например, осмелился высказать, как мне больно. Она меня третировала свысока. Она обиделась тем, что и я захотел, наконец, заговорить, пожаловаться, противоречить ей”.

Это уже тип, драгоценный для Достоевского материал, натура, волнующая до глубины, до творческого аффекта. Мастер-портретист может испытывать некую прибавочную влюблённость в изображаемую натуру. Об этом доходчиво пишет, например, художник Репин в автобиографических записках. Это влюблённость особого свойства и высшего порядка. Не плоть, а дух питают такую привязанность. Особенности творческой манеры Достоевского складывались из того, что слишком часто оказывались рядом и особенно действовали на его воображение люди с вывихнутой душой. Сначала это были фанатики из кружка Петрашевского, одержимые политическим бесовством, маньяки, посягнувшие на строй, может, единственно годный в России. Потом каторжане-варнаки: душегубы, растлители и святотатцы, которые стали героями самой громкой его книги, потом несколько изломанных женщин, пока не найдёт он вполне дюжинную, но которая, оказывается, только и нужна ему станет до конца дней. Так что некоторый дефицит нормальных житейских отношений и расхожей стандартной обстановки сделали его взгляд на жизнь сумрачным и одноцветным, как его любимые чёрные казимировые жилеты. Не эту ли сторону его личности имел в виду цитируемый мной в самом начале этого повествования виконт де Вогуэ, когда говорил о пристрастном отношении Достоевского к ночи бытия.

Из воспоминаний дочери Достоевского: “Весной Полина написала отцу из Парижа и сообщила о неудачном окончании её романа. Французский возлюбленный обманул, но у неё не хватало сил покинуть его, и она заклинала отца приехать к ней в Париж. Так как Достоевский медлил с приездом, Полина грозила покончить с собой – излюбленная угроза русских женщин. Напуганный отец, наконец, поехал во Францию и сделал всё возможное, чтобы образумить безутешную красавицу. Но так как Полина нашла Достоевского слишком холодным, то прибегла к крайним средствам. В один прекрасный день она явилась к моему отцу в 7 часов утра, разбудила его и, вытащив огромный нож, заявила, что её возлюбленный – подлец, она хочет вонзить ему этот нож в глотку и сейчас направляется к нему, но сначала хотела ещё раз увидеть его отца. . . Я не знаю, позволил ли Федор Михайлович себя одурачить этой вульгарной комедией, во всяком случае, он посоветовал Полине оставить свой нож в Париже и сопровождать его в Германию. Полина согласилась, это было именно то, чего она хотела”.

Некоторые исследователи не хотят верить, что Сулова способна была на подобную пошлую выходку, но дневник её в соответствующих местах вовсе не противоречит такому её настроению.

И вот теперь она мелочно ненавидит французов, наивно и дотошно. На грани болезненной. Какой-то француз, например, поселившись в соседние с ней гостиничные номера, требует от хозяйки, чтобы не было блох. Она записывает в дневнике фразу, которую объяснить можно только логикой неостыившей злобы: “Какая подлость, и как это похоже на французов”.

Осмелюсь сказать, что Аполлинария и тут смогла повлиять на Достоевского. Комплекс неприязни ко всякому иностранцу, к его манерам развился у Достоевского, начиная с этих эпизодов. Комплекс этот развился, однако, в нечто вполне связанное и далеко не тривиальное. В отличие от большинства русских, иностранец всегда держится чётко знает с каким достоинством. Но это только пустая форма. “Это только у французов и, пожалуй, у некоторых других европейцев так хорошо определилась форма, что можно глядеть с чрезвычайным достоинством и быть самым недостойным человеком”. Это я цитирую Достоевского – из “Игрока”. У русского такой устоявшейся формы нет. Он кажется неуверенным в себе, почти всегда проигрывает перед иностранцем, “и знает почему: потому, что русские слишком богато одарены, чтоб скоро приискать себе приличную форму”. “Оттого-то так и падки наши барышни до французов, что форма у них хороша”. Всякий иностранец скроен по одной только мерке. Человек тут приложение к собственным пожиткам. “Я же, – от имени русского человека заявляет Достоевский, – не считаю себя всего чем-то необходимым и придаточным к капиталу”. Не знаю, читал ли знаменитый “ихний” человековед Герберт Маркузе Достоевского, но именно этой мыслью он и стал знаменит лет тридцать назад. Он вывел формулу одномерного человека в благополучном мире. Формулу человека, не способно-

го развиваться, с которой и спорить-то перестали. Значит, Достоевский попал в точку, и задолго до того. Вот и выходит опять, что даже банальная и мелкая история может подтолкнуть гения к большим выводам.

И всё-таки ещё, поскольку героем этих заметок, помимо Аполлинарии Сусловой, в равной, а то и в большей степени является сам Фёдор Достоевский, то хочу добавить несколько поразивших меня деталей его личности, отчасти выходящих за рамки темы. Хотя как сказать. Достоевский, как, впрочем, и исключительно почитаемый им Пушкин, не был гением житейских обстоятельств, но надо помнить, что даже оскорблённый и униженный обстоятельствами, запутавшийся в рутине нестоящих дел, он продолжал оставаться нестигаемым гением духа. Его неумение жить говорит только о том, что руководила им единственная и высшая сосредоточенность, напряжённое внимание художника. И все эти житейские неудачи только подчёркивают его обаяние творца.

Первые критики Достоевского в большинстве воспринимали его экзотическим объектом для сомнительного своего остроумия. Улюлюкали при выходе каждого романа. Откровенно рядили в сумасшедшие. В истории литературы есть разные курьёзы. Один такой. Известная Софья Андреевна Толстая с некоторых пор стала подозревать неладное в умственном состоянии своего великого мужа. “Лёвочку никто не знает, знаю только я – он больной и ненормальный человек”. И далее: “Если счастливый человек вдруг увидит в жизни, как Лёвочка, только всё ужасное, а на хорошее закрыл глаза, то это от нездоровья... Тебе полечиться надо”, – прямо обращалась она к нему. Она однажды даже повезла его в Тулу, к тамошним светилам соответствующего медицинского направления. Об этом есть вполне обстоятельная запись в знаменитом по откровенности дневнике Льва Николаевича. Местные врачи бесстрастно констатировали в его состоянии конкретные и подозрительные симптомы. Суждения, однако, оказались двоякими. “Сегодня меня возили свидетельствовать в губернское правление, и мнения разделились. Они спорили и решали, что я не сумасшедший... Они признали меня подверженным эффектам и ещё что-то такое, но в здоровом уме. Они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший”. Никаких подобных профессиональных свидетельств нет о Достоевском. Те, кто дразнили его юродивым, возможно, сами того не подозревая, попадали, отчасти, пальцем в небеса. Дело в том, что в старой Руси Ивана Грозного, к примеру, юродивый вовсе не считался сумасшедшим, а не менее как посредником между небом и верующим в небесную благодать православным народом, уполномоченным самого Господа Бога. Такая должность Достоевскому вполне могла подходить. Есенин тоже порой удивлялся некоторым собственным состояниям. Ему непонятно было, откуда берутся у него эти необычайные слова и образы. И тогда называл себя просто “божьей дудкой”, с помощью которой Господь выпевает земному народу свои небесные песни. Другими словами, Есенин возлагал на себя полномочия юродивого в изначальном понимании этого слова. Такой “божьей дудкой” для воплощения небесного эпоса земными словами, несомненно, был и Достоевский. С таким убеждением, во всяком случае мне, удобнее воспринимать запечатлённые им глыбы сознания. Непривычный стиль его романов и объясняется отчасти тем, что они изложены не обычным же и порядком. Они не записаны, как это было и есть с большинством литературы. Они как бы напеты, положены на бумагу с голоса. Достоевский, как уже знаем мы, впервые в истории творчества, начиная с повести “Игрок”, диктовал свои шедевры стенографу. Таким образом укорачивается путь слова от плавильной печи воображения к бумаге, и слово укладывалось в остов будущей книги ещё горячим и живым.

Загадка Сведенборга до сей поры не разгадана. Его путешествие в потустороннем мире, между тем, стало если не фактом истории, то фактом культуры. Подобное же путешествие совершил и Фёдор Достоевский. Путешествие в тёмную сторону сознания, которое вот-вот должно было обернуться реальным бытом России. Всё то, что относят к недостаткам в творчестве Достоевского, в “Бесах” проявилось в самом явном, неприкрытом, бросающемся в глаза виде. Вернувшись из своего потустороннего путешествия, он сбивчиво, порой многословно, не слишком последовательно, нагромождая жуткие кар-

тины увиденного одну на другую, пытается передать тот ужас самовидца, который знает пока только один. И который обязан скорее, по свежим следам и памяти, передать другим. Он один пока знает истину, которая может спасти. Грядут новые люди, свободные от привычной морали. Морально для них то, что целесообразно. Эти люди страшнее Раскольникова, который сам себя казнит за то, что переступил, преступил. У тех же людей нет нравственности, значит, нет и преступления. Им не за что казнить себя. Это бесы, у которых вместо морали пустое место. Это уроды от рождения. У них нет того органа, который отвечает за совесть. Это много страшнее Раскольникова, которому совесть позволяет переступить, но не освобождает от собственного нравственного суда. У новых людей нет привычных человеческих качеств. Есть жестокая цель, которая освобождает от всего, что мешает достижению этой цели. Они не умеют созидать. Они не умеют продолжать, они будут строить заново, и потому им нужно сначала разрушить всё до основания, убить, а затем... Он видел этих людей. Он должен предупредить. И все недостатки его рассказа искупаются жутью вдохновения, блеском образов. Он умеет главное – внушить современникам собственный страх. Он единственный знает, что грядёт. Он захлёбывается словами, он сбивается на крик, он ужас свой пытается изобразить в лицах, одно кошмарнее другого. В таком рассказе не нужна стройность, никакая отточённость и профессиональная проработка не дадут того эффекта, когда ужас как откровение надо передать непосредственно из души в душу. Я так думаю, что это и есть стиль пророка. Если бы у библейских Илии, Еноха и Иисуса Навина была возможность записывать лично свои видения, они, вероятно, выбрали бы стиль Достоевского.

И, конечно, весь роман “Бесы” – это предупреждение о походе “ленинской гвардии”. Его томление от предчувствия подступающей беды. Когда человек кричит о пожаре в собственном доме, ему не надо владеть актёрским ремеслом, чтобы казаться убедительным. Академическими приёмами, какими в совершенстве владели Тургенев или Гончаров, не передашь состояние обморочного ужаса, в котором пребывает душа пророка. Это не стиль – это стихия. Стилем это не передать. Нужно попытаться передать увиденное живьём. По возможности.

Ну и вот только теперь о том главном, что обозначено в заголовке. О законе Достоевского. О его теории, тяготеющей к универсальности на всеобщем гуманитарном пространстве. Однажды Достоевский так пояснил свой творческий метод: “Ты понимаешь, что такое переход в музыку. Точно так и тут. В первых главах, по-видимому, болтовня, но вдруг эта болтовня в последних главах разрешается неожиданной катастрофой”. Это он написал о своих “Записках из подполья”. “Болтовнёй” написанное Достоевским, даже “в первых главах” этой повести, стеснялись назвать и самые насмешливые из его противников. А сам он как-то вот не испугался.

Эта болтовня теперь множество раз перечитана, осмыслена до последнего слова. Пробую прочитать эту болтовню снова, отделившись, сколь можно, от обаяния великого имени и слов, намеренно расположенных в беспощадной простоте начального хаоса. Этот хаос, как известно, когда-то предшествовал Божьему порядку. Объём этой обозначенной автором “болтовни” в академическом издании около пятидесяти страничек. Вот попробую я, хотя бы наскоро, пробежать их, и потом, не переводя дыхания, прислушаюсь к себе. Каков будет результат, как в беге, например, на стометровку? Самый замечательный момент в беге тот, что стометровка то всегда одна и та же, а результат у сотни бегущих у каждого свой. В понимании текстов этот момент вполне сохраняется.

И вот присматриваюсь к своему результату. Попробую сказать. В одном месте Достоевский с весёлою и мудрой усмешкой обращается к лучшим благонамеренным умам, провозгласившим, как кажется, бесспорные и непробиваемые истины. Человек должен быть счастлив, сыт, чист наружно и внутри, безмятежен, у него должны быть в наличии такие, например, козыри демократии, как свобода, равенство, благоденствие. Да кто же не мечтал об этом? А дальше? Это Достоевский спрашивает. Вот построили ли этот рай земной. Железной рукой затащили человека туда. Да не станет ли он через неделю биться головой о стены, отгородившие его от прежней неразумной, тяжёлой и гадкой жизни? Я слышал, что Сократ с оружием в руках сражался против по-

сулов демократии. Теперь, хлебнувши всех этих благ демократии, я его хорошо понимаю... Скучно человеку, продолжает Достоевский, станет в раю, где даже мелкую пакость совершить невозможно. “Плюнуть, например, с дирижабля на голову ближнему”, – уточнит Зощенко.

Что можно вынести из подобной “болтовни”? Вполне катастрофический вывод, что никакие благие придумки человечеству не нужны, особенно – человеку русскому. У него, у каждого в этом народе, своя правда. Живёт он без оглядки на чужую мудрость. Поэтому и одинок во вселенной. И, если бы ему не мешали в его вселенском одиночестве, то лучшей доли и не надо. Достоевского всегда трудно понять – серьёзно он говорит или с усмешкой. И героев его не уловить в том. Но тут, как говорит теперь молодёжь, отученная от Достоевского, вся фишка и есть. Наслушались мы серьёзного. Злобнее и смешнее которого не бывает...

Издавна люди ищут законы, которые управляют природой. Есть тут большие успехи. Особенно острые и проникновенные умы догадались о всеобщих законах, действующих на всём пространстве доступного для понимания материального мира. Подкинув камень, мы можем точно предугадать, как он будет вести себя в соответствии с теми законами. Для человека же таких расчётов не существует. Есть в человеке такая штучка, которую Достоевский определил в этой своей “болтовне” как “самостоятельное хотение”. После того как я прочитал “Записки из подполья”, я не могу, например, смеяться над такой вот, безусловно ироничной бездонной фразой Кузьмы Пруткова: “Хочешь быть счастливым – будь им”. Свободная воля человека действует мимо привычной выдуманной логики. Захочет человек быть счастливым, может быть, и станет счастливым. Захочет страдать, и это ему не запретишь. Нельзя человеку желать горя, но и счастья ему не желайте с убийственной настойчивостью. “И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? Человеку надо – одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела”. И главное, как вы можете вести куда-нибудь человечество, если не знаете точно, что ему нужно. Большой это грех – распорядиться человеческими судьбами, не выходя из рамок собственной ограниченности. Не потому ли досужие придумки о счастье обошлись человечеству такой большой кровью. Вот первый великий и всеобщий закон Достоевского о человеке: “Своё собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы и самый дикий каприз, своя фантазия, раздражённая хотя бы даже до сумасшествия, – вот это-то всё и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к чёрту”. Вот таков первый всемирный закон тяготения человека к воле творить собственную судьбу и самому распорядиться ею. По собственному хотению и разумению. Может, все эти социальные теории, вся социальная практика ни к чему пока не привели только потому, что этот всемирный закон Достоевского никак не учитывался в них?

В романах Достоевского человек так и поступает. Поступки героев часто кажутся немотивированными. Фантазия автора тут только в том, чтобы придумать хотение. Аполлинария Сулова одна из тех, кто мог своею собственной персоной подсказать Достоевскому этот его окончательный вывод о человеке. Выходит, её живой образ есть и в Раскольникове, и в Рогожине, и в Дмитрие Карамазове.

Пятьдесят этих страниц написаны без интеллектуального надрыва и будто бы не в полную силу, с обманной лёгкостью, чтобы не отпугнуть читателя, собравшегося прочитать очередную повестушку о похождениях неприкаянного русского человека, добровольно опустившегося на самое дно человеческой жизни. Что-то вроде продолжения “Петербургских тайн” Крестовского, приспособившего сюжеты Эжена Сю к питерскому сумраку. Но в них-то, может быть, и есть самая главная достоевщина. Его самые глубокие мысли.

Талант читателя зачастую бывает не меньшим, чем талант писателя. Надо только уметь читать и думать над строкой. Кафка внимательно читал именно эти “Записки из подполья”. Из двух строк этих записок родилась у него самая знаменитая новелла “Превращение”. Весь нынешний экзистенциализм вышел из “подполья” Достоевского. Так утверждали сами его верховные носители.

Немало для простой болтовни. Его герои часто говорят с видом “какого-то подмигивающего весёлого плутовства”. Так говорят они в момент высоко-го подъёма, чтобы не казаться слишком высокопарными и неестественными. Он и сам был чрезвычайно застенчив, и часто сбивался на этот тон, пока идея не захватывала его до конца. Так он, похоже, и писал, пока не забывал, что занимается литературой, и начинал чувствовать себя божьей дудкой.

Зимнее московское утро за моим окном можно определить только по двум признакам. Трудолюбивый выходит таджик скрести заскорузлый асфальт. Бесконечный этот унылый звук предвещает серый московский рассвет, который несколько не лучше того питерского, в какой выходил Раскольников с топором под полюю. Только роскошных процентчиков теперь на бедной Руси столько, что топор под полюю давно, ещё с семнадцатого года, стал смешным. Каждое третье шикарное здание в центре Москвы теперь приспособлено под банк. Рядом со мною, в ста метрах, это заведение называется “Банк сосьете женераль восток”. Мне без перевода ясно, что исчерпывающим словом тут является “сосьёте”. Они сосут из вас, а вы “сосьете” у них. Смешная старуха-процентщица обернулась теперь непобедимой беспощадной армией, взявшей Отечество в бессрочный, беспросветный хазарский полон. Топором махать поздно. Топором нынешнюю старуху-процентщицу в шикарном блестящем броневике, исполненном на заказ какой-нибудь знаменитейшей европейской или японской автомобильной фирмой, не возьмёшь. Другие средства нужны. История подсказывает мне угрюмую аналогию. И тут опять надо говорить о жестокости его, Достоевского, способности проникать в будущее. Он страшный любимец времени, которое по странному капризу материализует его прихотливые фантазии в непомерных масштабах. И вот литературная придумка, сделанная даже таким мрачным мастером, как Достоевский, оказалась забавной игрушкой в сравнении с тем, во что способна бывает обратиться жизнь. На улицах Мюнхена появился однажды другой Раскольников. Неудавшийся студент Венской художественной академии. Вместо топора под полюю этот вовсе не бездарный художник вынашивал в складах сумеречной души идею о партии, которая первым делом освободила бы от “процентного рабства” смертельно униженный историческими обстоятельствами немецкий народ. Имя этого нового живого воплощения литературного образа было Адольф Гитлер. Из его биографии, которую любовно и тщательно изложил он в жуткой и поучительной книге “Main Kampf”, и следует, что первым толчком к созданию партии топора стало засилие банков в нищей и обездоленной стране, то самое “процентное рабство”. Раскольников называл ростовщический произвол похоже — “заеданием чужой жизни”. Говорят, что Гитлер пришёл к Достоевскому через посредство Ницше. Так ли? Сам Гитлер говорил, что большее впечатление на него всегда производил Шопенгауэр. Я, конечно, не могу доподлинно утверждать, что мысль о создании убийственного идеологического топора, способного разом покончить с непомерно жиреющей на народной беде громадной немецкой старухой-процентщицей, была непременно подсказана Гитлеру Достоевским. Ни в каком разе. Я в этом несколько не уверен. Но прочитать “Преступление и наказание” и сходные своим размышления Раскольникова о “процентном рабстве”, о превосходстве и правах избранных личностей юный страстный книголюб Адольф Гитлер уже мог. Первый перевод этого романа на немецкий язык вышел в 1882 году, за семь лет перед тем, как ему (Адольфу) родиться. Косвенное свидетельство о почтительном отношении зрелого Гитлера к Достоевскому есть в словах того же правнука его Дмитрия Достоевского. Когда оккупанты захватили Симферополь, там жила его бабушка, Екатерина Петровна, её муж, сын писателя, Фёдор Фёдорович, уже давно умер, сын Андрей проживал в Ленинграде и в это время находился на фронте. Несмотря на это, немцы при расквартировании повесили на её дверях табличку на немецком: “Здесь живёт невестка Достоевского, квартиру не занимать”. Между прочим, в верхах Третьего рейха были свои Настасьи Филипповны, по характеру и поступкам более масштабные опять же — Ева Браун, например, и Магда Геббельс.

Хочу оговориться, что ни в каком разе не хочу я поднять Гитлера до уровня Достоевского или, наоборот, унижить Достоевского. Мне просто нужно было поглядеть на бесчинства сегодняшнего дня сквозь призму (прошу прощения за столь потёртое от употребления слово) истории. История же имеет свойство повторяться. Опять банальность, но банальности обязательно таят неизбывный

начальный, страшный чаще всего смысл, и этим ценны. Смысл этой банальности в том, что схожие обстоятельства обязательно вызовут похожие последствия. Непомерное процентное рабство в России, помноженное на гомерическое воровство народной казны, питающей бесчисленные банки, поэтому заряжено вполне предсказуемой жутью. Как и многое другое. Униженный народ, призывая Христа, не побрезгует призвать и чудовище, лишь бы оно помогло избавиться от сущей невыносимой беды. И эти ожидания иногда материализуются из чайний убиваемого народа. Избави, Господи! Не издевайтесь, неразумные, над народом. Читайте мать Историю. Читайте Достоевского, наконец.

Достоевский, как видим, единственный писатель, который вполне убедительно доказал своим творчеством, что призраки сознания бывают смертельно опасными. Может быть, это и хорошо, что Достоевский умер, не угадав нечто такое, что могло бы, по роковой предрасположенности его прозрений к воплощению в стократном масштабе, обернуться концом света.

... Когда-нибудь русский народ, если у него, конечно, ещё останется хоть какая-то нравственная сила, хоть какая-то воля продолжить свою историю, обязательно предьявит счёт своей литературе.

Как это будет?

Во-первых, он прислушается и поглядит, что осталось в памяти и в душе. О большинстве славных поныне имён и сказать будет нечего, коль скоро их не обнаружится в наличной памяти. С этими и решать нечего. А вот к тем посмертным счастливым, кто остался — к тем и будет предьявлен тот запоздалый и справедливый счёт.

Русские литераторы, каждый по-своему, тайно или откровенно, с умыслом или ошибаясь, по глупости или корыстно отдали дань служения бесам. Каждый из них, тайно или явно, осознанно или беспечно, изводил собственное Отечество. Это Розанов, что ли, сказал, что после Гоголя можно сказать определённо, что великая русская литература погубила Россию. Это потому, что желание попасть в струю общего мнения, шагнуть в ногу с прогрессом, а то и простое желание сытно покушать и выпить водки мутило здоровый рассудок и оглушало совесть русского писателя. С некоторых пор стало признаком хорошего тона всячески порочить русский народ. Пропуск в великие писатели выдавался только тем, кто был усерден в этом. За это хорошо платили, и редкий писатель не бросал камней в собственный народ в надежде, что они обратятся в хлебы, да ещё и маслом намазанные. Эта жалкая традиция особо популярна теперь. Другие народы получили совершенно превратные представления о русском народе из русской же литературы. Иван Солоневич, глубоко исследовавший это явление, сделал вполне логическое заявление, что Гитлер только потому и был уверен в скорой победе над Россией, что имел о её народе слишком литературные представления. В самом деле, можно ли представить себе нечто более несообразное, чем, например, Акакий Акакиевич Башмачкин, ползущий с гранатой в руке под вражеский танк. Впрочем, это непростая и долгая история, которую в двух словах не исчерпать. И, возможно, из всех великих писателей только Достоевский никогда не пытался торговать душой. Обаянию бесов, вселившихся в свинное стадо новой интеллигенции, поддались все. И только Достоевский да ещё Лесков ясно отличали бесовское наваждение от святого духа. К тому времени полную силу приобрела такая дьявольская штука, как общественное мнение. Впрочем, оно существовало давно. Если бы кто написал историю общественного мнения, это было бы любопытнейшее чтение. Оказалось бы, что первой его великой жертвой был сам Иисус Христос. Это общественное мнение управлялось уже тогда, когда глупая толпа первый раз крикнула: "Распни его!". С тех же пор, как появились печатный станок и газета, общественное мнение поработило мир. Достаточно было Лескову, например, дать понять, что подлинное творчество не может иметь с политикой и разного рода прогрессивными движениями ничего общего, как он был немедленно объявлен "вне закона" в литературе. На него обрушились самые влиятельные газеты. Ни один из ничтожнейших репортеров не упустил случая поизгаляться над ним. Рукописи Лескова демонстративно возвращались ему из издательств не прочитанными. Несколько романов, изданных за свой счёт, встречены были враждебным молчанием...

Если бы не Георг Брандес и несколько других известных датских и немецких литераторов, объявивших Лескова по значению в литературе выше Достоевского, мы бы, вероятно, и до сей поры не знали подлинной цены этого великого писателя.

Многие ли могли выдержать подобную атмосферу? В этом смысле Достоевский остаётся неподсуден.

И вот пришла смерть. Последние мгновения его описаны женой, Анной Достоевской: "...Проснулась я около семи утра и увидела, что муж смотрит в мою сторону.

— Ну, как ты себя чувствуешь, дорогой мой? — спросила я, наклонившись к нему.

— Знаешь, Аня, — сказал Фёдор Михайлович полушепотом, — я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру.

— Голубчик мой, зачем ты это думаешь? — говорила я в страшном беспокойстве, — ведь тебе теперь лучше, кровь больше не идёт, очевидно, образовалась "пробка", как говорил доктор. Ради бога, не мучай себя сомнениями, ты будешь еще жить, уверяю тебя!

— Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие!

Это Евангелие было подарено Фёдору Михайловичу в Тобольске (когда он ехал на каторгу) жёнами декабристов (П. Е. Анненковой, её дочерью Ольгой Ивановой, Н. Д. Муравьевой-Апостол, Фон-Визиной). Они упростили смотрителя острога позволить им видаться с приехавшими политическими преступниками, пробыли с ними час и "благословили их в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге".

Фёдор Михайлович не расставался с этой святою книгою во все четыре года пребывания в каторжных работах. Впоследствии она всегда лежала у мужа на виду на его письменном столе, и он часто, задумав или сомневаясь в чём-либо, открывал наудачу это Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего). И теперь Фёдор Михайлович пожелал проверить свои сомнения по Евангелию. Он сам открыл святую книгу и просил прочесть.

Открылось Евангелие от Матфея. Гл. III, ст. IV: "Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду".

— Ты слышишь — "не удерживай" — значит, я умру, — сказал муж и закрыл книгу.

Я не могла удержаться от слёз. Фёдор Михайлович стал меня утешать, говорил мне милые ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую он прожил со мной. Поручал мне детей, говорил, что верит мне и надеется, что я буду их всегда любить и беречь. Затем сказал мне слова, которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни:

— Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно!"

Как дико, наверное, прозвучит теперь его завещание России, если произнести его с какой-нибудь высокой межнациональной трибуны, и как больно, что мы дошли до того, что эти слова уже к нам, кажется, неприложимы. "Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским... значит только стать братом всех людей, всечеловеком... Это значит: внести примирение в европейские противоречия, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей... и, в конце концов, может быть, изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону". Народ, позволивший сделать с собой то, что делали с ним в двадцатом веке, позволяющий делать то, что делают теперь, уже давно недостоин этих чаяний. И это отношу я к величайшей посмертной трагедии Достоевского. К последней трагедии русского народа, оказавшегося недостойным своего пророка и неустанного духовного защитника перед Богом и людьми.

Вот слышу я и второй признак глухого московского утра. Детей повели в уцелевший ещё детский садик мимо безобразного лица хрущёвской панельной двенадцатиэтажки, в которой я живу. Я слышу это, потому что не проснувшись до конца дети ревут благим матом. Ревёт завтрашняя Россия каждое утро под моими окнами. Будто чувствует, что вступает она в то будущее, где ждут её жестокие тайны, неразрешимые проблемы и суровые наставники, первым из которых остаётся Фёдор Достоевский... Плачет пустыми слезами неразумная надежда...

БОРИС КУРКИН

ОПЕРАТИВНОЕ ДЕЛО “РЕВИЗОРЪ”

Предуведомление

Споры о “Ревизоре” вечны: на то она и классика, чтобы давать изображать или воображать действительность во всем ее объеме и, риску добавив от себя, непостижимости. И по сию пору не утихают дискуссии по поводу того, откуда взял Гоголь сюжет для “Ревизора”. Одни говорят, что Гоголю подарил сей сюжет Пушкин, другие возражают, что сюжет во времена Гоголя был уже известен и ссылаются при этом на повесть А. Вельтмана “Провинциальные актеры” и комедию Г. Квитки “Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе”. Другие напоминают, что и сам Гоголь использовал “ревизорский прием” с целью получения лошадей вне очереди: выпускал вперед своих друзей, распускающих слух о чиновнике инкогнито из Петербурга, а потом являлся уж и сам.

Спорят и о том, кто был прообразом Хлестакова: то ли П. Свинын, то ли сам... Пушкин? И как тут выяснишь, кто прав, если современники П. П. Свинына слышали от него вот такое: “Вот как-то случилось мне беседовать с Государем... Был я в морском сражении... Иду я по улице с американским президентом... И кстати! Полистайте последний номер “Отечественных записок”. Там напечатана повесть. Она тоже моя...”

Узнаете? Только с одной лишь разницей: П. П. Свинын говорил чистой правду! И выполнял он в Америке самые деликатные дипломатические поручения.

Кстати, за ревизора Павла Петровича тоже принимали, о чем он и поведал по случаю Пушкину; приняли как-то раз за ревизора и Пушкина, о чем тот рассказал в свою очередь Гоголю.

Весьма разнятся по смыслу и содержанию и трактовки “Ревизора”: от бытовой комедии нравов через социальную сатиру до мистического триллера. Известна и характеристика, данная Гоголю другим классиком – В. Набоковым, – “сновиденческий писатель”.

Что же касается нас, грешных, то, абстрагируясь от всех прочих интерпретаций великой комедии, дерзнем рассмотреть ее в качестве **детектива**.

На первый взгляд, детектива здесь никакого нет: все жулье и ворье рассказывает о себе само, и оснований для возбуждения серии уголовных дел более чем достаточно. Банальны и описанные Гоголем коррупционные схемы, и по сей день живущие и здравствующие на политико-административных просторах России.

Однако если присмотреться повнимательнее, то могут возникнуть некие новые основания для возбуждения дел, если и не уголовных, то, по крайней мере, **оперативно-розыскных**, придающих возбуждаемым делам **политическую** окраску и грозящим перекалфикацией их **в государственные преступления**. И еще: социально-политический, идеологический и культурный контекст, в котором разыгрывалось детище Гоголя, был совершенно очевиден для зрителей, пришедших в театр на “Ревизора”, но с течением лет оказывается затемненным и приглушенным для нас.

В качестве затравки можно предложить три вопроса:

1. Откуда узнает о грядущей ревизии П. И. Бобчинский, не присутствовавший на экстренном совещании у Городничего? А ведь именно от него, по словам любознательного почтмейстера – любителя изящной словесности – он и узнает о прибытии инкогнито из Петербурга?

2. Что делает на заседании “кризисного штаба” не говорящий ни слова по-русски Х. И. Гибнер, более нигде по ходу действия не появляющийся?

3. С какой целью Государь Николай Павлович ТРИЖДЫ “ходил” на “Ревизора”? Только ли ради своего августейшего удовольствия?

Известно, что Николай Павлович на премьерке хохотал. (Герцена сие обстоятельство приводило в оторопь. Не от великого ума, доложу я вам.) Известна так же и заключительная фраза Государя: “Тут всем досталось, а больше всего мне”.

И. Золотусский, равно как и Герцен, не льстит Царю и добавляет: “Эта реплика говорит об его умении держаться в невыгодных для себя обстоятельствах. Николай, впрочем, был не так умен, чтоб понять, что вмешательство жандарма в события и прибывшая свыше власть (то есть посланная им, царем) есть чистый призрак в пьесе, да к тому же страшный призрак, ибо все мертвеют при его явлении”.

Что ж, явная нелюбовь к тому или иному историческому персонажу не позволила ни Герцену, ни Золотусскому сделать объективные и более глубокие выводы. Иначе чем они могли бы объяснить тот факт, что Царь как минимум ТРИЖДЫ смотрел “Ревизора”, а дважды вместе со своей семьей?

И еще один – уже менее известный – анекдот: после спектакля Николай прошел за кулисы и, увидев актера, игравшего Бобчинского, потрепал его по плечу и сказал снисходительно: “Вы хотели, чтоб Государь узнал, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский? Так вот теперь я знаю об этом”. Царь улыбнулся, актер чуть не упал в обморок. “Все отличившиеся, – пишет о первом представлении “Ревизора” Шенрок, – получили от дворца подарки, иные от дирекции прибавку к жалованию”. Итак, царь был доволен” (Золотусский И. Гоголь. ЖЗЛ. М., 2009).

Разумеется, в поведении Царя можно и должно усмотреть некую моральную пропедевтику, традиции которой заложила его августейшая бабка Екатерина Великая. Именно она, как известно из “Дневников” А. В. Храповицкого, написала комедию “За мухой с обухом”, сюжетом для которой послужил скандал, возникший между президентом двух академий Е. Р. Дашковой и обершталмейстером Л. А. Нарышкиным.

Как известно, нарышкинская свинья забрела в дашковский огород и мажордерствовала там, покуда ее не зарубили топором. Раздосадованный Нарышкин не придумал ничего остроумнее, как подать жалобу на имя Государыни Императрицы. В общем, то была комедия о том, “как поссорились Екатерина Романовна со Львом Александровичем”.

Пьеса сия шла с успехом в Эрмитаже, а в г-же Постреловой публика без труда узнавала княгиню Дашкову. Узнавала, впрочем, не только ее, но и себя самой. Еще одним проявлением такого “литературного давления на нравы” стала борьба Екатерины с модным поветрием игры в бильбоке. Чтобы пристыдить молодежь, игравшую в эту дурацкую игру сутками напролет во всех доступных местах, Императрица повелела, чтобы легендарный Митрофанушка – герой фонвизинского “Недоросля” – выходил на сцену с этим самым бильбоке.

И мода враз “самопресеклась”.

Смею полагать, что посещения Николаем Павловичем “Ревизора” были продиктованы ПОЛИТИЧЕСКИМИ соображениями. Не только ими, разумеется, однако главным образом, ими.

“А, вы здесь, голубчики!”

Кто из живущих на этой грешной земле не любит детективы?

И кто из любителей детективов не пытался закуривать трубку Шерлока Холмса, облачаться в китель майора Пронина, примерять шляпку миссис Марпл?

Вот и я предлагаю вам, дорогие друзья, рассмотреть поближе Дело “Ревизор”.

Оговоримся сразу: для возбуждения уголовного дела мы не имеем полномочий, ими мог располагать в эпоху незабвенного Государя Николая Павловича, в частности, настоящий Ревизор, прибывший в уездный город “по именному повелению”.

Однако согласитесь, основания для пристального интереса и оперативного дела по факту, скажем помягче, “коррупции” у нас имеются.

На основании чего? Что имеем в наличии?

А имеем мы вот что.

1. Надежного (?) информатора в лице Николая Васильевича Гоголя (дадим ему в целях конспирации оперативный псевдоним “Нос”).

2. Аудиозапись бесед чиновников (текст информатора).

3. Характеристики, данные агентом на действующих лиц этого скандального казуса со лже-ревизором И. А. Хлестаковым. Ими часто пренебрегают при чтении его донесения. А зря!

4. Фотографию участников (См.: “Немая сцена” в финале).

Теперь нам надо определиться со временем и местом действия.

Итак, где происходит событие, имеющее, по нашему мнению, все признаки состава **ПРЕСТУПЛЕНИЯ?**

Из Пензы в Саратов

Можно ли назвать по имени тот уездный город, в котором произошли эти драматические и не побоюсь этого слова, очистительно-трагические события? Полагаю, можно!

Первое, что приходит в голову, это знаменитая реплика Городничего: “Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь”. Ее предваряет замечание, что город это НЕ ПОГРАНИЧНЫЙ.

Первая мысль: “СИБИРЬ!”

Ан нет!

Где обчистил Хлестакова в штос неизвестный пехотный капитан?

В ПЕНЗЕ.

Куда едет Хлестаков и в какой город справлена его подорожная?

В САРАТОВ.

Значит, он на момент нежданного визита к нему Городничего должен находиться в уездном городке на трассе Пенза–Саратов. Заезжать в другие, делая крюки (по обыкновению Хлестакова, о чем говорит его слуга Осип), Ивану Александровичу уже не с руки – денег нет. Значит, перед ним ПРЯМАЯ дорога на Саратов, в деревню Подкатиловку, к строгому папаше – “старому хрену”, “глупому как бревно” (что не факт!).

Саратовская губерния часто упоминается и в разговорах героев и в письмах, которые перлюстрирует почтмейстер – надворный советник И. К. Шпекин. Взглянем на карту: прямо по трассе Пенза–Саратов расположен город Петровск – старинный купеческий город, основанный по именному указу Петра Первого в 1698 году для охраны края от набегов крымских татар. В 1780 году Петровск становится уездным городом, находившимся в составе Саратовской губернии, которую и должен был инспектировать Великий и Ужасный РЕВИЗОР.

Иные уездные города, например, Актарск или Вольск, лежат в стороне от тракта Пенза–Саратов.

В общем, современным петровчанам можно вполне открывать в своем городе “Музей “Ревизора”.

Итак, действие происходит в уездном городе Петровске. Теперь нам как ведущим расследование предстоит выяснить время, в которое совершилось деяние, обладающее признаками состава преступления.

“Призрак оперы”

Что касается времени, то, как известно, существует две редакции Донесения агента (пьесы “Ревизор”) – 1836 и 1840 гг.

Государь Николай Павлович присутствовал на премьере, следовательно, наблюдал действие в варианте 1836 г., мы же читаем Донесение образца 1840 г.

Итак, как определить время, в которое произошло данное событие? Наш информатор дает несколько подсказок. И главные из них растворены в Донесении.

1. Репарка: “насвистывает (Хлестаков) из “Роберта”.

Что такое сей “Роберт”? Слушаем аудиозапись Донесения:

“Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: “Женильба Фигаро”, “Роберт-Дьявол”, “Норма”.

Итак, Опера “Роберт-Дьявол” Д. Мейербера под титулом “Роберт” (какое упоминание “дьявола” могло быть в Православной Империи?!). Первая постановка в Петербурге – 1834 год. Есть ли что-нибудь более позднее? Есть!

2. Это опера Д. Беллини “Норма”. Первая постановка в Петербурге – 15.10.1837 (вряд ли Хлестаков мог позволить себе съездить послушать ее в Италию!). Первое же исполнение “Нормы” состоялось в Милане, в театре “Ла Скала”, 26 декабря 1831 года.

Прочие литературные “упражнения Хлестакова” – “Фрегат “Надежда” Марлинского – первая публикация 1833 год; “Московский телеграф”: 1825–1834, закрыт в марте 1834-го; псевдоним Сеньковского “Барон Брамбеус” появился в 1833 году; “Юрий Милославский” – 1829 год.

Таким образом, известное событие случилось в пределах от 1837-го по 1840 г.

Итак, место действия – уездный город Петровск Саратовской губернии, время действия – 1837–1840 гг.

Ну-с, приступим, перекрестившись, к главному.

“А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!”

Как явствует из Донесения, в г. Петровск Саратовской губернии должен прибыть инкогнито из Петербурга некий Ревизор. С секретным предписанием.

Городничий по сему поводу созывает “кризисный штаб”.

Где собирается на заседание “штаб”?

В комнате в доме городничего.

А почему не в рабочем кабинете? Скорее всего, Городничий опасается “прослушки”, точнее, “подслушки”.

Резонно. И любопытно.

Кто присутствует на заседании?

1. **Городничий – Антон Антонович Сквозник-Дмухановский,**

2. **попечитель богоугодных заведений – Артемий Филиппович Земляника,**

3. **смотритель училищ – Лука Лукич Хлопов,**

4. **судья – Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин,**

5. **частный пристав – Степан Ильич Уховертов,**

6. **лекарь – Христиан Иванович Гибнер,**

два квартальных.

Итого 8 человек.

Чуть позже к ним присоединится почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин.

Сразу же возникает один недоуменный вопрос: “А что делает на заседании “кризисного штаба” тишайший Христиан Иванович Гибнер, который “по-русски ни слова не знает”?

Что он может сообщить руководителю штаба и как может он отчитаться о проделанной работе и выдать свои рекомендации?

Какие выводы сделать для себя?

Он ведь в дальнейшем по ходу Действия более **НИГДЕ** не появляется и **НИКАК** не проявляется (не “светится”)!)

За него говорит и выслушивает директивы начштаба попечитель богоугодных заведений А. Ф. Земляника.

Зададимся еще одним вопросом: “А что было бы, если бы Гоголь ПРОСТО УПОМЯНУЛ о существовании бессловесного лекаря-немца (?), не выводя его на сцену?”

Значит, нужен был для чего-то этот тихий и безмолвный немчура, периодически издающий “звук, отчасти похожий на букву “и” и несколько на “е”!

Ставим против его имени красным карандашиком знак вопроса.

Теперь о самом заседании Штаба.

Первым делом встает вопрос о **причинах** грядущей ревизии.

Городничий в этом связи выглядит фаталистом: “Судьба!” Затем следует предположение о **ДОНОСЕ**.

Свою версию выдвигает судья Ляпкин-Тяпкин.

Заглянем теперь в его досье, составленное нашим информатором:

“Коллежский асессор (VIII класс) – чин штаб-офицерского ранга (старший офицерский состав) Аммос (Аммос – древнеевр. “тяжелый”) Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Агент сообщает: “Человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом – как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют”.

И. Хлестаков добавляет: “в сильнейшей степени моветон...”

Последнее малоинформативно.

Итак, судья рассудителен и слова его всегда продуманны: “Я думаю, Антон Антонович, что здесь **тонкая и больше политическая причина**. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где **измены**.”

“Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет **тонкие виды**: даром что далеко, а оно себе мотает на ус”.

Таким образом, первопричина ревизии, по Ляпкину-Тяпкину, грядущая война, в которую должна вскоре вступить Россия, сопряженная с опасностью иметь в тылу **“пятую колонну”**.

Других мнений по поводу ревизии не высказывает – вплоть до появления почтмейстера Шпекина – никто.

Читаем досье на Шпекина:

“Надворный советник (VII класс) – чин штаб-офицерского ранга (старший офицерский состав) Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер, простодушный до наивности человек”.

И. Хлестаков добавляет: “...должно быть, также, подлец, пьет горькую”.

Слушаем внимательно:

“Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками”.

Легкость, с которой Шпекин меняет свое мнение на противоположное, вполне объяснима и никоим образом не говорит о его легкомыслии. Почтмейстер просто уверен, что у Городничего на руках СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ. Кстати, попробуйте произнести слова с понижающейся интонацией и придать ей вот такой смысл: “Значит, НЕ БУДЕТ ВОЙНЫ (с турками)”. При чем произнести ее нужно ЗАДУМЧИВО, после некоторой паузы. И тогда вопрос о легкомыслии чиновника отпадет сам собой.

Начнем с “войны” и со знаменитой фразы **“это все француз гадит”**, над которой потешалось не одно поколение зрителей. Так ли уж наивны и глуповаты были чиновники уездного города?

“Француз” действительно “гадил”. Причем всегда. Особенно усердно он начал гадить в Восточном вопросе после революции 1830 года, когда во главе Франции встал ненавидимый Николаем “король банкиров” Луи Филипп.

Надо полагать, зрительный зал при этих словах всегда раздражался смехом, причем по адресу французов, но никак не Ивана Кузьмича, выказавшего себя вполне политически грамотным подданным. Смеяться зал, видимо, перестал в ходе Крымской войны, когда “француз” осуществил вместе с “англичанкой” прямую интервенцию в Россию. А уж после Франко-прусской войны зритель стал смеяться снова. И вновь по поводу “француза”.

А теперь поговорим об “измене”. Так ли уж она была невероятна?

Напомним, что с момента заговора декабристов прошло всего двенадцать лет. А корни и корешки масонского заговора остались в силу целого ряда обстоятельств невыкорчеванными. Так что слово “ИЗМЕНА” было отнюдь не пустым звуком и произносилось оно со сцены в зрительный зал, в котором сидели судьи и родственники подсудимых по “делу 14 декабря”. И, надо полагать, вполне доходило до умов и сердец и отзывалось в них самым непосредственным образом.

Однако слушаем запись далее.

Оперативный штаб намечает план действий на упреждение. С момента, когда присутствующие узнают о появлении в городе чиновника из Петербурга, на которого и падают подозрения, между попечителем богоугодных заведений Артемием Филипповичем Земляником, судьей Ляпкиным-Тяпкиным и Городничим происходит вот такой обмен репликами:

“Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? – ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге “Деяния Иоанна Масона”...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь...”

Стоп! “Деяния Иоанна Масона”. А вот с этого места поподробнее. Что это за деяния такие?

Масон и сын известнейшего масона и кадета В. В. Набоков отозвался на сей счет весьма скупко: “Одна из пяти-шести книг, которые прочел за свою жизнь судья, становится ‘The Book of John the Mason’ (Книгой Иоанна Масона), название почти что библейское, тогда как на самом деле речь идет об описании приключений Джона Мейсона (возможно, вымышленных), жившего в XVI столетии английского дипломата и авантюриста, который собирал сведения о делах на континенте по поручению королевской семьи Тюдоров”. (В. Набоков. Николай Гоголь // Набоков В. В. Собр. соч. в 5 томах. СПб.: “Симпозиум”, 1997. Т. 1.)

А как искусно все же пытался сбить нас со следа г-н Набоков!

Итак, посмотрим на “Деяния Иоанна Масона”. Что же это за книга?

Книга английского писателя **розенкрейцера** Джона Мэйсона (1706–1763) “О познании самого себя” вышла в России примерно в 1800 г. Ее переводчик Иван Петрович Тургенев писал своим детям: “Я нравственностью своею много должен сей книге... Книга сия научает человека познавать обязанности свои и его отношения, в каковых он находится к Богу, Творцу своему, к природе, яко творению, и к самому себе”.

Короче, труд английского нонконформиста Джона Мэйсона “О познании самого себя” был весьма популярен в российских масонских ложах. Да что там “популярен”! Он был **НАСТОЛЬНОЙ КНИГОЙ** русских масонов. **Это – масонский букварь.**

А кто таков Иван Петрович Тургенев?

Иван Петрович Тургенев (1752–1807) – русский дворянин, офицер, действительный тайный советник. Ближайший соратник и единомышленник масона Н. И. Новикова. Соучредитель Типографической компании и активный член знаменитой “Директории VIII провинции ордена Благотворных масонских рыцарей”. В 1792 г. привлечён к следствию по делу Новикова и сослан на жительство в родовое поместье Тургенево. После кончины императрицы Екатерины II возвращён Павлом I из мордовской ссылки. В 1796–1803 гг. директор Московского университета.

Умер И. П. Тургенев на пятьдесят пятом году жизни в Петербурге и похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

О важности переведенного им труда для духовной жизни русских масонов прошлых столетий можно судить по имеющимся в архивах спискам масонской литературы, составившей некогда “обязательный минимум” самообразования братьев-каменщиков. В исследовании Г. В. Вернадского “Русское масонство в царствование Екатерины II” находим: “Сохранился и систематический список рекомендуемых орденоскими надзирателями книг... Это в первую очередь трактат Иоанна Масона “О познании самого себя”. О круге чтения московских масонов можно судить и по письму известного экономиста С. А. Маслова: “К пояснению наших обязанностей и просвещению разума нам много указано и рекомендованных книг, каковы Фомы Кемпийского, Иоанна Масона, Иоганна Арндта, Иакова Бёме и Пастырское послание. Это классическая библиотека”.

Для каждого непосвящённого ложей определялся опытный куратор, который руководил учеником на этапе совершения им первых шагов в масонстве. Для внушения всей важности внутренней, неустанной борьбы с самим собой руководитель по возможности старался проводить время с порученным ему братом, за успешное шествие коего по пути добродетели он являлся ответственным перед высшей масонской властью и в Иоаннов день ежегодно обязан был громогласно, в присутствии всех собравшихся членов ложи, давать отчет. Не теряя времени, поэтому руководитель вручал посвященному книгу Иоанна Масона “О познании самого себя”, требуя внимательно прочесть и отметить всё, что произведёт впечатление и всё, что покажется неясным, непонятым.

Не забалуешь!

“Ну и что, — спросит некий Симплиций Симплиссимус, — чем масоны-то вам не угодили?”

А вот чем.

Масонство в России запрещали четырежды. В третий раз его запретил Александр I, а со всех масонов были взяты подписки, что они больше не будут состоять ни в масонских ложах, ни в каких других тайных обществах. Подобные же подписки были даны и всеми масонами — будущими декабристами: Пестелем, Рылевым и другими. Но все они нарушили данную правительству клятву и продолжили состоять в тайных политических обществах, стремящихся устроить государственный переворот и цареубийство.

Учитывая, что все вожди декабристов, как-то: Пестель, Трубецкой, Волконский, Николай Тургенев, Никита Муравьев, Рылеев, Бестужев, Бестужев-Рюмин и пр. (всего 51 человек) были масонами, **император Николай I в 1826 г. снова издает указ (четвертый по счету в русской истории) о категорическом запрете масонства.** Но, как и прежние указы, его указ просто дал сигнал масонству уйти в подполье.

Однако вольные каменщики и после этого запрещения (четвертого по счету), продолжали свою деятельность в России. Это доказывает следующая директива Великой Провинциальной Ложи, написанная в сентябре 1827 года. (Опубликована известным исследователем А. Н. Пыпиным в монографии “Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века” (стр. 472–480).) К слову сказать, академик Пыпин — двоюродный брат Чернышевского — сам был масоном).

В результате русское масонство надолго, вплоть до начала XX столетия, уходит в глубокое подполье. Работа лож будет вестись в глубокой тайне.

В силу Указа Императора Николая I все чиновники должны были дать подписку о том, что не состоят в масонских ложах. Давал такую подписку и наш с вами Информатор “Нос”, он же Николай Васильевич Гоголь.

Так что когда судья Ляпкин-Тяпкин поминал — отнюдь не всуе! — имя Иоанна Масона, то находил полное понимание у великосветской публики, рождая в ее головах вполне определенную цепь ассоциаций. Одним словом, “мессиджи” Гоголя Царю и его подданным были далеко нешуточные.

А что наш Ляпкин-Тяпкин? Как изволите видеть, он МАСОН. Прошу обратить внимание на одно психологическое обстоятельство: ситуация крайне напряженная и неопределенная, какую линию поведения избрать — неясно. Что в таких случаях приходи на ум профессионалу?

Правильно: ИНСТРУКЦИЯ.

Вот ее-то Ляпкин-Тяпкин сразу же и вспомнил.

Неясно, состоит ли он в ложе на момент начинающейся ревизии, а вот то, что состоял в прошлом — бесспорно!

Ставим против фамилии Ляпкин-Тяпкин уже не знак вопроса, а жирную галочку.

Об нем мы еще поговорим.

Да, кстати! Откуда почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин узнал о грядущей ревизии? Письмо с “пренеприятнейшим известием” зачитывалось в его отсутствие!

“Он был титулярный советник...”

Масон, если употребить формулы Аристотеля и Фомы Аквинского, “животное политическое”, “общественное” и один не живет и уж тем более не выживает. Следственно, должны быть в Городе и другие масоны, объединенные в масонскую ложу.

Ух ты! В уездном городе масоны. А что тут удивительного? Помните, что говорил незабвенный Михаил Семенович Собакевич о председателе палаты другого уездного городка? “Он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил”. И в этом захолустном городе председатель палаты тоже не мог быть единственным масоном. А происходит это как минимум в 1842 году, через 16 лет после очередного запрещения масонства Государем (см.: Донесение агента “Нос” № 2 (“Мертвые души”))!

И чем же они в своих ложах занимались, интересно?

“Самосовершенствованием”? Да кто б в том сомневался!

Или, может быть, “растили и воспитывали кадры”, которые как известно, “решают ВСЁ”?

А кто в нашем случае занимается вопросами образования?

Занимается кадрами в данном случае смотритель училищ **Лука Лукич** Хлопов.

А подать сюда Луку Лукича!

Из Досье на Л. Л. Хлопова:

Титулярный советник (IX класс) – чин обер-офицерского ранга (младший офицерский состав).

Хлопов о себе и о своей должности: “Не приведи Господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек”. И еще (об одном из педагогов): “Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем **вольнодумные мысли внушаются юношеству**” (смех в зале). Хотя тут вовсе не до смеха. Об этом чуть ниже.

Более всех, судя по всему, он напуган предстоящим появлением Ревизора:

1. “Господи Боже! еще и с секретным предписанием!”

2. “Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?”

Обратим внимание на то, что другие участники секретного совещания этого вопроса не задавали и воспринимали ревизию как своего рода стихийное бедствие.

Хлестаков о Хлопове: “Смотритель училищ протухнул насквозь луком”.

Хлопов как “просветитель юношества” о себе: “Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул”.

Нет. Не похож он на масона. Сравните с Ляпкиным-Тяпкиным. Тот держится молодцом и не подает признаков паники, хотя если его участие в масонской ложе раскроется, мало ему не покажется!

Итак, поговорим об просветителях юношества в означенное время. Кто ректорствовал в Московском университете?

Ба!

Иван Петрович Тургенев! Тот самый. Переводчик Иоанна Масона!

И дети у него замечательные (оба масона) Александр Иванович да Николай Иванович. Оба “с душою прямо геттингенской”.

Начнем с последнего. Итак, Николай Иванович Тургенев (1789–1871. Париж).

В 1818-м вступает в “Союз благоденствия” и становится одним из его идеологов; выступает за установление республики. Интересно, как он мыслил это себе **практически**?

В 1821-м председатель Московского съезда “Союза благоденствия”. Один из основателей Северного общества декабристов. В 1824-м уезжает за границу и в восстании 14 декабря 1825 г. не участвует. Заочно судим и приговорен

к пожизненной каторге. Один из первых русских революционных эмигрантов. За границей опубликовал в 1847-м на французском языке книгу “Россия и русские”, которая легла в основу либеральной концепции истории декабризма. В 1857-м был восстановлен в правах.

Александр Иванович Тургенев (1784–1845).

С 1825-го живет за границей, проводит в европейских архивах обширные изыскания по русской истории. Вне России очутился по настоятельному совету Государя Александра Павловича, прознавшего о масонстве и неблагонамеренности А. И. Тургенева и посоветовавшего тому (“как один христианин другому”) уехать от греха за границу.

Замечательному русскому деятелю адмиралу А. С. Шишкову приписывают слова о том, что **“кончившие наши университеты юноши уверены, что, по крайней мере, две вещи они могут сделать хорошо: преобразовать государственное устройство и реформировать церковь”**. Конечно, юноши здесь не виноваты. Скорее наоборот – несчастны. Так их воспитали в государственных учебных заведениях немецкие и наши профессора, сами воспитанные на началах философии, построенной на страстном желании переделать, реформировать, революционизировать Россию и весь прочий мир, а на его развалинах построить нечто солнечное и радостное, гармоничное и математически выверенное. Новую храмину. Знакомая песня, не правда ли?

Чувствовало ли эту опасность русское правительство?

Еще как чувствовало!

Но что оно могло сделать? Конечно, оно могло воспитать свои кадры и обновить прежние. Но это работа на долгие годы, а воспитывать юношество нужно ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Что делать?

“Ужесточать”.

Изводить крамолу. В первую очередь, масонскую, уже аукнувшуюся “событиями 14 декабря”.

Дело дошло до того, что пришлось ликвидировать чтение курса философии. В 1830 г. просьба Императорского Московского университета, адресованная Министерству просвещения, о возобновлении курса философии, не была удовлетворена.

Что имеем в итоге, когда циркуляр за циркуляром спускаются “вглубь и вширь” по всей необъятной Империи?

А имеем мы формализм, казенщину, а то и прямой саботаж. В результате в “просветленном юношестве” созревают две идеи:

1. “Проклятая Россия”;

2. “В этой стране порядочному человеку и жить-то невозможно!”

А когда некий Циркуляр доходит до училища, которым ведает титулярный советник Хлопов, то какой-нибудь дуболом-инспектор вполне может принять вольную или невольную гримасу педагога за “внушение юношеству вольнодумных мыслей”. Причем, происходит это может в силу того обстоятельства, что “проверяющий” предмета **не знает**, а отзыв дать **должен!** А какой же отзыв без **критических замечаний?! Ведь идеальных педагогов не бывает!**

А ведь могло быть и так: несет лектор казенщину, от которой у слушателей скулы сводит, а потом подмигнет многозначительно залу – мол, “сам-то я так не думаю, да меня так говорить заставляют”. Известный “ораторский прием”!

Будем продолжать смеяться над жалобами несчастного Луки Лукича?

И все же что-то говорит за то, что титулярный советник Хлопов вряд ли замешан в чем-то предосудительном. Обратимся своим недоверчивым оком вновь к судье Ляпкину-Тяпкину. Он должен привлекать к себе внимание оставшихся покуда вне поля нашего зрения иных масонов уездного города.

Занимательная социология

Расследование штука увлекательная, однако логика расследования не совпадает с логикой литературного сюжета. А посему приходится отвлекаться от намеченной вроде бы уже темы и вновь и вновь возвращаться к, казалось бы, уже проясненным обстоятельствам.

Вот мы говорим “масоны-масоны”! А как мы себе представляем взаимодействие ключевых, условно говоря, масонских фигур в маленьком городке

на практике? Ведь ритуал со свечами, зеркалами, наковальнями, шпагами и белыми перчатками это всего лишь мишура. А после соблюдения ритуала на заседании обсуждаются некие сугубо практические вопросы, типа, “кого куда” и “что делать?” (в кризисной ситуации), как взаимодействовать?

Раскурим шерлокхолмсовскую трубку, усядемся поудобнее в кресло-качалку, мысленно призовем в собеседники доктора Ватсона и... начнем мысленно вычерчивать схемы.

Итак, мы имеем дело с некой группой лиц из числа чиновников, главой которых является Городничий. Налицо 1. ФОРМАЛЬНАЯ ГРУППА, иерархическая пирамида. Чиновники имеют еще и “двойное подчинение” (по разным департаментам, хотя и по одному ведомству – Министерству внутренних дел) – почтмейстер, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ.

2. По информации агента, эти же самые чиновники состоят в определенной степени родства, что совершенно естественно для небольшого города, где “элитариев” можно перечислить по пальцам. Родство простирается до самого Петербурга.

Поставщик **стратегической информации** (ведь ехать с ревизией туда, где об ней уже заранее известно, значит заранее обрекать дело на неудачу!) А. И. Чмыхов обращается к Городничему не иначе как “кум и благодетель”.

Но вернемся к нашей “социологии малых групп”. Ту же самую группу (за редкими исключениями в лице гг. Добчинского П. И. и Бобчинского П. И., не занимающих каких-либо административных постов) можно отнести и к формальной и одновременно неформальной “семье”.

3. Эта же самая формальная группа (за немногими исключениями в лице титулярного советника Хлопова Л. Л. и надворного советника Шпекина И. К.) в силу своего административного положения “регулирует” (к своей выгоде) и “финансовые потоки”. Это тоже признак “семьи”, но уже несколько иной – МАФИИ.

4. Наконец, эти же “элитарии” – “между лафитом и клико” (вернее, между коньяком и “губернской мадерой” – “неказистой на вид, но валящей с ног слона”) – проводят совместный досуг.

Что мы имеем в итоге? Мы имеем почти идеально накладывающиеся друг на друга группы, которые можно идентифицировать и как государственно-административные и как МАФИЮ.

Несколько примеров. Пример № 1:

“Городничий (Землянике). ... Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения...

Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. *О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человека простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет”.*

В связи с этим к надворному советнику Землянике А. Ф. два вопроса:

1. Куда деваются отпускаемые государством “дорогие лекарства”, если они до больных не доходят?

2. Отчего он не боится говорить о факте “нецелевого использования средств” совершенно открыто?

Вопросы, сами понимаете, чисто риторические.

Пример № 2

Вот Городничий просит почтмейстера проводить регулярную перлюстрацию корреспонденции:

“Городничий. *Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.*

Почтмейстер. *Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства...*

Городничий. ... так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное”.

Ключевое слово “СЕМЬЯ”.

МАФИЯ.

“Что скажете вы на это, мой дорогой Ватсон?”

Если учесть, что классификация наша, как и любая иная, условна, а дело мы имеем с живыми людьми, то наше расследование и идентификация данной группы как масонской резко усложняется. Так что же остается в таком случае на масонство?

НЕБЛАГОНАМЕРЕННОСТЬ и участие в строго-настроено запрещенных законом Тайных обществах (со всей их предосудительной, а то и преступной, по меркам Православной Империи, “идеологией”).

Вообще доказывание “наличия присутствия” масонской ложи дело тонкое, если не сказать тончайшее, следственно, и наитруднейшее. Но мы-то занимаемся не судебным разбирательством и даже не следствием, а ведением оперативного дела, то есть сбором и анализом информации.

Смею заметить, однако, что уже само подозрение и косвенное доказательство наличия запрещенных Государем обществ может стать отягчающим обстоятельством при рассмотрении дела о коррупции, оттого-то известные чиновники и должны бояться всякого упоминания масонов и тайных обществ!

Сами же коррупционные схемы неинтересны и тривиальны: власть раздаёт подряды, а потом обирает. Или же просто расхищает выделенные государством средства. (“Церковь сгорела”. Интересно, кирпичи тоже сгорели? Саратовская губерния ведь не славится строительством деревянных храмов.)

Поборы осуществляются в соответствии с местом, которое тот или иной чин занимает в административной иерархии – по так называемым “понятиям” (“Не по чину берешь!”).

Что ж, прокрутим запись вперед и послушаем диалог Городничего с Хлестаковым. Однако прежде мы должны выяснить, кем представляется Хлестаков в сознании городских чиновников.

Кстати, давайте исключим сразу же из числа подозреваемых в масонстве Городничего, который, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бывает в церкви.

“А кого вы собственно имеете в виду?!”

Что сразу приходит на ум, так это известный исторический анекдот – разговор Пушкина с Бенкендорфом.

Бенкендорф, раздосадованный стихотворением “На выздоровление Луккула”, в котором тот самым нелестным образом намекал на С. С. Уварова, прямо спросил Пушкина:

– Кого вы имели в виду в вашем стихотворении?!

– Вас, – ответил Пушкин. – А вы думали кого?

Штирлиц был прав, когда говорил, что запоминается именно последняя фраза. А ею у Хлестакова была: “Меня сам Государственный совет боится! Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...”

Эту-то последнюю фразу и разносят вездесущие гг. Бобчинский и Добчинский.

Еще четче испуг выражен у Городничего: “Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (Задумывается.) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. С министрами играет и во дворец ездит...”

Спросим себя, **кого мог бояться Государственный совет?**

Только Царя, которому он непосредственно подчинен. Но Хлестаков явно не царь. Тогда отчего мог затрепетать Госссовет? От КОМПРОМАТА. А кто МОГ и ИМЕЛ ЗАКОННОЕ ПРАВО собирать компромат на членов Госссовета?

То-то же.

Напомню, что Начальник Третьего Отделения и два Шефа жандармов – настоящий (на момент Действа) А. Х. Бенкендорф и сменивший его в 1844 году А. Ф. Орлов – были членами Государственного совета.

Но и это еще не всё: если бы Хлестаков просто упомянул то обстоятельство, что пред ним трепещет Государственный совет, можно было бы сказать, что и “прилгнул”... (“Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь” – анализирует “информацию от Хлестакова” Городничий, уже сам не радующийся тому, что напоил высокого гостя.)

А ведь перед тем, как помянуть Государственный совет, Хлестаков еще говорит о ЛИТЕРАТУРЕ, которой он “существует”. Ну, пописывает, конечно, в журналы... Но вот “Московский телеграф”?!

Вспомним, однако, судьбу энциклопедического журнала “**Московский телеграф**”. Он издавался с 1825-го по 1834 год, редактором его был Николай Полевой. Закрыт в 1834 году. Предлогом послужила рецензия главного редактора на пьесу Н. Кукольника “Рука Всевышнего Отечества спасла”, явившуюся настоящей одой Самодержавию. Полевой раскритиковал данную пьесу, указывая на её льстивый характер, и поплатился за то своим журналом...

Стало быть, Иван Александрович Хлестаков причастен к его судьбе?

Может, это он и поспособствовал **ЗАКРЫТИЮ**?!

А кто может **ЗАКРЫВАТЬ** журналы? Так происходит материализация духа Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Однако ж Хлестаков, судя по его словам, еще и пописывал. Вот и Бенкендорф, можно сказать, тоже “пописывал”, пытаясь даже создать “собственную литературу”. К числу таких “подшефных” изданий можно было бы отнести “Северную Пчелу” Ф. Булгарина, “Tygodnik” (с 1832 г. “Официальная газета Царства Польского”) Пржецлавского. На отдельные статьи делались заказы. Писателям и журналистам предлагалось в сущности подготовить “заказной материал”. Да и сам граф был отменным стилистом! Оцените его письмо от 11 января 1812 года, писанное его другу М. С. Воронцову (тому самому):

“Вот уже десять дней как я в Петербурге, милый мой граф, однако мне от этого не стало лучше, и в свете я провожу мало времени; утомление и рассеянность не покидают меня, и я не могу веселиться. Я угрюм и печален. Впрочем, мне выпало небольшое развлечение: вместе с Сен-При я был на пожаре Аничкова дворца. Ему досталось стоять в почетном карауле, и нас обоих поставили на чердаке. Балки, перекрытия – все рушилось, и нам пришлось с боем прорываться от одного угла до другого, штурмуя каждую ступень лестницы. Наконец, прибыл император и приказал нам покинуть пост; мы выполнили свой долг, любезный граф. Все сгорело! Чтобы спасти зеркала, их бросали из окон. Свои труды мы увенчали тем, что поехали вдвоем ужинать к красавице Пушкина”.

“Выкидывались” ли у Александра Христофоровича еще и стишки, установить сейчас весьма затруднительно. Зато Бенкендорф старался организовать печать и за границей, где по временам появлялись статьи его чиновников в защиту политики русского правительства. Короче, вел, как мог и умел, “контрпропагандистскую” работу, причем задолго до создания АПН.

А как должен был воспринимать городничий вот эти слова?

“Хлестаков. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже”.

Напомним, что функции III отделения Е. Им. Вел. канцелярии были весьма широки, и оно вело также разведку и контрразведку. А посему и неудивительно, что стоит Хлестакову пройти через департамент, так начинается сущее “землетрясение, всё дрожит и трясется как лист”!

А для пушшего эффекта пожалуй еще и это: “С хорошенькими актрисами знаком”.

Не думаю, чтобы Городничий и его подчиненные слыхивали о m-lie Жорж – любовнице самого Наполеона, с которой он расстался, прознав, к своему неудовольствию, “о чем она болтает”, и романе, который закрутил с нею Александр Христофорович, будучи с дипломатической миссией в Париже. Однако Хлестакова уже обуяло вдохновение, а вдохновляться он мог и примером графа Бенкендорфа, о влюбчивости которого складывались в Петербурге легенды.

А теперь по поводу того, как Хлестакова приняли за главнокомандующего, а “завтра же произведут в фельдмаршалы”.

Перед мысленным взором вошедшего в азарт Ивана Александровича мог вполне предстать образ все того же Александра Христофоровича! Да и как ему не предстать, ежели портрет графа Бенкендорфа и по сию пору висит в Эрмитаже в Галерее Героев Отечественной войны 1812 года! Ведь сам Бенкендорф прошел буквально ВСЕ ведшиеся Россией военные кампании, начиная с 1803 года, а на последнюю – Турецкую 1828–1829 гг. – отпросился у Царя, уже занимая пост начальника III Отделения и Шефа корпуса жандармов!

Одних только шпаг за храбрость целых **ТРИ**. Каково?!

“Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?..”

Кстати, “Ваше превосходительство” – это обращение к генералу: так что Хлестаков для Городничего – как минимум **ГЕНЕРАЛ**.

Разумеется, принять Хлестакова за Бенкендорфа Городничий никак не мог при всем своем воспаленном страхом воображении. Заметим, однако, что даже будучи сильнейшим образом напуганным, Антон Антонович сохраняет определенную трезвость мышления, и в его размышлениях есть четкая логика. Как-никак, новый Царь молод, молоды и его новые “выдвиженцы”. А то, что чиновник из Петербурга похож на “сосульку”, так это объясняется обмельчанием нового поколения, в том числе и военных:

“Городничий. ... Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький – как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку – ну точно муха с подрезанными крыльями...”

Нет, образ Третьего отделения Его Имп. Величества Канцелярии уже прочно поселился в сознании несчастного Городничего. Войдите в его положение: тут и впрямь не разберешь, “стоишь ли ты на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить”! И мысль о том, что высокий гость играет им как “кот мышом”, не покидает несчастного Антона Антоновича.

Надо отдать должное и слуге Хлестакова Осипу: он тоже подпустил туману. Вот, что он говорит о своем барине:

“Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты, как! то-то у нас сумятицу подняли”.

Вот так и происходит “самозаражение”.

И последнее. Не обращали ли вы внимания на такой, вроде бы, простенький вопрос Осипа: “Что, там другой выход есть?”

Нет? А зря!

Так, навыки по части улизнуть, не расплатившись, отписав свои долги “на счет доходов английского короля”, могли восприниматься слугой Городничего Мишкой в качестве навыков, приобретенных за время “разведывательно-контрразведывательной деятельности”.

В общем положение его видится Городничему “хуже губернаторского”: Ревизор приехал **ОТТУДА**.

Из **“КОНТОРЫ”**.

И в этом уже нет никаких сомнений. Значит, разбираться с городничим и прочими будут “по полной программе” – никакой “лабардан” не спасет!

И даже после того, как Городничего вроде бы даже убедили в том, что Хлестаков просит руки его дочери, из груди его вырывается: “*Да благословит вас Бог, а я не виноват*”. И наконец, выдох облегчения, смешанный с восторгом, обращенным к жене: “... с каким **дьяволом** породнилась!”

“Дьяволом”.

Да, **“контора”** в сознании Городничего и всех враз затрепетавших чиновников отдает некой инфернальностью. Так говорят в Городничем страх и трепет перед всемогущей **КОНТОРОЙ**.

Но вернемся к нашим масонам. Как после столь нехитрого умозаключения, что Хлестаков – представитель (как будут выражаться век спустя) “органов”, должен воспринимать градоначальник такой бесхитростный (для Хлестакова) вопрос:

“Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, **обществ**, где бы можно было, например, поиграть в карты?”

Городничий (в сторону). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух.) Боже сохрани! здесь и слуху нет **о таких обществах**. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?”

Одним словом, Городничий весьма чутко отнесся к вопросу Хлестакова как зондажу на политическую благонадежность и вполне оценил легкость и естественность, с которой такая проверка была осуществлена и прикинулся “самоваром”.

Думается, зрители “Ревизора” тоже вполне оценили этот намек Автора. Воспоминания об “известных событиях” были еще ох как живы!

Что ж, нам, ведущим оперативное дело “Ревизор”, оставлять масонскую тему не следует.

“Свинья в ермолке”

Часто спрашиваю себя: “А не слишком ли я увлекся поиском черной кошки в темной комнате, которой в ней, может быть, вовсе и нет?”

К чему все эти фантазии и подозрения?

К чему беспрестанно спрашивать себя, зачем появляется в отчете агента лекарь с говорящей фамилией Гибнер (Христиан Иванович)?

А что если бы попечитель богоугодных заведений Земляника не привел его на заседание кризисного штаба? Что изменилось бы в восприятии произошедшего?

Может быть, надо быть проще, уподобившись, например, В. В. Набокову?

Ведь он писал о нашем информаторе как о “сновиденческом писателе”. Одним сновидением больше, одним меньше...

“Знаменитый драматург, — ядовито замечает Набоков, — как-то заявил (по-видимому, раздраженно отвечая приставале, желавшему выведать секреты его мастерства), что, если в первом действии на стене висит охотничье ружье, в последнем оно непременно должно выстрелить. Но ружья Гоголя висят в воздухе и не стреляют; надо сказать, что обаяние его намеков и состоит в том, что они никак не материализуются”.

Персонажи, возникающие в монологах гоголевских героев, являются, по Набокову, сущими фантомами, гомункулами. Вот, пожалуйста: “На заднем плане того же действия появляется еще один персонаж: Хлестаков решает написать об этих странных провинциальных чиновниках своему другу Тряпичкину, грязному репортершишке, жадному и ядовитому писаке, умеющему осмеять всех, с кем он хочет расправиться, в своих грошовых злобных статейках. На одно только мгновение высовывается он из-за хлестаковского плеча, подмигивая нам и ухмыляясь. Он последний, кто появляется на сцене, впрочем, не совсем последний, потому что в конце концов возникает еще один фантом: гигантская тень настоящего ревизора”.

Ох...

Может быть, и Христиан Иванович Гибнер — человек, о котором мы не знаем решительно НИЧЕГО, из той же “набоковской” фантомной серии? Но спросим себя еще раз: “А для чего Земляника (по Набокову, “перезрелая, коричневатая земляника, попорченная лягушачьей губой”) притащил его с собой на архиважное совещание?”

Скажите мне, дорогой Ватсон, а если бы его имя было лишь упомянуто в разговоре с Городничим, изменилось ли от этого хоть что-нибудь? А то сидит себе молчком и только и делает, что издаст сокрушенно не то звук “и”, не то “звук “е”! И более не появляется.

Ватсон, задумавшись, пыхает сигарой, чувствуя, что у Холмса есть уже готовый ответ.

Есть он, пожалуй, и у меня. И натолкнула меня на него некая случайность, которой, как говорил мой коллега Порфирий Петрович, “в высшей степени могло не быть”.

Но сначала давайте разберемся с этим милягой-плутом (как принято считать) Земляником.

Раскрываем Досье:

Надворный советник VII класс, (чин штаб-офицерского ранга (старший офицерский состав) Артемий Филиппович Земляника.

Агент сообщает: очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Женат. Имеет пятерых детей (Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетя).

Ну да Бог с ним, с его происхождением. Нас другое интересует: уж такой ли он миляга, каким мы его привыкли видеть?

Давайте задумаемся, а сколько покойников, не получивших по милости Земляники и Гибнера “дорогих лекарств”, на их совести? Привет Татьяне Голиковой! Та тоже говорит, что в сельские больницы народ ложится, чтобы бесплатно покушать, а потому больницы эти нужно ликвидировать. Свежо.

И вновь предоставим слово Набокову: “В России гоголевской эпохи взятничество цвело так же пышно, как цвело оно и цветет повсюду в Европе, а с другой стороны, в любом из русских городов той поры проживали куда более гнусные подлецы, чем добродушные жулики из “Ревизора”.

“Добродушный жулик”, говорите?

Тогда давайте отследим поведение г-на надворного советника во время всей этой истории.

Первая реакция Земляники после закрытия заседания “кризисного штаба” вполне естественная: “В самом деле может случиться беда”.

Эпизод № 1. После приема в своем заведении, устроенного в честь Хлестакова:

“Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком”.

Оцените сей перл “не столько медикаментами, сколько честностью и порядком”.

С одной стороны, признание того, что обошлись **БЕЗ** “дорогих лекарств”, а с другой еще одна похвала себе – “честность и порядок”! (Лекарства, надо полагать, давно “сактированы”).

Эпизод № 2. Поведение после “представления”, устроенного Хлестаковым:

“Артемий Филиппович (Луке Лукичу). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение?”

Здравый подход: лабардан – лабарданом, а “телегу” в Питер все одно пошлет.

Эпизод № 3. (чиновники советуются, как представляться проспавшемуся после предварительного банкета лже-ревизору):

“Артемий Филиппович. Слушайте: эти дела так не делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует – чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните”.

Потом Земляника выпихивает вперед Хлопова.

В результате он идет на прием – **ПОСЛЕДНИМ**.

Что значит идти **последним**? Это значит уже идти по накатанной и хорошо проверенной дороге. Предварительная информация о настроении важной персоны уже имеется. Хитер, Артемий Филиппович! Ох, хитер.

Эпизод № 4. (Визит к Хлестакову).

Не считая Бобчинского и Добчинского, у Хлестакова с “официальным визитом” побывало четверо чиновников: Ляпкин-Тяпкин, Шпекин, Хлопов

и Земляника. А теперь прошу внимания и попрошу вместе со мной внимательнейшим образом прослушать запись беседы Хлестакова с “милягой” Земляницей:

“...**Артемий Филиппович.** Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я – признаюсь, это моя слабость, – люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (Помолчав.) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, – конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, – поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков (провожая). Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.) Эй, вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество...”

И как вам это всё?

Прошу заметить, ни Ляпки-Тяпки, ни Хлопов, ни Шпекин НИКОГО НЕ ЗАКЛАДЫВАЛИ. Земляника же ЗАЛОЖИЛ ВСЕХ!

Причем заложил, посещая ревизора ПОСЛЕДНИМ. Так что все рассчитано было точно: возразить на его ДОНОС и ПОКЛЕП Хлестакову будет уже НЕКОМУ. А запоминается, как учил нас Штирлиц, сказанное в последнюю очередь. В ФИНАЛЕ.

Теперь давайте проанализируем то, КАК именно Земляника закладывает всех.

Основное правило, известное нам благодаря д-ру Геббельсу, это то, что ко лжи нужно прибавлять немножко правды, тогда люди поверят даже в самую наглую ложь.

Однако Артемий Филиппович вывел для себя эту формулу за сто лет до первого пропагандиста рейха!

Смотрите: дела у почтмейстера в полном запустении, и эту информацию очень легко проверить.

Что касается судьи, то:

1. информация насчет охоты, травли зайцев и т. п. **абсолютно достоверна и проверяемая (свидетельскими показаниями).**

2. информация относительно связей с чужими женами и наличия у них детей, прижитых от судьи, частично проверяема (свидетельскими показаниями), но в части детей **НЕДОКАЗУЕМАЯ.**

А теперь **ГЛАВНОЕ:**

Боящийся своей тени Лука Лукич Хлопов Земляницей попросту **ОКЛЕВЕТАН.**

Тяжесть обвинений в отношении зрителя училищ, предъявленных Земляником Хлестакову, тянет на **ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**.

“Хуже, чем яkobинец”.

А вот это уже доказать весьма затруднительно, если вообще возможно. Однако для пущей убедительности Земляника готов подать на сей счет **БУМАГУ** за собственной подписью.

А **БУМАГА**, как известно, это уже почти **ПРИГОВОР**.

Итак, рассмотрим характер обвинений Земляника по степени их правдивости:

1. В отношении почтмейстера Шпекина (пьющего, похоже, горькую, на что Земляника не указал) она полностью **ПРАВДИВА**.

2. В отношении судьи Ляпкина-Тяпкина она **ПРАВДОПОДОБНА**.

3. В отношении зрителя училищ Хлопова от начала и до конца **ЛЖИВА**.

А теперь рассмотрим характер тех же обвинений по степени их **ТЯЖЕСТИ**.

1. В отношении почтмейстера Шпекина они грозят тому служебным несоответствием (полным или частичным).

2. В отношении зрителя училищ Хлопова они грозят ему **КРЕПОСТЬЮ** и **КАНДАЛАМИ**.

3. В отношении судьи Ляпкина-Тяпкина они не грозят ему в сущности **НИЧЕМ**.

И. А. Хлестаков дает Землянику такую характеристику: “совершенная свинья в ермолке”.

Стоп! Почему свинья – это как раз понятно и тривиально. Но отчего же “в ермолке”? Да-да. У всех это выражение на слуху – “свинья в ермолке”. Привыкли и не замечаем некоего тонкого привкуса. Что-то вроде “аппетит приходит во время еды”. Банальность? А ведь когда-то это считалось отменной шуткой!

А что такое ермолка?

Батюшки! Да это же КИПА!

Свинья в КИПЕ!

Что же получается: Земляника – **ВЫКРЕСТ**?

А как реагирует сам Артемий Филиппович на подобную ремарку?

“И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?”

Да, действительно: где вы видывали свинью в КИПЕ? Такого вот “кошерного хрюнделя”?

Смущен, ох, как смущен наш Артемий Филиппович! Неужто попал, Иван Александрович? Похоже, что попал.

Вот такие “волчьи ягоды” и будут через сто лет в условиях новой “ревизии” спасать свои шкуры, оговаривая других.

Ай да Земляника! Хороша ягодка!

ЯГода.

Ну и как вам сей “добродушный жулик” (по Набокову)?

Что же получается? Самым невинным персонажем, по Землянике, выступает судья-**МАСОН**!

Причем рассчитано все точно: какие-нибудь грехи за судьей все равно водятся, ибо, как говорит Городничий, “нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов”, а в делах судебных сам леший ногу сломит (оттого-то так и спокоен поначалу г-н Ляпкин-Тяпкин! Настолько спокоен, что даже пеняет Городничему шубой за пятьсот рублей, которую он подарил жене – “грешки грешкам – рознь!”). Да и Городничий завидует судьбе: “Это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует”.

А что, разве не мог Земляника сказать, что судья берет взятки (как минимум, “борзыми щенками”) или высказать мнение о неблагонамеренности судьи? Ведь говорил же Городничий в сердцах Ляпкину-Тяпкину: “Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите... А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются”.

И что же остановило Землянику от указания на сей неприглядный факт?

В конце концов, он мог просто оклеветать судьбу. Но... не стал.

Почему?!

А вот поэтому, милостивые государи, именно “поэтому”, Потому что и сам Земляника, скорее всего, “вольный каменщик”.

Повторяю: мы ничего однозначно не утверждаем и утверждать не можем, а лишь анализируем запись донесения агента. Для подтверждения наших по-

дозрений требуется уже дополнительная и уже не просто оперативная, а еще и оперативно-следственная работа.

— А какую роль играет в таком случае бессловесный лекарь Гибнер? — слышится из темноты голос доктора Ватсона.

— Элементарно, Ватсон, — откликается Холмс, стряхивая пепел из трубки. — Гибнер — это эмиссар. Скорее всего, из-за рубежа. Или даже из Петербурга. Но это менее вероятно. Уберите Гибнера, и тогда агенту не удалось бы сделать свой осторожный “месседж” нам с вами, равно как и Государю.

Впрочем, в одном из вариантов своего Донесения, исключенного впоследствии нашим Великим информатором из оногo, сообщается, что Гибнер всё же нанес визит Хлестакову. Диалог ведется весьма любопытно: Хлестаков задает вопросы по-русски, оговариваясь, что не силен в немецком языке, Гибнер отвечает ему по-немецки. Хлестаков просит у немца денег, но тот говорит, что денег у него нет. В доказательство сего прискорбного факта он достает бумажник и вытряхивает его. Денег в бумажнике нет. Однако взамен денег Христиан Иванович предлагает Хлестакову сигару (“из Риги”). Засим немец откланивается. (См.: Библиотека русской драматургии. Н. В. Гоголь. Изд-во “Искусство”, Ленинградское отделение, 1983. С. 376—377).

Так появляется по ходу действия сигара, которую Хлестаков предлагает впоследствии Хлопову. Откуда она взялась? Городничий вроде бы не курит, а табак Хлестаков уже весь выкурил. Помните?

“Хлестаков (ходит по комнате). *Посмотри, там в картузе табаку нет?*

Осип. *Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили”.*

Наверняка и Холмс, и майор Пронин, и неподражаемая миссис Марпл тут же ухватились бы за эту деталь. Однако для нашего расследования она особого значения не имеет. Нам важно понять другое: отчего агент исключил этот эпизод из своего Донесения? Дает оно что-либо для углубления понимания роли И. Х. Гибнера во всей этой истории?

Дает. Но мало. Да и вторичное появление бессловесного лекаря-немца никоим образом не противоречит “гипотезе мистера Холмса”.

Во-первых, было бы странно, если бы “эмиссар” не пожелал самолично посмотреть на пугающего всех Ревизора и “прощупать” его.

Во-вторых, денег он ему не дал бы, даже если бы они у него и были. С какой стати давать их этому прощелыге и вертопраху?

В-третьих, жалко денег.

А теперь, милостивые государи, о той самой “случайности, которой в высшей степени могло не быть”.

Помните, с кем сидел в крепости небезызвестный масон Новиков?

Он сидел с братом по ложе, который зорко наблюдал за своим подопечным, “как бы тот чего неразумного не выкинул”. Самое поразительное во всем этом то, что Государыня императрица Екатерина Алексеевна РАЗРЕШИЛА (и разрешала) подобное “совместное сидение” в одной камере виновного и добровольное невиновного.

Чудны дела Твои, Господи!

“Этот загадочный Коробкин”

Теперь уж я и сам не рад, что завел это оперативное дело. Темы всплывают одна за другой. Интересно, а нельзя ли выжать из донесения агента еще что-нибудь по части, скажем так, тайных обществ. Не может быть, чтобы означенные фигуранты где-нибудь еще не “наследили”!

Придется опять прокрутить запись с самого начала — такова уж работа оперативника. Раз за разом начинать все сначала под разными углами зрения. Нет ли каких странностей в самом начале?

Кстати, мы так и не выяснили, каким образом почтмейстер, перлюстрирующий всякую и всяческую корреспонденцию, узнал о грядущей ревизии от ... Бобчинского! Странно, не правда ли?

А откуда узнал Бобчинский? И еще одна странность: Городничий совершенно не удивляется тому, что Бобчинский узнает о ревизоре, хотя он не входит в число приглашенных на заседание кризисного штаба. Конечно, равнодушные (натуральное или видимое) Городничего к этому вопросу можно списать на нервозность царящей в штабе обстановки, и все же?

Городничий все же приходит в себя и, возможно, подозревая Ивана Кузьмича в перлюстрации своей корреспонденции, задает “контрольный вопрос”: “Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?” И тут же получает ответ: “Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится”.

Любопытно, вся поступающая информация почтмейстером “просеивается”, а письмо Городничему пребывает в “невинности”! Верится в такое с трудом, а подобные проговорки называются на языке сотрудников соответствующих органов “проколом”.

Каким образом произошла утечка информации? К слову сказать, утечка информации произошла и в Петербурге: Ревизор (настоящий, с большой буквы) едет по “именному повелению”, то есть по приказу, отданному самим Государем Императором! А как до нее добрался А. И. Чмыхов? Думаю, Николаю Павловичу было над чем задуматься! Хотя бы в части защиты секретной документации. Вот так – снизу доверху и сверху донизу – гуляют по России информационные сквозняки.

Но вернемся к нашему простодушному почтмейстеру. Может быть, Иван Кузьмич просто лукавит, утверждая, что узнал о ревизоре от Бобчинского, а дело обстоит как раз наоборот: это Бобчинский узнает о ревизоре от Ивана Кузьмича, который по обыкновению своему вскрыл письмо А.И.Чмыхова? Но почтмейстеру признаваться в перлюстрации писем, адресованных Городничему, явно не с руки, может, потому он и ссылается на Бобчинского, которого использует “втемную”?

Однако из Бобчинского агент-информатор “еще тот”: ни одно слово в нем не удерживается. А с другой-то стороны? Имеем тот человеческий материал, который имеем, – “отбросов нет, есть кадры”.

И с какой это стати Иван Кузьмич открыто признается в перлюстрации писем, да еще прибавляя, что видит в чтении их наслаждение?

Может быть, он читает их по ДОЛГУ СЛУЖБЫ? “Той самой”. СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ. А перед коллегами просто валяет ваньку. Маскируется. “Вот видите, как я люблю читать чужие письма!” Ляпкин-Тяпкин тоже открыто признается, что берет взятки борзыми щенками. А что мешает ему брать взятки не только борзыми щенками, тем более, что в его деле “сам Соломон не разберется”? Так часто признанием в малом грехе прикрывают куда БОЛЬШИЙ грех.

И не Иван ли Кузьмич “стукнул” “по долгу СЛУЖБЫ” (негласной) в Питер? Правда, недовольство Городничим в среде “гражданства и купечества” нарастает, и гипотетический донос, о котором говорит Антон Антонович на секретном совещании, мог исходить как раз от “гражданства и купечества”. Да разве только от него? Предают, как известно, только свои.

И еще: как четко, коротко, по-военному докладывает он Хлестакову! Через каждое слово “Так точно-с!” Ничего личного и ничего лишнего! Как будто докладывает высокому начальству в “штатском”.

Наводит на размышления.

Итак, нам предстоит выяснить, как “пренеприятное известие” стало достоянием Бобчинского. По его словам, вот как:

“Бобчинский. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, – так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Уж все, все, все знаю-с. Так я, изволиле видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем... Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: “Слышали ли вы о новости – та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?” А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву”.

Хороша фамилия “Почечуев”! (Отчего же не “Геморроев”?)

Ну что ж, кое-что как будто проясняется.

Если учесть, что ни Бобчинский, ни Добчинский не были приглашены на заседание “кризисного штаба”, то остается одно: Бобчинский просто-напросто ПОДСЛУШАЛ разговоры на секретном совещании. Странно, что Городничий не журит Бобчинского за то, что тот ведет себя “неэтично”. Возможно, ему в данный момент не до политесов.

Странно и то, как легко Бобчинский в этом признается! Впрочем, если учесть, что Бобчинский и Добчинский бывают в доме Городничего постоянно и являют собой род заведшихся на кухне мышей, снующих туда-сюда, то такое объяснение можно принять как рабочее. Тем более что жена Городничего приходится Добчинскому кумой.

И все же вопрос об Иване Кузьмиче как негласном сотруднике “спецслужб” с повестки дня снимать рано.

Впрочем, гораздо важнее в данный момент другое: к кому тотчас же побежал, узнав о предстоящей ревизии, Бобчинский? Первым в этом ряду числится Коробкин, вторым Растаковский. По всем правилам сыска мы обязаны взять их на заметку. Вполне возможно, что Бобчинский побежал к ним как к своим приятелям, а возможно и...

Раскрываем **Досье**:

“Иван Лазаревич Растаковский, отставной чиновник, почетное лицо в городе”.

Эпизод с Растаковским, наносящим визит Хлестакову, так же как и эпизод с Гибнером, исключен агентом из Донесения. Диалог был, впрочем, весьма для нас информативный.

Растаковский служил еще при Румянцеве-Задунайском и является, таким образом, отставным чиновником весьма преклонных годов. Как многие люди, дожившие до весьма почтенных лет, заговаривается и говорит о вещах, к делу, с которым он пришел к чиновнику из Петербурга, совершенно не относящихся.

Все просьбы Хлестакова дать ему займы оказываются тщетными: сначала Растаковский явно не понимает (или прикидывается, что не понимает), чего от него требуется, а потом сам выступает в качестве просителя надбавки к пенсии. Кстати, прошение свое о прибавке к пенсии он направил еще тридцать лет назад и с тех пор все ждет резолюции из Петербурга. (См.: Библиотека русской драматургии. Н. В. Гоголь. Изд-во Искусство, Ленинградское отделение, 1983. С. 373–375).

Нет, Растаковский нам решительно не интересен.

Теперь о Коробкине.

“Степан Иванович Коробкин, отставной чиновник, почетное лицо в городе”.

Не густо. Но знак вопроса против их имен мы поставим. Они попали в поле нашего зрения. Теперь будем просеивать информацию об этих персонах.

Второй раз имя Коробкина звучит у Бобчинского после представления, которое Хлестаков устроил в доме Городничего:

“Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину”.

Здесь фамилию “Коробкин” мы подчеркнем красным карандашом, ибо звучит она в связке с “вычисленным” нами уже масоном Ляпкиным-Тяпкиным.

Это тоже еще мало о чем говорит: город маленький и все друг друга знают.

В третий раз информатор зафиксировал **Растаковского и Коробкина** в компании **Ляпкина-Тяпкина и Земляники** на приеме у Городничего по случаю окончания “ревизии” и мнимой помолвки Хлестакова с Марьей Антоновой.

Примечательно поведение Коробкина при появлении почтмейстера, вскрывшего письмо Хлестакова к Тряпичкину. Он постоянно находится вблизи читающих это оглушительное послание, наконец, начинает читать его сам. Хочет иметь информацию из первых рук? Не ясно, прочитал ли он характеристику, данную Ляпкину-Тяпкину Хлестаковым, до конца:

Коробкин (продолжает). **“Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...”** (Останавливается.) **Должно быть, французское слово.**

Все.

Итак, что мы имеем на Коробкина?

1. При получении важной информации Бобчинский бежит в **ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ** к Коробкину и масону Ляпкину-Тяпкину. Это повторяется **ДВАЖДЫ**.

2. Коробкин всегда появляется в компании основных подозреваемых (Ляпкин-Тяпкин, Земляника).

3. Коробкин стремится максимально приблизиться к источнику информации (чтецу злополучного письма Хлестакова, что, впрочем, неудивительно:

интересно-то ВСЕМ), затем зачитывает письмо САМ, то есть получает информацию в неискаженном виде.

“Мутный” дядя. Тихий – тихий, а оказывается в нужное время в нужном месте.

Всегда оперативно информирован и всегда в сторонке (“не при делах”).

А теперь взглянем на фотографию “Немая сцена”.

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и запрокинутой назад головой... По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!” За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Коробкин **ЕДИНСТВЕННЫЙ**, кого не охватывает **СТОЛБНЯК**. Так он и зафиксирован “с прищуренным глазом и едким намеком на Городничего”.

Повторюсь, “мутный” персонаж.

Не слишком ли часто он “засвечивается”?

И не он ли в масонской иерархии Города **ГЛАВНЫЙ**?

А что если Коробкин внедренный (в масонские ложи) тайный АГЕНТ правительства, информирующий “Центр” о положении дел?!

Нет ответа.

Ох уж эта “Немая сцена!”

Сколько всего сказано про нее, сколько всего написано.

А если взять да и прокрутить сон, привидевшийся накануне получения “пренеприятного известия” Городничему?

Помните?

“Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь”.

И я полез в сонники – даром, что ли Николай Васильевич был великий мистагог! Знаменитый “Сонник” Мартына Задеки по поводу крыс не говорит ничего. Зато другие, включая сонник, приписываемый Симону Зилоту (Кананиту), толкуют крыс в качестве символа врагов. Убить крысу – означает победить врага.

Две крысы – два ревизора: один фальшивый, другой настоящий и оба “черные, неестественной величины” (“У страха глаза велики”).

Крыс Городничий во сне не убил. Но и они не причинили ему ни малейшего вреда: пришли, понюхали – и пошли прочь.

Вот вам и “всемогущая **КОНТОРА**”...

И после всего этого мы все еще называем “Ревизор” **комедией**?!

Грустно на этом свете, господа.

ЗАНАВЕС.

ЭПИЛОГ

А теперь вернемся к вопросу о том, отчего Николай Павлович трижды смотрел “Ревизора”. Известное дело – Царь идет в комедию, и все идет в комедию. Иначе могут и не обратить на нее **ДОЛЖНОГО** внимания. Войдем в его тяжкое положение: что может он при всем кажущемся всесилиии “спецслужб” и своей, якобы, неограниченной мирскими учреждениями власти?

Лишь грозить тайной полицией, а более – увещевать.

“Подмораживать Россию”.

И как тут не вспомнить исполненную трагизма речь Князя из последнего Донесения агента – второго тома “Мертвых душ”?

“... Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды: она слишком уж

глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий гражданин несет все и жертвует всем, — я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово “благородство”. Что тут говорить о том, кто более из нас виноват! Я, может быть, больше всех виноват. . .

. . . пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, — хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды. Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь к вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва. . .”

На этих словах, как известно, Донесение обрывается.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

“ПОЭЗИЯ МОЯ ПРОСТА, КАК ХЛЕБ С ВОДОЙ...”

Два года назад в сентябре, через несколько дней после своего 95-летия, ушёл из жизни поистине народный поэт Виктор Боков.

Дальневосточный город. Лютая зима. Незабываемое детство.

На окне – замысловатые узоры, нарисованные морозом. За окном – ранняя вязкая тьма, посвисты метели. Но потрескивает огонь в печи, и от этого в нашей тесной кухоньке тепло и уютно.

У печи хлопочет бабушка, жарит на ужин любимые мной пирожки с капустой.

Тихо мурлычет репродуктор. Задушевный женский голос заводит песню:

*В этой вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.*

Бабушка добавляет громкость и, не переставая стряпать, внимательно слушает.

Я знаю, она родилась на Волге, в Самарской губернии, это совсем недалеко от Оренбуржья. А дедушка и вовсе был из-под Оренбурга. В военное лихолетье судьба занесла их на Дальний Восток, да так и остались здесь. Но дедушки уже нет... А у бабушки от песни на глазах посверкивают слезинки.

В детстве я думал, что песня “Оренбургский платок” была всегда, что она – народная, и только став взрослым, узнал: автор слов – поэт Виктор Боков. И, конечно, я не мог и предположить, что не однажды встречу с Виктором Федоровичем.

1

Осенью 1992 года я впервые оказался в Доме творчества писателей в Переделкине.

Перед ужином вышел в “предбанник”, где был городской телефон. Здесь же стояли старый диванчик и несколько кресел, покрытых кожей. На нём классики и неклассики отечественной литературы дожидались очереди, чтобы позвонить, и просто отдыхали, беседа.

Бухнула входная дверь, и в Дом творчества вошел мужчина в ладно сидящем на его фигуре плаще, на голове — большая, я бы сказал, модная шапка. Он был явно в возрасте, но пожилым никак нельзя было назвать: движения быстры, глаза светились. Когда же заговорил бодрым, задорным голосом, вопрос о его годах вообще исчез из моей головы.

Пришедший поздоровался со всеми, кому-то пожал руку. Кресла были заняты, и он присел на диванчик около меня, предварительно стряхнув дождевики с плаща и сняв кепи. Волосы были с густой сединой, но прическа ещё довольно буйная.

— Откуда приехал? — спросил он меня.

— Из Белгорода.

Глаза собеседника еще более оживились.

— А я у вас бывал! В шестидесятых годах меня приглашал Белгородский пединститут. Такие теплые встречи были! Я — Виктор Боков, — и поэт протянул руку в знак знакомства.

Уже не помню, в тот ли день или в другой, Виктор Федорович оказался в моей комнате, много рассказывал, читал стихи. Попросил почитать и меня. От волнения строку своего стихотворения “Мать и сын” я прочитал так: “Сгубил березу — больно вкусен сок”. Поэт сказал: “Сладок сок” будет точнее”. А у меня так и было написано.

А вот в стихотворении “Под Рождество” Виктор Федорович подсказал последнюю строку. У меня было:

*Дай-кошь в хате подмету:
Ежели пожалует
Неароком ночью смерть,
Так и быть, приму.*

Поэт посоветовал сделать: “В чистоте приму”. В такой редакции “Под Рождество” и печаталось потом в журналах и книгах.

На следующий день в Переделкино приехал руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов. Я рассказал, что познакомился с Виктором Боковым. “Давай пригласим его к нам на Дни литературы”, — загорелся мой друг. И на следующий день к полудню мы направились к поэту.

Небольшой бревенчатый двухэтажный дом, покрашенный в зеленый цвет, с островерхой крышей. Невысокий забор из досок. Сад с яблонями, на которых кое-где еще краснели плоды.

Нас встретила хозяйка — приветливая, словоохотливая, русской, хотя уже и осенней, красоты. Я знал, что её зовут Алевтина Ивановна. Дело в том, что когда-то я приобрел сборник Виктора Бокова “Алевтина”, в котором все стихотворения были об этой женщине. Также помню, какое душевное неприятие вызвала у меня публикация об этой книге в одном столичном журнале, кажется, в “Новом мире”. Она была написана от имени так называемых читателей, хотя явно организована, возмущавшихся, что-де в наше бурное время строительство коммунизма поэт сюсюкает по поводу чувств, недостойных этих самых строителей.

Алевтина Ивановна провела нас в столовую. По деревянным ступенькам со второго этажа, видимо, из рабочего кабинета спустился Виктор Федорович. Поздоровался. Воскликнул:

— О, гости из Белгорода!

Тут же на столе появилась ваза с яблоками, банка с медом. Хозяйка поставила перед нами чашки с пахучем чаем.

Поэт расспрашивал о Белгороде, о легендарной Прохоровке, еще раз вспомнил поездку в наш край. А вот на Дни литературы приехать отказался, сославшись на занятость и здоровье.

Расставаясь, он подписал мне и Володе по новой книжке “Стою на своем!”. На моем экземпляре такие слова: “Валерию Черкесову — коллеге, пришедшему в мой дом, знающему мои стихи”.

Рассказал поэт и как эта книга вышла. В то время государственные издательства уже разваливались, и сборник увидел свет благодаря почитателям творчества Виктора Федоровича. Какой-то предприниматель, кажется, из Сергиева Посада — родины Бокова, вложил в издание деньги и весь пятитысячный тираж подарил автору.

“Стою на своем!” я прочитал в тот же вечер. Ни в одной из предыдущих книг не было так много биографических подробностей — о пребывании в ГУЛАГе, куда Виктора Бокова сослали по ложному обвинению, о дружбе с Андреем Платоновым, о проводах Марины Цветаевой в Елабугу, о поддержке его, молодого поэта, Борисом Пастернаком, о любви к поэзии Сергея Есенина... А еще вот о чем, — несмотря ни на какие удары судьбы, поэт говорит:

*И, однако, я пел Россию,
Был готов ей во всем помогать.
Если рухну и руки раскину,
Я не буду её ругать.*

И о том, как он определяет свое творчество:

*Поэзия моя проста, как хлеб с водой,
Как самые привычные понятия.*

В “Литературной России” в одном из летних номеров за 1994 год была напечатана подборка Бокова. Открывалась она стихотворением “На Прохоровском поле”:

*На Прохоровском поле — зелено!
Мир, тишина. Душа пришла в восторг.
Горохом ныне поле всё засеяно,
Где кровь лилась — растение растёт.
Я радуюсь и плачу, стоя на поле,
Где было столько крови и потерь.
Та девочка, которая здесь плакала,
Жива! И внуков пестует теперь.
Жив тот танкист, который был в сражении,
Сирень бушует у его крыльца.
Он косу взял при мне и с уважением
Пошел косить, лишь пот летит с лица.
О, Русь! Ты трижды рублена и латана.
Твой путь равнинный непомерно крут.
Но ты не любишь хныканья и ладана.
Едва из боя, ты скорей за плуг!*

Когда я прочитал, то почему-то подумал: а не написалось ли это стихотворение под впечатлением той нашей встречи в Переделкине?

2

Будучи в Москве осенью 1999 года, я купил в магазине на Арбате небольшой сборник Виктор Бокова “Стихи из Переделкино”, изданный к 85-летию поэта. С удовольствием читал серьезные и озорные строки, дышащие душевным здоровьем и молодостью. Предисловие к книге написал поэт Александр Бобров, который неоднократно бывал на Белгородчине. Приятной неожиданностью было и то, что оформил издание известный фотохудожник, уроженец Белгородчины Павел Кривцов. Что еще удивительно: снимки он сделал 5 августа 1999 года — значит, очередную годовщину освобождения Белгорода от немецко-фашистских захватчиков Павел отмечал вместе с Виктором Федоровичем на даче поэта.

О “Стихах из Переделкино” я написал в областной газете “Смена”, напечатал в ней и стихи Бокова, а номер с публикацией отправил поэту. В конверт вложил и свою книгу “Крестный путь”. Через какое-то время пришло письмо, напечатанное на старенькой машинке с западающими буквами, тщательно направленное шариковой ручкой. Привожу его с небольшими сокращениями:

“Дорогой Валерий!

Твоя бандероль принесла мне радость. Я раскрыл книгу, подаренную мне, сразу всю её пролистал, везде с ходу “попробовал” и понял, что это настоящее. Я так расволновался, что сразу написал ответ в стихах.

Рецензия, вернее, боковское “окошечко” получилось очень емко и убедительно. И выбрал ты то, что надо.

Конечно, я прочту всю книгу внимательно и ответственно. Я предвкушаю, что она прозвучит для меня трубным призывом в поход.

Я активно каждый день пишу. Пишу без оглядки и страха. Чего мне теперь бояться, если я и при Сталине не струсил и в застенке писал, и бродя после отбытия срока по Руси, не кривил душой. Премий у меня никаких, но люди на мои вечера ломаются. Это и есть моя премия.

Вот-вот сдам новую книгу, для которой придумал неожиданное название: “Стихи от Виктора Бокова – для вас”.

Спасибо за книгу.

Счастья, работы в новом году!

Обнимаю как друга!

Твой, ваш Виктор Боков”.

В конверте был еще один лист со стихотворением. Вот оно:

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Валерию Черкесову

*Мне приснилась божья милость,
Кто-то горсть орехов дал.
Это ты ко мне явилась?
— Милый! Ты не угадал!
Ангел пролетал над крышей,
Я спала и ты дремал.
Хорошо, сосед наш вышел
И для нас подарок взял.
Сели мы. Грызем орехи,
А тужили: нет нам льгот!
Доброта, надев доспехи,
Вместе с рыцарем идет!*

28 января 2000 года.

Не ведаю, печаталось ли это стихотворение в каких-то книгах, — я не встречал. Письмо Виктора Федоровича я время от времени перечитываю: не так-то часто доводилось и доводится слышать добрые слова о том, что делаю, чем живу.

В свою очередь я откликнулся на стихотворение, посвященное мне. Вот что написалось:

*На даче у Бокова яблони рясно цветут,
И воздух пьянит, голова просветленно кружится.
Здесь вольные птицы нашли и покой, и приют,
И, благодаря, заливаются звонкие птицы.*

*И годы, и беды хозяина гнут не согнут...
Запомню поэта улыбчивым, гордым и статным.
На даче у Бокова яблони рясно цветут,
И значит, по осени быть урожаю богатым.*

3

Так получилось, что о творчестве Виктора Бокова нет серьезных и обстоятельных исследований. По крайней мере, мне таковые не попадались. Даже Владимир Бондаренко в своих книгах “Серебряный век простонародья” и “Последние поэты империи”, как бы итожащих советский период литературы, не удосужился написать об истинно народном поэте.

Редко его книги выпускаются да малыми тиражами. До провинции они не доходят. А ведь поэзия, которая проста, как хлеб с водой, в первую очередь

необходима тем, кто возделывает “хлеб” в многозначном понятии этого слова — народу, им будет воспринята и оценена.

Впрочем, такое невнимание критиков и издателей объяснимо: в советские времена боковские песни, и не только “Оренбургский платок”, но и “На побывку едет молодой моряк”, “Лён, ты мой лён” и многие другие, широко исполнялись, они пелись народом, но поэт не был близок к писательской верхушке, не являлся с сильными мира сего, а значит, не получал ни наград, ни премий. Критика его порой называла частушечником, а то и еще уничижительней — балалаечником. Ныне о поэте писали и пишут его ученики и те, кого он поддерживал в творчестве и жизни: Лариса Васильева, Валентина Коростелева, Станислав Куняев, Владимир Дагуров, Геннадий Красников, Александр Бобров и другие. В свое время я слышал самые теплые слова о Викторе Федоровиче от поэта Бориса Примерова, который прекрасно знал современную поэзию. А уж в чём, в чём, но в неискренности и подобострастии Примерова заподозрить было нельзя.

Запомнился мне и разговор в начале 90-х с поэтом Николаем Старшиновым в редакции редактируемого им тогда молодогвардейского альманаха “Поэзия”. Когда я рассказал Николаю Константиновичу о своем знакомстве с Виктором Федоровичем, мой собеседник выразился примерно так: “Боков — поэт, рожденный самой природой. Он, как стихия, неудержимая, изумительная, порой непонятная. Принесёт в альманах десяток стихов. Из них пять плохих, три хороших, два гениальных. Вот по этим двум и надо судить о его таланте”.

Возможно, я несколько ошибся в названном количестве плохих, хороших и гениальных стихов, но за точность оценки, данной Старшиновым, ручаюсь.

В той же книге “Стою на своем!”, подаренной мне поэтом, среди стихов разных вдруг блеснет поистине лирическая жемчужина:

*Становлюсь я всё проще и проще,
Все бесхитростней день ото дня.
Не поэтому ль иволга в роще
Останавливает меня!*

*— Далеко ли? — Да вот за грибами,
Встал, поел, прихватил кузовок.
Стал беседовать с лесом, с ручьями,
Ни словечка от них — на замок.*

*Птица иволга мило на дереве
Разговаривает кивком:
— А грибы твои в ивовом тереме
Как жар-птица с Иван-дураком!*

*— Я и сам, дорогая, Иванушка,
Простофилюшка-простота.
Все богатство мое — полянушка,
На которой растет красота.*

*Грузди белые, рыжики рыжие
И лимонная прожелть ояты.
А еще сыроежки бесстыжие
Как окрашенные стоят.*

*Кузовок наполняется дивом,
Даровщинкою, чудом лесным.
Пахнет хлебом печёным и дымом,
Пахнет печкою, домом родным!*

Вот поэзия, как говорится, высокой пробы. А наивысшая награда поэту — поистине вселюдская любовь: его песни, его стихи ушли в народ и стали частью нашего народа.

г. Белгород

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

ОПАСАЯСЬ РУССКИХ ВОПРОСОВ

(Александр Блок глазами Влад. Новикова)

Один близкий Блоку человек (кажется, Княжнин; был такой) писал о поэте: он хорошо сам знал, где в нём кончается русский и начинается немец. Ну, домыслим: русское — этот порывы и размах, это наша воля (не психика, а союз свободы и простора), и даже разгулы-загулы

— пить вино, смеяться с милым другом, —

даже мятежность. А немецкое? Тут подумаешь, что оно начиналось с фамилии: мол, немецкое слово **Block** значит колода, дубина, пень. Но забегать вперёд не будем, а друг поэта указывал на иное: что Блок скрупулёзнейше подсчитывал денежные траты, цены и гонорары, всё заносил себе в книжечку, вёл дневниковые записи в амбарных по виду тетрадах, всё: и бытовое, и страстно-пылкое — отражал там же каллиграфически-бухгалтерским почерком. Предчувствуя скорую смерть, он тоже крайне деловито изничтожал эти записи, с ножничками и клеем в руках и т. п.

А в стихах всё так бурно, там всё она —

о, весна без конца и без краю!..

Есть и иные мнения о двойственности бескрайнего Блока: мол, он прошёл по родимым ему русским просторам в каких-то голландских ботфортах. Так думал Есенин.

Допустим. Что ни говори, а Есенин-то на такой суд право имел; имел на нерусскость и чутьё. Ну, а воспел-то Блок наши поля — именно с голландской нотой или с какой? Нерусское — разве обязательно голландское или немецкое?

Начинал он с мелодики Фета и Жуковского, потом увлёкся сухо-истощными возвышенными страстями Владимира Соловьёва. (Вечную женственность, ту пел якобы в духе даже Гёте.) Потом Блок гражданствовал: и по Некрасову, и по Надсону; ну, и просто сам — обгоняя и превосходя многих. Вы читали “Фабрику” или “Двенадцать”. Между ними Блок же создал весьма проникновенный цикл “Родина” — про обречённых на войне, про вечно обречённых русских, про загадочную “татарскую волю” у нас в душе, в свете чего потом —

*Те, кто достойней — Боже, Боже! —
Да узрят Царствие Твоё!*

Цитирую на память, но что помню надёжно — так это то, что Блок почти всегда на подобное уповал. Да это и все запомнили.

* * *

И вот в 1918 году (или уже в 1917-м), как заметил лет через десять после того Маяковский, — **кругом тонула Россия Блока**, а Блок всему этому говорил своё заупокойно-стоическое **хорошо**. Он пожар наш, не без оснований сочтя его недораспылавшимся мировым, принял почти бестрепетно. Он радовался переполоху среди сытых, срыву покоя среди интеллигентов-пустословов, приспособленцев, разложенцев и сеятелей разложения. И Блок не раба — он несколько лет, с 1916 по 1921, добросовестно **выдавливал из себя по капле господина**. Он ценил даже само слово “товарищ” — правда, не без театральности в тоне, когда его выговаривал.

Он при этом — да и за все эти годы — перегорал и надорвался: что в упомянутом пожаре, что в вине, что в борделях (фи), что

*В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву,*

что в схватках-приступах весьма неприличных болезней, что на приёмах-разносах у “марксистских генеральш” (так он звал бывшую подругу Горького — Марию Фёдоровну Андрееву). Надорвался Блок и в муках и от того, что не всё задуманное сбылось по плану. А ведь им продумывались, отчасти по-немецки, все мелочи, просчитывались без колебаний все жертвы. Повторим: **жертв он не боялся, а свои собственные лишения считал заслуженной карой за свой же блуд**.

В личной жизни — ему вроде бы повезло; ему достались чуть ли не четыре возлюбленные-музы; детей не было, но к жене, весьма часто ходившей — неужённая — по рукам, он не испытывал отвращения, так что с этой стороны дом ему не казался преисподней. Это ведь правда везение? Но и такой человек — перегорел и умер. А жить бы и жить — толерантным Филимону-то с Бавкидой. Правда, в гражданскую им было холодно и голодно. Однако многие голодали-холодали и сильнее, намного сильнее.

* * *

Кончина поэта пришлось на 1921 год (девяносто лет назад: не ноябрь, правда, а август). Кончилось-таки в Блоке всё: и немецкое, и русское.

Впрочем, что мы: почему же оно кончилось? Разве оно только физично-биологично — и оттого, естественно, тленно? Разве оно не звучит сладостно-истомно — подчас даже истощно — из блоковских стихов до сих пор?

*Раздарить цветов чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти...*

И разве то, что бегло и исподволь обозначенный Октябрём 1917 года **Исус Христос** — он впереди, разве это тоже кончилось? Разве оно не оказалось верным навсегда? А ведь расслышал это в Октябре — Блок, и сообщает это и сейчас.

Не столь уж маловажно, но постараемся миновать пока одно: находя в Христе и “грешность”, и таинственность, и **женственность**, и артистичность (а находил), Блок, вероятно, и **самого себя был готов ощутить Христом**. . . как Евтушенка в “Бабьем яре”. Но вот что ещё насущно: разве только русское и немецко-голландское звучит в Блоке сегодня?

Русское — оно есть:

*Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю.*

Это ведь о России. Да, раньше не любил — ибо рос “в парке дедов”, в мире дачников; но заодно с Русью пьяной — полюбил всё (бывает). Однако что вот ещё звучит у Блока? Что ещё звучит в его собственно любовных песнях? (“Русь-жена” — не есть собственно любовное; оно похоже на наполеоновское отношение к Москве как влекущей азиатке, но тут Блок и не блудодей и не собственно француз.)

Стихи Блока собственно любовные — они вот правда: они источают сладостную, до чрезвычайности высокую ноту артистичных похотей. Это так мощно и вместе тонко звучит в словах и млениях, что и сам поэт как личность кажется — по крайней мере дамам — брутальнейше оснащённым самцом, гением изошрённо управляемого вожделения.

И это всё тоже не ушло, оно звучит и по сегодня, хотя брутальных наследников-мужчин у Блока не оказалось.

* * *

На счёт такого блоковского артистизма опять есть разные мнения. Например, некий попутчик Блока — ну, в “общественном транспорте” — по-розовато-вьедливо присмотрелся однажды к поэту и спросил: **да вы — мужчина? или вы — переодетая женщина?** И Блок поёжился от злой зоркости соглядатая. Вот одна из разгадок его двойственной, женско-мужской сладоточивости и привлекательности:

*Ты сомнёшь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конём —*

— это ведь не Анна Горенко, податливо-гибкая тростиночка, тянется к какому-нибудь мичману, а у того упорно-тупой лошадиный или жирафоподобный лик. Это именно Блок ощущает и луг, и цветы, и коня, как томная, ждущая женщина. Столь блистательно постигая и выражая даму с траурными перьями и т. п. — кто же он сам, Александр Блок?

Нам в ответ тут же сошлются на мужчину Флобера, на его женщину Эмму Бовари. И тогда Блок, скажет кто-то, хотя бы и отчасти, но всё-таки француз? И, мол, не это ли важно, среди прочего, распознать в Блоке сегодня?

Однако вот ещё толкование для той же неуловимости, неуравновешенности-неоднородности.

* * *

Книга, на которую я в дальнейшем буду походя откликаться, — это недавнее издание:

*Владимир Новиков. Александр Блок.
Серия “Жизнь замечательных людей”.
Молодая гвардия, Москва, 2010.*

Книга эта не касается нашей темы прямо — что, кстати, само по себе весьма знаменательно и даже “эвристично”. Но вводно я всё-таки замечу, хотя и не без дальнего прицела, следующее. Её, названную книгу о Блоке, вручил мне один мой знакомый у памятника иностранцу Эрнсту Тельману. Для кого как, а для меня важно. Ну, автобиографически.

Тельману — не Гельману. И памятник — он не Розе Люксембург, конечно, и не Кларе Цеткин; но всё же, всё же, всё же, как говаривал родившийся сто лет назад Александр Трифонович. И около того памятника мне вспомнилось нечто из области, которая на иных — наводит страх.

* * *

Был 1971 год. Я ехал из рукописного отдела Пушкинского дома куда-то к Финляндскому вокзалу Ленинграда — и не помню, почему туда. Но в голове как

раз плавали блоковские строки, блоковские даже текстологические закавыки. Ибо мало того, что там, в питерских архивах, я нашёл изобилие ранее “не включавшегося” и опасно укrywавшегося от читателя. Ранние издания стихов и дневников Блока оказались не только что неполны – они ещё были и ужасающе безграмотны. (Неужели они и дальше будут такими же? Если да, напишу, снабжу это развёрнутыми портретами жуликов и недоучек.) В общем если плане, то я этого уже как-то касался: то была якобы петербургская учёность и надменность, но она оказалась, на проверку, сильнее. . . оленингражена.

Действительно: с какой стати издатели-толкователи Блока его искажают? Блок вот пишет, вслед за Овидием: **вдохновение влечёт меня воспеть формы-идеи, переселяющиеся в новые тела**. Чисто платоновская, казалось бы, стихия. Ну, да не мне вас учить. А Владимир Шапиро-Орлов утверждает, вполне в духе тогдашнего истмата-диамата, будто это **преображение тел в новые формы**. С какой стати? Перед тобой Индира Ганди, а ты говоришь: Фидель Кастро. И терпеть такое – доколе, о Катилина?

Но Орлову неймётся. Блок пишет к своим стихам эпитафия из Апокалипсиса, по-гречески – мол, не какой-нибудь Иоанн, а **Я увидел новое небо и новый, ужасно-украшенный Иерусалим в сиянии Бога**. То есть получается или же предчувствуется, что грядущее всемирное обновление суждено свидетельствовать Блоку **самому**. А Орлов-Шапиро, не выдавший по-древнегречески и аза в глаза, гонит перевод по другому, Блоком сознательно отвергнутому источнику, хотя тоже вроде по Апокалипсису. Там сказано: **и я, Иоанн, увидел**. . . Есть разница или нет – в свете будущих-то “Двенадцати”?

Или вот ещё: в “Судьбе Аполлона Григорьева” Блок, следуя своему герою, германствует. Как и забубённый поэт цыганских венгерок и проч., он пишет:

O Mitternacht, erwardigste, tiefe Mitternacht – что говорили в старых общинах. . .

То есть – вы же, батенька, понимаете? Вы понимаете, насколько это – если по-немецки – безграмотно и бессмысленно?

Однако как именно поправить и прокомментировать, тут оставалось загадкой. И вот стою я в ленинградском троллейбусе, вижу рядом кучку аккуратных немцев – явно западных – и обращаюсь к одному из них:

– Уважаемый, мол, господин, извините. Я вот издаю сочинения одного русского поэта – кстати, он из немцев. . . Так вот: верно ли я понимаю, что слова такие-то о великочтимой глубокой полночи раньше печатались ошибочно и безграмотно? (И я цитирую.)

– Да, вы правы. Так по-нашему сказать нельзя. Как именно надо было бы – я и сам не знаю. Но кстати: вашего поэта звали-то как?

– Александр Блок.

И тут произошло то, что я до сих пор особенно чётко помню. Серые глаза собеседника как-то строго похолодели. И он твёрдо, не допуская сомнений, отчеканил:

– Блок – не немецкое имя.

– Но он из Германии. Они обрусели. . .

– Фамилии Блок у немцев – нету. . .

Я остался на остановке у Финляндского один, остолбеневший. И долго стоял я в обиде, себя проклиная тайком. Ведь я понял его, немца, намёк – а сам ведь был воспитан каким? Сугубым советским интернационалистом. И только через год, когда Берта Яковлевна Брайнина, вечная спутница позднего Дмитрия Дмитриевича Благого, начала восклицать в беседе со мной:

Да не может быть, не может быть! –

только тогда Дмитрий Дмитриевич – по Мандельштаму, он был **ходя в ермолке** – спокойно ответил:

– Ну нет, милочка, может. И ещё как! А Фет? А Гейне, а Песнь песней? Вот таков ведь и лиризм Блока! Что думаешь: случайно? И было всё равно, какие лобзать уста. . . И мой любимый, мой князь, мой жених, и родинка пунцовая возле такого-то плеча, как у блудливой Катьки – это всё по Песни песней, милочка. А революция-Дева? А Россия как жена?

Так говорил Благой. Его призывали всеблагие как собеседника на пир. И покривить душой перед ними – Благой не мог.

* * *

Поменьше шовинизма! Никакие двести текстовых поправок – их не меньше этого в шеститомнике Блока 1971 года, – где немало, впрочем, и моих собственных промашек и ляпсусов, – они не докажут, что мы хотим Блока и воспетую им Деву-Революцию унижить по национальному признаку. Да, я писал потом дважды или даже трижды о любопытнейшей – немецкой якобы – родословной русских Блоков (известия АН СССР; альманах “Прометей”; моя собственная “Прошлое и настоящее”). Да, печатал и наш журнал – то есть “Наш современник”, 1990, № 8 – статью “Искажённый и запрещённый Александр Блок”. Но зачем шовинизм? Это как-то... ну, не по-русски.

И я решительно не согласен со Станиславом Куняевым. Пускай то удачное название – Александр Блок искажённый и запрещённый – придумал для моей статьи именно Куняев. Однако почему он говорит холокост, а не холокауст?

Явление и слово – древнегреческие, и незачем их осовременивать и офранцузивать: таких были тыщи повсюду. Ведь не делают этого, произнося греческое слово верно, ни любимые Станиславом венгры, ни искренне уважающие Куняева за правду поляки. У них у всех – холокауст, а не холокост. (А вы – читайте его книгу “Жрецы и жертвы **холокоста**”.) Таким образом, ба-теньки, вы что: языков не знаете? Тогда не пишите о Блоке.

И с Куняевым я не согласен **принципиально**, хотя главное для нас всех – это, конечно, терпимость; и особенно – это **общевропейский дом терпимости**, сложившийся ныне. Его судьбами мы и озабочены. А также принципиальная неправда и то, будто Солженицын взял из моих работ о родословной Блока указание на его “подлинную” якобы национальность.

Вы, пожалуйста, смотрите об этом труд “Двести лет вместе”; а я – не смотрел его и не буду; но зачем русскому шовинизм и ксенофобия?

На национальность ни Блока, ни самого Александра Исаича я нигде не указывал. Зачем нам литературная власовщина и вечное её приспособленчество – то к Троцкому и Ленину, в письмах с фронта, то к заказам от МГБ в лагере, то к западноевропейской демократии, то к русскому патриотизму и к монархии-империи?

* * *

Безграмотно, прискорбно, вертляво – и... позорно.

Так себя – против воли, конечно – аттестует перед умным читателем и Володька Новиков, если только это именно он написал после книги о Володьке Высоцком нынешнюю книгу про Александра Блока.

Знал я когда-то такого умного живчика – студента и аспиранта с филологического, бонвивана и бражника из общежития; отчислили его когда-то церберы Московского университета – то есть сделал это самолично тогдашний декан А. Г. Соколов. Володенька! Помните меня?

Скажем ниже и о блоковской книге Влад. Новикова.

* * *

О, автор нынешней книги про Блока знает русскую поэзию намного лучше, чем кто-либо ранее из писавших книги про Блока. О, он знает дело, он чувствует, он рассуждает пластично, уверенно и умело.

Но он боится правды о Блоке. То есть чует её – и трепещет. **Революция приносит много жертв. В революции много зла, и Блок этого не осознал вовремя. Революция, мол, на деле-то и не нужна была России...**

Как... величаво-плоско! Во-первых, Блок всяческое зло и любил, и проповедовал издавна, а не то что вдруг дал промашку. Ещё когда, ещё в 1907 то есть году, он восклицал:

*И в новый мир вступаю, знаю,
Что люди есть и есть дела,
Что путь ОТКРЫТ, НАВЕРНО, К РАЮ
ВСЕМ, КТО ИДЁТ ПУТЯМИ ЗЛА.*

На революцию – в частности, как раз с указанными оттенками, – он издавна и уповал, хотя от Фета-Жуковского отделился не сразу. Он уповал, что она, революция, хотя бы и своим злом уничтожает неравенство, грязь “интеллигентской” якобы жизни, пресечёт позор войны. Ещё он ждал явления миру, в силу Октября, каких-то человеко-артистов, одновременно одобрял и “торжество масс”. Он **не струсил** (запомните, Влад, это ведь важно и для интеллигента экзотично), когда разразился тот Октябрь – пускай свои собственные записи на данный счёт аккуратненько повыврезал и поуничтожил. Объясним это или попробуем объяснить позже; но Ленину и большевикам, будучи далеко не глупее, скажем, Егора Гайдара, доверял. Пусть он подлинно-коренного большевика-бойца, большевика-комиссара, большевика-окопника, красного партизана или строителя “железки” под Бояркой – пускай такого он не видал толком и объёмно не понимал. Пускай это его недочёты. Ну, а с вашей-то стороны, Влад, с вашей-то стороны – ну, разве не плоско с умненьким видом открывать Америку: что, например, при цунами и землетрясениях неизбежны проявления зла? Утверждать, будто “оказалось”, что **революция-цунами земному шару не нужна и едва ли полезна** – не плоскодонно ли? И поэтому, мол, умные люди должны были бы заранее в цунами “разочароваться”, испугаться его и куда-то убежать – в Ташкент, в Омск или куда...

Правда, считают ведь иные, что революция никакое не цунами – просто заговор и злодейство земных жуликов. Готов согласиться, но Влад. Новиков едва ли такой уж приверженец конспирологии, признаватель козней сионских мудрецов и тому подобного. Землетрясений не надо, и стоило бы их законодательно, через “Яблоко” или “Союз правых сил” запретить, и сомневаться в их вредности – уголовное, по французской юстиции, преступление.

* * *

А Блок вот, может, и заблуждался; но плоских объяснений необъятному и даже, пардон, неземному – он себе никогда не позволял. Да, радоваться после Октября он не всему радовался. Да, Гражданскую войну считал просто резней и **скукой**. Таких людей, как Павки Корчагина ли, Григории ли Мелеховы, Анны ли Погудко, Риты ли Устинович или Мишки Кошечевы, надмирный Блок не чувствовал изнутри. Разве Листницких, да и то без их военно-офицерской и казачьей струнки. Поэтому он и не замышлял ничего подобного “Тихому Дону”. Взвзвись за Живаго, Пастернаку бы он не уступил, но это ли мера...

Однако что особенно удручало поэта в поздние годы?

* * *

Больше всего удручало Блока в послеоктябрьской России и в себе – пускай и запоздало, но совсем иное, чем “скука”. Конечно, Блок всё же не знал с такой уж точностью, когда в нём кто начинается и когда кончается – немец, русский или ещё кто. И – конечно – в сладчайшей и музыкальнейшей своей лирике-мистике – в ней и через неё он напитал русский воздух не голландщиной. Тут и вправду было больше от Песни песней, от Гейне и Фета, от Владимира Соловьёва. Но сам-то он хотел от этого свободы! Он хотел наконец освободиться от того, что как раз этой сладостно-благоуханной традиции являло оборотную сторону медали!

УСЛЫШАВ ЗА СПИНОЙ СЕМЕНЯЩИЕ ШАЖКИ И ЗАПАХ ЧЕСНОКА – РАЗВЕРНУТЬСЯ И ДАТЬ В МОРДУ. Вот о чём он мечтал и на что не мог решиться перед Октябрём, будучи в плену буржуазных критиков и буржуазных издателей. Он тут доходил до крайностей. Ибо, мол, **не отбросы этого племени (они окружают только нас, они только в культуре), а ВСЯ НАЦИЯ ПАХНЕТ ТРУПОМ.** Таковы были блоковские и заветные, и совершенно чёрные мысли.

Это почище холокоуста. Там хотели злодейским способом очистить нацию от её отбросов. Там хотели избавиться только от мелких Менахемов Мендлов, от Тевье-молочников, от Йоселе-соловьёв и незаможных зачарованных портных; Эйнштейнов оставить, а новый град воздвигнуть только для избранных. А тут – у Блока – признание нечистыми всех!

И вот не успел разразиться цунами-Октябрь, как всё те же лица окружили Блока и опять стали поучать. Только на этот раз они пришли к поэту в кожаных куртках, в мужественных сапогах, хотя с теми же “аромами”. Как тут было не удручиться?

И вот нашёлся кто-то гадкий – скажем, дальний родственник поэта, “сатана и буржуа” Шульман, который прошептал:

– Вот вы, Александр Александрович, ненавидели буржуазных гешефтсмахеров? Вызывали на них чуму революции? И вы теперь видите всё те же лица у любезных вам сперва комиссаров. То есть получилось ещё хуже, чем было. Так вот я вам скажу следующее. Вы знаете, из кого вы будете все сами? Из кого вы сами, немцы якобы Блоки? Не из будущих комиссаров ли?

Резче подкосить человека с русскими вроде бы взглядами – но с болезненно антифранцузскими оттенками этих взглядов – было нельзя. И Блок подкосился и надломился.

Раньше-то он, чёрным образом ненавидя “нацию, насквозь пропахшую трупом” (какой шовинизм), толком не вдумывался в свою собственную фамилию. Не без причин сблизился, попытался сблизиться, с русскими Тельманами. За товарищами Тельманами сперва не заметил, а потом с огорчением заметил Клар Цеткин и Роз Люксембург и удручился (какое женоненавистничество). И вдруг – в себе самом распознал эти женские, скажем так, гены. И самое прискорбное, эти гены счёл ключом к своей сущности, удручился и усоп. Вот она, жизнь и смерть по-своему замечательного поэта-лирика, поэта-гражданина.

Уходя от нас, товарищ Блок не знал, что некая питерская “община” действительно придёт к его семье выразить ей соблезнование – в августе 1921 года – в связи с кончиной поэта, но по сугубому “национальному признаку”. А община явилась, и признак этот был национальный, но отнюдь не немецкий.

* * *

Вот жизнь и кончина замечательного, но заблудившегося человека. Вот, батенька, как разрушительна ксенофобия, если она снedaет вас изнутри (совершенно не русский случай, но он произошёл).

Володька Новиков, конечно, не знает греческого языка. Но слово “парадигма” ему наверняка знакомо. Русская парадигматика давно заготовила решение: родниться надо не по крови, а по духу. Разве не к этому звал интернационалист Гоголь, равно осудивший и предателя Андрия, и гешефтсмахера Янкеля?

Учув в себе самую кровь, якобы чуждую русскому духу, Блок потерял жизненную опору.

Ну при чём тут химера революции, с последствиями которой большевики сумели справиться, впрочем – ну, к 1937-му, ну, к 1940 и 1941 году. Зачем лаять на цунами, распускать о цунами порочащие слухи – мол, оно не гуманно. Зачем “протесты в адрес цунами и землетрясений”? Таковы ж революции всегда – включая и Великую Французскую – которую Влад. Новиков, как чуть ли не истый француз, почему-то клясть и развенчивать и не думает.

Причиной гибели поэта было не само цунами. Если уж исхитриться в доводах общего плана – то виновато было продолжавшееся и после цунами, им напрочь не приостановленное зачервивление наших верхов – к чему (так Блок было подумал) поэт был и сам кровно причастен, хотя субъективно червей и членистоногих ненавидел.

* * *

Итак, Блок не всё знал о себе. В стремленьях же своих он был поэтом русским. Как русский, он издавна желал сам и самолично увидеть **новое небо и новую землю**, он хотел вместить в русскую телесность вечную или давнюю форму-идею. Всё русское, что и впрямь было-таки поднято революцией-цунами, что было не уничтожено, а спасено революцией как кровавой, но очистительной для нутра рвотой – то русское, что тоже Блок знал не полностью, – оно автору книги о Блоке, очевидно, чуждо. Чужда ему и драма Блока – как закоренелого патриота.

Впрочем, подобные вам, батенька, авторы даже и русскую революцию тоже приветствовали, и они её даже воспевали. За что ж сегодня её преследуете вы?

А за то, что новая, не дай бог, революция лишит вас грантов, гонораров, стипендий во Франкфурты, Парижи и Калифорнии. Это будет по-русски, но это ж будет убийственно!

Да ещё опять окажется, что как ни крути, а всё равно

впереди — Исус Христос.

Но ведь это же крайне не опасно. Это крайне нежелательно. Христос — он прогрессивным интеллигентным человечеством оставлен далеко позади. Вот почему автор книги о Блоке не говорит о своём предмете всей правды.

А ведь чует её!

* * *

Чует правду — потому что правда и сейчас та же. Утонула ли, например, Россия Блока. Да нет: его незнакомки и дымки севера и сейчас ласкают слух и взгляд. На озёрах у дач всё по-старому:

*Над озером гремят уключины
И раздаётся женский визг.*

Сам Маяковский признавался, что это непотопляемо:

*на луже, зажатой берегом в бока,
орёт целуемая лодочникова дочка:
славное море, священный Байкал,
славный корабль, омулёвая бочка...*

Это было раннее советское время. Сейчас кое-что даже окрепло: к визгу Аллы Борисовны примкнул визг Филиппа Киркорова, визг былого борца с японским милитаризмом, ныне антисталиниста Млечина; примкнул дисканток Карловича-Сванидзе. Возникла уйма мужских визгов, уйма человеко-артистов: Остапов Бендеров, Хазановых, Жириновских, Веллеров... (Мы не шовинисты и даём многосоставную выборку.) Россия по-прежнему слышит орду ликующих и праздно болтающих, обагряющих руки в крови. Издатели Блока и его биографы то так же, как и раньше, безграмотны, то так же трусливы.

Но нам-то чего трусить? Ну, обнаружат в нас многогрешных четверть монгольской крови. Ну, найдут какую-то одну тысячную крови татарской; в падушую не вдарюсь, истерики не закачу, ногтей и локтей кусать не стану; и не обвиню Россию по причине своей собственной мужской неполноценности страшной тоталитаризма. Вот разве пожалеть, что **Блока на них нет, на сытых и изворотливых и семяющих у нас за спиной “пахучим шагом”, как выразился насчёт сионских высот несравненный интернационалист Пушкин.**

Однако и на Блока достойных его авторов — жалко — всё тоже нету и нету.

Не знаю, нынешний Влад. Новиков — тот ли он студент-аспирант Володька, которого я, бывало, встречал. До Высоцкого тот Володька дорости, конечно, мог — да правду насчёт Высоцкого как лжеесенина современности и “позднего совка” он и всегда чуял. А в Блоке — вот в нём схватить не то что тип человека, о чём мы говорили, но хотя бы его чрезвычайно высокий уровень передать, это Влад. Новикову не под силу. Он и половины путеводных по Блоку источников не знает: загляните в библиографию, что есть при его книге. Не читал он в подлиннике заветных блоковских дневников, достоверных изделий поэта, умных книг и статей о Блоке.

* * *

Боятся, боятся русской правды. Боятся правды о драме непутёвого, но русского человека (таков Блок, и мы ничего иного не внушали). Боятся русского пути; боятся русской революции. Землетрясения, вопреки собственной

контрпропаганде, выставляют как заговор античеловеческих сил. Казалось бы – революция как заговор есть химера. Да нет – всё боятся.

А это она ведь, она выводила в академики тех, кто рос в семьях питерских зубных техников или аптекарей. И уже в чинах, это они учили нас, как “презренных совков”, неизвестным им же самим греко-латинским премудростям. В старой Академии такое бы не прошло. А в новой это они уверяли, будто оказались в Соловках незаконно, а вели себя там по-русски; что православию опасно, а время печатанию “Слова о законе и благодати” не пришло; что слово “антропосфера” латинское, а “диалог” значит беседа двух лиц и поэтому нужно слово “полилог” ... И многие верили этому, как верили начитавшемуся западных газет академику Сахарову.

Что-то сегодня робеет народ – разоблачить их мнимую учёность; кто-то и сам их не выше. Ну, а какие такие чёрные силы им всем мешают подрасти интеллектуально и нравственно? Неужели виновато невидимо-вездесущее, глубоко законспирировавшее свой сыск и свою цензуру новое начальство?

Да не может быть.

МИХАИЛ РЯБИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРОЧКАМИ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА

*Трудно быть слепым, но намного
труднее притворяться немым.*

Сергей Козлов “Облака”

Ну, как не согласиться с писателем Сергеем Козловым, когда он пишет в своей книге “Облака”: “Раньше литература была заповедником. Словно я смотрел из-за забора, как прогуливаются по саду самолюбующиеся и веломудрые мэтры. Меня туда не пускали.

Теперь литература – это базар. Пестрый и разноголосый, разноязыкий базар, где все кому не лень суетятся, ваяют на потребу. Теперь – все писатели. Теперь нет читателей.

Я – читатель”.

Правда ваша, Сергей Сергеевич, чтение сегодня, пожалуй, доступно только профессионалам, если, конечно, таковые не увлечены, как большинство остальных, чтивом, да и то делят его с телевидением, Интернетом... Такой читатель, безусловно, отличается от читателя двадцатилетней-пятнадцатилетней давности, не говоря уже о временах более далеких, когда не было достойной альтернативы книге. Да и писатели стали другие. Надеюсь, никто не станет спорить: мы столько можем, сколько знаем... В “заповеднике” было меньше пустозвонства, а романы являлись на книжные полки читателей, как и подобает солидным произведениям, пухлыми и детальными, а главное – дельными! Сегодня предпочтительнее короткие, поскольку их можно быстрее прочесть... да и написать.

Сегодня стали почему-то забывать: настоящая книга – это больше, чем просто проведение времени, это – духовная Вселенная, дарованная нам вечностью. Хорошая книга передаётся из поколения в поколение. Поэтому чтение стоит над временем и является связующим звеном в эволюции истинной культуры, а не псевдокультуры... У Сергея Козлова по этому поводу в дневниковых записях есть следующее высказывание: “Я знаю наверняка – книгу по ее силе никогда не заменят ни телевизор, ни Интернет, ни любая другая суперсовременная информационная система, потому что в книге есть душа, есть разум, наделенный чувствами. Голая и сжатая информация навязывается не только для ускорения, но и для упрощения. А по сути – для оглупления”.

Сергей Козлов, автор десятков рассказов, нескольких повестей и романов – сам внимательный читатель и опытный психолог: для него самого и его

адресатов нет лучшей практики, чем чтение: больше читаешь, значит, больше изучаешь мир, состоящий не только из материи, но также из того, что было ее началом, если следовать Писанию. Все писатели еще и читатели, причем, читатели искушенные змеиной мудростью до такой степени, что в попытке самовыражения они берут пример с Федора Михайловича Достоевского, сделавшего достоянием читателей свой дневник писателя. Может, для кого-то дневниковые записи слишком интимны, но для самых искренних — чего уж им скрывать, грешным, в своей исповедальности! — всего лишь продолжение мыслей и чувств. Для Сергея Козлова важнее всего выложиться до конца. Его “Облака” поражают нас тонкой наблюдательностью, интимностью и глубиной мысли человека не только думающего, но и немало выстрадавшего. Не оттого ли он пытается пробиться к читателю и вступить с ним в диалог?

И что, скажите, здесь плохого, если люди читают и обмениваются мнениями? Наоборот, это способствует развитию интереса к чтению. Сергей Козлов не похож на старовера, предпочитающего в писательском деле только ручку и лист бумаги. Как всякий современный человек, он продвинутый пользователь Интернета, который так по нраву нашей молодежи, и считает, очевидно, что очень скоро в мировой сети еще более интенсивное развитие получат писательские блоги. Может быть, пока они и не заменяют книги, но уж точно, по крайней мере, вызывают желание познакомиться с авторскими произведениями в печати. Так он в интернетовском городе-филграде занимает довольно-таки широкую улицу и приглашает в гости тех писателей, кто, по его мнению, заслуживает прописки в этой виртуальной реальности.

В книгах Сергея Козлова речь порою заходит о детях-подростках и молодых людях. Они — главные персонажи. Их личность, характер еще не до конца сформированы. Их мир открыт будущему, поэтому интересен вдвойне. Вряд ли кто поверит, если сказать, что проза Сергея Козлова связана со сказочным началом в его творчестве. Но в том-то и дело, что его герои — порою, кажется, излишне жесткие, порою — категоричные или рефлексирующие, интеллектуально-вычурные и совсем простые в обхождении с другими из-за собственной примитивности, — прежде всего люди, страдающие и ожидающие чудесного окончания своим страданиям, какого-то счастливого сказочного конца. Может быть, на самом деле жизнь трагичнее, чем судьбы героев Сергея Козлова именно в тот момент, когда, только привыкнув к ним и даже полюбив их, мы вынуждены уже прощаться с ними. Но, оторвав свой взгляд от книги, мы видим уже наяву похожих людей: так авторская сказка становится реальностью. И вот мы, очнувшись от гипноза писательских идей, продолжаем брести в прежнем направлении, открещиваясь от мыслей писателя-проповедника. Кто-то даже, возможно, ругнется в его сторону: ишь, ты, тоже мне учитель жизни нашелся, напридумал, понимаешь, всяческих фантазий, а ты раслебывай здесь за него... Сами с усами, жизнь прожить — не поле перейти, и никакая книга ее не заменит...

И как объяснишь такому читателю, что и не принуждал его ни к чему писатель Сергей Козлов, а лишь наводил на мысль о том, что где-то в уголке души у каждого из нас есть заповедное место, где хранятся, как в библиотеке на полках книги, страдания и фантазии, мысли и свершившиеся поступки — греховные и добродетельные — наших родителей, дедов и прадедов, все то, что мы определяем как родовую память. И если всколыхнется она в нас после прочтения книги писателя, значит, дошла до нас магия творчества художника — нет... так и на “нет” суда нет, кроме Высшего, разумеется...

Раньше читателя было трудно провести за нос: он чуял за версту графоманов, сейчас сложнее — публика потеряла нюх на истинную литературу. Отечественное просвещение возрастает на органических удобрениях беллетристики, и представители массовой культуры в этом не хотят замечать ничего трагического для нашего общества.

А между тем наша духовная несостоятельность сегодня заключена в простой истине: мы в большинстве своем малограмотные читатели. Можно, конечно, винить время, а можно — себя. Ведь только больные люди обречены на уринотерапию и капрофилию, а художественную литературу нельзя проглатывать не жуя и уж точно — не пробуя на вкус... Но почему же мы, считающие себя нормальными, самостоятельными людьми постоянно поглощаем очередную порцию словесной шизофрении? У кого мы должны учиться Слову, кроме как не у Бога? Наверное, еще и у Его пророков, поскольку они переводят нам

с высокого языка на более привычный нашему скорбному слуху. Истинный, а, следовательно, честный пред нами писатель — не святой, но один из главных таких переводчиков. Он резонер многих духовных откровений. Для этого у него нет необходимости заигрывать с чернью, нравиться читателям, особенно молодежи — не та миссия возложена на него, чтобы удивлять нас бессмысленностью речи: расстройством ассоциаций, скачками мысли, разрушением связанности текста, хаотичностью синтаксических построений, словесной окрошкой. За настоящим писателем стоят судьбы людей и не простая история нашей сегодняшней страны, поэтому чаще всего его собственное “я” отходит в сторону: само древо нашей государственности и нации первостепенней, и настоящему художнику не надо объяснять, что он — лишь часть этого дерева. Вместе с ним мы — не сами по себе; за нами много невысказанного, пережитого многими поколениями. Только как вот отличить истинно страдающую за Россию писательскую душу от поддельной, крестящейся налево и направо по любому поводу, — нашим читателям еще не так просто. Сколько развелось нынче махровых ура-патриотов, перенявших выстраданную народную фразеологию и неплохо зарабатывающих на этом? “По делам их узнаете...” Но ведь истинный гений и страдалец за свой народ никогда не унижится до шаблона, ведь так? Он всегда прилежный ученик, не дающий себе передышки для того, чтобы почивать на лаврах. И он никогда не станет, как когда-то Игорь Северянин, провозглашать себя гением — и уж точно не станет оплевывать своих товарищей по литературному цеху: достаточно одного запаха мускуса, исходящего от его строк, чтобы понять, кто он есть на самом деле...

Если смотреть на писательский труд не сверху вниз, то есть как на ремесло, с помощью которого просто зарабатываются деньги, а снизу вверх, то это даже не труд, а служение Отечеству, подобное пушкинскому. Тот, кто служит по России, не станет настойчиво внушать своим согражданам комплекс вины — за Ленина, за Сталина, за большевиков... Требование всенародного покаяния в грехах, раскаяния в нашей истории повлечет за собой еще один смертный грех — отступничество. Пониманием и любовью можно спастись, но не обвинениями своего народа в страшных преступлениях минувших эпох. К сожалению, не перевелись еще умельцы от пера, внушающие нам, читателям, мысли о том, что мы не смиренны, не покаянны, и нам не об участии в собственной судьбе нужно думать, а об осознании своей греховности. Но русский писатель потому и русский, что не поучает свой народ, а разделяет его страдания и вместе с ним отыскивает единственно правильный путь. Это — совсем иной, гораздо более высокий уровень понимания всего происходящего. А вшивый рынок литературы всегда был, есть, и, как это не прискорбно, наверное, будет. Но он, как это справедливо заметил еще А. С. Пушкин, умеет работать с теми, кто продаётся. Но тот, кто продаётся, тот и покупается. Сегодня одним, а завтра — другим... Если государство не хочет собственного развала, оно должно покровительствовать талантливым творческим силам — писателям-мыслителям. На Руси искони повелось: настоящий художник — это не ремесло, а призвание. Избранничество мастеров немислимо без национального самосознания. Любовь к России не продается, потому-то талантливые и честные художники Слова никогда не были продажными...

Все, совершенное тобой, к тебе же и вернется...

“ОДНОРАЗОВАЯ ПОСУДА” И ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

В октябре этого года состоялась встреча нашего премьера В. Путина с известными изготовителями коммерческого чтива Д. Дашковой, Т. Устиновой, А. Марининой, С. Лукьяненко, С. Минаевым, М. Веллером и другими борзописцами, и среди них (как пишет В. Бондаренко в статье “Палёная” литература”, которую мы предлагаем читателям) “затесался один серьёзный писатель Захар Прилепин”.

Однако существование такого рода литературы — дело обычное, начавшееся в России ещё в пушкинскую эпоху, когда рыночные нравы буржуазной демократической Европы, хлынувшие в русскую журнальную и книжную жизнь и неизвестная России доселе агрессия массовой культуры ошеломили Пушкина. Ну как ему с его вкусом было не возмутиться, когда отечественный книжный рынок разом переполнился сочинениями о знатных европейских шлохах, о палачах, о шпионах, авантюристах и провокаторах и прочих “героях” нового времени!

Ещё за два века до нынешнего господства пошлейших телесериалов, кровавых детективов, мелодраматических женских романов, высосанных из пальца “фэнтези” и прочего “мыла” великий поэт почувствовал смрадный запах растления, исходивший из этой помойки, и бросил в лицо европейской бевосовщине и отечественной черни (которая, как нынешний “пипл”, “хавала” зарубежное варевое) свою пушкинскую перчатку: “Явилась толпа людей тёмных с позорными своими сказаниями, но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клеймёного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нём искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его “Записок”, кажется, несомнителен” (“О записках палача Самсона”).

На этом позорном фоне публичная судьба многих великих произведений русской литературы и первого русского литературного журнала “Современник” поначалу казалась плачевной.

В 1836 году вышло четыре тома “Современника”. Два первых тиражом 2400 экземпляров, из которых разошлось не более трети, а тираж четвёртого по причине малого спроса снизился почти втрое. После гибели Пушкина журнал стал постепенно чахнуть, и когда он перешёл к Некрасову, у “Современника” оставалось всего лишь 233 подписчика.

А между тем журнал был любимым детищем Пушкина. Во многих письмах последнего года жизни — жене, друзьям, издателям — поэт с волнением и восторгом рассказывал о каждом из номеров, расхваливал авторов, ругался с книготорговцами и недругами-журналистами. Его шедевры — “Скупой рыцарь”, “Родословная моего героя”, “Капитанская дочка”, “Медный всадник”, “Путешествие в Арзрум” — печатаются в “Современнике”. Рядом с повестями Гоголя, стихотворениями Тютчева, Жуковского, Боратынского, Кольцова, Лермонтова, Дениса Давыдова. Какие имена! Казалось бы, нарахват должен идти журнал!

Но всё было тщетно. Грамотная светская чернь уже была увлечена бульварным чтивом Булгарина, крикливыми антипушкинскими статьями Греча и Полевого, трескучими стихами Бенедиктова, ходульной прозой Марлинского и, конечно же, коммерческими романами французских сочинителей, о которых поэт в 1834 году написал с беспощадной язвительностью: “*Легкомысленная невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толкаться по передним вельмож, они в их стремлении к низости (! — Ст. К.) обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями (! — Ст. К.), но с одной целью: выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!*”

Сказано не в бровь, а в глаз о сочинителях такого типа всех времён и народов, в том числе и тех, с которыми недавно встречался В. Путин...

После отмены крепостного права последовал новый всплеск книжной бульварщины, приведший в отчаянье взявшего в свои руки пушкинский “Современник” Некрасова, вскоре возмечтавшего о “желанном времечке”, “когда народ не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесёт”.

В эпоху Александра Освободителя и его сына Александра III с известностью Достоевского и Чехова успешно конкурировали бульварные сочинители Крестовский, Шеллер-Михайловский, Буренин, Потапенко, Измайлов и прочие. Их было много. Имя им легион. Но где они сейчас?

Следующее поколение массовых потребителей чтива питалось отнюдь не прозой Бунина, а романами Арцибашева, Василия Немировича-Данченко и Лидии Чарской.

А сколько всякой литературной дряни и подённости вышло после оживления буржуазных нравов в короткое десятилетие нэпа!

Так что целый век со времён Пушкина до тридцатых годов XX века Россия в потреблении “чтива” усилению догоняла Запад. Чтиво это, если переосмыслить Вл. Маяковского, “пресволочнейшая штуковина — существует и ни в зуб ногой”... А сегодня оно стало не литературой, а шоу-бизнесом, опирающимся на мощь всех российских радио- и телеканалов, на неограниченные возможности киноиндустрии, на громадные спонсорские средства.

И, однако, во всей этой печальной картине была одна обнадеживающая черта. Невозможно было себе представить, чтобы император Николай I пригласил бы к себе для разговора о роли писателя в России не Пушкина, а Булгарина. А ведь кроме той исторической встречи, после которой самодержец сказал, что “встречался с умнейшим мужем России”, Николай I оставил весьма глубокие суждения о романе Лермонтова “Герой нашего времени”. (о популярнейшем Бестужеве-Марлинском не произнёс ни слова). И сочинения Гоголя прозвели большое впечатление на царя, его семью и его ближайшее окружение. Вспомним также, что ко двору в ту эпоху были приближены не Греч с Кукольниковом, а Карамзин и Жуковский. А в предреформенную и послереформенную эпоху вкусы двора и придворной элиты во многом формировали Тютчев, А. К. Толстой и даже Фёдор Михайлович Достоевский со Львом Николаевичем Толстым. Эти традиции взаимоотношений великой русской литературы с властью воскресли в XX веке в сталинское время, когда вождь озаботился не знакомствами с бульварной продукцией какого-нибудь Пантелеймона Романова, Мариэтты Шагинян или Николая Шпанова, а судьбами и творчеством Горького, Шолохова, Булгакова, Пастернака, Маяковского... Какие бы тиражи, гонорары и временные успехи ни были в России у всяческих булгаринных, бальмонтов и веллеров, всё равно в конечном счёте русскую мысль, русскую историю, русскую жизнь развивали и двигали в будущее не сочинения духовных импотентов, а Пушкин и Гоголь, Тютчев и Достоевский, Есенин и Шолохов, Николай Рубцов и Валентин Распутин.

Жаль, что во время встречи с изготовителями фальшивой литературы В. Путин не вспомнил эту российскую особенность взаимоотношений людей искусства с людьми власти. Правда, спасаясь от их наглого напора и требования денег для поддержки издательств, выпускающих “фальшаки”, он, руководствуясь правильным инстинктом, вспомнил о судьбе “коммерческого” романа Александра Дюма “Три мушкетёра”. Сказать бы ещё ему, что это сверхпопулярное произведение стало любимым чтением юношества всех вре-

мён и народов, что оно не умирает вот уже два века, что персонажи романа Дюма стали именами нарицательными, что оно написано с блистательным талантом в отличие от подделок, которые, как бабочки-подёнки, погибают на другой день после своего рождения, и “пилл”, который “хавает”, тут же забывает названия бесконечной вереницы романов какой-нибудь Устиновой или Донцовой и тем более никогда уже не вспомнит имена персонажей “палёной литературы”.

Нет, в советскую эпоху литература, которую тоже можно было бы назвать “коммерческой” и “сверхтиражной”, всё-таки была куда более значительной, если вспомнить “Двенадцать стульев” и “Золотого телёнка”, романы Валентина Пикуля или даже Юлиана Семёнова с Иваном Швецовым.

Нам хочется добавить к размышлениям В. Бондаренко, что просьба писателей-миллионеров не помогать им, а помогать издательствам, которые выплачивают им же баснословные гонорары, похожа на просьбу олигархов, которые во время кризиса попросили наших властителей не помогать лично им, мы, мол, с голоду не погрём, а помогать всего лишь навсего банкам, которые их финансируют...

Впрочем, отрадно заметить, что вкус популярного критика развивается. Он уже публично разочаровался в своём кумире 90-х годов “патриоте” А. Невзорове. Возможно, что в скором времени разочаруется и в “патриоте” Лимонове, ныне заключившим в политические объятия двух мерзейших персонажей ельцинской эпохи — Немцова и Касьянова (“Мишку два процента”).

Когда-то В. Бондаренко написал пронизательную статью “Порча” — о нравственной деградации Виктора Астафьева. “Порча” — это вирусное заболевание, от которого писатели не застрахованы. Возможно, что в недалёком будущем В. Бондаренко разочаруется и в творчестве Бродского. И — страшно подумать — в творчестве Солженицына, которого в недавнее время он называл “великим человеком”, “пророком”, “планетарным писателем”. Ведь посмертное наследие писателей со временем тоже подвергается “порче”.

А вообще-то вложение государственных средств в издание творческого наследия Пушкина, Есенина, Шолохова, Рубцова подобно вложению в фундаментальную науку, затраты на которую порой окупаются лишь в исторически длительные, а не сиюминутные сроки и рано или поздно формируют самосознание нации.

Ст. Куняев

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПАЛЁНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сначала я просто хотел отмахнуться от этой встречи: встретились коммерческие авторы в рамках книгоиздательского съезда с премьер-министром, ну и ладно. Миллионные гонорары королей бульварного рынка? Они к литературе никакого отношения не имеют. Затесался в толпу бульварных авторов один серьёзный писатель Захар Прилепин, но и тот свои острые вопросы задавал не на литературные темы.

Думаю, в список королей книжного рынка Захар Прилепин попал не случайно. Его тиражи сейчас и на самом деле близки к тиражам Лукьяненко или Минаева. Вполне допускаю, тот, кто отбирал участников встречи, учитывал **прежде всего** тиражи печатаемых книг автора. И тогда талант как бы и не при чем. Приглашены тиражные, рыночные писатели: Захар Прилепин, Сергей Минаев, Михаил Веллер, Сергей Лукьяненко, Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Александра Маринина, Павел Санаев... Не понимаю, что там делал архимандрит Тихон. Ни слов осуждения, ни слов восторга от него не прозвучало.

Размах встречи и её резонанс оказался такой, что отмахнуться уже нельзя, да и оставить без внимания эту операцию подмены реальной литературы – литературой палёной невозможно. То внимание, которое было придано встрече всеми средствами массовой информации, мгновенное переименование всех её участников в “ведущих писателей России”, на меня произвело самое шоковое впечатление. Верх и низ перевернули. Черное стало белым. Бахтинский карнавал.

Одно дело, если бы на встрече присутствовали тот же Захар Прилепин и Дмитрий Быков, Владимир Маканин и Владимир Личутин, Марина Струкова и Юрий Поляков, Александр Проханов и Анатолий Ким, Глеб Горбовский и Александр Кушнер, писатели самых разных взглядов и направлений, определяющие состояние всей современной русской литературы. Тогда можно было бы говорить о повороте в культурной политике страны, о каком-то начинающемся духовном подъеме государства.

Но когда писателями всея Руси нам нагло называют пошляков и борзописцев, успешных авторов фэнтези и уличных карманных детективов, типа Устиновой или Минаева, меня от такой подмены начинает тошнить. Уже на следующий день Татьяна Устинова и Дарья Донцова не слезают с экрана. Вот они – наши “Белинские и Гоголи”, вот кого несут сегодня с базара прямо в приемную Владимира Путина.

Я смотрю, как не спеша, под себя, под собственный вкус подстраивает наш будущий президент критерии русской литературы. Вначале рядом с ним присутствовали Валентин Распутин, Даниил Гранин, Юрий Поляков. Потом начинают где-то мелькать та же Татьяна Устинова и Михаил Веллер. И вот, наконец, наш лидер показал ту литературу, которая ему близка. На которую он и будет равняться. Дарья Донцова тут же упрекнула премьер-министра, что он на съезде книгоиздателей высказался о “легком чтиве”. “За нами миллионы читателей”, – сказала Донцова, уточнив, что тиражи каждого из этих авторов ежемесячно составляют 1,2 млн экземпляров.

“Если как прозвучало, приношу свои извинения”, – сказал Путин. И добавил: “Александра Дюма тоже считали автором, который производит “легкое чтение”, и говорили, что его завтра забудут. Но мы все читаем, я сам зачитывался этой книжкой (“Три мушкетера”. – **Ред.**) до безумия”, – добавил премьер.

Вообще-то миллионы читателей есть и у любой порнухи, у дешевых комиксов, миллионы зрителей есть и у педофильских роликов; как, Владимир Владимирович, – будем на них равняться? Более чем сомнительные аргументы. Пушкину было далеко до тиражей Булгарина. Тиражи Жарова и Безыменского превышали тиражи всех гениев Серебряного века, Рубцову было далеко до тиражей Андрея Дементьева.

Далее осознанную линию на отказ писателей от любой государственной поддержки продолжил, пожалуй, самый легковесный и пошловатый автор Сергей Минаев. Он уже как бы и от имени всего государства, и от всех писателей заявил о прекращении любой государственной поддержки литературы. Зачем нам убыточные Мандельштамы и Леониды Леоновы? **“Ребята, вы напишите такие книги, чтобы они были проданы тиражом не менее 200 тыс. И вам не нужны будут ни премьер-министры, ни Союз писателей, потому что завтра, Владимир Владимирович (если мы сейчас в этом русле будем говорить) хитроумные чиновники протащат через кучу посредников на Ваш стол нацпроект “Малая земля-2” с грантом в 1 млн долларов... Мы хотим жить в России, и поэтому, как только начинаются заказы на патриотизм, я просто... Мой роман “Духлесс” был продан тиражом в 700 тыс. копий в первый год, у Захара тоже был очень большой тираж. На самом деле у писателя с властью взаимоотношения никакого быть не может, не надо писателя кормить: мы это проходили уже, надо защищать наших издателей, которые дают нам зарабатывать”**.

Вот это уже, мне кажется, начинается тотальное уничтожение всей русской литературы как таковой. Везде, во все времена, во всем мире, все ПЕН-центры, все объединения писателей существовали с царских времен для того, чтобы поддерживать писателя. Увы, настоящая литература часто бывает убыточна. Убыточны и левые, и правые, убыточен и Иосиф Бродский, и Юрий Кузнецов, и Юрий Домбровский, и Варлам Шаламов. И мне кажется, что эта встреча Путина с писателями состоялась именно в таком формате, чтобы можно было убедительно потом сказать: сами писатели отказываются от помощи государства. Литературе не нужна государственная поддержка.

В поддержку Сергея Минаева сразу же выступила еще одна бульварная королева, Дарья Донцова: “Минаев абсолютно правильно сказал. Нас не надо кормить, мы сами себя прокормим”.

Сергей Минаев: “Абсолютно правильно, нас прокормят наши издатели”. Дарья Донцова: **“Вы помогите нашим издателям, вот это действительно абсолютную правду он сказал. А Союз писателей, простите, пожалуйста, был создан Горьким специально по заказу Сталина, чтобы управлять этими писателями”**.

Какая же литература нужна нашему премьер-министру? Исключительно рыночная, никаких тебе Достоевских и Гоголей, никаких Распутиных и Бородиных.

Как-то в былые времена наши фантасты и детективщики, наши беллетристы при всех своих миллионных тиражах знали своё место, не подменяли собой всю литературу.

Путин даже ужесточил требование Минаева и Донцовой. Дарья Донцова посоветовала ему хоть раз сфотографироваться на фоне книжного магазина с книжкой в руках:

“Я Вас ни разу не видела на открытии книжного магазина, никогда. Я просто не видела. Я специально просмотрела интернет. Я нашла одно маленькое интервью, где Вы говорили, что любите Тургенева и Хемингуэя, если не ошибаюсь, и всё. Вы были на Московской книжной ярмарке один раз. Мне кажется, что если наше высшее чиновничество возьмет с Вас пример, а они возьмут с Вас пример (хотя бы из подхалимства), и возьмут в руки, так и быть, книгу... Нельзя заставить читать, но если читает начальство, может быть, будут читать книги. Причём неважно, чтобы это были обязательно советские, русские писатели, читайте любую книгу, возьмите в руки любую книгу и читайте”.

Я понимаю, что Донцова хотела бы увидеть Путина прежде всего с её книжкой в руках. Но в целом я с этим предложением Донцовой более чем согласен. В советские времена в докладах Брежнева или Хрущева были цитаты из русских классиков. И так по команде шло до самого низа. Если бы Путин хоть раз процитировал Юрия Кузнецова или Рубцова, хоть бы раз показал на экране, какие книги он читает, мгновенно, вплоть до мелкого городка, чиновники начали бы цитировать стихи местных поэтов и заходить в книжные магазины. Меня абсолютно убил ответ Владимира Путина. Думаю, он сам не понимает, до какой пошлости он докатился. Вот его ответ: “Уверяю вас, те, кто производит молоко, просят меня почаще появляться со стаканом молока. Те, кто производит мясо, хотят, чтобы чаще видели, как я ем отечественное мясо, и так далее. Вы зря смеетесь, честное слово, так и говорят об этом, так и просят...”

Для него что великая поэзия, что кусок колбасы – одно и то же. Литературу наш лидер приравнял к мясомолочным продуктам, чего еще русским писателям от него ждать?

У Донцовой, Минаева, Устиновой и иже с ними и на самом деле миллионные тиражи. Бульварной литературе помощь не нужна. Рыночное искусство проживет и само.

У книжек про Гарри Поттера тиражи еще больше, но значит ли это, что в США, Франции или Германии не оказывают своей национальной литературе весомую поддержку? Оказывают, и еще какую. Наши же рыночные литераторов, получается, волнует только проблема полной свободы. Ах, как переживала за свою полную свободу Татьяна Устинова, чуть самого Путина в объятьях не раздавила, выдавливая из него эту желанную свободу.

Татьяна Устинова: “Я про свободу два слова хотела сказать, очень уж интересно. На самом деле 20 лет с небольшим, что существует новая Россия, новая российская литература была абсолютно свободной, то есть мы писали и пишем, собственнo говоря, абсолютно всё, что хотим, у нас нет никакой цензуры, ну, по крайней мере, у меня, я не знаю, как у остальных. Минаев (обращаясь к С. С. Минаеву), у тебя есть?” Сергей Минаев: “У меня никогда в жизни её не было”.

Дарья Донцова: “У меня тоже нет”. (Какие у нас, однако, свободные писатели завелись, только для чего им в их бульварной литературе нужна свобода? Разве что для полноты сексуальных сцен, больше никаких проблем в их книгах нет, ни социальных, ни политических. Вот бы когда Прилепину добавить пару слов про лимоновцев.) Татьяна Устинова: “Нас никто как-то не проверяет и не контролирует, вот эта страшная вся история цензурная как-то об-

ходит нас стороной... мы действительно все рефлекслирующие, мы действительно все сумасшедшие, и мы действительно такие все немножко с содранной кожей, какие бы мы ни были коммерчески успешные... Мне бы очень хотелось, чтобы так оставалось и дальше, и всегда, чтобы мы были свободны в том, что мы делаем. Это очень важно, это гораздо важнее, чем любые творческие союзы и возможность в них получить мандат МАССОЛИТа, понимаете? Это гораздо важнее, и я надеюсь, что как-то так оно и будет в этой стране..."

Интересно, почему у всех коммерческих дельцов не "наша страна", а "эта страна"? Само собой выскакивает. Меня поражает еще их общая наглость: кто им дал право говорить от имени всей русской литературы? Кучка коммерческих рыночных дельцов вдруг решает, у кого была свобода, у кого — нет. У кого большие тиражи и большие деньги, тот и писатель. Всё, что надо, они заработают. Когда подряд четвертый рыночник из них тоже заговорил о том, что они сами сколько надо зарабатывают, мне даже смешно стало. Неужели Путин не понимает, что это — не литература. И рыночный язык этот, о том, сколько каждый из них заработает, не для серьезного разговора о реальной литературе.

Смысл этой рыночной встречи с рыночными писателями и был лишь один: отказать отечественной русской литературе в любой поддержке. И на самом деле, прав Минаев. Если ты такой талантливый, что же не пишешь книжки, которые будут выходить тиражом 200 тысяч экземпляров? Тиражи у нашей бульварной литературы выше, чем у всей русской классики, вместе взятой. Марине Цветаевой бы сказать в эмиграции или Андрею Платонову: чего вы не пишете книжки под тираж 200 тысяч? Пусть и вешаются себе на здоровье. У нас ведь рынок, нам всё равно, колбаса ли дешевая, молоко из порошка или книжки Устиновой и Марининой. Нам в России, согласно заверениям Владимира Путина, больше ничего и не надо. Как говорил Артемий Троицкий, каждый решает сам: в тюрьме сидеть или в джакузи? Вот и писателям вместо высокой лирики и сложных романов надо писать примитивные бульварные сюжеты.

Вроде бы даже и попробовал Владимир Путин с ними заговорить о патриотизме (забыл, в какое общество писателей он попал), но его быстро укоротили. *"Что касается патриотизма, то... поддерживать какие-то направления работы — это, конечно, можно, но это очень сложная задача, потому что, действительно, к этому процессу сразу могут примазаться многочисленные люди из различного уровня аппаратов, которые всегда обоснуют, что нужно дать денег Иванову, Петрову, а не Сидорову. И это очень сложный процесс. Хотя можно было бы подумать на тему о том, чтобы организовать какой-то процесс поддержки через профессиональное творческое сообщество — так же, как по линии кинематографии мы сделали"*.

Роман Злотников: "Не надо! Такая будет банка с пауками. Ни в коем случае".

Реплика: Банка с писателями хуже, чем с пауками.

В. В. Путин: "Такая проблема существует".

Роман Злотников: "Сами заработаем, не волнуйтесь".

В. В. Путин: "Я и не волнуюсь, я просто отвечаю на то, что здесь прозвучало".

Как они все подряд хвастаются перед Путиным своими высокими заработками. Почему же наша достойная литература живет впроголодь? Злотников сам зарабатывает своими "Империями", Минаев пошлейшим "Духлессом", Устинова с Донцовой — примитивнейшими детективами. И какое им всем дело России, до патриотизма и даже до литературы?

И потому главный итог встречи — это не острый вопрос Захара Прилепина о каком-то нефтепродавце из окружения Путина, а подмена литературы псевдолитературой.

Уже и на экране мы читаем — ведущие русские писатели... Уже и книги их выставлены в первые ряды всех книжных магазинов. Палёная литература заняла первые ряды.

У нас долго боролись с паленой водкой, как всегда, недоборолись. Возникла проблема страшнее, никакого развития общества не будет, никакого развития идей не будет. Сначала у нас уничтожили живую реальную политику, теперь на этой печально знаменитой встрече решили уничтожить реальную русскую литературу, заменив её рыночным эрзацем. Нет теперь ни Проханова, ни Белова, есть псевдописатели Минаев, Веллер, Устинова, Донцова, Маринина и примкнувший к ним Захар Прилепин.

"Скучно на этом свете, господа!" — как сказал нерыночный писатель Николай Васильевич Гоголь...

Здравствуйте, душевничимый Станислав Юрьевич!

На днях прочитал последние номера журнала. Сергей Козлов, Сергей Луцкий, Елена Габова, молодёжь – как на подбор. Поэты, особенно: Виктор Дронников, Юрий Щербаков, Марина Шамсутдинова, Анна Матасова. А о публицистике и говорить нечего, это как всегда. Конечно, выделяются Борис Ключников, Ирина Медведева и Татьяна Шишова. А то, о чём пишет Владимир Попов в “Между Марксом и Макиавелли” (12-й номер), и есть главный предмет моих размышлений последние пару лет: “Пестуется популяция социализированных биороботов с усечённым интеллектом, не обременённых потребностью понять и изменить окружающий его мир”. Конечно, выделяются Сергей Семанов (дочитывал его “Русское национальное самосознание и Государство Российское”, чуть не плача). Понравились главы книги Сергея Станиславовича, проработанная вещь. И удивило исследование по поводу есенинского “До свиданья, друг мой, до свиданья...” Считаю, что автор всё сумел неотразимо аргументировать. Почему я сам не мог взглянуть на это стихотворение с такой вот стороны?

И надо сказать о работе Александра Ивановича Казинцева “Возвращение масс”. Я давно её читаю, но пока речь шла о делах иностранных, читалось это всё с чувством регистратора, отстранённого, не имеющего возможности сверить с собственными ощущениями. Когда же речь зашла о России (видимо, и автора это подогрело тоже), то стало ясно, какая это масштабная вещь.

Действительно, мало кто говорит о том, что государство и народ сегодня находятся в системном противоречии, что это накладывает неизгладимый отпечаток на самосознание власти и уродует её деятельность, отрывает её от действительности. Интересы властной корпорации непоправимо отличны от интересов национальных, и она, осознанно или в силу субъективного положения, работает на себя, но против национальной истории. Это глубоко кризисная ситуация, когда людей всё жёстче удерживают в повиновении, держа репрессивный аппарат на их же деньги. Это “иностранное” иго, ярмо. Все мы теперь, кто не чиновник и крупный бизнесмен, обеспечивающий власть материально, – гастарбайтеры, у которых нет прав, а значит, и нет моральных обязанностей. Отсюда такая анемия в обществе. А чтобы не произошло взрыва – пестуется новая популяция.

И вот так разжевать всё это получилось только у Казинцева. Значит, его книга – явление историческое, которое будут вспоминать, как вспоминают труды, скажем, Чернышевского.

Прочёл и статью Зюганова. Тон её жёстче, чем до выборов, и выводы правильные. Ведь победа КПРФ была бы уже в том, чтобы росли её выборные проценты. Это проблематично, если учитывать правдивость результатов. Но сегодня партия эта – единственная сила, которая и должна “намотать” на себя все без исключения “правильные” силы. Я бы объявил (если такое возможно) расширенный набор в КПРФ. Количество членов партии – вот цифра, которую не подтасуешь. Её постоянное увеличение – единственный сигнал, который власть должна будет услышать. Голосуешь за КПРФ? Вступай

в партию! Это количественный подход в ущерб качеству, но можно сделать два, три “этажа”, о чём будут осведомлены, кому надо, в руководстве. Просто каждый, кто что-нибудь думает и чувствует, должен посчитать членство своей обязанностью. Это тот минимум, который вожди вправе требовать от каждого соотечественника. Пусть даже он просто числится и два раза в год придёт на демонстрацию или хоть на обочину дороги, по которой она идёт. Не требуется орать, швырять камни, говорить вслух на работе. Просто присутствуй, молча демонстрируй свой выбор. Чем больше партия, тем в ней спокойнее, в личном смысле. Пусть даже она не будет красной, а будет “розовой”, лишь бы была большой и не триколоровой.

Я ни черта не знаю о реалиях, только догадываюсь, как умею. Я сам вступлю в КПРФ, если меня, такого “социально близкого”, примут. Думаю, на самом деле всё довольно плохо: в партии действует тот же закон разделения верха и низа, что и в стране в целом. Плюс конъюнктура, плюс ФСБ. И единственная правда в том, что кто-то должен жизнью подтверждать свои идеалы. Девяносто третий был кровав, любое обратное политическое перемещение будет намного более кровавым. Язов со товарищи могли обойтись малой кровью и тех, чьей не жалко. Теперь же нужны святомученики. И много.

Желаю Вам доброго здоровья! До свиданья.

*С уважением, **Максим Ершов**
Самарская область*